

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

Полное
собрание
сочинений

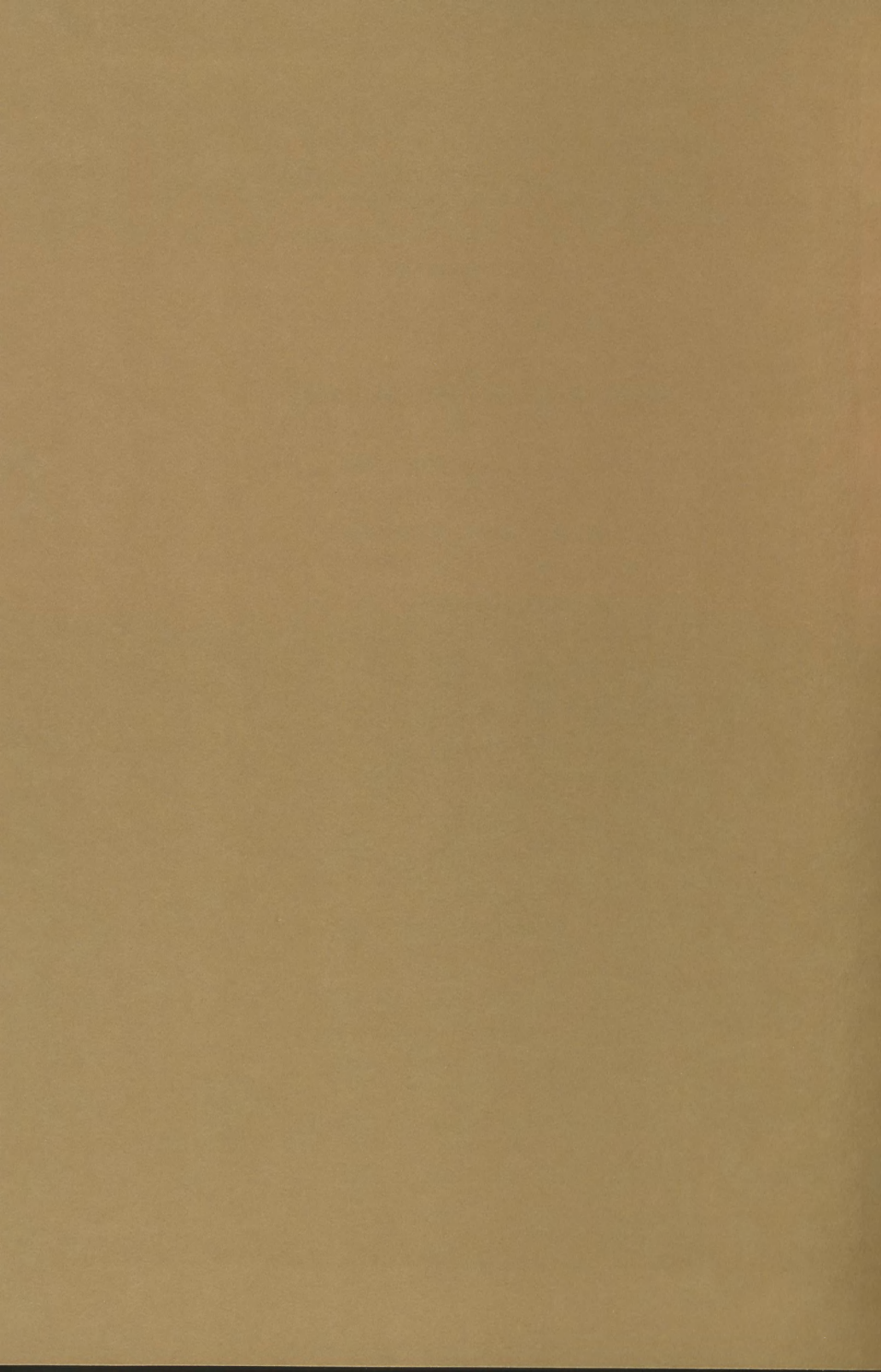
Астрид
Линдгрэн

Братья
Львиное Сердце
Ронья, дочь
разбойника
Мию,
мой Мио!

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

Мисс, мой Мисс!

•

*Братья
Львиное Сердце*

•

*Ронья,
дочь разбойника*

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"

2001

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

© Lindgren Astrid. Mio, Min Mio 1954,
Bröderna Lejonhjärta 1973, Ronja Rövardotter 1981.
First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

© ill. Ilon Wikland. Mio, Min Mio 1954,
Bröderna Lejonhjärta 1973, Ronja Rövardotter 1981.

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (Kerstin Kvint) за помощь
в приобретении прав на произведения А. Линдгрен

Оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрации Илон Викаланд

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Линдгрен А.

Л 59   Собрание сочинений: В 10 т. Мио, мой Мио! Братья
Львиное Сердце. Ронья, дочь разбойника / Пер. со шв.
Л. Брауде, Е. Паклиной, Н. Беляковой. — СПб.: Азбука-
классика, 2001. — 528 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00131-8

В настоящий том вошли три сказочные повести «Мио, мой Мио!»,
«Братья Львиное Сердце», «Ронья, дочь разбойника», написанные Аст-
рид Линдгрен, которую по праву называют одной из лучших сказочниц
Скандинавии.

© Л. Брауде, перевод, 1986, 1993

© Е. Паклина, перевод, 1986

© Н. Белякова, перевод, 1993

© Л. Брауде, статья, 2001, примечания, 1999

© «Азбука-классика», 2001

ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00131-8

Волшебница из Швеции

«Дар создавать нечто новое, подобное миру старой, зачитанной, такой знакомой сказки, выпадает на долю не всякого поколения, — писала шведская исследовательница литературы Эва фон Цвейгбергк. — Этим даром был наделен на севере Х. К. Андерсен; выпал он на долю Топелиуса и Лагерлёф... Но затем фее сказки пришлось дожидаться, пока в Смоланде не родилась Астрид Линдгрэн...»

Нужно отдать должное Цвейгбергк. Она безошибочно назвала одну из лучших современных сказочниц скандинавского ареала — Линдгрэн, продолжившую традиции своих замечательных предшественников: датчанина Ханса Кристиана Андерсена, Саккареса Топелиуса, жившего в Финляндии, но писавшего на шведском языке, и шведки Сельмы Лагерлёф.

Не случайно причину успеха книг Линдгрэн известный шведский критик Мэри Эрвиг объясняет тем, что писательница «говорит на языке, любимом детьми и понятном им», что она «продолжила сказочную традицию прошлого» и, «как не многие в Швеции, умеет легко и непринужденно передвигаться в промежуточной между фантазией и действительностью сфере».

Книги Линдгрэн условно можно разделить на сказочные и реалистические. К первым можно отнести сборник сказок «Солнечная Полянка» и повести-сказки «Мио, мой Мио!», «Братья Львиное сердце» и «Ронья, дочь разбойника», но даже в них очень трудно опре-

делить, где кончается фантазия и начинается действительность.

Разумеется, можно говорить о преемственности творчества Линдгрэн по отношению к Андерсену: ее сказочные произведения также близки к народной традиции, в них явственно ощущается и связь фантазии с реальностью. Волшебная сила, которой скандинавский фольклор наделяет маленьких и слабых, проявляется в повестях-сказках Линдгрэн. Персонификация и одухотворение явлений природы, свойственные народным сказкам Скандинавии, находят яркое воплощение в ее творчестве. А гибкость переходов от сказочной сферы к реальной характерна и для сказочных произведений, и для повестей о Малыше и Карлссоне. В последних андерсеновские нотки особенно чувствуются во вторжении сказки, фантастики в современный город, в механизированный уют стокгольмской квартиры.

Пером Линдгрэн движет глубокая убежденность: во все времена дети, несмотря на старания взрослых оградить их от реальности, прислушивались к сказкам, где речь идет о жизни и смерти, о борьбе Добра и Зла, о том, как трудно быть настоящим человеком.

Однажды известный литературовед Клаус Додерер вел в одном из городов Германии (а в этой стране 116 школ носят имя Астрид Линдгрэн) встречу писательницы с родителями и детьми. Вдруг он в конце зала заметил девочку лет 9—10, уже с некоторым отчаянием поднимавшую руку. Ей предоставили слово, и девочка спросила писательницу:

— Когда вы пишете рассказ, то сразу начинаете с заглавия или оно появляется потом?

Публика отреагировала благожелательным смехом. Но Линдгрэн не смеялась, она кивнула и ответила девочке тем же самым деловым тоном, каким отвечала перед этим на вопросы родителей. Она серьезно объяснила, что у нее это происходит так: иногда сначала появляется рассказ, сказка и лишь в самом конце —

заглавие, иногда же вначале есть герой, имя и вокруг него начинают развиваться события.

Да, книга Линдгрэн может начинаться с заглавия, с имени персонажа, с какой-то картины, образа... Повесть, которой открывается этот том, складывалась так. По дороге на работу в издательство писательница каждый день проходила через парк. Однажды в сумерках она увидела там маленького мальчика. Одиноко и печально сидел он на садовой скамейке. Этого оказалось достаточно. Мальчик еще сидел в парке, а Линдгрэн уже перенесла его в мир фантазии, в Страну Дальнюю. Она окружила мальчика цветущими розами, наделила любящим отцом и веселыми друзьями, заставила испытывать множество разных приключений. В мечтах он становится счастливым и храбрым принцем Мио, любимым сыном короля Страны Дальней.

Так в 1954 году родилась повесть-сказка «Мио, мой Мио!». Однако герой ее очутился в сказочной стране не только для того, чтобы радоваться жизни, кататься верхом и слушать сказки, которые нашептывает по вечерам волшебный колодец. Мио поселился в Стране Дальней, чтобы, как положено в сказках, сражаться со Злом. Линдгрэн — писательница XX века, и сказочную борьбу Добра со Злом она воспринимает как борьбу с насилием. Сказочница горячо желает, чтобы ее внуки, правнуки, да и все дети на земле, жили в мире.

Вот почему в сказочной повести «Мио, мой Мио!» угадывается сегодняшний день и обычная, знакомая человеческая жизнь. А герои волшебной, придуманной Страны Дальней — и люди, и животные — такие же обычные, как те, что окружали мальчика Буссе в его сиротской жизни на улице Уппландсгатан. Только здесь, в волшебной стране, они куда красивее и добрее. Вот почему в образе жестокого рыцаря Като, превратившего подвластные ему земли и воды в Мертвый Лес и Мертвое Озеро, угадываются современные тираны. И вот почему детям так нравится история сражения

Мио с рыцарем Като. Их больше всего радует, когда Мио рассекает мечом каменное сердце рыцаря.

Но «Мио, мой Мио!» — это не просто повесть-сказка о борьбе Добра со Злом. Это книга о глубокой потребности ребенка быть любимым. Здесь рассказывается о мальчике, который, попав в дружелюбную, доброжелательную атмосферу, мало-помалу учится преодолевать страх.

Герой книги «Мио, мой Мио!» — мальчик-сирота Буссе, который вырос в детском приюте. Потом его отдали в семью, где с ним плохо обращались и запретили играть и читать. И вот мальчик, мечтающий найти отца, попадает в волшебное королевство, в Страну Дальнюю, которая тем не менее удивительно связана с обычной жизнью обычных людей. Шведская торговка фруктами тетушка Лундин переписывается с королем Страны Дальней. Служанки детского приюта забывают уведомить короля о рождении сына. А дух из сказок «1001 ночи», присланный королем Страны Дальней, оказывается заточен в бутылку с этикеткой шведской фирмы. В Стране Дальней король отмечает на кухонной двери рост сына. Сам же король похож на отца Бенки, товарища Буссе в Стокгольме, а его новый друг Юм-Юм — на Бенку. Мать Юм-Юма напоминает тетушку Лундин. И главное, в Стране Дальней нет страха, здесь не знают угнетения, голода и холода.

Однако жизни счастливых обитателей Страны Дальней все время грозит опасность. Неподалеку от них лежит страна жестокого рыцаря Като, Страна Чужедальняя. При одном упоминании Като там поднимается холодный ветер, осыпаются скалы, леденеет воздух, с деревьев опадают листья, птицы улетают в свои гнезда, бабочки теряют крылья, лошади плачут кровавыми слезами. И маленький Мио с мечом в руках защищает счастье и свободу. Он убивает злого рыцаря Като, освобождает поработанных им бледных и изможденных людей, которые никогда прежде не видели солнца. На месте грозного замка Като остается лишь груда камней.

Мио не одинок в своей борьбе. Даже в царстве смерти и угнетения, где немало предателей, есть люди, готовые восстать против Като, они куют оружие и помогают Мио. Эти люди дают мальчику меч, который потом пронзит грудь злого рыцаря. Даже природа на стороне Мио. Ствол дерева, яма в лесу, гора, скалы и птицы — все сочувствуют Мио. Самая черная в мире гора открывается, чтобы впустить Мио и Юм-Юма.

Шведский мальчик-сирота Буссе, он же волшебный принц Мио, наделен горячим, любящим сердцем, он не терпит несправедливости и очень мужествен, несмотря на колебания и страхи. Первоначально в Мио нет ничего героического. Это обыкновенный мальчик, остро чувствующий обиду. Когда же Мио узнает, что должен уничтожить Като и спасти тысячи людей, он испытывает страх. И слова: «Не будь ночь так темна, а мы так малы и одиноки», — которые повторяет друг Мио Юм-Юм, выдают боязнь детей. Мио боится, он ощущает себя маленьким и слабым. Но ведь он должен совершить подвиг, о котором нашептывал ему сказочный колодец! А страдания людей, которых он должен спасти! Мысли об этом придают мальчику мужество, и он находит в себе силы проникнуть в королевство Като, в его черный замок и убить злодея.

Как прекрасна в этой повести-сказке природа! Лучезарна, освещена солнцем, покрыта зелеными лугами Страна Дальняя. Но царство Като темно и мрачно. Черны воды Мертвого Озера, окруженного черными голыми скалами, оглашаемыми горестными криками птиц. Природа постоянно отражает переживания героев. В минуту последней битвы Мио и Като над озером поднимаются черные тучи.

«„Конец принцу Мио!“ — жалобно стонут черные скалы, отчаяние звучит в криках птиц».

Когда Мио убивает Като, ночи приходит конец. Природа, озеро, скалы — все преобразается. Все озарено солнцем.

«Воистину — это сказка, которую следовало бы прочитать всем нашим современникам, так она совершенна и прекрасна, — писал австрийский профессор. — ...Прочитав эту сказку, мы узнаем... человеческое сердце бесмертно. „Мио, мой Мио!“ доказывает это».

«Блистательной детской книгой» назвал «Мио, мой Мио!» датский критик. Эта «повесть-сказка содержит глубины, которые дети чувствуют, а взрослые понимают, каким тяжелым может быть существование для маленького человека и как прекрасно мечтать!»

Линдгрэн знает, что приключения мальчика Буссе — просто мечта и что на самом деле он по-прежнему будет одиноко сидеть на скамейке в парке, а не жить в счастливой Стране Дальней. Но она протестует против подобной несправедливости и как бы заклинает маленького читателя верить, что Буссе обрел счастье, «потому что он в Стране Дальней. Он в Стране Дальней, говорю тебе».

Линдгрэн и ее читатели-дети опровергли опасения шведских педагогов и критиков, утверждавших, что детям нельзя давать страшные книги и что ни один ребенок не выдержит знаменитую сцену сражения Мио с рыцарем Като из повести-сказки «Мио, мой Мио!». В письме, адресованном писательнице целым классом, шведские школьники с восторгом писали, что лучшей сценой книги было сражение Мио с рыцарем Като. И писательница, посмеиваясь над банальными сказками, в которых нет ничего серьезного и, уж конечно, ничего страшного, утверждает, что детей так просто не запугаешь и что они отважно становятся на сторону Добра против Зла.

Кто придумывает новые слова? Конечно, куча старых профессоров! Так считает Пиппи Длинныйчулок.

Но слова могут придумывать и дети. Однажды внук Астрид Линдгрэн маленький Улле, умевший выговаривать всего десять слов, придумал слово «Нан-ги», которое вызвало у него приступ бурного веселья.

«Иногда именно так это и начинается», — говорит писательница.

Слово «Нан-ги» превратилось у Линдгрэн в «Нанги-ялу», страну чудес, Страну Зазвездную, куда она и перенесла героев своей повести-сказки «Братья Львиное Сердце» (1973).

Книга эта родилась не сразу.

Вот Линдгрэн идет по кладбищу в Виммербю и видит могилку, где похоронены вместе два брата.

«И тогда я уже знала, — говорит писательница, — что это будет сказка о смерти и о двух братьях».

Вот она пересекает в поезде шведскую провинцию Вермланд со своей старинной подругой Эльсе Улениус, и выражение лица писательницы вдруг меняется, становится отсутствующим. Она не отвечает на обращенные к ней вопросы. При виде марева над озером писательница вспомнила о могиле братьев на кладбище в Виммербю.

Вот идут съемки фильма об Эмиле из Лённеберги. Маленький мальчик, играющий роль Эмиля, очень устал. Подойдя к старшему брату, присутствующему на съемках, он забрался к нему на колени, и тот бережно обнял малыша. Старший брат поцеловал младшего. И сказочница увидела перед собой братьев Львиное Сердце!

Позднее, когда Линдгрэн уже начала работать над книгой, пришли воспоминания о Смоланде и о людях, которых она знала с детства. Кухня, где лежит один из героев книги, больной мальчик Сухарик, — это старая кухня Кристин из Неса. Там есть дверь в каморку и очаг. Писательница перенесла эту кухню на второй этаж, но все равно это кухня Кристин.

В процессе работы замысел книги претерпел изменения. «Действующие лица, — пишет Линдгрэн, — могут иногда делать то, что им вздумается, причем я вмешиваться не могу. Так, например, я не думала, что Юн-тан может погибнуть и оставить Сухарика одного в Долине Вишен. Но ничего поделать я не могла...»

В лирической повести-сказке «Братья Львиное Сердце» рассказывается о двух маленьких братьях, живших в Швеции в начале века во времена нищеты, туберкулеза и массовой эмиграции в поисках лучшей жизни. Младший брат Карл по прозвищу Сухарик, щедушный и кривоногий, болен чахоткой. Он обожает своего тринадцатилетнего брата Юнатана, которого природа щедро одарила красотой, умом, мужеством и добротой. Сухарику было всего десять лет, когда он случайно узнал, что обречен. Утешая его, Юнатан обещает, что после смерти они встретятся в Стране Зазвездной — Нангияле, стране сказок и лагерных костров. Там каждый день возможны самые невероятные приключения. Там Сухарик выздоровеет и будет вместе с Юнатаном жить в Рыцарской усадьбе, в Долине Вишен.

Но так случается, что первым погибает Юнатан. Спасая Сухарика во время пожара, он прыгает из окна горящего дома и разбивается насмерть, защитив своим телом брата. За мужественный поступок Юнатан получил прозвище Львиное Сердце, хотя до этого фамилия братьев была Лев.

Юнатан первым попадает в Нангиялу, а через некоторое время там оказывается и Сухарик. Нангияла — Страна Зазвездная — это страна, где живут обычные люди, только они одеты в средневековые одежды. Да и Долина Шиповника в этой стране, захваченная тираном Тенгилом, похожа на любую оккупированную страну. Волшебны лишь огнедышащая драконша Катла и доисторический змей Карм.

В Нангияле Юнатана и Сухарика называют братьями Львиное Сердце. Потому что с первых дней они включаются в тайную борьбу против бездушного тирана Тенгиля, покорившего соседнюю Долину Шиповника. И Юнатан, словно сказочный принц, олицетворяющий все самое прекрасное, что есть в человеке, борется за свободу, за это он готов пожертвовать своей жизнью. Когда Сухарик просит его не рисковать напрасно, он

отвечает: «Есть вещи, которые необходимо совершить, если ты человек, а не гадина».

Вместе с братом и друзьями Юнатан освобождает из заключения Увара, выигрывает решительную битву с ордой приспешников тирана и вступает в единоборство с Катлой из допотопной горной страны Карманьяки. Драконша погибает в водопаде вместе с Кармом. Нангияла освобождена от Зла, но сам Юнатан, опаленный огнем драконши, должен погибнуть. Братьям опять угрожает разлука, и Сухарик готов убить себя — только бы не расставаться с братом. Взвалив на плечи цепенеющего Юнатана, Сухарик бросается с обрыва в горное ущелье, чтобы вместе с Юнатаном приземлиться в Долине Яблоневого Деревья, что в стране Нангилима...

Писательница не раз замечала, что многие дети задумываются над тем, что же такое смерть. И вот в ее книге появляется название еще одной страны — Нангилимы, где все готовы прийти на помощь друг другу, поют, танцуют и играют. Людям здесь больше ничто не угрожает, и лишь страшные сказки хранят воспоминания о Зле.

«Когда я писала „Мио, мой Мио!“, мое представление о мире было более светлым, или мы просто меньше знали о нем, ведь это было еще до эпохи телевидения, — говорила писательница. — Теперь мы знаем, что Зло связано не только с Гитлером и нацизмом, что на всем земном шаре есть люди, злоупотребляющие властью. Есть и профессиональные палачи, которые истязают других с девяти утра до пяти вечера, а потом идут домой, обедают и играют со своими детьми, не отдавая себе отчета в том, какие черные дела они творят. А мемуары Гесса, бывшего коменданта концентрационного лагеря в Освенциме! Это страшная книга, которую вообще больше всего хочется забыть. И самое ужасное то, что Гесс, погубивший в газовых камерах и замучивший многие сотни тысяч людей, даже не понимал, что совершает преступление... Именно обо всем этом извечном зле, которое существует и поныне, я пишу в своей книге».

Пламенно звучит в повести «Братья Львиное Сердце» призыв к борьбе против тиранов во имя мирной жизни без страха. Ведь Линдгрэн испытывает глубокое отвращение к угнетению человека человеком.

Вместе с тем «Братья Львиное Сердце» — книга, повествующая не только об ужасах, жестокости и смерти. Эта повесть-сказка, как и большинство сказочных произведений Линдгрэн, — о дружбе, братстве, самопожертвовании, глубокой нежности к близким. Правда, некоторые критики считают, что в книге «Братья Львиное Сердце» встречаются приключения, которых не должно быть в детской книге. Прежде всего — добровольная гибель Сухарика, преодолевшего страх и следовавшего за старшим братом. Но, как всегда, защитниками сказочницы оказались дети.

«Дети на моей стороне, — говорит Линдгрэн. — Они читают книгу как увлекательную приключенческую историю...»

— Над чем вы сейчас работаете, Астрид? — спросили Линдгрэн через несколько лет после выхода в свет книги «Братья Львиное Сердце».

Писательница воскликнула:

— Ох уж этот традиционный журналистский вопрос, на который часто так нелегко ответить! Разумеется, я думаю о новой повести, но это, пожалуй, и все, что я хотела бы сказать: хотя каждая будущая мать непременно видит своего неродившегося ребенка таким удалцом и красавцем, никто не любит говорить об этом вслух... Да и как угадать, что выйдет из-под твоего пера? Знаю, есть немало писателей, которые, подобно шахматистам, заранее и тщательно рассчитывают предстоящую «литературную партию» на много ходов вперед. Это, наверное, хороший метод, но для меня он недостижим. Если уподобить литератора, приступающего к работе над новым произведением, путнику, отправляющемуся по неизведанной дороге, можно сказать, что я, ступая на этот путь, вижу лишь неболь-

шую его часть: один-два поворота, пригорок, лесок, кусочек серебряного озера, — а дальше дорога исчезает за холмами, и мне совершенно неизвестно, куда она меня заведет... Рассказывать об этом легко, но в действительности, поверьте, рождение каждой книги — трудный, сложный процесс.

А путь вел писательницу в то время к повести-сказке «Ронья, дочь разбойника» (1982). И не случайно виделись ей в то время пригорок, лесок, кусочек серебряного озера... Ведь книга о Ронье — это гимн природе, спутнице, кормилице, защитнице человека. Линдгрэн любит нашу землю, о которой как-то сказала: «Земля — родина человека, и родина изумительная». Повесть-сказка «Ронья, дочь разбойника» рассказывает о прекрасной земле с ее первозданной природой. Природа чудесна. Она накормит и напоит. А как добр и в сущности своей прекрасен человек, если и к нему относиться по-доброму! Линдгрэн показывает, что злоба, вражда и ненависть таких, как разбойники Маттис и Борка, разрушают, уничтожают жизнь на земле, красоту природы и любовь. Как и в других произведениях Линдгрэн, героями этой книги являются дети: Ронья, дочь Маттиса, и Бирк, сын Борки.

В ту ночь, когда родилась Ронья, дочь Маттиса, молния расколола разбойничий замок ее отца надвое. Отныне замок разделяет гигантская расселина — Адский Провал. Но еще более зияющая пропасть разделяет двух предводителей разбойничьих шаек Маттиса и Борку, поделивших лес на две части: на лес Маттиса и лес Борки. И что удивительно: в ту самую ночь, когда родилась Ронья, появился на свет и сын Борки — Бирк. Ненависть Маттиса и Борки друг к другу отравляет все вокруг. Они, как и другие разбойники из их шаек, не замечают, как чудесна природа в окрестных лесах. Любит природу, неразрывно слита с ней только маленькая Ронья. Ее приучили с детства, что в лесу Маттиса бояться нечего. И она, не боясь, все же старается встречаться с дикими сказочными существа-

ми. Страх остановил Ронью, когда она начала гулять в лесу и охотиться вместе со своим другом Бирком. Маттис и Борка, узнав о встречах детей, всячески препятствуют их дружбе. Но дети видятся тайком и помогают друг другу. «Брат», — называет мальчика Ронья. «Сестренка моя», — вторит девочке Бирк. «Сколько раз еще ты собираешься спасти мне жизнь, сестренка!» — восклицает Бирк. «Столько же, сколько ты спасаешь меня», — вторит ему Ронья.

Дружба Роньи и Бирка, их бесстрашие, самоотверженность заставляют в конце концов и родителей отказаться от взаимной вражды. Маттис и Борка вызывают друг друга на единоборство, в котором побеждает Маттис. После этого благодаря дружбе детей два враждующих между собой предводителя разбойничьих шайек примиряются. Они даже мечтают объединить свои шайки во главе с Бирком, сыном Борки. Но дети не желают грабить и убивать. Они избирают новую жизнь и хотят стать рудокопами.

Повесть-сказка «Ронья, дочь разбойника» пользуется большим успехом. Она, как и «Мио, мой Мио!» и «Братья Львиное Сердце», переведена уже на множество языков.

Л. Брауде

Мух, мой Мух!

И день и ночь в пути

лушал кто-нибудь радио пятнадцатого октября прошлого года? Может, кто-нибудь слышал сообщение об исчезнувшем мальчике? Нет? Так вот, по радио объявили:

«Полиция Стокгольма разыскивает девятилетнего Бу Вильгельма Ульссона. Позавчера в шесть часов вечера он исчез из дома на улице Уппландсгатан, тринадцать. У Бу Вильгельма Ульссона светлые волосы и голубые глаза. В тот день на нем были короткие коричневые штаны, серый вязаный свитер и красная шапочка. Сведения о пропавшем посылайте в дежурное отделение полиции».

Вот что говорили по радио. Но известий о Бу Вильгельме Ульссоне так никогда и не поступило. Он исчез. Никто никогда не узнает, куда он девался. Тут уж никто не знает больше меня. Потому что я и есть тот самый Бу Вильгельм Ульссон.

Как бы мне хотелось рассказать обо всем хотя бы Бенке. Я часто играл с ним. Он тоже живет на улице Уппландсгатан. Его полное имя — Бенгт, но все зовут его просто Бенка. И понятно, меня тоже никто не зовет Бу Вильгельм Ульссон, а просто Буссе. (Вернее, раньше меня звали Буссе. Теперь же, когда я исчез, меня никак не называют.) Только тетя Эдла и дядя Сикстен говорили мне «Бу Вильгельм». А если сказать по прав-

де, то дядя Сикстен никак ко мне не обращался, он вообще со мной не разговаривал.

Я был приемышем у тети Эдлы и дяди Сикстена. Попал я к ним, когда мне исполнился всего один год. А до того я жил в приюте. Тетя Эдла и взяла меня оттуда. Вообще-то ей хотелось девочку, но подходящей девочки не нашлось, и она выбрала меня. Хотя дядя Сикстен и тетя Эдла мальчишек терпеть не могут, особенно когда им исполняется лет по восемь-девять. Тетя Эдла уверяла, что в доме от меня дым стоит коромыслом, что я притаскиваю с прогулки всю грязь из парка Тегнера¹, разбрасываю повсюду одежду и слишком громко болтаю и смеюсь. Она без конца повторяла: «Будь проклят тот день, когда ты появился в нашем доме». А дядя Сикстен вообще ничего мне не говорил, а лишь изредка кричал: «Эй ты, убирайся с глаз долой, чтоб духу твоего не было!»

Большую часть дня я пропадал у Бенки. Его отец очень часто беседовал с ним и помогал строить планы. Иногда он делал метки на кухонной двери, чтобы видеть, как растет Бенка. Бенка мог смеяться и болтать сколько влезет и разбрасывать свою одежду, где ему вздумается. Все равно отец любил его.

И ребята могли приходить к Бенке в гости и играть с ним. Ко мне никому не разрешалось приходить, потому что тетя Эдла говорила: «Здесь не место для беготни». А дядя Сикстен поддакивал: «Хватит с нас и одного сорванца».

Иногда вечером, ложась в постель, я мечтал о том, чтобы отец Бенки вдруг стал бы и моим отцом. И тогда я задумывался: кто же мой настоящий отец и почему я не вместе с ним и с мамой, а живу то в при-

---

¹ Парк Тегнера — парк в центре Стокгольма, названный именем известного шведского поэта Эсайаса Тегнера (1782—1846). В июне 1996 г. там установлен бронзовый бюст Астрид Линдгрэн. *Здесь и далее прим. переводчиков.*

юте, то у тети Эдлы и дяди Сикстена? Тетя Эдла как-то сказала мне, что моя мама умерла, когда я родился. «А кто был твоим отцом, никто этого не знает. Зато всем ясно, какой он проходимец», — добавила она.

Я ненавидел тетю Эдлу за то, что она так говорила о моем отце. Может, это и правда, что мама умерла, когда я родился. Но я *знал*: мой отец — не проходимец. И не раз, лежа в постели, я украдкой плакал о нем.

Кто был по-настоящему добр ко мне, так это фру¹ Лундин из фруктовой лавки. Случалось, она угощала меня сладостями и фруктами.

Теперь, после всего, что произошло, я часто задумываюсь, кто же она такая — тетушка Лундин. Ведь с нее-то все и началось тем октябрьским днем прошлого года.

В тот день тетя Эдла то и дело попрекала меня, будто я причина всех ее несчастий. Около шести часов вечера она велела мне сбежать в булочную на улице Дроттнинггатан и купить ее любимых сухарей. Натянув красную шапочку, я выбежал на улицу.

Когда я проходил мимо фруктовой лавки, тетушка Лундин стояла в дверях. Взяв меня за подбородок, она посмотрела на меня долгим странным взглядом. Потом спросила:

— Хочешь яблоко?

— Да, спасибо, — ответил я.

И она дала мне красивое спелое яблоко, очень вкусное на вид.

— Ты не опустишь открытку в почтовый ящик? — спросила тетушка Лундин.

— Конечно, — согласился я.

Тогда она написала на открытке несколько строк и протянула ее мне.

---

¹ Фру (*шв.*) — госпожа.

— До свидания, Бу Вильхельм Ульссон, — сказала тетушка Лундин. — Прощай, прощай, Бу Вильхельм Ульссон.

Ее слова прозвучали так чудно. Она ведь всегда называла меня просто Буссе.

До почтового ящика нужно было пройти еще один квартал. Но когда я опускал открытку, то увидел, что она вся сверкает и переливается какими-то огненными буквами. Да, так и есть, буквы, которые написала тетушка Лундин, горели, как на световой рекламе. Я не мог удержаться и прочитал открытку. Там было написано:

Королю Страны Дальней.

Тот, кого ты так долго искал, в пути. И день и ночь он в пути, а в руке у него волшебный знак — золотое яблоко.

Я не понял ни слова. Но мороз пробежал у меня по коже. Я поспешно бросил открытку в ящик.

Интересно, кто же это и день и ночь в пути? И у кого в руке золотое яблоко?

Тут я взглянул на яблоко, что мне дала тетушка Лундин. Яблоко было золотое.

Теперь я могу поручиться: я держал в руке прекрасное золотое яблоко.

Я почувствовал себя страшно одиноким и чуть не заплакал. Пошел и сел на скамейку в парке Тегнера. Там не было ни души. Наверное, все ушли ужинать. Смеркалось, накрапывал дождь. В домах вокруг парка зажглись огни. В Бенкиных окнах тоже горел свет.

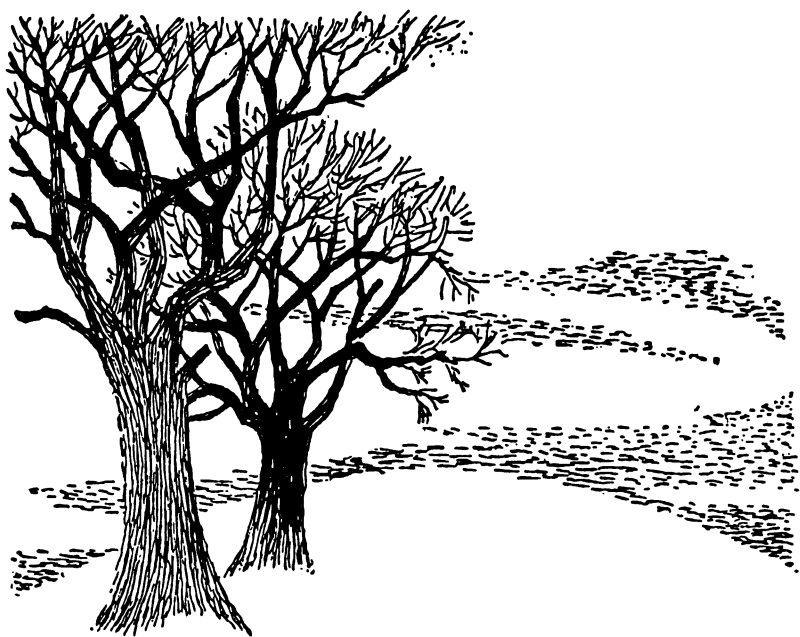

Значит, он дома, вместе с папой и мамой, ест блины и горошек. Наверно, повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте. Один, с золотым яблоком в руках. А что с ним делать, не знаю. Поблизости стоял уличный фонарь, свет от него падал на меня и на мое яблоко. Вдруг в свете фонаря на земле что-то блеснуло. Оказалось, это простая бутылка из-под пива. Конечно, пустая. Кто-то засунул в ее горлышко кусок деревяшки. Может, это сделал один из тех малышей, что днем играют в парке.

Я поднял бутылку и прочел на этикетке: «Акционерное общество пивоварения. Стокгольм. 2-й сорт». Неожиданно мне показалось, будто в бутылке кто-то копошится.

Однажды в библиотеке я взял книжку «Тысяча и одна ночь». В ней рассказывалось о духе, который сидел в бутылке. Но то было в далекой-далекой Аравии много тысяч лет назад. Совсем другое дело — простая бутылка из-под пива в парке Тегнера. Разве могут сидеть духи в бутылках стокгольмских пивоварен! Но в этой бутылке на самом деле кто-то был. Честное слово, там сидел дух! И ему не терпелось выйти из заточения. Он показывал на деревяшку, закупорившую бутылку, и умоляюще смотрел на меня. Мне не приходилось иметь дело с духами, и было чуточку боязно вынуть из бутылочного горлышка деревяшку. Наконец я все же решился — дух со страшным шумом вылетел из бутылки; в один миг он начал расти и стал огромным-преогромным. Самые высокие дома вокруг парка Тегнера оказались ему по плечо. С духами всегда так: они то сжимаются и становятся такими маленькими, что умещаются в бутылке, то мгновенно вырастают выше домов.

Невозможно представить, как я перепугался. Я весь дрожал. Тут дух заговорил. Его голос грохотал, будто могучий водопад, и я подумал: вот бы тете Эдле и дяде Сикстену услышать его, а то они вечно недовольны, что люди разговаривают слишком громко.

— Малыш, — сказал дух, — ты освободил меня из заточения. Проси чего хочешь!

Но я вовсе не ждал вознаграждения за то, что вытащил из бутылки деревяшку. Оказывается, дух прибыл в Стокгольм вчера вечером и забрался в бутылку, чтобы хорошенько выспаться. Лучше, чем в бутылке, нигде не выспишься, это знают все духи. Но пока он спал, кто-то закупорил бутылку. Не освободи я его, он, может, протомился бы там тысячу лет, пока не сгнила бы пробка.

— Это не понравилось бы моему повелителю-королю, — пробормотал дух себе под нос.

Тут я набрался храбрости и спросил:

— Дух, откуда ты?

На миг воцарилась тишина. Потом дух ответил:

— Из Страны Дальней.

Он сказал это так громко, что в голове у меня все зазвенело, но голос его пробудил во мне тоску по неведомой стране. Я закричал:

— Возьми меня с собой! О дух, возьми меня в Страну Дальнюю. Там ждут меня.

Дух покачал головой. Но тут я протянул ему мое золотое яблоко, и дух воскликнул:

— В твоей руке волшебный знак! Ты тот, кого так долго разыскивает наш король.

Он наклонился и обнял меня. Вокруг нас что-то загудело, и мы полетели ввысь. Далеко внизу остались парк Тегнера, темная роща и дома, где в окнах горел свет и дети ужинали вместе со своими папами и мамами. А я, Бу Вильхельм Ульссон, был уже высоко-высоко в звездных краях.

Где-то внизу, под нами, плыли облака, а мы мчались вперед быстрее молнии и с грохотом пострашнее грома. Звезды, луны и солнца сверкали вокруг. Иногда нас окутывал мрак, а потом снова ослепляли дневной свет и такая белизна, что невозможно было смотреть.

— И день и ночь в пути, — прошептал я. Именно так было написано в открытке.

Тут дух протянул руку и указал вдаль, на зеленые луга, омываемые прозрачной голубой водой и залитые ярким солнечным светом.

— Смотри, вон Страна Дальняя, — сказал дух.

Мы начали спускаться и оказались на острове.

Да, это был остров, который плавал в море. Воздух вокруг был напоен ароматом роз и лилий. Слышалась удивительная музыка, которую не сравнишь ни с какой музыкой на свете.

На берегу моря возвышался громадный белокаменный замок, там мы и приземлились.

Навстречу нам кто-то бежал вдоль берега. То был сам король. Стоило мне взглянуть на него, как я понял, что это *мой отец-король*. Я в этом ничуть не сомневался. Отец широко раскинул руки, и я бросился в его объятия...

Вот бы тетя Эдла увидела моего отца! Какой он красивый и как сверкает его шитое золотом и украшенное

драгоценными камнями платье! Он похож на отца Бенки, только еще красивее. Жаль, что тетя Эдла не видит его. Она бы сразу поняла, что мой отец не проходимец.

Но тетя Эдла говорила и правду: моя мать умерла, когда я родился. А глупые служители приюта и не подумали сказать моему отцу-королю о том, где я нахожусь. Он разыскивал меня целых девять лет. Я был страшно рад, что наконец нашелся.

Теперь я уже давно живу в Стране Дальней. Все дни напролет я веселюсь. Каждый вечер отец приходит ко мне в детскую, и мы строим планеры и болтаем друг с другом.

А я расту и взрослею, и мне здесь отлично живется. Мой отец-король каждый месяц ставит метку на кухонной двери, чтобы видеть, насколько я подрос. «Мию, мой Мио, ты ужасно вытянулся», — говорит он, когда мы ставим новую метку. «Мию, мой Мио! Я искал тебя целых девять лет», — говорит он, и голос его звучит нежно и ласково.

Оказывается, меня зовут вовсе не Буссе. Ясно? Имя Буссе оказалось ненастоящим, как и моя жизнь на улице Уппландсгатан. Теперь все стало на свои места. Я обожаю отца, а он очень любит меня.

Вот было бы здорово, если бы Бенка узнал обо всем! Возьму-ка и напишу письмо и вложу его в бутылку. Потом заткну ее пробкой и брошу в синее море, омывающее Страну Дальнюю. И вот однажды поедет Бенка со своими папой и мамой на дачу на Ваксхольме¹ и, купаясь в море, увидит плывущую бутылку. Вот удивится Бенка, когда узнает обо всех чудесах, которые произошли со мной. И он сможет позвонить в дежурное отделение полиции и сообщить, что Бу Вильхельм Ульссон, которого на самом деле зовут Мио, под надежной защитой в Стране Дальней и ему отлично живется в замке у его отца-короля.

В саду среди роз

Правда, я не очень-то знаю, как писать Бенке. То, что произошло со мной, не похоже ни на одно из приключений, которые случаются на свете. Я придумывал слово, которое сразу бы все разъяснило, но так и не нашел его. Может, написать так: со мной произошло самое удивительное. Но ведь из этого Бенка все равно не узнает, как живется мне в Стране Дальней. Мне пришлось бы послать по меньшей мере дюжину бутылок, вздумай я рассказать ему о моем отце и королевском саде роз, о моем новом друге Юм-Юме, о моей прекрасной лошади Мирамис и о жестоком рыцаре Като из Страны Чужедальней. Нет, обо всем, что случилось со мной, рассказать невозможно.

Уже в самый первый день отец повел меня в сад. Вечерело, дул ветерок, деревья шелестели листвой. Приближаясь к саду, мы слышали музыку. Казалось, разом звенели тысячи хрустальных колокольчиков. И от этой музыки тревожно замирало сердце.

---

¹ Ваксхольм — остров неподалеку от Стокгольма.

— Слышишь, как поют мои серебристые тополя? — спросил отец.

Он взял меня за руку. Тетя Эдла и дядя Сикстен никогда не брали меня за руку, и вообще раньше никто так не ходил со мной. Поэтому я очень люблю, когда отец водит меня за руку, хотя я уже давно не малыш.

Сад окружала высокая каменная стена. Отец отворил калитку, и мы вошли.

Когда-то давным-давно мне разрешили поехать с Бенкой на дачу на Ваксхольме. Мы сидели с ним на уступе скалы и удили рыбу. Садилось солнце. Небо было сплошь багровым, и вода словно замерла. Цвел шиповник, и его яркие цветы алели среди диких скал. А далеко-далеко на другой стороне залива во весь голос куковала кукушка. Конечно, кукушку я так и не увидел, но от ее пения вся природа вокруг становилась еще красивее. Я ничего не сказал Бенке, боясь показаться смешным, хотя сам был твердо уверен, что прекраснее этого ничего на свете нет.

Но тогда я еще не видел сада моего отца. Я не видел его роз, целого моря сказочных чудесных роз, струившихся разноцветными потоками, его белых лилий, колыхавшихся на ветру. Я не видел его тополей с серебристыми листьями. Их вершины упирались в самое небо, так что, когда наступал вечер, звезды зажигались прямо на их макушках. Я не видел его белых птиц, порхавших в саду, и никогда не слышал ничего похожего на их песни и на музыку серебристых тополей. Никому никогда не приходилось слышать и видеть столько прекрасного, сколько услышал и увидел я в саду моего отца. Я стоял неподвижно, не отпуская руку отца, а он потрепал меня по щеке и спросил:

— Mio, мой Mio, тебе нравится сад?

Я не в силах был ответить. Меня охватило непонятное чувство. Словно тоска закрадывалась в сердце, хотя мне не было ни капельки грустно, даже наоборот.

Мне захотелось поскорее приласкаться к отцу, чтобы он не почувствовал моей смутной тревоги. Но прежде чем я успел что-либо сделать, он сказал:

— Хорошо, что ты счастлив. Будь всегда таким, Мию, мой Мию!

Отец пошел к садовнику, который его давно ждал, а я стал носиться по саду. У меня даже голова кружилась от всей этой красоты, словно я всласть напился медового сиропа. Мои ноги не могли устоять на месте и приплясывали, а руки налились силой. Вот бы Бенка был со мной! Я бы подрался с ним, понятно понарошку. И верно, как мне не хватало Бенки! Бедняга Бенка по-прежнему бегают в парке Тегнера; а там сейчас темно, и ветер свистит, и дождь льет. Уж теперь-то он, пожалуй, знает, что я пропал, и удивляется, куда это

я подевался. Бедняга Бенка! Ведь нам было так весело друг с другом. И, гуляя в саду моего отца-короля, я вдруг загрустил о Бенке. Он был единственный, кого мне не хватало из моей прежней жизни. А больше я ни о ком особенно не скучал. Хотя, может, еще о тетушке Лундин, ведь она была всегда так добра ко мне. Но больше всего я вспоминал Бенку.

Задумавшись, я тихо брел по извилистой тропинке в саду среди роз. Вдруг я поднял глаза. Перед мной на дорожке стоял... кто бы вы думали? Бенка. Нет, это был не Бенка. Передо мной стоял мальчик с такими же темно-каштановыми волосами, как у Бенки, и такими же карими глазами.

— Кто ты? — спросил я.

— Юм-Юм, — ответил он.

И тут я увидел, что он не очень похож на Бенку. Он как-то серьезнее и, наверное, добрее Бенки. Бенка, конечно, тоже добрый, как и я, то есть в меру, но нам обоим случалось погорячиться и даже подраться друг с дружкой. Случалось нам и злиться друг на друга, хотя потом мы снова мирились. А вот с Юм-Юмом и подраться было никак нельзя.

— Знаешь, как меня зовут? — спросил я. — Думаешь, Буссе? Совсем нет, меня так звали раньше.

— Я знаю, что тебя зовут Мио, — ответил Юм-Юм. — Наш король послал гонцов по всей стране, и они возвестили, что Мио вернулся домой.

Подумать только! Как обрадовался мой отец, когда нашел меня. Он даже велел объявить об этом всем жителям своего королевства.

— А у тебя есть отец, Юм-Юм? — спросил я, изо всех сил желая, чтобы у него был отец.

— Конечно есть, — ответил Юм-Юм. — Мой отец — королевский садовник. Пойдем, посмотришь, где я живу.

И Юм-Юм побежал впереди по извилистой тропинке в самый дальний уголок сада. Там стоял крохотный белый домик с соломенной крышей, точь-в-точь как в сказках. Стены его и крыша так густо были затянуты выющимися розами, что самого домика почти не было видно. Окошки были раскрыты настежь, и белые птицы то влетали в домик, то вылетали оттуда. Возле домика стоял стол со скамейкой, а позади виднелись ульи с пчелами. Кругом росли тополя и ивы с серебристой листвой. Из кухни слышался чей-то голос.

— Юм-Юм, ты не забыл про ужин? — Это был голос его матери.

Она вышла на крыльцо, улыбаясь. И я увидел, что она очень похожа на тетушку Лундин, только чуть моложе. Глубокие ямочки на круглых щеках были совсем как у тетушки Лундин, и она взяла меня за подбородок, ну точь-в-точь как тетушка Лундин.

— Добрый, добрый день, Мио! Хочешь поужинать вместе с Юм-Юмом?

— С удовольствием, — ответил я, — если только не доставлю вам хлопот.

Она сказала, что для нее это приятные хлопоты. Юм-Юм и я сели за стол возле домика, а его мама вынесла целую гору блинов, клубничное варенье и молоко. Мы с Юм-Юмом наелись так, что чуть не лопнули. Под конец мы только глазели друг на друга и смеялись. Как я радовался, что у меня есть Юм-Юм!

Вдруг подлетела белая птица и отщипнула кусочек блина с моей тарелки, и нам стало еще веселее.

Тут мы увидели, что к нам идет мой отец вместе с садовником, отцом Юм-Юма. Заметив меня, король остановился.

— Мио, мой Мио, я вижу, тебе весело, — сказал отец.

— Да, простите! — извинился я, думая, что, может, королю, как дяде Сикстену и тете Эдле, не нравится, когда громко смеются.

— Смейся на здоровье, — ответил отец. Потом он повернулся к садовнику и сказал: — Мне нравится пение птиц, нравится перезвон моих серебристых тополей, но больше всего люблю я слушать смех сына в моем саду.

И тут я впервые понял: мне нечего бояться отца. Что бы я ни сделал, он только посмотрит на меня своими добрыми глазами, вот как сейчас, когда он стоит, опираясь на плечо садовника, а белые птицы кружат над его головой. И когда я понял это, то страшно об-

радовался и, запрокинув голову, захохотал так громко, что даже птицы всполошились.

Юм-Юм, наверное, думал, что я все еще смеюсь над птицей, которая стащила кусочек блина с моей тарелки, и тоже залился хохотом. Наш смех заразил моего отца, папу и маму Юм-Юма. Не знаю, чему уж они смеялись, я-то от всей души радовался тому, что у меня такой добрый отец...

Насмеявшись вдоволь, мы с Юм-Юмом побежали в сад, начали кувыркаться на полянках и играть в прятки среди розовых кустов. В саду было столько тайников, что нам с Бенкой в парке Тегнера хватило бы и десятой их доли, чтобы радоваться! Вернее, *Бенке* хватило бы, чтобы радоваться. Ведь мне-то никогда больше не придется искать тайники в парке Тегнера.

Смеркалось. Над садом опустилась легкая голубая дымка. Белые птицы уgomонились, спрятавшись в своих гнездах. Серебристые тополя перестали звенеть. В саду воцарилась тишина. Только на верхушке самого высокого тополя пела большая черная птица. Она пела лучше всех белых птиц, вместе взятых, и мне казалось, что она поет только для меня. Но в то же время мне хотелось заткнуть уши и не слушать птицу: ее пение нагоняло на меня тоску.

— Вот уж вечер, а скоро и ночь наступит, — сказал Юм-Юм. — Мне пора домой.

— Постой, не уходи, — попросил я. Мне не хотелось оставаться наедине с этой загадочной птицей. — Юм-Юм, кто это? — показал я на черную птицу.

— Не знаю, я зову ее птицей Горюн, раз она вся черная, словно в трауре, и поет так печально. Но, может, ее зовут иначе.

— Не очень-то она мне нравится, — признался я.

— А я ее люблю, — сказал Юм-Юм, — у нее такие добрые глаза. Спокойной ночи, Мию! — Он попрощался со мной и убежал.

Не успели мы выйти из сада, как птица взмахнула большими черными крыльями и взмыла ввысь.

И мне показалось, будто на небе зажглись три маленькие звездочки.

Мирамис

Интересно, что сказал бы Бенка, если бы увидел мою белую лошадь, мою Мирамис с золотой гривой и золотыми копытами?

Мы с Бенкой страшно любим лошадей. Когда я жил на улице Уппландсгатан, моими друзьями были не только Бенка и тетушка Лундин. Я чуть не забыл еще об одном друге. Его звали Калле-Щеголь, это был старый ломовик с пивоваренного завода.

Несколько раз в неделю, по утрам, в магазин на Уппландсгатан привозили пиво. Когда я шел в школу, я каждый раз выкраивал несколько минут, чтобы хоть немного поболтать с Калле-Щеголем. Это был добрый старый конь, и я припасал для него кусочки сахара и корки хлеба. Бенка делал то же самое, ведь он любил Калле не меньше. Он говорил, что Калле — его конь, а я — что он мой; иногда мы даже ссорились из-за Калле. Но когда Бенка не слышал, я шептал на ухо Калле: «Правда, ты мой?» И Калле-Щеголь понимающе косился в мою сторону. Ну зачем Бенке еще и лошадь, ведь у него есть мама, папа и все, что душе угодно. А если честно, Калле-Щеголь принадлежал вовсе не нам, а пивоварне; мы только воображали, будто он наш. Правда, иногда я сам верил в это.

Бывало, что я, заболтавшись с Калле, опаздывал в школу, а когда учительница спрашивала меня, почему я не пришел вовремя, я не знал, что ответить. Ведь не скажешь же учительнице, что просто-напросто заговорился со старым конем. Когда по утрам повозка с пивом слишком долго не появлялась, мне приходилось бежать в школу, так и не повидавшись с Калле-Щего-

лем. Я злился на кучера за то, что он такой нерасторопный. Сидя за партой, я крутил в кармане кусочки сахара и горбушку хлеба, я скучал по Калле и думал, что пройдет еще несколько дней, прежде чем я его увижу. Тогда учительница спрашивала:

— Что ты, Буссе, сидишь и вздыхаешь? Что случилось?

Я молчал, да и что я мог ответить? Разве могла понять учительница, как сильно я любил Калле?

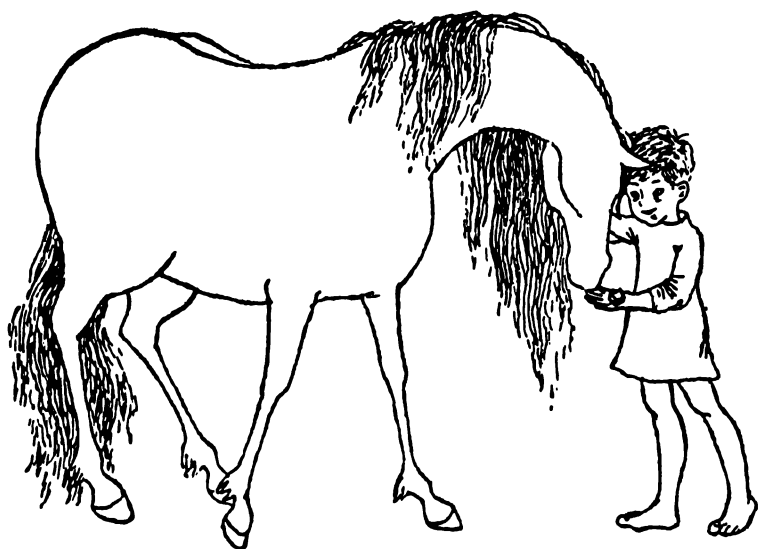
Сейчас Калле достался одному Бенке. Ну и правильно! Пусть Калле-Щеголь утешает Бенку, раз меня нет.

Ведь у меня есть Мирамис с золотой гривой. И досталась она мне неожиданно-негаданно.

Однажды вечером, когда мы с отцом болтали и строили планеры — ну так же, как Бенка со своим отцом, — я рассказал отцу про Калле.

— Мию, мой Мию! — спросил отец. — Ты любишь лошадей?

— Ну да, — ответил я как можно равнодушнее, чтобы отец не подумал, будто мне чего-то не хватает.

На другое утро, гуляя с отцом по саду, я увидел, как навстречу мне среди розовых кустов скачет белая лошадь. Никогда я не видел такого красивого галопа. Золотая грива развевалась по ветру, золотые копыта сверкали на солнце. Лошадь мчалась прямо на меня и весело ржала. Мне никогда еще не приходилось слышать такого веселого ржания. Чуть-чуть струсив, я испуганно прижался к отцу. Но отец твердой рукой ухватил лошадь за золотую гриву, и она встала как вкопанная. Потом она ткнулась мягким носом в мой карман, надеясь найти там сахар. Точь-в-точь как это делал Калле-Щеголь. К счастью, у меня в кармане завалился кусочек сахара. Видно, по старой привычке я сунул его в карман. Лошадь нашла его и с хрустом съела.

— Мио, мой Мио! — сказал отец. — Это твоя лошадь, и зовут ее Мирамис.

О моя Мирамис! Я полюбил тебя с первого взгляда. Обойди хоть весь свет, прекраснее лошади не сыщешь. И она ни капельки не напоминала старого измученного работягу Калле. По крайней мере, я не находил никакого сходства, пока Мирамис не подняла свою красивую голову и не посмотрела на меня. Тогда я увидел, что у нее точно такие же глаза, как у Калле. Преданные-преданные глаза, как у всех лошадей.

Никогда в жизни мне не приходилось ездить верхом. А тут отец посадил меня на Мирамис.

— Не знаю, сумею ли я.

— Мио, мой Мио! — сказал отец. — Разве у тебя не храброе сердце?

Едва я тронул поводья, как мы понеслись по саду под кронами тополей, и серебристые листья их застре-вали в моих волосах.

Я скакал все быстрее, быстрее и быстрее, Мирамис перемахивала через самые высокие кусты роз. Только раз она едва коснулась живой изгороди, и облако розовых лепестков взметнулось за нами.

Тут в саду появился Юм-Юм. Увидев меня верхом, он захлопал в ладоши и закричал:

— Мио скачет на Мирамис! Мио скачет на Мирамис!

Я придержал лошадь и спросил Юм-Юма, не хочет ли он прокатиться. Еще бы не хотеть! Он тут же вскочил на лошадь и уселся сзади. И мы поскакали по зеленым лугам, которые раскинулись за садом роз. В жизни не случилось со мной ничего подобного!

Королевство моего отца велико. А Страна Дальняя — самая большая среди его владений. Она простирается на восток и на запад, на север и на юг. Остров, на котором возвышается замок короля, называется Островом Зеленых Лугов.

— По ту сторону фьорда¹, за горами, лежат Страна Заморская и Страна Загорная. Это тоже королевство

---

¹ Фьорд — узкий залив, глубоко врезающийся в сушу.

твоего отца! — крикнул мне Юм-Юм, когда мы мчались по зеленым лугам.

Кругом было так красиво. Мягкая сочная трава, пестрые цветы, а на изумрудно-зеленых холмах паслись белые пушистые ягнята. И пастушонок наигрывал на флейте что-то красивое. Мне показалось, будто я слышал этот напев раньше, только не припомню где. Во всяком случае не на улице Уппландсгатан, это уж точно.

Я остановил лошадь, и мы разговорились. Пастушонка звали Нонно. Я спросил, не даст ли он мне поиграть на флейте. Он не только дал поиграть, но и научил меня своей песне.

— Хотите, я вырежу вам по флейте? — спросил он.

Нечего и говорить, как нам этого хотелось. Неподалеку бежал ручей. Плакучая ива раскинула над ним свои ветви. Мы уселись на берегу, болтали ногами в воде, а Нонно мастерил нам флейты. Нонно сказал, что напев его флейты — самый древний в мире. Пастухи играли его на пастбищах уже много-много тысяч лет назад.

Мы поблагодарили Нонно за флейты и за то, что он научил нас играть старинную песню. Потом, вскочив на лошадь, поскакали дальше. И долго-долго еще слышались затихающие звуки флейты, на которой Нонно наигрывал старинную пастушью песню.

— Будем беречь эти флейты, — сказал я Юм-Юму. — Если кто-нибудь из нас попадет в беду, пусть сыграет на флейте эту мелодию.

Тут Юм-Юм обхватил меня сзади руками, чтобы не свалиться с лошади, и сказал:

— Да, мы будем беречь эти флейты. Если услышишь *мою* флейту, знай, что я зову *тебя*.

— Хорошо, — ответил я. — А когда ты услышишь *мою* флейту, тоже знай: теперь я зову *тебя*.

— Да, — сказал Юм-Юм.

И я подумал, что теперь он мой лучший друг. Конечно, если не считать отца. Своего отца я любил боль-

ше всех на свете. А Юм-Юм мой ровесник и лучший друг, раз уж я не могу больше видаться с Бенкой.

Вот здорово! У меня есть отец, Юм-Юм, Мирамис, и я, как вольный ветер, могу летать по холмам и лугам. Ясно, что от такого счастья голова идет кругом.

— А как попасть в Страну Заморскую и Страну Загорную? — спросил я Юм-Юма.

— Через мост Утреннего Сияния, — ответил он.

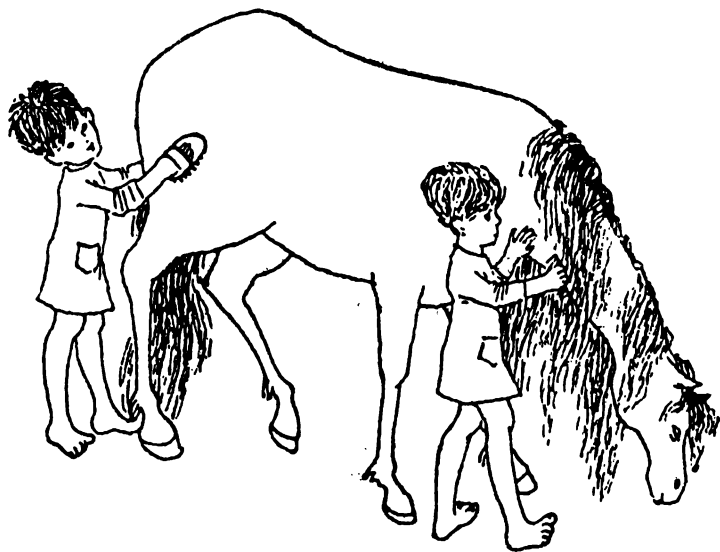
— Где же этот мост? — поинтересовался я.

— Сейчас увидишь, — сказал Юм-Юм.

И вправду, вскоре мы увидели мост. Он был такой громадный и длинный, что казалось, конца и края ему нет. Мост весь сверкал в сиянии солнца, он словно был выткан из золотых солнечных лучей.

— Это самый большой мост в мире, — сказал Юм-Юм. — Он соединяет Остров Зеленых Лугов со Страной Заморской. Но по ночам король велит разводить его, чтобы мы могли спокойно спать на Острове Зеленых Лугов.

— Это почему? — спросил я. — Кто может нагрять к нам ночью?

— Рыцарь Като!

Едва он произнес эти слова, как на поля дохнуло холодом, а Мирамис задрожала.

В первый раз услышал я о рыцаре Като и громко повторил:

— Рыцарь Като!

И мороз пробежал у меня по коже при этих словах.

— Жестокий рыцарь Като, — добавил Юм-Юм.

Мирамис тревожно заржала, и мы умолкли.

Конечно, нам очень хотелось промчаться по мосту Утреннего Сияния, но ведь я не спросил разрешения у отца. Поэтому мы повернули обратно в сад. Так закончилось наше первое путешествие. В тот день мы еще долго мыли и чистили Мирамис, расчесывали ее золотую гриву, трепали по холке, угощали сахаром и хлебом, которые дала нам мама Юм-Юма.

В саду мы с Юм-Юмом построили шалаш. Мы забирались туда и ели всякие лакомства. А больше всего нам нравились тоненькие блины с сахарным песком. Объединение, да и только. Бенкина мама тоже пекла блины, и мне иногда случалось их пробовать. Но блины, которые пекла мама Юм-Юма, были куда вкуснее. Бенка часто рассказывал мне о том, как он строил шалаши на даче на Ваксхольме. Вот хорошо бы написать ему и рассказать о нашем с Юм-Юмом шалаше. «Красота, какой я шалаш себе отгрохал здесь, в Стране Дальней», — написал бы я ему. Да, просто загляденье!

Нравится ли музыка звездам, когда играешь для них?

На другой день мы снова поскакали в гости к Нонно. Сперва мы не могли его найти. Но потом из-за холма до нас донеслись звуки его флейты. Сидя на траве, Нонно наигрывал свою песню, а его овцы мирно щипали траву.

Увидев нас, он отнял флейту от губ и сплюнул, потом рассмеялся и сказал:

— А вот и вы.

Видно было, что он обрадовался нам. Мы достали свои флейты и стали играть втроем. До чего же чудесно у нас получалось, я даже не мог понять, как это мы научились играть так красиво.

— Жаль, что никто не слышит, как мы играем, — вздохнул я.

— Нас слушают травы, — сказал Нонно. — И цветы, и ветры. Нас слушают деревья. Посмотри, как пригнулись плакучие ивы, склонившись над ручьем.

— Неужто это правда? — спросил я. — Им нравится наша музыка?

— Очень нравится, — ответил Нонно.

Мы еще долго играли травам и цветам, деревьям и ветру. И все-таки мне было жаль, что никто из людей не слышит нас. Тогда Нонно предложил:

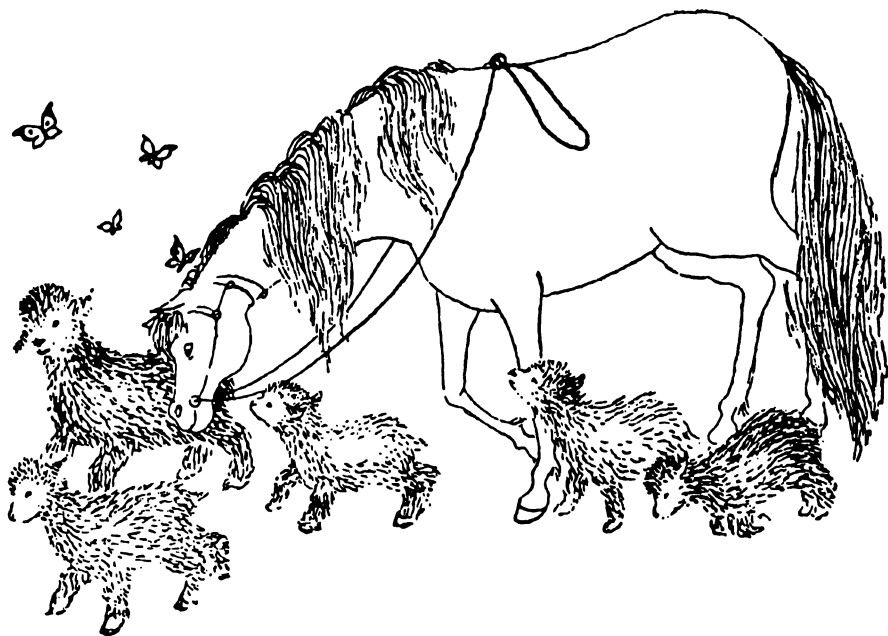
— Если хочешь, пойдем ко мне домой и сыграем моей бабушке.

Во всех сказках всегда есть добрые старички и старушки. Но настоящей, живой бабушки я никогда еще не видел. И мне было очень интересно познакомиться с бабушкой нашего друга Нонно.

Нам пришлось взять с собой ягнят, овец и Мирамис. Получился целый караван. Впереди шли Юм-Юм, Нонно и я, потом овцы и ягнята, а замыкала шествие Мирамис.

Мы шли по холмам и долинам, играя на флейтах. Овцам и ягням, наверно, нравилось это веселое путешествие: всю дорогу они блеяли и прыгали вокруг нас.

Мы шли долго-долго. И наконец увидали жилище Нонно. Это была маленькая, словно игрушечная, хижина с соломенной крышей, утонувшая в кустах жасмина и цветущей сирени.

— Тс-с... — прошептал Нонно. — Давайте напугаем бабушку!

Нонно, Юм-Юм и я выстроились перед окном.

— Раз, два, три! — скомандовал Нонно.

И мы заиграли, да так весело, что овцы и ягнята пустились в пляс. В оконце появилась древняя-древняя старушка. Это и была бабушка Нонно. Всплеснув руками, она воскликнула:

— Ой, какая чудесная музыка!

Бабушка была очень старенькая, будто из сказки, хотя самая что ни на есть настоящая, живая бабушка.

Потом мы вошли в хижину. Бабушка спросила нас, не хотим ли мы поесть. Еще бы не хотеть! Ведь мы страшно проголодались в пути. Бабушка достала каравай хлеба и нарезала его толстыми ломтями. То был черный хлеб, но вкуснее его я ничего не ел.

— До чего вкусно! — сказал я Нонно. — Что это за хлеб?

— Просто черный хлеб, — ответил Нонно. — Хлеб насыщенный, каждый день он утоляет наш голод.

Мирамис тоже была не прочь поужинать с нами. Она просунула голову в окошко и тихонько заржала. Ну и смеялись мы, вот была потеха! А бабушка хлопала Мирамис по морде и дала ей своего вкусного хлеба.

А потом мне захотелось пить, и я сказал об этом Нонно.

Он провел нас в сад, где бил ключ с прозрачной водой. Нонно опустил в воду деревянную бадью, зачерпнул и дал нам напиться. Ни разу в жизни я не пил такой прохладной и вкусной воды.

— До чего вкусно, — сказал я Нонно. — Что это за вода?

— Самая обыкновенная вода, — ответил Нонно. — Она каждый день утоляет нашу жажду.

Мирамис тоже захотела пить, и мы дали ей воды, напоили овец и ягнят.

Нонно пора было возвращаться со стадом на пастбище среди холмов. Он попросил бабушку дать ему пастуший плащ, которым он обычно укрывался, когда ночевал с овцами под открытым небом. Бабушка протянула ему коричневый плащ. Ну и счастливчик

этот Нонно — может ночевать один в поле. Мне еще никогда не выпадало такое счастье. Бенка и его родители выезжали за город на велосипедах, как настоящие туристы. На какой-нибудь уютной лесной опушке они разбивали палатку и ночевали в спальных мешках. Бенка уверял, что лучше этого ничего не бывает, и я охотно ему верю.

— Везет же тебе! — сказал я Нонно. — Ты можешь ночевать под открытым небом.

— А тебе кто мешает? — спросил Нонно. — Пошли со мной!

— Нет! — отказался я. — Отец будет волноваться, если я не вернусь вечером домой.

— Я могу послать весточку королю, что ты ночуешь сегодня в поле, — сказала бабушка нашего друга Нонно.

— И моему отцу тоже, — попросил Юм-Юм.

— Ладно, пошло и садовнику, — согласилась бабушка мальчика Нонно.

Мы с Юм-Юмом так обрадовались, что начали скакать и прыгать не хуже ягнят.

Бабушка взглянула на нас и покачала головой:

— Когда выпадет роса, вы замерзнете! — Внезапно лицо ее погрузнело, и она тихо-тихо сказала: — У меня есть еще два плаща.

Она подошла к старинному сундуку, стоявшему в углу избышки, и достала два плаща, красный и голубой.

— Плащи моих братьев! — сказал Нонно.

— А где же твои братья? — спросил я.

— Рыцарь Като! — прошептал Нонно. — Жестокий рыцарь Като захватил их в плен.

При этих словах Мирамис за окном заржала так, словно ее кто-то ударил. Ягнята в испуге бросились к овцам, а овцы жалобно заблеяли, будто настал их последний час. Бабушка дала мне красный плащ, а Юм-Юму голубой. Еще она дала Нонно каравай хлеба насущного и кувшин с ключевой водой, утоляющей жажду, и мы снова пустились в путь по холмам и долам. Участь братьев нашего друга Нонно огорчила меня, но я все же радовался, что проведу ночь под открытым небом.

Мы остановились у подножия холма, где плакучая ива смотрится в прозрачный ручей. Развели огромный жаркий костер и, усевшись вокруг него, поели хлеба насущного и попили ключевой воды, утоляющей жажду.

Скоро опустился туман и сгустилась тьма, но у костра было тепло и светло.

Потом мы завернулись в плащи и легли у костра, прижавшись друг к другу. Вокруг нас улеглись овцы и ягнята, а Мирамис неподалеку пощипывала траву. Мы слышали, как ветер шелестит травой, и видели,

как огни костров озаряют притихшие дали. Много-много костров мерцало в ночи, — ведь на Острове Зеленых Лугов пастухи зажигают их каждую ночь. Лежа на траве, мы глядели на костры и слушали старинную пастушью песню.

На небе светились звезды. Звезд крупнее и ярче я никогда не видывал. Я лежал и смотрел на них, потом перевернулся на спину, потеплее закутался в плащ и стал думать о звездах. Интересно, нравится ли музыка звездам? Я спросил об этом Нонно, и он ответил, что звезды, конечно, любят музыку. Тогда мы снова уселись вокруг костра, достали флейты и заиграли звездам.

Колодец, что нашептывает сказки по вечерам

А Страну Заморскую и Страну Загорную я еще не видел. Однажды, гуляя с отцом по саду, я спросил его, можно ли мне прокатиться на лошади по мосту Утреннего Сияния. Отец-король замедлил шаг и сжал ладонями мое лицо. Серьезно и ласково он поглядел мне в глаза.

— Мио, мой Мио! — сказал он. — В моем королевстве можешь скакать, куда тебе вздумается. Можешь мчаться на запад и восток, на север и на юг, сколько хватит сил у Мирамис. Можешь играть на Острове Зеленых Лугов, отправиться в Страну Заморскую или Страну Загорную. Помни только об одном. Помни, что есть еще на свете Страна Чужедадьная.

— А кто там живет? — спросил я.

— Рыцарь Като, — ответил отец, и лицо его потемнело. — Жестокий рыцарь Като.

Как только назвал он это имя, словно злой вихрь пронесся по саду. Белые птицы попрятались в гнезда, а птица Горюн тревожно закричала и забила большими

черными крыльями. И в тот же миг увяло много-много роз.

— Мио, мой Мио! — сказал отец. — Ты мне дороже всего на свете, и у меня сжимается сердце всякий раз, как я вспоминаю о рыцаре Като.

Тут, словно в бурю, загудели серебристые тополя. Много листьев осыпалось на землю. И когда они опали, казалось, будто кто-то плакал. Я чувствовал, что боюсь рыцаря Като, ужасно боюсь...

— Пожалуйста, не думай больше о нем, если тебя это огорчает, — попросил я отца.

Король кивнул и взял меня за руку.

— Ты прав. Пока я не буду думать о нем. Пока еще ты можешь играть на флейте и строить шалаши в саду роз.

И мы отправились на поиски Юм-Юма.

У моего отца было немало забот: ведь не так-то просто управлять таким огромным королевством. Но всегда у него находилось время и для меня. Ни разу я не слышал от него: «Проваливай отсюда, мне некогда». Ему было хорошо со мной.

Каждое утро мы гуляли в саду. Он показывал мне птичьи гнезда, заходил в наш шалаш, учил меня ездить верхом на Мирамис и беседовал со мной и Юм-Юмом обо всем на свете. Точь-в-точь как разговаривал со мной отец Бенки. И Бенка всегда этому радовался. На лице у него можно было прочесть: «Хоть это и мой отец, мне приятно, что он разговаривает с тобой». Я тоже очень радовался, когда мой отец беседовал с Юм-Юмом.

Наши с Юм-Юмом дальние прогулки верхом на лошади были очень кстати, ведь иначе отцу некогда было бы управляться с таким большим королевством. Если бы мы не пропадали целыми днями, отец, наверное, только бы и занимался с нами вместо того, чтобы решать государственные дела. Ему здорово повезло, что моими друзьями были Юм-Юм и Мирамис.

О моя Мирамис, какие путешествия я совершал верхом на твоей спине! О моя Мирамис, ты впервые пронеслась со мной по мосту Утреннего Сияния, и этого я никогда не забуду.

Было это перед рассветом. Часовые только-только опустили мост после ночи. Зеленые шелковые травы умывались росой, и Мирамис замочила свои золотые копыта, но что ей было до этого! Мы с Юм-Юмом встали ни свет ни заря, и нас клонило ко сну. Но прохладный бодрящий ветерок освежал наши лица, и, пока мы скакали по лугам, мы совсем проснулись. С восходом солнца мы были уже на мосту Утреннего Сияния. Казалось, он был соткан из золотых лучей. Мост высоко-высоко вознесся над водой. Глянешь вниз — голова кружится. Мы скакали по самому высокому и самому длинному мосту в мире. Золотая грива Мирамис горела на солнце. Лошадь скакала все быстрее, быстрее и быстрее, а мы поднимались на мост все выше, выше и выше. Копыта Мирамис грохотали как гром. Вот чудеса! Скоро я увижу Страну Заморскую, скоро, скоро.

— Юм-Юм, — закричал я, — Юм-Юм, разве ты не рад? Посмотри, как здорово!

Но вдруг я увидел, что с нами вот-вот может случиться беда! Ужасная беда. Мирамис на полном скаку мчалась прямо навстречу пропасти. Впереди больше не было моста, он круто обрывался. Видно, часовые не опустили его до конца, и он не доставал до земли по другую сторону фьорда.

Перед нами зияла бездна. Никогда мне еще не было так страшно. Я хотел крикнуть Юм-Юма, но не смог. Я натянул поводья, попробовал осадить Мирамис, но она меня не послушалась. Дико заржав, она продолжала скакать навстречу гибели, грохоча копытами. Вот-вот мы полетим в бездну. Вот-вот перестанут стучать копыта Мирамис, и я услышу ее ржание, когда она с развевающейся золотой гривой рухнет в пропасть. Я закрыл глаза и вспомнил моего отца-короля. Копыта Мирамис грохотали как гром.

Внезапно грохот прекратился. Я слышал стук копыт, но теперь они стучали по-другому. Мне показалось, будто Мирамис скачет по мягкому шелку. Я открыл глаза и увидел, что Мирамис парит в *воздухе*. О моя Мирамис с золотыми копытами и золотой гривой! Она мчалась по воздуху так же легко, как и по земле.

Она летела над облаками, а если бы захотела, могла перепрыгнуть через звезды. Ни у кого на свете нет такой замечательной лошади! И никто не может представить себе, как здорово, сидя на спине Мирамис, плыть по воздуху и видеть внизу Страну Заморскую, всю залитую солнцем.

— Юм-Юм, — кричал я. — Юм-Юм, Мирамис может летать над облаками!

— А ты разве не знал? — спросил Юм-Юм так, будто Мирамис только и делала, что летала по воздуху.

— Нет, откуда же мне знать, — ответил я.

— Ты еще так мало знаешь, Мио! — сказал Юм-Юм.

Долго-долго неслись мы в вышине. Мирамис перепрыгивала с одного облачка на другое. Прямо дух захватывало, до чего было здорово!

Наконец пришла пора приземляться. Мирамис медленно донесла нас до земли и остановилась. И мы оказались в Стране Заморской.

— А вот и зеленая роща для твоей Мирамис с золотой гривой, — сказал Юм-Юм. — Пусть пасется, а мы пока навестим Йри.

— Кто такой Йри? — спросил я.

— Скоро увидишь, — ответил Юм-Юм. — Йри со своими сестрами и братьями живет совсем рядом.

Он взял меня за руку и повел к стоявшему невдалеке домику. Маленькому белому домику с соломенной крышей, точь-в-точь такому, как в сказках. Трудно объяснить, почему домик казался сказочным: то ли от него веяло стариной, то ли вековые деревья, которые росли кругом, придавали ему такой вид, а может, была какая другая причина, не знаю.

Во дворе перед домом виднелся старинный круглый колодец. Может, это колодец придавал домику сказочный вид? В наше время таких колодцев больше не увидишь. По крайней мере, мне видеть не приходилось.

Вокруг колодца сидело пятеро ребятишек. Старший мальчик улыбнулся нам доброй улыбкой.

— Я видел, как вы подъехали. У вас отличная лошадь.

— Ее зовут Мирамис, — ответил я. — Это Юм-Юм, а я — Мио.

— Я вас знаю, — сказал мальчик. — Меня зовут Йри, а это мои братья и сестры.

Видно было, что они рады нашему приезду.

На улице Уппландсгатан такой встречи и ждать нечего. Там мальчишки огрызались, как волчата, на каждого незнакомца, осмелившегося к ним подойти. Они всегда находили кого-нибудь, над кем могли поиздеваться, кого не брали с собой в игру или вовсе прогоняли. Чаще всего прогоняли меня. Только один Бенка всегда играл со мной... Вожаком мальчишек на Уппландсгатан был самый большой из них — Янне. Я не сделал Янне ничего плохого, но стоило ему увидеть меня, как он начинал кричать: «Убирайся отсюда подобра-поздорову, а не то как врежу — закачаешься!» После этого мне нечего было и мечтать поиграть с ребятами в лапту. Ведь вся улица была на стороне Янне и во всем подражала ему, потому что Янне был вожаком.

И теперь я просто удивлялся, когда встречал таких приветливых ребят, как Йри с его братьями и сестрами, Юм-Юм или Нонно.

Мы с Юм-Юмом уселись рядом с Йри. Я заглянул в колодец. Он был такой глубокий, дна не видеть.

— Как же вы достаете воду? — спросил я.

— Мы не достаем оттуда воду, — ответил Йри. — Это не простой колодец.

— Что же это за колодец? — спросил я.

— Это — колодец-сказочник. Он нашептывает сказки по вечерам, — ответил Йри.

— Как так? — изумился я.

— Потерпи до вечера, узнаешь.

Весь день мы провели с Йри, его братьями и сестра-

ми, играя под кронами вековых деревьев. А когда проголодались, сестра Йри, Минонна-Нелль, сбегала на кухню за хлебом. Как у бабушки нашего друга Нонно, то был хлеб насущный, и мне он показался таким же вкусным, как и у нее.

В траве под деревьями я вдруг увидел серебряную ложечку. Я показал ее Йри, и он сразу грустит.

— Это ложечка нашей сестренки, — сказал он. — Мию нашел ложечку нашей сестренки! — закричал он своим братьям и сестрам.

— А где ваша сестренка? — спросил я.

— Рыцарь Като, жестокий рыцарь Като похитил ее.

Только он назвал это имя, в воздухе сразу похолодало. Огромный подсолнух в саду увял, а крылья у бабочек отвалились. Никогда они уже не смогут летать. А я почувствовал, что боюсь рыцаря Като, просто ужасно боюсь.

Я протянул Йри серебряную ложечку, но он сказал:

— Возьми себе ложечку нашей сестренки. Ей она больше не понадобится; раз ты нашел ее, она твоя.

Услыхав, что их сестренке ложечка больше не понадобится, малыши заревели.

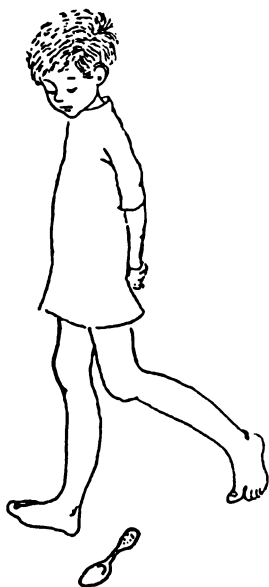
Но мы снова затеяли игры и старались не думать о грустных вещах. Ложечку я сунул в карман и позабыл о ней.

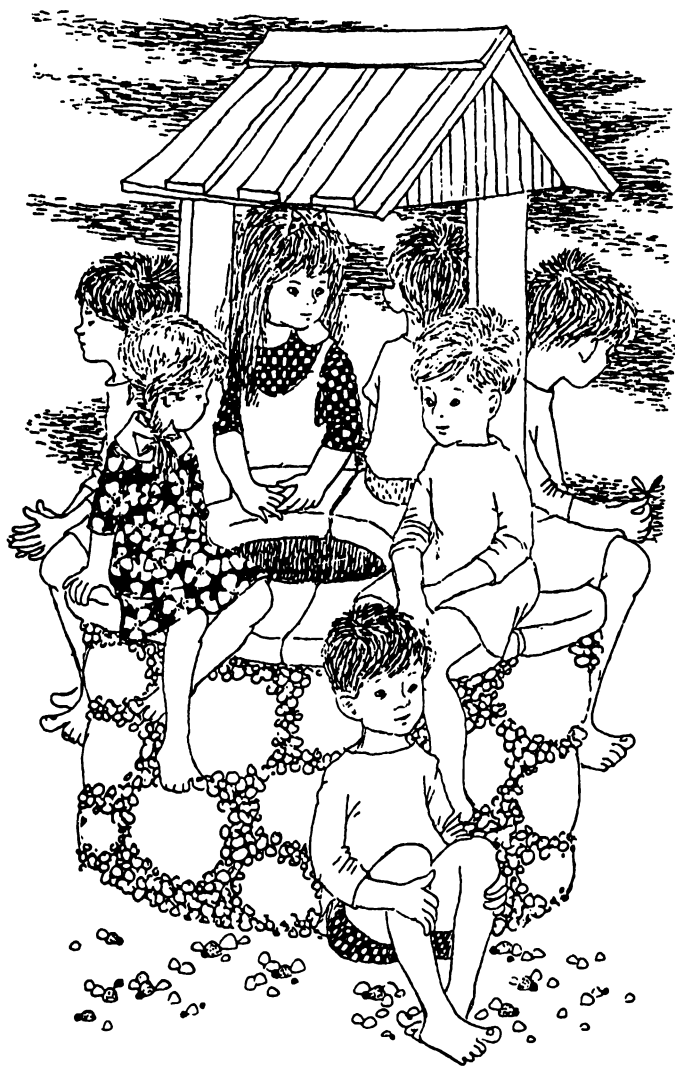
День клонился к вечеру, стало смеркаться. Тогда Йри, таинственно подмигнув малышам, сказал:

— Пора!

Все уселись на краю колодца, мы с Юм-Юмом тоже сели рядом.

— Тише! Ни слова! — прошептал Йри.

Мы сидели молча и ждали. В роше старых деревьев быстро сгущались тени. Домик Ёри погружался в таинственный полумрак.

Казалось, что-то серое, таинственное, древнее окружает со всех сторон дом, деревья, колодец, по краям которого мы примостились.

— Помолчим! — прошептал Ёри, хотя никто из нас и рта не открывал.

Мы еще немного помолчали. Между деревьями становилось все сумрачнее, все темнее. Было совсем тихо. Я ничего не слышал.

Но вот раздались какие-то звуки. Правда, правда, в колодце послышался чей-то шепот. Какой-то странный, ни на что не похожий *голос нашептывал сказки*. То были никому не ведомые сказки, самые прекрасные в мире. Ничего я так не люблю, как слушать сказки. Я улегся животом на край колодца, чтобы не пропустить ни словечка. Время от времени голос начинал напевать чудесные, диковинные песни.

— Что это за колодец? — спросил я Йри.

— Колодец, до краев полный сказок и песен, вот все, что я знаю, — ответил Йри. — Колодец забытых сказок и песен, которые в стародавние времена славились во всем свете. А теперь они забыты, и только колодец-сказочник хранит их в своей памяти.

Долго мы так сидели. Темнота все сгущалась между деревьями, а голос становился все тише и тише, пока совсем не смолк.

Далеко в зеленой роще заржала Мирамис. Она напомнила мне, что пора возвращаться домой к отцу.

— Прощай, Йри, прощай, Минонна-Нелль, прощайте, малыши! — сказал я.

— Прощай, Мио, прощай, Юм-Юм! — ответил Йри. — Приезжайте к нам еще.

— Конечно, приедем! — пообещал я.

Мы пошли к Мирамис, взобрались ей на спину и помчались домой. Мрак поредел: на небе взошла луна, осветила зеленые рощи, и деревья засеребрились, точно-точно как тополя в отцовском саду.

Мы подъехали к мосту Утреннего Сияния, но я с трудом узнал его. Это был совсем другой мост, он словно был выткан из серебряных лучей.

— Ночью мост называется иначе, — сказал Юм-Юм.

— Как же он называется ночью? — спросил я.

— Мост Лунного Сияния, — ответил Юм-Юм.

Мы скакали по мосту Лунного Сияния, который вот-вот должны были развести часовые. Мы видели костры, зажженные пастухами на Острове Зеленых Лугов. Отсюда они выглядели маленькими огоньками.

Весь мир был погружен в тишину, и только копыта Мирамис грохотали по мосту. При свете луны Мирамис казалась призрачной лошадью, а грива ее — не золотой, а серебряной.

Я вспомнил колодец-сказочник и сказки, которые слышал. Особенно мне понравилась одна, она начиналась так:

«Жил-был на свете королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он коня и отправился странствовать». Вот здорово! И я бы мог стать героем сказки! Я ведь тоже королевский сын!

Все ближе и ближе Остров Зеленых Лугов, копыта Мирамис грохочут как гром. Я все время думаю об этой сказке, она кажется мне такой прекрасной:

«Жил-был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он коня и отправился странствовать. Вот скачет он Дремучим Лесом...»

Вот скачет он Дремучим Лесом...

Когда я еще жил у дяди Сикстена и тети Эдлы, я частенько брал в библиотеке сказки. Но тетя Эдла терпеть этого не могла.

— Опять уткнулся носом в книгу! — ворчала она. — Вот потому ты такой заморыш, такой бледный и хилый, что не бываешь на воздухе, как другие дети!

Я-то бывал на воздухе — почти все время торчал на улице. Но тете Эдле и дяде Сикстену, верно, больше всего хотелось, чтобы я вовсе не возвращался домой. Теперь они небось рады: ведь я никогда не вернусь к ним.

Читать я мог только по вечерам, да и то урывками, и бледный был вовсе не поэтому. Посмотрела бы тетя

Эдла, как я окреп и вырос, каким стал загорелым и здоровым.

Очутись я на Уппландсгатан, я бы мог запросто вздуть Янне одной рукой, но я все равно не стал бы этого делать — просто не хочу.

Интересно, что сказала бы тетя Эдла, если б услышала про колодец, который нашептывает по вечерам сказки, если б узнала, что вовсе незачем сидеть на одном месте, уткнувшись носом в книги, а можно прямо на свежем воздухе слушать сколько хочешь сказки.

Может, это понравилось бы даже тете Эдле, хотя она, по правде сказать, никогда не бывает довольна.

«Жил-был королевич. Однажды в лунную ночь оседлал он коня и отправился странствовать. Вот скачет он Дремучим Лесом...»

Так нашептывал колодец, и я не мог забыть его слов. А если колодец рассказал эту сказку неспроста? Вдруг я и есть тот самый королевич, который скакал Дремучим Лесом и которому снова предстоит свершить этот путь?

Я спросил отца, не знает ли он, где Дремучий Лес. Конечно, он знал.

— Дремучий Лес в Стране Загорной, — сказал он. И до чего ж печально звучал его голос. — Зачем он тебе, Мио, мой Мио?

— Хочу побывать там нынче ночью, как взойдет луна, — отвечал я.

Мой отец, пораженный, взглянул на меня.

— Вот как! Уже нынче? — сказал он, и голос его зазвучал еще печальней.

— Может, ты против? — спросил я. — Может, ты будешь беспокоиться, если я уйду из дома и поскачу ночью в Дремучий Лес?

Отец покачал головой.

— Нет, — ответил он, — лес, мирно спящий при свете луны, никому не причинит зла.

Потом отец замолчал и сел, обхватив голову руками, — видно было, что он думает о чем-то грустном.

Обняв его за плечи, я сказал:

— Хочешь, я останусь дома, с тобой?

Он долго смотрел на меня; глаза его были печальны.

— Нет, Мио, мой Мио! Ты не останешься. Луна уже взошла, и Дремучий Лес ждет тебя.

— А ты и вправду ничуть не огорчился? — спросил я.

— Вправду, — ответил он, погладив меня по голове.

Тогда я побежал спросить Юм-Юма, не поедет ли он со мной в Дремучий Лес. Но отец тотчас окликнул меня:

— Мио, мой Мио!

Я обернулся: отец протягивал ко мне руки. Я бросился к нему, и он обнял меня. Мы долго стояли, крепко-крепко обнявшись, а потом я сказал:

— Ведь я скоро вернусь!

— Возвращайся скорее, — чуть слышно прошептал отец.

Юм-Юма я отыскал у домика садовника и рассказал ему, что собираюсь в Дремучий Лес!

— Вот как! Наконец-то! — воскликнул Юм-Юм.

Как все непонятно! Когда я сказал, что собираюсь в Дремучий Лес, отец удивился: «Вот как! Уже нынче?», а Юм-Юм: «Вот как! Наконец-то!» Но я не стал ломать над этим голову.

— Поедешь со мной? — спросил я Юм-Юма.

Юм-Юм глубоко вздохнул.

— Да! — ответил он. — Да! Да!

Мы пошли за Мирамис, которая паслась в саду среди кустов роз, и я сказал, что ей придется везти нас в Дремучий Лес.

Тут Мирамис заплясала, будто услышала очень приятную весть. Только мы с Юм-Юмом взобрались к ней на спину, как Мирамис вихрем помчалась вперед. Когда мы выезжали из сада, мне послышался голос отца.

— Мио, мой Мио! — звал он, и печальнее голоса мне слышать не доводилось.

Но свернуть с пути я не мог. Не мог.

Страна Загорная лежала от нас за тридевять земель. Пешком, без такой лошади, как Мирамис, нам бы туда ни за что не попасть. Нам бы ни за что не перевалить через высокие горные хребты, достающие чуть не до небес. Но Мирамис, точно птица, парила над вершина-

ми гор. Я велел ей опуститься на самую высокую из вершин, покрытую вечными снегами. Сидя на лошади верхом, мы разглядывали страну, ожидавшую нас у подножия гор.

Там, освещенный луной, виднелся Дремучий Лес. Он был таким красивым и вовсе не опасным. Видно, и в самом деле лес, тихо спящий при свете луны, никому не причинит зла.

Да, правду говорил мой отец: не только люди добры в этой стране. Леса и луга, ручьи и зеленые рощи приветливо встречали человека, ночь была такая же ласковая, как и день, луна светила таким же мягким светом, как и солнце, а темнота в лесу ничем не отличалась от обычной темноты. Так что бояться было нечего!

Только одного, одного-единственного надо было бояться!

Вдали за Дремучим Лесом я увидел страну, погруженную во мрак, страшный, беспросветный мрак. Посмотришь на него и содрогнешься.

— Что за ужасная страна! — сказал я Юм-Юму.

— Там начинается Страна Чужедальняя, — ответил Юм-Юм. — Эти земли граничат с ней.

— Страна рыцаря Като! — воскликнул я.

Тут Мирамис задрожала всем телом, а огромная каменная глыба откололась от горы и со страшным грохотом покатилась вниз в долину.

Да, только одного рыцаря Като надо было бояться! Очень бояться! Но мне не хотелось больше думать о нем.

— В Дремучий Лес, — сказал я Юм-Юму. — В Дремучий Лес — вот куда я хочу!

Тут Мирамис заржала, и высоко в горах гулко отозвалось эхо. Мирамис медленно поплыла по воздуху вниз, к освещенному луной лесу, который рос у подножия гор. А из леса донеслись ответные звуки, будто сотня лошадей заржала в ночи.

Мы опускались все ниже и ниже, и наконец копыта Мирамис коснулись верхушек деревьев... Мы продол-

жали опускаться между зеленых ветвей. И вот мы оказались в Дремучем Лесу.

На своем веку я повидал не так уж много лесов, но, сдается мне, вряд ли найдется на свете хоть один, похожий на этот. Дремучий Лес хранил тайну. Великая, удивительная тайна скрывалась в нем — я это чувствовал. Но, видно, луна набросила на нее свой покров, и я ничего не мог разгадать. Шелестели деревья, они шептали про эту тайну, но я ничего не мог понять. Деревья мерцали при свете луны, они знали эту тайну, а я ничего не знал.

Вдруг мы услышали вдали топот копыт. Словно сотня лошадей неслась во весь опор в ночи, а когда Мирамис

заржала, словно сотня лошадей заржала ей в ответ. Все ближе и ближе раздавался топот копыт, все неистовей становилось дикое ржание. Не успели мы опомниться, как на нас налетела лавиной сотня белоснежных лошадей с развевающимися гривами. Мирамис оказалась в середине табуна, и лошади понеслись вскачь по лесной прогалине. Юм-Юм и я соскочили на землю и, стоя под деревом, смотрели, как белоснежные лошади с Мирамис впереди в диком неистовстве носятся при свете луны взад и вперед.

— Смотри, как они радуются! — сказал Юм-Юм.

— Чему они радуются? — спросил я.

— Тому, что Мирамис вернулась домой, — ответил Юм-Юм. — Разве ты не знаешь, что Мирамис родом из Дремучего Леса?

— Нет, не знаю, — сказал я.

— Ты так мало знаешь, Мио! — сказал Юм-Юм.

— Как же Мирамис попала ко мне? — спросил я.

— Твой отец послал в Дремучий Лес гонца с наказом: одна из его белых лошадей должна отправиться на Остров Зеленых Лугов и стать твоей лошастью.

Я смотрел на Мирамис, которая носилась во всю прыть при свете луны, и радовался. Но вдруг почувствовал беспокойство.

— Как ты думаешь, Юм-Юм, Мирамис не сердится, что ей пришлось стать моей лошастью? — спросил я. — Может, она тоскует по Дремучему Лесу?

Только я произнес эти слова, как Мирамис подбежала ко мне. Она положила голову мне на плечо и тихонько заржала.

— Видишь, она любит тебя, — сказал Юм-Юм.

Я был счастлив. Потрепав Мирамис по холке, я протянул ей кусок сахара, и она, мягко ткнувшись носом в руку, взяла у меня сахар.

Мы поехали дальше, все лесом и лесом, а сотня белоснежных лошадей скакала за нами следом.

В воздухе носилась тайна. Весь лес знал эту тайну, ее знало каждое дерево, липы и осины тихо шелестели, нашептывая о ней, когда мы проезжали мимо. Белоснежные лошади знали ее.

Все, кроме меня, знали эту тайну! Юм-Юм был прав, говоря: «Ты так мало знаешь, Мио!» Я пустил Мирамис вскачь. Мы мчались вихрем. Мой красный плащ зацепился за ветку дерева. Может, дерево хотело остановить меня; может, оно хотело поведать мне тайну? Но я так спешил. Я поскакал дальше, не обращая внимания на то, что в плаще моем зияла прореха.

Вдруг посреди леса мы увидели белоснежный сказочный домик с соломенной крышей. Вокруг цвели яблони. В свете луны они отливали молочной белизной. Окошко домика было открыто, и оттуда доносился

какой-то мерный стук. Можно было подумать, что там кто-то ткал.

— Поглядим, что там, — сказал я Юм-Юму.

— Давай поглядим! — ответил Юм-Юм.

Соскочив с лошади, мы направились по тропинке меж яблонь к дому. Я взялся за ручку двери, и стук прекратился.

— Войдите, милые мальчики! — сказал кто-то. — Я так давно вас жду.

Мы вошли в дом. Там за ткацким станком сидела женщина. Она ласково кивнула нам.

— Почему ты ночью не спишь, а работаешь? — спросил я.

— Я тку волшебное полотно. А делать это можно только ночью.

Луч луны проник в окошко и осветил ткань. Как красиво она переливалась! Красивее ткани я в жизни не видел.

— Волшебную ткань ткут всегда ночью, — повторила женщина.

— А из чего ее ткут, такую красивую? — спросил я.

Женщина не ответила и снова принялась ткать, тихо напевая под стук станка:

Свет холодной луны,
Сердца алая кровь,
Пурпур и серебро,
Белой яблони цвет, шелка нежная ткань
Мягче ветра ночного в траве.
А на вершине сосны птица Горюн поет.

Ткачиха пела тихо и заунывно. Только она смолкла, как в лесу раздалась другая песня, которую я тотчас узнал. Правду сказала ткачиха: над лесом пела птица Горюн, вещая горе. Сидя на самой макушке дерева, она пела так, что тоска сжимала сердце.

— Почему птица Горюн поет так печально? — спросил я ткачиху.

Женщина заплакала, слезы ее скатывались на полотно, оборачиваясь маленькими прозрачными жемчужинами, и ткань становилась краше прежнего.

— Почему птица Горюн поет так печально? — снова спросил я.

— Она поет о моей маленькой дочке, — ответила ткачиха, горько плача. — Она поет о моей маленькой дочке, которую похитил разбойник.

— Что за разбойник похитил твою маленькую дочку? — спросил я, хотя уже понял, о ком идет речь и кто этот разбойник. — Не надо, не упоминай его имени, — добавил я немного погодя.

— Не буду, — ответила ткачиха, — а то угаснет свет луны, и белоснежные лошади заплачут кровавыми слезами.

— Почему они заплачут кровавыми слезами? — спросил я.

— Им жаль своих маленьких жеребят, которых тоже похитил разбойник, — сказала ткачиха. — Слушай, как поет над лесом птица Горюн.

Я стоял посреди комнаты и слушал, как на воле поет птица Горюн. Вечерами она часто пела мне в отцовском саду, но тогда я не понимал, о чем она поет. Теперь я знал: она пела о маленькой дочке ткачихи, о братьях нашего друга Нонно, о сестренке мальчика Йри и еще о многих-многих других, кого схватил и увез в свой замок злой рыцарь Като.

Вот почему горевали люди в маленьких домиках на Острове Зеленых Лугов, в Стране Заморской, по ту сторону фьорда, и в Стране Загорной. Они горевали о детях, о своих детях. Даже лошадям в Дремучем Лесу было о ком горевать, и они плакали кровавыми слезами, когда слышали имя разбойника.

Рыцарь Като! Как я боялся его! Как боялся! Но, стоя здесь, в этой комнате, и слушая песню птицы Горюн, я вдруг понял, зачем скакал Дремучим Лесом нынче ночью. За Дремучим Лесом начинались земли

Страны Чужедальной. Туда-то мне и надо. Туда-то мне и надо, чтобы сразиться с рыцарем Като, хотя я так боялся его, так боялся! Глаза мои наполнялись слезами, как только я представлял себе, что меня ждет.

Женщина снова принялась ткать. Не обращая внимания ни на Юм-Юма, ни на меня, она вполголоса напевала под стук станка все ту же заунывную песню:

Свет холодной луны,
Сердца алая кровь...

— Юм-Юм, — сказал я. И голос мой зазвучал как-то странно. — Юм-Юм, я отправляюсь в Страну Чужедальную.

— Знаю, — ответил Юм-Юм.

Ну и удивился же я!

— Как ты узнал? — спросил я.

— Ты так мало знаешь, Мио! — сказал Юм-Юм.

— А ты, ты знаешь, верно, все? — спросил я.

— Да, знаю, — ответил Юм-Юм. — Я уже давно знаю, что тебе предназначено отправиться в Страну Чужедальную. Все это знают.

— Все это знают?

— Да, — сказал Юм-Юм. — Птица Горюн знает. Ткачиха знает. Белоснежные лошади знают. Весь Дремучий Лес знает: деревья шепчут про это, и травы, и цветущие яблони — все это знают.

— Да ну! — удивился я.

— Каждый пастух на Острове Зеленых Лугов знает, и по ночам его флейта поет об этом. Нонно знает. Его бабушка знает, Йри с братьями и сестрами тоже знают. Колодец, который нашептывает по вечерам сказки, тоже знает. Говорю тебе, все это знают.

— А мой отец?.. — прошептал я.

— Твой отец всегда это знал, — сказал Юм-Юм.

— И он хочет, чтоб я отправился туда? — спросил я, не в силах сдержать дрожь в голосе.

— Да, хочет! — ответил Юм-Юм. — Он страдает, но хочет, чтоб ты отправился туда.

— Но я так боюсь! — признался я, плача. Только сейчас я по-настоящему понял, как боюсь. — Юм-Юм, у меня не хватит на это смелости, — сказал я, обнимая своего друга. — Почему мой отец-король хочет, чтоб именно я свершил этот подвиг?

— Мальчик королевского рода — единственный, кому суждено свершить этот подвиг.

— А если я погибну? — спросил я, крепко ухватившись за руку Юм-Юма.

Он не ответил.

— И мой отец хочет, чтоб я все равно отправился туда?

Женщина перестала ткать — в комнате стало тихо. Смолкла птица Горюн. Замерли листья на деревьях, не слышно было ни малейшего шелеста. Стояла мертвая тишина.

Юм-Юм кивнул и едва слышно сказал:

— Да, твой отец все равно хочет, чтоб ты отправился туда.

— У меня не хватит смелости, — закричал я. — Не хватит! Не хватит!

Юм-Юм молчал. Он только смотрел на меня, не говоря ни слова. Снова запела птица Горюн, и от ее песни сердце замерло у меня в груди.

— Она поет о моей маленькой дочке, — сказала ткачиха, и слезы ее жемчужинками покатались по полотну.

Я сжал кулаки.

— Юм-Юм! — сказал я. — Я еду в Страну Чужедальнюю!

При этих словах за окном пронесся ветер. Дремучий Лес зашумел, а птица Горюн залилась песней, такой звонкой, какой не слышал еще ни один лес в мире.

— Я знал это! — сказал Юм-Юм.

— Прощай, Юм-Юм! — сказал я, чувствуя, что вот-вот зареву. — Прощай, дорогой Юм-Юм.

Юм-Юм посмотрел на меня, посмотрел как будто глазами Бенки и, улыбнувшись, сказал:

— Я поеду с тобой!

Вот это друг! Юм-Юм — настоящий друг. Я так обрадовался, когда он сказал, что поедет со мной! Но я не хотел подвергать его жизнь опасности.

— Нет, Юм-Юм! — сказал я. — Ты не поедешь со мной, ты не можешь ехать со мной!

— Нет, поеду! — возразил Юм-Юм. — «Мальчик королевского рода, верхом на белоснежной лошади, и с ним единственный друг» — так было предсказано. И не тебе менять то, что было предназначено много-много тысяч лет назад.

— Много-много тысяч лет назад, — повторила ткачиха. — Помнится, ветры пели про это в тот самый вечер, когда я сажала свои яблони, а было это давным-давно. Много-много тысяч лет назад. Подойди ко мне, Мио! — позвала она. — Я почию твой плащ.

Взяв волшебную ткань, она отрезала лоскуток и зашила прореху в моем плаще. Но это еще не все. Она подбила мой плащ сверкающей тканью и набросила его мне на плечи.

— Свое лучшее полотно я отдаю тому, кто спасет мою маленькую дочку, — сказала ткачиха. — А еще ты получишь хлеб, хлеб насущный. Береги его. Ты еще узнаешь голод!

Она дала мне хлеб, и я поблагодарил ее. Потом, обернувшись к Юм-Юму, спросил:

— Мы готовы в путь?

— Да, готовы! — ответил Юм-Юм.

Выйдя из домика, мы пошли по тропинке меж яблонями. Едва мы уселись верхом на Мирамис, как птица Горюн расправила свои черные крылья и взмыла к горным вершинам.

Когда мы скакали между деревьев, сотня белоснежных лошадей глядела нам вслед. Они нас не провожали. Цветущие яблони белели, как снег, при свете луны. Они белели, как снег... Может, я никогда больше не увижу таких прекрасных яблонь в белом цвету...

Заколдованные птицы

Может, я никогда больше не увижу яблонь в цвету, не услышу шелеста зеленых деревьев и шелковистых трав. Потому что мы едем в страну, где нет цветов, где не растут ни деревья, ни травы.

Мы скачем в ночи. Все вперед и вперед. Освещенный светом луны приветливый лес остался далеко позади. Впереди сгущается мрак. Свет луны меркнет, земля становится сухой и каменистой, вокруг отвесной стеной вздымаются голые скалы. Они надвигаются все ближе и ближе. И вот мы уже скачем меж высоких черных стен по тесной глухой тропинке на самом дне ущелья.

— Ах, если бы тропинка была не такая глухая, — сказал Юм-Юм, — горы не такие черные, а мы не такие маленькие и беззащитные.

Тропинка змеилась и извивалась; казалось, тысяча опасностей подстерегает нас за каждым поворотом. Видно, Мирамис тоже чувствовала это. Она дрожала всем телом и хотела уже повернуть назад. Но я крепко держал поводья. Тропинка становилась все уже, черные скалы по сторонам все выше. Мрак сгущался, и вот мы подъехали к чему-то похожему на ворота. Это была тесная расщелина между скал. А там, за расщелиной, клубился ночной мрак, мрак, чернее которого нет ничего в целом мире.

— Страна Чужедальняя, — прошептал Юм-Юм. — Это ворота в Страну Чужедальнюю.

Мирамис яростно сопротивлялась. Она встала на дыбы и дико ржала. Только эти ужасные звуки нарушали тишину. Во мраке за воротами царило гробовое молчание. Глухой мрак словно подстерегал нас, — казалось, он поглотит нас, как только мы окажемся по ту сторону ворот.

Я знал, что мне предстоит окунуться в этот мрак. И все-таки я больше не боялся.

Теперь, когда я знал, что уже много-много тысяч лет назад мне на роду было написано пройти сквозь эти мрачные ворота, я почувствовал себя смелее. Я подумал: «Будь что будет, пусть я даже никогда не вернусь обратно, все равно бояться я больше не стану».

Я погнал Мирамис в темноту. Когда лошадь поняла, что я вовсе не собираюсь поворачивать назад, она с быстротой молнии проскочила сквозь тесную расщелину и понеслась дальше по мрачным дорогам Страны Чужедальней. Мы мчались в ночи, вокруг нас стояла черная мгла, и я не видел дороги.

Но со мной был Юм-Юм. Он сидел за моей спиной, изо всех сил держась за меня, и я любил его как никогда. Я был не один, меня сопровождал друг, мой

единственный друг! Почти все, что было предсказано, сбывалось.

Не знаю, сколько времени мы мчались во мраке. Быть может, одно мгновение, быть может, долгие-долгие часы. А может, много-много тысяч лет! Во всяком случае, нам так казалось. Скачка наша напоминала страшный, тяжелый сон, от которого просыпаешься с безумным криком и, лежа в постели, еще долго испытываешь страх. Но от нашего сна пробуждения не было.

Мы скакали и скакали, не зная куда, не зная, сколько времени мы скачем. Мы просто скакали в ночи.

И вдруг Мирамис остановилась. Мы подъехали к озеру. Ни один самый страшный сон не сравнится с этим озером. Иной раз мне снятся глубокие черные воды, которые разверзаются предо мной. Но ни мне, ни другим людям, ни одному человеку в мире никогда и не снились такие черные воды, какие открылись моим глазам. То были самые угрюмые, самые грозные воды на свете. Озеро замыкали черные утесы. И птицы, несметное множество птиц кружило над мрачными водами. В темноте их не было видно, только слышались их крики. И печальнее этих криков мне слышать ничего не доводилось. О, как я жалел этих птиц! Казалось, будто они зовут на помощь, будто они в отчаянии плачут.

На другом берегу озера на самой высокой скале стоял высокий черный замок. Там светилось одно-единственное окошко. Оно, это окошко, светилось, словно злое человеческое око, жестокое и ужасное око, подстерегавшее нас в ночи и желавшее нам зла.

— Замок рыцаря Като, — прошептал Юм-Юм.

Мирамис задрожала.

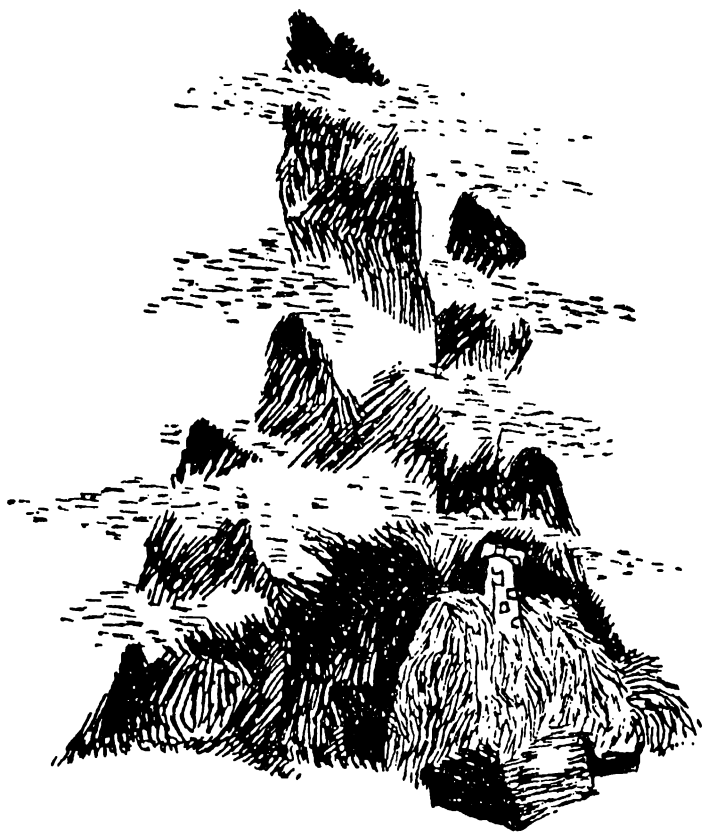
Замок рыцаря Като! Там, по другую сторону черных вод, был мой враг, тот, с кем мне предстояло сразиться. Злое око над озером пугало меня, хотя я твердо решил больше не бояться. Оно пугало меня и словно предостерегало: тебе ли, малышу, победить такого грозного и опасного рыцаря, как Като?

— Тебе понадобится меч! — сказал Юм-Юм.

Только он произнес эти слова, как вблизи послышался чей-то стон.

— Ох... ох... ох! — стонал кто-то. — Я умираю с голоду, ох... ох... ох!

Я понимал, что идти на голос опасно. Нас могут заманить в ловушку. Но все равно: кто бы ни был этот человек, надо во что бы то ни стало отыскать

его и узнать, может, и вправду ему нужна наша помощь.

— Я пойду с тобой! — отозвался на мои мысли Юм-Юм.

— А ты, Мирамис, останешься здесь! — потрепав лошадь по холке, приказал я.

Мирамис тревожно заржала.

— Не бойся! — успокоил я. — Мы скоро вернемся.

— Ох... ох... ох! — слышалось снова. — Умираю с голоду, ох... ох... ох!

Ощупью, спотыкаясь и падая в темноте, пробирались мы в ту сторону, откуда доносились стоны. И наконец наткнулись на дряхлую лачугу. Это была такая развалюха, что не подпирай ее скала, лачуга давным-давно бы рухнула. В ее окошке светился огонек.

Мы подкрались и тихонько заглянули в дом. Там сидел дряхлый старик, тощий, жалкий, сгорбленный старик с всклокоченной седой головой. В очаге едва теплился огонь, а старик, сидя у очага, раскачивался из стороны в сторону и стонал:

— Ох... ох... ох! Умираю с голоду, ох... ох... ох!

Мы вошли. Старик сразу замолчал, вытаращив на нас глаза. Мы стояли у двери, а он таращил глаза, будто никогда не видел таких, как мы. Потом, словно испугавшись, закрыл лицо высохшими, дряхлыми руками.

— Не обижайте меня! — прошептал он. — Не обижайте меня!

— Мы и не думаем обижать тебя, — сказал я. — Мы услышали, что ты хочешь есть. Мы пришли накормить тебя.

Разломив каравай хлеба, который дала нам ткачиха, я протянул кусок старику. Он продолжал таращить на меня глаза. Я поднес хлеб еще ближе, но старик только испуганно глядел на меня.

— Бери, — сказал я. — Не бойся!

Осторожно протянув руки, он взял хлеб. Он взял его обеими руками, он помял его, потом поднес хлеб к носу и понюхал его. И вдруг заплакал.

— Хлебушко, — прошептал он. — Хлебушко наш насущный!

И стал есть хлеб. Никогда мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так жадно ел. Он все ел и ел. А когда доел последнюю корку, стал подбирать крошки с колен. И только подобрав все до последней крошки, снова взглянул на нас.

— Откуда вы? Откуда такой хлеб? Заклинаю вас всеми моими черными голодными днями, скажите: откуда вы?

— Мы из Страны Дальней. И хлеб оттуда.

— Зачем вы пришли сюда? — прошептал старик.

— Сразиться с рыцарем Като! — сказал я.

Только я это сказал, старик вскрикнул и свалился с лавки. Словно маленький серый клубок, покатился он по полу, а потом подполз к нам.

— Ступайте прочь! Уходите! Уходите откуда пришли! — шептал он. — Уходите, пока не поздно!

— Не уйду! — сказал я. — Я пришел сразиться с рыцарем Като.

Я произнес имя рыцаря Като громко и отчетливо как только мог. Онемев от страха, старик смотрел на меня, словно ожидал, что я вот-вот упаду мертвым.

— Тсс-тсс! — прошептал он. — Тише! Тебя могут услышать стражники. Может, они уже подслушивают.

Тихонько проковыляв к двери, он боязливо прислушался.

— Ничего не слышать! — сказал он. — Но все равно они могут быть там! Здесь и там, повсюду! Стражники — по... повсюду!

— Стражники рыцаря Като? — спросил я.

— Замолчи, мальчик! — прошептал старик. — Тебе, видно, надоела твоя молодая жизнь!

Усевшись на лавку, он покачал головой.

— Да, да! — едва слышно сказал старик. — Его стражники повсюду. Утром, вечером и ночью. Всегда и повсюду.

Протянув руку, он взял мою ладонь в свою.

— Заклинаю всеми моими черными голодными днями, — прошептал старик, — не верь никому! Ты войдешь в какой-нибудь дом... тебе покажется, что ты — среди друзей. Не верь: ты — среди врагов. Они изменят тебе. Они вероломно предадут тебя. Не верь никому, говорю тебе! Не верь мне! Откуда тебе знать — вдруг я натравлю на тебя стражников, не успеешь ты переступить порог?

— Ты этого не сделаешь, — сказал я.

— Никто не может быть в этом уверен, — прошептал старик. — Никогда никто не может быть в этом уверен.

Он помолчал в раздумье.

— Нет, я не натравлю на тебя стражников! — сказал он. — Не все в этой стране предатели. А есть и такие, кто кует оружие.

— Нам нужно оружие! — сказал Юм-Юм. — Мию нужен меч.

Старик не ответил.

Подойдя к окошку, он распахнул его. С озера доносились горестные крики птиц. Казалось, будто они плачут где-то там, в ночном мраке.

— Слышишь? — спросил меня старик. — Слышишь, как они оплакивают свою судьбу? Хочешь тоже стать птицей и кружить над озером, оплакивая свою судьбу?

— Что это за птицы? — спросил я.

— Заколдованные птицы! — прошептал старик. — Ты сам догадаешься, кто их заколдовал. Видишь теперь, что ожидает того, кто решил сразиться с рыцарем Като?

Услыхав эти слова, я сильно опечалился. Птицы! Ведь это, значит, братья нашего друга Нонно, сестренка мальчика Йри, маленькая дочка ткачихи и многие-многие другие. Всех их похитил и заколдовал рыцарь Като. О, я сражусь с ним! Я должен это сделать!

— Мио нужен меч! — повторил Юм-Юм. — Нельзя сражаться без меча.

— Ты сказал, здесь есть такие, кто кует оружие, — напомнил я старику.

Он взглянул на меня почти сердито.

— Видать, ты не боишься за свою молодую жизнь, — сказал он.

— Где найти тех, кто кует оружие? — повторил я.

— Тише! — сказал старик и быстро затворил окошко. — Тише, а не то стражники услышат!

Подкравшись на цыпочках к двери и приложив ухо к замочной скважине, он прислушался.

— Ничего не слышно! — сказал он. — Но все равно они могут быть там. Стражники повсюду.

Наклонившись ко мне, он зашептал прямо в ухо:

— Пойдешь к Кующему Мечи и передашь привет от Эно. Скажешь, что тебе нужен меч, рассекающий камень. Скажешь: ты — рыцарь из Страны Дальней.

Он долго смотрел на меня.

— Сдается мне, это ты и есть, — сказал он. — Разве не так?

— Да, это так! — ответил за меня Юм-Юм. — Он рыцарь и принц. Принц Мио из Страны Дальней. И ему нужен меч.

— Где найти Кующего Мечи? — спросил я.

— В самой глубокой пещере самой черной на свете горы, — сказал старик. — Ступай Мертвым Лесом! Ступай!

Подойдя к окошку, он снова отворил его. И опять с озера донеслись крики птиц в ночи.

— Ступай, принц Мио! — сказал старик. — Желаю тебе удачи! Ох, неужели завтра ночью я услышу, как ночная птица, кружа над озером, оплакивает свою судьбу?..

В Мертвом Лесу

Не успела захлопнуться за нами дверь лачуги Эно, как я услышал ржание Мирамис. Она ржала громко и отчаянно, будто кричала: «Мио! Сюда! На помощь!»

Сердце мое замерло от страха.

— Юм-Юм! Что они делают с Мирамис?! — закричал я. — Слышишь? Что они делают с Мирамис?

— Тише! — сказал Юм-Юм. — Они схватили ее... стражники схватили Мирамис!

— Стражники схватили Мирамис! — закричал я, ничуть не заботясь о том, что меня могут услышать.

— Тише, — прошептал Юм-Юм. — А не то они схватят и нас!

Но я не слушал его. Мирамис, моя милая лошадка! У меня отнимают мою милую Мирамис! Самую прекрасную, самую добрую лошадь в мире.

Снова послышалось ржание Мирамис. Мне почудилось, будто она кричит: «Мио, неужели ты не поможешь мне?»

— Идем, — сказал Юм-Юм, — посмотрим, что они делают с Мирамис.

Мы карабкались во мраке по скалам. Мы ползли, цепляясь за острые уступы. Я ободрал пальцы в кровь, но был в таком отчаянии, что даже не почувствовал боли.

Я увидел Мирамис на вершине скалы, она казалась такой белой в темноте. Моя Мирамис, самая белоснежная, самая прекрасная лошадь в мире!

Она громко ржала и вставала на дыбы, стараясь вырваться на волю. Но пятеро стражников окружили ее со всех сторон. Двое тянули за узду. Бедная Мирамис была напугана до смерти. Ничего удивительного!

Страшно было смотреть на этих черных стражников и слышать, как они переговариваются своими жуткими хрипыми голосами. Юм-Юм и я осмелились подползти совсем близко; мы лежали, укрывшись за скалой, и слышали все, что говорили стражники.

— Лучше всего переправить ее Мертвым Озером в черной ладье, — сказал один.

— Да, по Мертвому Озеру, прямо к рыцарю Като, — сказал другой.

Я чуть было не закричал, чтоб они отпустили мою лошадь. Но удержался. Кто сразится с рыцарем Като, если стражники схватят меня? О, почему именно я должен сразиться с рыцарем Като?

Укрывшись за скалой, я раскаивался в том, что сделал. Почему я не остался дома с отцом? Тогда никто не посмел бы отобрать мою Мирамис! Над озером разносились крики заколдованных птиц. Какое мне дело до них! Пусть они останутся заколдованными навечно. Только бы мне вернули мою Мирамис с золотой гривой.

— Кто-то нарушил границу, — сказал один из стражников. — Кто-то прискакал на белой лошади. Враг среди нас.

— Хорошо, если враг среди нас, — сказал другой. — Тем скорее мы схватим его. Тем скорее рыцарь Като раздавит и уничтожит его.

Я вздрогнул, услышав эти слова. Враг, который нарушил границу, был я. Тот, кого раздавит и уничтожит рыцарь Като, был тоже я. Ах, как я раскаивался в том, что пришел сюда! Я хотел обратно к отцу. Ведь он, наверно, беспокоится и скучает обо мне, думал я. Как бы мне хотелось, чтоб он был здесь и помог мне! Как бы мне хотелось поговорить с ним хоть немножко! Я бы сказал ему:

— Знаю. Ты хочешь, чтоб я сразился с рыцарем Като, но, пожалуйста, избавь меня от этого! Помоги мне вернуть Мирамис и позволь нам уйти отсюда! Ты ведь знаешь: своей лошади у меня никогда не было, и я так люблю ее. Ты знаешь: отца у меня тоже никогда не было. А если рыцарь Като схватит меня, нам не быть с тобой вместе. Помоги мне выбраться отсюда! Не хочу здесь дольше оставаться! Хочу быть с тобой! Хочу вместе с Мирамис вернуться домой на Остров Зеленых Лугов...

И вот, когда я лежал, укрывшись за скалой, и думал обо всем об этом, мне почудилось, будто я слышу голос моего отца-короля.

— Мио, мой Мио! — сказал он.

Только и всего. Но я понял: отец хочет, чтоб я был храбрым, не валялся бы здесь за скалой, не плакал и не кричал, как маленький ребенок, если даже они отнимут мою Мирамис. Ведь я — рыцарь! Я уже не тот Мио, ко-

торый строил шалаши в саду среди роз и бродил, играя на флейте, по холмам Острова Зеленых Лугов. Я — рыцарь, *добрый* рыцарь, а не злой, как рыцарь Като. А рыцарь должен быть мужественным и не плакать.

Я больше не плакал, хотя видел, как стражники заставили Мирамис — она страшно ржала — спуститься вниз к озеру и погрузили ее на борт большой черной ладьи. Я не плакал, когда стражники сели на весла и я услышал мерные всплески темной воды под ударами весел. Все глуше и глуше слышались всплески воды, и, прежде чем ладья скрылась из виду и исчезла во мраке, с озера донеслось последнее, далекое и отчаянное ржание, но я не плакал. Рыцари не плачут!

Неужели я не плакал? Сказать по правде, плакал, да еще как! Укрывшись за скалой, прижавшись лбом к каменистой земле, я громко ревел, никогда еще я так не ревел! Добрый рыцарь всегда говорит правду. По правде сказать, я плакал навзрыд. Вспоминая преданный взгляд Мирамис, я просто обливался слезами.

Может, мои слезы тоже были кровавыми, как слезы тех белоснежных лошадей, которые плакали о своих жеребятках. Кто знает? В ночном мраке трудно было разглядеть. Моя Мирамис с золотой гривой! Она исчезла, и, верно, я больше никогда не увижу ее.

Склонившись надо мной, Юм-Юм положил руку мне на плечо.

— Не плачь, Мию! — сказал он. — Пора идти к Кующему Мечи. Тебе нужен меч.

Слезы подступали к горлу, но я взял себя в руки.

— Да, надо найти Кующего Мечи, — сказал я Юм-Юму. — Мрак укроет нас от стражников. Пока не кончилась ночь, надо пересечь Мертвый Лес.

Цепляясь за выступы скал, мы стали спускаться к лачуге Эно. Она стояла мрачная и молчаливая. Мы двинулись дальше в ночную мглу и вышли наконец к лесу. То был настоящий Мертвый Лес: здесь не играл ветерок, не дрожала листва. Да ее и не было. Не было ни одного, даже самого маленького листочка. Одни мертвые черные стволы с черными узловатыми мертвыми ветвями.

— Вот мы и вошли в Мертвый Лес! — сказал Юм-Юм, когда мы проходили меж черных деревьев.

— Войти-то мы вошли, — сказал я. — Но, сдается мне, нам отсюда не выйти.

В этом лесу и в самом деле запросто собьешься с пути. Такой лес может присниться лишь в страшном сне: идешь-идешь, а ему конца-края нет.

Юм-Юм и я крепко держались за руки — мы чувствовали себя маленькими заблудившимися детьми. А лес был такой дремучий.

— Ах, если бы лес был не такой дремучий, — сказал Юм-Юм, — тьма не такая крошечная, а мы не такие маленькие и беззащитные!

Мы шли и шли. То и дело слышались голоса. Это были голоса стражников. Правду сказал Эно: стражники рыцаря Като рыскали повсюду. В Мертвом Лесу их

было полным-полно. И всякий раз, услышав их отдаленные голоса среди деревьев, мы с Юм-Юмом замирали и едва осмеливались дышать.

Мы все шли и шли.

— Какая длинная ночь в Мертвом Лесу! — сказал Юм-Юм. — Но путь в пещеру Кующего Мечи, верно, еще длиннее.

— Думаешь, мы найдем его, Юм-Юм?.. — начал было я. Но тут же замолчал. Слова застряли у меня в горле.

Среди деревьев навстречу нам ползла черная цепь стражников. Она ползла прямо на нас.

Я понял: все пропало! Юм-Юм тоже увидел их и крепко сжал мою руку. Они еще не заметили нас, но скоро заметят, и тогда всему конец.

Не придется мне сразиться с рыцарем Като. И уже завтрашней ночью Эно услышит, как две новые птицы, кружа над озером, оплакивают свою судьбу.

Стражники все ближе и ближе, а мы стоим на месте не в силах шевельнуться. Но тут случилось чудо! В черном стволе векового дерева, совсем рядом, рас-

крылось дупло, и не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом уже забились в него. Притаившись, мы дрожали, как птенцы при виде ястреба. Стражники были совсем близко, и мы слышали каждое их слово.

— Слыхали? Кто-то разговаривал в Мертвом Лесу, — сказал один. — Кто может разговаривать в Мертвом Лесу?

— Враг среди нас, — сказал другой. — Только враг может разговаривать в Мертвом Лесу.

— Если враг в Мертвом Лесу, мы скоро схватим его, — сказал третий. — Ищите, ищите повсюду!

Мы слышали, как они рыщут среди деревьев. Мы слышали, как они, крадучись, идут по лесу. Затаившись, мы чувствовали себя такими маленькими и беззащитными!

Они долго искали нас, но так и не нашли. Все глуше и глуше звучали вдали их голоса. Потом все стихло. Дерево спасло нас.

Почему дерево спасло нас? Этого я не знал. Может, весь Мертвый Лес ненавидел рыцаря Като? Может, мертвое дерево было когда-то свежим, юным деревцом со множеством маленьких зеленых листочков, весело шелестевших, когда с ними играл ветерок? А злоба рыцаря Като убила и уничтожила эти листочки? И дерево не простило того, кто убил его маленькие зеленые листочки, и помогло тому, кто пришел сразиться со злодеем.

— Спасибо тебе, доброе дерево! — сказал я, когда мы вылезли из дупла.

Но дерево стояло мертвое и молчаливое и ничего не сказало в ответ.

Мы шли и шли по Мертвому Лесу.

— Скоро рассвет, — сказал Юм-Юм, — а мы еще не отыскивали пещеры Куящего Мечи.

Да, ночь подходила к концу. Но рассвет в этой стране не был чист и прозрачен, как у нас дома. Здесь брезжил серенький, тусклый рассвет, мало чем отличавшийся

ся от ночной мглы. Я вспомнил рассвет дома, на Острове Зеленых Лугов, я вспомнил, как в эти часы мы скакали верхом на Мирамис и каждая былинка сверкала, умытая росой. Я так задумался, что забыл, где нахожусь. Поэтому ничуть не удивился и не испугался, когда совсем близко раздался стук копыт. «Это — Мирамис!» — подумал я. Но Юм-Юм схватил меня за руку и прошептал:

— Слышишь? Стражники скачут Мертвым Лесом!

И я понял: все пропало! Спасения нет! Скоро черные стражники увидят нас. Они налетят на нас ураганом и, пригнувшись, на всем скаку схватят нас, перекинут через седла и помчат в замок рыцаря Като. Мне не придется сразиться с ним. И уже завтрашней ночью Эно услышит, как две новые птицы, кружа над озером, оплакивают свою судьбу.

Все пропало. Я знал это. Все ближе и ближе стук копыт. Но тут случилось чудо! Черная каменистая земля разверзлась пред нами. Не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом уже сидели, скорчившись, в какой-то пещере и дрожали, словно зайчата при виде лиса.

Самое время! Топот копыт раздался совсем близко. Мы слышали, как над нами скачут стражники, скачут прямо над нашими головами. От тяжелой поступи коней осыпался песок и струйками тек в пещеру. Затаившись в пещере, мы чувствовали себя такими маленькими и беззащитными. Но вот в лесу наступила гробовая тишина. Стражников как не бывало.

— Сдается мне, можно вылезать, — сказал я.

Но тут снова послышался мерный и жуткий стук копыт. Стражники возвращались. Над нашими головами еще раз гулко прогремели подковы, и мы услышали крики и брань стражников.

Сквозь узкую щель мы видели, как они соскочили с коней совсем рядом с пещерой. Они были так близко, что мы могли дотронуться до них. И мы слышали каждое их слово.

— Рыцарь Като приказал: враг должен быть схвачен, — сказал один. — Враг, прискакавший на белой лошади, должен быть схвачен нынче же ночью. Таков приказ рыцаря Като.

— Враг среди нас, — сказал другой, — и мы схватим его. Ищите, ищите повсюду!

Черные и уродливые, они были совсем близко от нас и хвастались, будто им ничего не стоит поймать нас. Над деревьями Мертвого Леса брезжил тусклый рассвет, а черные кони стражников, яростно закусив удила, рыли копытами землю.

— Ищите, ищите повсюду! — сказал один из стражников.

— Эй, что это за нора?

— Пещера! — воскликнул другой. — Может, там притаился враг? Ищите повсюду!

Юм-Юм и я крепко держались за руки. Я знал: теперь все пропало.

— Попробую-ка ткнуть копьем! — сказал один. — Если там затаился враг, я проткну его!

И мы увидели, как в щель просунулось черное острие копья. Мы забивались все дальше и дальше, в самую глубь пещеры. Однако копье было длинное-предлинное: его острие приближалось к нам. Но нас оно не коснулось. Оно воткнулось в стену пещеры между Юм-Юмом и мною — нас оно так и не задело.

— Ищите, ищите! По всему Мертвому Лесу! — повторяли стражники. — Рыцарь Като приказал: враг должен быть схвачен. Здесь его нет. Ищите повсюду!

И, вскочив на своих черных коней, они умчались прочь.

Мы были спасены. Пещера спасла нас. Я все думал: почему? Может, даже земля, даже эта каменистая земля ненавидит рыцаря Като и помогла тому, кто пришел сразиться с ним? Может, на этой бесплодной почве росли когда-то зеленые шелковые травы? Травы, умытые росой в час рассвета? А злоба рыцаря Като убила

и уничтожила их? И земля не простила того, кто убил зеленые шелковые травы, что росли здесь когда-то, и защитила того, кто пришел сразиться с рыцарем Като.

— Спасибо тебе, добрая земля! — сказал я, когда мы уходили.

Но земля ничего не сказала в ответ. Молча лежала она перед нами. Вход в пещеру исчез.

Мы все шли и шли. Вот наконец и опушка Мертвого Леса. Снова впереди вздымаются горы и скалы. Отчаяние охватило меня. Мы вернулись к тем самым скалам, которые окружали Мертвое Озеро. Напрасны все наши мучения! Никогда не найти нам Куящего Мечи. Ночь напролет блуждали мы по Мертвому Лесу, а теперь снова вернулись туда, откуда начали свой путь. Вот и лачуга Эно, такая низенькая, серая и жалкая! Чтобы не рухнуть, она лепилась к скале. А скала эта, возвышаясь над всеми другими, была черная как сажа.

— Может, это и есть самая черная на свете гора? — воскликнул Юм-Юм.

Самая черная на свете гора — как я раньше не догадался! Ну да, пещера Куящего Мечи именно в той горе, которая чернее всех на свете. «В самой глубокой пещере самой черной на свете горы» — так сказал Эно.

— Ой, Юм-Юм, — начал я, — вот увидишь... Но тут же смолк. Я знал: все, все пропало! Потому что из Мертвого Леса хлынула целая лавина черных стражников. Одни бежали, другие скакали на черных конях, и вся эта орава неслась прямо на нас.

Они увидели нас и громко закричали жуткими хриплыми голосами:

— Враг среди нас! Вот он! Хватайте его! Рыцарь Като приказал: враг должен быть схвачен.

Мы с Юм-Юмом стояли прижавшись спиной к скале и смотрели на стражников. А стражники все ближе и ближе! Да, всему конец! Не придется мне сразиться с рыцарем Като! Мне хотелось броситься на землю и заплакать. Но тут же я подумал, что еще успею выплакаться. Ведь уже завтрашней ночью старый Эно услышит над озером новую птицу, которая громче и горестнее других станет оплакивать свою судьбу! И старый Эно скажет тихо:

— Принц Мию кружит над озером!

В самой глубокой пещере самой черной на свете горы

Но тут случилось чудо! Отвесная скала за моей спиной подалась назад. И не успел я опомниться, как мы с Юм-Юмом очутились внутри горы. Затаившись в горе, мы дрожали, как ягнята при виде волка, хотя опасность уже миновала. Мы были внутри горы, скалистые стены сомкнулись за нами, а стражники остались снаружи. Проникнуть к нам было невозможно.

Но мы слышали, как стражники бесновались там, в лесу.

— Ищите, ищите повсюду! — кричали они. — Враг только что был среди нас. Ищите повсюду!

— Ищите, ищите! — сказал я. — Здесь вам нас никогда не отыскать.

Ну и обрадовались же мы с Юм-Юмом! И от радости громко засмеялись. Но тут я вспомнил про Мирамис, и мне стало не до смеха.

Оглядевшись по сторонам, мы увидели, что находимся в огромной пещере. Там было скорее сумеречно, чем темно: неизвестно откуда пробивался слабый свет. Множество темных проходов вело из пещеры в глубь горы.

«В самой глубокой пещере самой черной на свете горы» — так сказал Эно. Может, какой-то из этих ходов ведет к Кующему Мечи? Но какой? Этого мы не знали. Немало еще, видно, придется нам проблуждать, пока мы отыщем его.

— Вот мы и вошли в гору, самую черную на свете, — сказал Юм-Юм.

— Войти-то мы вошли, — сказал я, — но, сдается мне, нам отсюда не выйти!

В этом подземелье и впрямь запросто собьешься с пути. Такая гора может присниться лишь в страшном сне: идешь и идешь по диковинным темным коридорам, а им конца-краю нет!

Взявшись за руки, мы с Юм-Юмом отправились в самую глубь горы. Мы чувствовали себя маленькими заблудившимися детьми, а путь в самую глубокую на свете пещеру был не близок.

— Ах, если бы гора была не такая мрачная, — сказал Юм-Юм, — проходы не такие темные, а мы не такие маленькие и беззащитные!

Мы шли и шли. Порой впереди можно было что-то разглядеть, потом наступала такая темень, хоть глаз выколи! Местами подземные ходы были такие низкие,

что приходилось идти согнувшись, а иногда пещерный свод поднимался высоко-высоко, как в церкви. На стенах проступала сырость, было холодно, и мы плотнее кутались в плащи, чтобы не замерзнуть.

— Никогда нам отсюда не выбраться, никогда не найти пещеры Кующего Мечи, — сказал Юм-Юм.

Мы проголодались и поели немного хлеба насущного. Поели немного, потому что не знали, насколько придется его растянуть. Ели мы на ходу, и когда я жадно проглотил свой последний ломтик, мы как раз подошли к тому месту, где подземный проход разветвлялся на три.

По отвесной стене струилась вода, а меня так мучила жажда. Я остановился и стал пить. Нельзя сказать, чтобы вода показалась мне вкусной, но другой не было. Напившись всласть, я обернулся к Юм-Юму, но Юм-Юма и след простыл. Он исчез. Может, он не заметил, как я остановился, и продолжал идти по одной из галерей?

Сначала я нисколько не испугался. Стоя у развилки, я гадал, куда же отправился Юм-Юм. Уйти далеко он не мог, и надо только позвать его...

— Юм-Юм, где ты? — закричал я что есть мочи.

Но мой крик вернулся ко мне жутким шепотом. Понять не могу, что за диковинная эта гора! Скалистые стены поглощали мой голос, приглушали его, превращая в шепот. А шепот эхом отзывался в горе.

— Юм-Юм, где ты?.. — шептало в темных коридорах. — Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?..

Страшно перепугавшись, я стал кричать еще громче, но гора по-прежнему шепотом повторяла мои слова. Мне показалось, будто я слышу не свой собственный, а чей-то чужой голос. Кто-то сидит в глубине горы и издевается надо мной.

— Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?.. Юм-Юм, где ты?.. — шептало эхо.

О, как я перепугался! Ринувшись налево, я пробежал несколько шагов по узкому коридору, потом бросился назад к развилке и пробежал направо, но, снова возвратившись, бросился в средний проход. Юм-Юм, куда ты подевался? Я не смел больше кричать — страшнее всего был этот шепот. Но мне казалось, что Юм-Юм должен почувствовать, как плохо мне без него, и вернуться.

Во все стороны расходились все новые и новые темные ходы, а я бежал по ним и все искал и искал. Я пытался сдерживать слезы. Ведь я — рыцарь. Но какое уж тут рыцарство! Я думал о Юм-Юме, который бежит где-то и горестно зовет меня. Я бросился на каменный пол и заплакал так горько, как в тот раз, когда страж-

ники схватили Мирамис. Теперь ни Мирамис, ни Юм-Юма со мной не было. Я остался один.

Я лежал, плакал и раскаивался, что пришел сюда. Я не понимал, как мой отец-король мог отпустить меня на битву с рыцарем Като. Мне хотелось, чтоб отец оказался здесь. Тогда бы я ему сказал:

— Видишь, как я одинок. Юм-Юм исчез. Я остался один, а ведь это ты хотел, чтоб я сразился с рыцарем Като.

Первый раз в жизни мне показалось: отец несправедлив, потому что сам послал меня в Страну Чужедальнюю. Но когда я лежал на полу и плакал, думая о своих несчастьях, мне почудилось, будто я слышу голос отца.

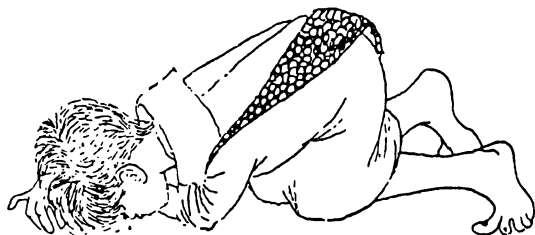
— Мио, мой Мио! — сказал он.

Только и всего. Но слова эти прозвучали так, словно он хотел утешить меня: мол, нет причины так горевать, нет!

И я сразу подумал: «Я обязательно найду моего дорогого Юм-Юма!»

Я вскочил на ноги, и тут что-то вывалилось у меня из кармана. То была маленькая деревянная флейта, которую смастерил для меня Нонно. Моя деревянная флейта.

«А что, если сыграть? — подумал я. — Что, если сыграть на флейте тот старинный напев, которому обучил нас Нонно?» Я вспомнил, как мы с Юм-Юмом обещали друг другу: «Если кто-нибудь из нас попадет в беду, пусть сыграет на флейте пастушью песню». Приложив флейту к губам, я не осмелился заиграть

сразу. Я страшно боялся, что опять раздадутся тусклые, мертвые звуки.

О, как чисто запела флейта! Как чисто, ясно, как чудесно пела флейта в этой мрачной горе! Чудесней даже, чем на Острове Зеленых Лугов.

Я сыграл песню до конца и прислушался. Далеко-далеко в глубине горы раздались мелодичные звуки. Они были чуть слышны, но я знал: это Юм-Юм отвечает мне. Никогда еще я так не радовался!

Звуки раздавались все ближе и ближе. Все чище и чище, все громче и громче слышался старинный напев флейты Юм-Юма. И вдруг прямо предо мной очутился Юм-Юм! Юм-Юм, мой лучший друг! Протянув руку, я коснулся его. Я обнял его. Я хотел убедиться, что это в самом деле он. И это был он! Мой лучший друг!

— Если я когда-нибудь свижусь с Нонно, я поблагодарю его за эти флейты, — сказал Юм-Юм.

— И я тоже! — сказал я. Но тут же подумал, что с Нонно нам, верно, никогда не увидиться.

— Юм-Юм, куда же нам идти? — спросил я.

— Все равно куда, — ответил Юм-Юм, — только бы вместе!

Я тоже так подумал. Мы все шли и шли, не чувствуя себя больше маленькими заблудившимися детьми. Теперь мы были вместе и вместе играли на наших флейтах. Старинная песня звучала так прекрасно — казалось, она хотела утешить и подбодрить нас. Ход вел вниз. Все дальше и дальше вниз. Слабый отсвет, озарявший стены, стал чуть ярче. Будто огонь очага оживлял темные отвесные скалы, и его отблески все веселее плясали вокруг. И вот так, наигрывая на флейтах, мы вошли в пещеру Куящего Мечи.

Пещера оказалась настоящей кузницей, а в горне пылал жаркий огонь. Рядом с огромной наковальней стоял человек. Такого огромного, такого крепкого человека мне видеть не доводилось. У него были длинные рыжие волосы и длинная рыжая борода. Весь он был покрыт сажей. И таких огромных, таких черных от копоти рук, как у него, я еще никогда не видел. Он стоял, грозно нахмутив кустистые брови, и с удивлением смотрел на нас.

— Кто это играет? — спросил он. — Кто играет в моей горе?

— Рыцарь и его оруженосец, — ответил Юм-Юм. — Рыцарь из Страны Дальней! Принц Мию — вот кто играет в твоей горе.

Кующий Мечи подошел ко мне. Своим закопченным пальцем он коснулся моего лба.

— Какой чистый лоб! — сказал он. — Какой ясный взор! И как чудесно ты играешь в моей горе!

— Я пришел к тебе за мечом, — сказал я. — Меня послал к тебе старый Эно.

— Зачем тебе меч? — спросил кузнец.

— Я должен сразиться с рыцарем Като! — отвечал я.

Только я вымолвил эти слова, как Кующий Мечи зарычал страшным голосом. Ничего подобного мне в жизни слышать не доводилось!

— Рыцарь Като! — рявкнул он так громко, что загрохотало в горах. — Смерть рыцарю Като!

Будто гром грянул в дальних темных галереях. Когда кричал Кующий Мечи, крик не заглушался, не превращался в шепот. Нет, громче грома гремел крик, и эхо повторяло его в горах.

Кующий Мечи стоял, сжав в кулаки свои огромные закопченные руки, отсвет пламени падал на его почерневшее от бешенства лицо.

— Смерть рыцарю Като, смерть!

В горне взметнулся огонь и озарил на стенах длинный ряд острых мечей. Они сверкали и блестили так, что жуть брала.

— Видишь мои мечи? — сказал кузнец. — Мои острые мечи? Я их выковал для рыцаря Като. Кующий Мечи рыцаря Като — вот кто я!

— Если ты куешь ему мечи, почему ты кричишь: «Смерть рыцарю Като»? — спросил я.

Он сжал свои закопченные кулаки так, что косточки побелели.

— Больше всех на свете ненавидит рыцаря Като тот, кто кует ему мечи, — ответил он.

И тут только я увидел, что кузнец прикован к скале длинной железной цепью. Когда он двигался по кузнице, цепь волочилась за ним и звенела.

— Почему ты прикован? — спросил я. — Почему не раскалешь цепь в своем горне и не разобьешь ее на наковальне?

— Рыцарь Като сам приковал меня, я кую ему мечи, которые убивают добрых и невинных. Без этих мечей ему не обойтись. Вот потому-то он и приковал меня своей самой надежной цепью, — ответил Кующий Мечи. — А его цепи не берет ни огонь, ни молот. Цепи, выкованные из ненависти рыцаря Като, не так-то легко разбить!

Кузнец взглянул на меня — глаза его сверкали огнем.

— Я сижу здесь в пещере и кую мечи для рыцаря Като. Дни и ночи напролет кую я мечи, и он знает об этом. Но есть один меч, о котором он не знает. Вот этот меч.

Кузнец проковылял в самый темный угол пещеры и достал из расщелины меч.

Как пламя, запылывал огненный меч в его руках.

— Много-много тысяч лет пытался я выковать меч, рассекающий камень, — сказал он. — И сегодня ночью мне наконец посчастливилось, только сегодня ночью.

Он поднял меч и одним ударом рассек скалу.

— О мой меч, мой огненный меч! — пробормотал он. — Мой меч, рассекающий камень!

— Зачем тебе меч, рассекающий камень? — спросил я.

— Так знай же, — ответил кузнец. — Этот меч выкован не против добрых и невинных. Этот меч против самого рыцаря Като. Ведь у Като сердце из камня, разве ты не знаешь об этом?

— Нет, я так мало знаю о рыцаре Като, — сказал я. — Знаю только, что пришел с ним сразиться.

— У него сердце из камня, — повторил Кующий Мечи. — А коготь из железа.

— Коготь из железа? — переспросил я.

— Разве ты не знаешь об этом? — спросил Кующий Мечи. — Вместо правой руки у него железный коготь.

— А что он делает этим когтем? — спросил я.

— Вырывает сердца людей, — ответил кузнец. — А потом вкладывает им в грудь каменные сердца. Это закон: у всех, кто окружает рыцаря Като, должны быть каменные сердца.

Услыхав эти слова, я содрогнулся.

Ах, скорее бы, скорее бы мне сразиться с рыцарем Като!

Кующий мечи стоял рядом, поглаживая меч черными от копоти руками. Видно, у него не было сокровища дороже этого меча.

— Дай мне твой меч, рассекающий камень! — попросил я. — Дай мне твой меч, чтоб я мог сразиться с рыцарем Като!

Кующий Мечи молча глядел на меня.

— Да, я дам тебе меч, мой огненный меч, — сказал он наконец. — Как чист твой лоб, как ясен твой взгляд

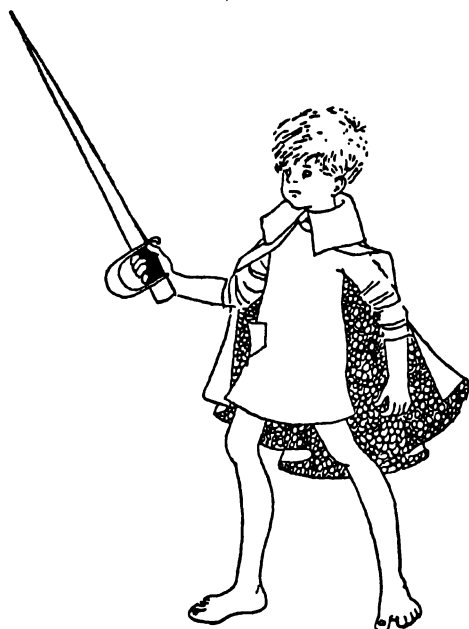
и как чудесно играл ты в моей горе! Ты получишь мой меч!

Он вложил огненный меч в мою руку. Частица огня передалась от меча ко мне, и я почувствовал в себе огромную силу.

Кузнец подошел к скалистой стене и открыл потайное оконце.

Холодный, ледяной вихрь ворвался в пещеру, и я услышал рокот мятущихся волн.

— Много знает рыцарь Като, — сказал кузнец. — Но он не знает,

что я пробуравил гору и распахнул окно моей темницы. Долгие годы буравил я гору ради потайного оконца.

Я подошел к оконцу и стал глядеть на замок рыцаря Като на другом берегу Мертвого Озера. Снова настала ночь, замок казался черным и мрачным, а единственное окно его светилось, словно злое око, над водами Мертвого Озера.

Подошел Юм-Юм и встал рядом со мной. Мы стояли молча, думая о том, что битва близка.

И тогда Кующий Мечи сказал:

— Скоро пробьет час! Скоро пробьет час! Пробьет час последней битвы рыцаря Като.

Железный коготь

Темные тучи спустились над озером, а воздух звенел от криков заколдованных птиц. Пеной вскипали черные волны, волны Мертвого Озера, по которым вот-вот поплывет наша ладья и, может быть, разобьется об утес неподалеку от замка рыцаря Като.

Кующий Мечи стоял у потайного оконца и смотрел, как я отвязываю утлую ладью. Она была укрыта во фьорде, средь высоких скалистых стен.

— Многое знает рыцарь Като, — сказал Кующий Мечи, — но он не знает, что Мертвое Озеро прорыло путь в мою гору, он не знает о моей тайной ладье у тайного причала.

— Зачем тебе ладья, если ты прикован и не можешь плавать на ней? — спросил я.

— Я вылезая из оконца и плыву, сколько позволяет цепь.

Кузнец стоял у потайного оконца — огромный и черный, стоял над самым причалом. Было так темно, что я едва мог разглядеть его. Но я слышал, как он смеется. Странно и жутко звучал его смех. Видно, он забыл, как смеются люди.

— Многое знает рыцарь Като, — сказал он. — Но он еще не знает, кого понесет нынче моя ладья по водам Мертвого Озера.

— А есть то, чего не знаешь *ты*, — сказал я. — Ты не знаешь, вернется ли к тебе твоя ладья. Быть может, уже сегодня ночью она будет покоиться на дне озера. Будто колыбель, станут качать ее волны, а спать в ней будут Юм-Юм и я. Что скажешь тогда?

Кузнец тяжело вздохнул:

— Я скажу одно: спи спокойно, принц Мио! Спи спокойно в своей колыбели, пусть тебя укачивают волны!

Я поднял весла. Кующий Мечи исчез во мраке. Не успели мы миновать узкие ворота, отделявшие тайный фьорд от Мертвого Озера, как я услышал его голос.

— Берегись, принц Мио! — кричал он. — Берегись железного когтя! Держи меч наготове! Не то конец принцу Мио!

— Конец принцу Мио! Конец принцу Мио! — зашептали скалистые стены, окружавшие нас.

Как печально звучал их шепот!.. Но мне некогда было думать об этом, потому что в тот же миг буйные волны Мертвого Озера набросились на нашу ладью и швырнули ее далеко-далеко от горы Кующего Мечи.

— Ах, если бы наша ладья была не такой утлой, — сказал Юм-Юм, — озеро не таким бездонным, волны не такими буйными, а мы не такими маленькими и беззащитными!

О, как бушевали волны Мертвого Озера!

Никогда еще не видел я таких бешеных волн! Они набрасывались на нас, кидали и швыряли ладью все дальше и дальше, навстречу новым яростным волнам. Грести было невозможно. Мы с Юм-Юмом судорожно вцепились в весла.

Но тут с ревом набежала бурная волна и вырвала одно весло; потом, вскипая пеной, набежала новая волна и разбила другое. Пенистые, клокочущие волны до небес вздымались вокруг нас и нашей ладьи.

— Вот и нет у нас весел! — сказал Юм-Юм. — А скоро не будет и ладьи. Когда волны вышвырнут нас на скалы у замка рыцаря Като, она разобьется вдребезги. И тогда нам не нужны будут ни весла, ни ладья.

Со всех сторон слетались к нам заколдованные птицы. Они кружили над нами, крича и оплакивая свою судьбу. Они подлетали совсем близко. В темноте можно было разглядеть их блестящие печальные глаза.

— Ты не брат нашего друга Нонно? — спросил я одну из них.

— А ты не маленькая сестренка мальчика Йри? — спросил я другую.

Но они только глядели на меня блестящими печальными глазами, и в крике их слышалось отчаяние.

Весел у нас не было, а у ладьи не было руля, нас несло прямо к замку рыцаря Като. Туда гнали нас волны, там они хотели разбить нас о скалы. У ног рыцаря Като должны были мы погибнуть. Вот чего хотели волны!

Все ближе и ближе скалы, все ближе и ближе черный замок с его злым светящимся оком, все быстрее и быстрее несет ладью, все яростней катятся волны.

— Теперь, — сказал Юм-Юм, — теперь... все пропало!

Но тут случилось чудо! Только мы подумали, что вот-вот погибнем, как волны присмирели и утихли. Они присмирели, как ягнята. Плавно пронесли они нашу ладью мимо грозных рифов и, тихо покачивая, приткнули ее к подножию черной щербатой скалы у самого замка рыцаря Като.

Почему волны так буйствовали, а потом присмирели? Этого я не знал. Может, они тоже ненавидели рыцаря Като? И помогли тому, кто пришел сразиться с ним. Может, Мертвое Озеро было когда-то радостным голубым озером среди приветливых скал, озером, в водах которого отражалось солнце, озером, веселые легкие волны которого ласкали утесы? Может, было время, когда дети купались и играли у этих берегов и детский смех, а не горестный крик заколдованных птиц разносился над водой?

— Спасибо тебе, доброе озеро! — сказал я. — Спасибо вам, бурные волны!

Но черные тихие воды ничего не сказали в ответ.

Высоко над берегом, на высоком крутом утесе, возвышался замок рыцаря Като. Никогда еще не был он так близко от нас. А эта ночь должна была стать ночью битвы. Я думал: знают ли люди, что нынче ночью гря-

нет битва, помнят ли они обо мне? Вспоминает ли обо мне мой отец? Наверно, вспоминает. Знаю, что вспоминает. Он сидит один где-то далеко-далеко, и думает обо мне, и горюет, и шепчет про себя: «Мио, мой Мио!»

Я схватился за меч, и будто пламя обожгло мне руку. Я должен сразиться со страшным врагом, я не в силах дольше ждать. Я рвался вперед, желая немедленно встретиться с рыцарем Като, даже если встреча с ним обернется для меня гибелью. Я был готов к битве хоть в ту же минуту.

— Мио, я так хочу есть! — сказал Юм-Юм.

Я вытащил остатки хлеба, хлеба насущного, и мы стали есть, усевшись на утесе неподалеку от замка рыцаря Като. А когда доели хлеб, почувствовали себя сытыми, сильными и даже веселыми. Но это был наш последний кусок хлеба, и мы не знали, когда нам доведется поесть снова.

— Теперь надо вскарабкаться на скалу, — сказал я Юм-Юму. — Иначе в замок рыцаря Като не попасть.

— Ладно, — сказал Юм-Юм.

И мы начали карабкаться по отвесной стене, такой высокой и неприступной.

— Ах, если бы утес был не таким неприступным, — сказал Юм-Юм, — ночь не такой темной, а мы не такими маленькими и беззащитными!

Мы карабкались все выше и выше. Карабкались медленно, с трудом, крепко цепляясь руками и ногами за уступы и расселины в скале. Мы цеплялись и карабкались. Иногда я в страхе думал, что вот-вот свалюсь в пропасть и тогда все пропало.

Но скала, казалось, сама подставляла мне под ногу маленький уступ всякий раз, когда я готов был сорваться. Может, даже суровая скала неспроста рыцаря Като и помогала тому, кто пришел с ним сразиться.

Высоко-высоко над озером стоял замок рыцаря Като, и нам пришлось карабкаться высоко-высоко, чтобы добраться до крепостной стены на самой вершине утеса.

— Скоро мы будем наверху, — прошептал я Юм-Юму. — Скоро перелезем через стену, и тогда...

Тут раздались голоса. Это были голоса стражников, они разговаривали друг с другом. Два черных стражника караулили замок, шагая в темноте взад и вперед по крепостной стене.

— Ищи, ищи повсюду! — сказал один. — Рыцарь Като приказал: враг должен быть схвачен. Враг, прикававший на белой лошади, должен быть схвачен. Таков приказ рыцаря Като. Ищи в горных пещерах, ищи среди лесных деревьев, ищи в воздухе и в воде, ищи близко и далеко, ищи повсюду!

— Ищи повсюду, ищи повсюду! — сказал другой. — Мы те, кто ищет повсюду. Может, враг среди нас. Может, нынче ночью он карабкается по скале к замку. Ищи повсюду!

Мое сердце чуть не остановилось, когда стражник стал зажигать факел. Если он осветит факелом скалу у крепостной стены, он сразу увидит нас. А если он увидит нас, все будет кончено. Ему останется только выставить вперед свое длинное копьё и столкнуть нас в пропасть. И лишь короткий вскрик раздастся перед тем, как мы свалимся в Мертвое Озеро и исчезнем в нем навсегда.

— Ищи, ищи повсюду! — сказал один стражник другому. — Освети факелом скалу. Может, как раз теперь по скале карабкается враг. Ищи повсюду!

Второй стражник наклонил факел. Свет упал на скалистую стену. Мы сжались в комок, дрожа, как мыши при виде кошки. Свет факела медленно полз вдоль стены, приближаясь к нам.

— Теперь, — прошептал Юм-Юм, — теперь... о Мию, теперь все попало!

Но тут случилось чудо. С озера поднялась стая птиц. Заколдованные птицы неслись вперед, шумно взмахивая крыльями. Одна из них ринулась прямо на факел, и факел выпал из рук стражника. Мы увидели, как ог-

ненная стрела прочертила тьму, и услышали шипение факела, угасшего в бездонном озере. И еще одна огненная стрела упала в воду. Птица, которая спасла нас, сгорела! С пылающими крыльями упала она в волны Мертвого Озера. Как опечалила нас гибель птицы!

— Спасибо тебе, бедная птичка! — прошептал я, зная, что птица не услышит моих слов и вообще уже ничего не услышит.

Мне хотелось плакать, но я должен был думать о стражниках. Мы еще не перебрались через стену, еще много опасностей подстерегало нас.

Ну и разозлились же стражники! Теперь они были прямо над нами! Я видел их черные мерзкие головы над крепостной стеной, слышал их мерзкие голоса, когда они перешептывались друг с другом.

— Ищи, ищи повсюду! — говорили они. — Может, враг далеко-далеко, а может, он карабкается по скале где-нибудь рядом, ищи повсюду.

Они отошли на несколько шагов и стали высматривать нас с другой стороны.

— Пора! — прошептал я Юм-Юму. — Пора!

И мы полезли через стену. Быстро-быстро перелезли через крепостную стену, быстро-быстро помчались во мраке прямо к замку рыцаря Като. Прижавшись к черной стене замка, мы притаились, чтобы стражники не заметили нас.

— Как проникнуть в замок рыцаря Като? — прошептал Юм-Юм. — Как проникнуть в самый черный замок на свете?

Только он выговорил эти слова, как в стене отворились ворота. Совсем рядом бесшумно отворились черные ворота. Не слышно было ни единого звука. И никакая в мире тишина не могла сравниться с этой ужасной мертвой тишиной! А ворота! Хоть бы они заскрежетали, отворяясь, хоть бы заскрипели на своих петлях: скрипни они самую малость — и то не было бы так жутко. Но это были самые немые ворота на свете.

Мы с Юм-Юмом, взявшись за руки, вошли в замок рыцаря Като. Никогда раньше не чувствовали мы себя такими маленькими и беззащитными. Потому что никогда и нигде на свете мрак не был таким черным, холод таким ледяным, а тишина такой враждебной, как здесь, в замке рыцаря Като.

От ворот к замку вела узкая темная винтовая лестница. Такой высокой и такой черной лестницы мне никогда не доводилось видеть.

— Ах, если бы мрак был не таким зловещим, — прошептал Юм-Юм, — рыцарь Като не таким жестоким, а мы не такими маленькими и беззащитными!

Я крепко сжал меч, и мы стали подниматься по лестнице на цыпочках: впереди — я, позади — Юм-Юм.

Во сне я попадал иногда в мрачный дом, которого совсем не знал, в незнакомый, мрачный, страшный дом! Там были темные комнаты, в которых я задыхался, и пол, в котором разверзалась черная бездна, как только я пытался переступить порог, и лестницы, которые обрушивались так, что я стремительно падал вниз. Но замок рыцаря Като был страшнее всех домов, когда-либо снившихся мне.

Мы все поднимались и поднимались по винтовой лестнице, не зная, что ждет нас на самом верху.

— Мию, я боюсь! — прошептал за моей спиной Юм-Юм.

Обернувшись, я хотел было взять его за руку. Но Юм-Юм исчез. Да, он исчез. Не успел я опомниться, как его поглотила стена. Я остался на лестнице совсем один, и мне было теперь в тысячу раз хуже, чем в тот момент, когда мы потеряли друг друга в горе Кующего Мечи, в тысячу раз хуже, чем когда-либо в жизни.

Я был в отчаянии. Кричать я боялся. Дрожащими руками я ощупывал стену, поглотившую Юм-Юма, плакал и шептал:

— Юм-Юм, где ты? Юм-Юм, вернись!

Но стена оставалась холодной и неподвижной. В ней не было ни единой щелочки. По-прежнему стояла мертвая тишина. Юм-Юм не отзывался на мой шепот, напрасны были слезы.

Наверное, я был самым одиноким в мире, когда снова начал взбираться вверх по лестнице. Наверное, поэтому и шаги мои были так тяжелы.

Я едва переставлял ноги, а ступеньки казались такими высокими, и было их так много!

Так много... Но одна из них была последней. Я-то не знал, что она — последняя. Я не знал, что лестница кончилась, — этого ведь никогда не знаешь, когда поднимаешься в темноте.

Я шагнул, но ступеньки под ногами не оказалось, и я оступился. Я кричал, пытаюсь за что-нибудь зацепиться. Мне это удалось. Я зацепился за самую верхнюю, самую последнюю ступеньку. Я мотался из стороны в сторону, искал, куда бы встать. Но встать было некуда. Я изнемогал над бездонной пропастью. «Сейчас сорвусь вниз, — думал я, — и тогда все пропало... О, помогите же хоть кто-нибудь, помогите!»

Кто-то поднимался по лестнице. Неужто Юм-Юм?

— Юм-Юм, милый Юм-Юм, помоги мне! — шептал я.

Я не видел его в темноте. Но слышал шепот:

— Возьми меня за руку, я помогу тебе! Возьми меня за руку, я помогу тебе!

И я взял его за руку.

Но то была не рука человека. То был железный коготь.

Меча грознее я не видывал в моем замке

Когда-нибудь, наверно, я забуду об этом. Когда-нибудь, наверно, я перестану вспоминать рыцаря Като. Я забуду его страшное лицо, его страшные глаза и его страшный железный коготь. Я мечтаю о том дне, когда перестану думать о нем. Тогда я забуду и его страшный замок.

Воздух в нем был насыщен злобой. В покоях замка рыцарь Като просиживал дни и ночи, обдумывая свои козни. Дни и ночи напролет просиживал он там, обдумывая свои козни, и воздух в его покоях был так насыщен злобой, что нечем было дышать. Зло потоками изливалось оттуда, убивая вокруг все прекрасное и живое; оно уничтожало и зеленые листья, и цветы, и шелковистые травы; мутной завесой застилало оно солнце, и в этой стране никогда не бывало настоящего дня, а только ночь или сумерки. И ничего удивительного, что окно в замке над водами Мертвого Озера светилось точно злое око. То злоба рыцаря Като просачивалась наружу, когда, сидя в замке, обдумывал он свои мерзкие козни.

Рыцарь Като схватил меня в тот самый миг, когда я крепко, обеими руками вцепился в ступеньку, чтобы не сорваться в пропасть. И я не мог обнажить меч. А потом черные стражники набросились на меня и повели в покои рыцаря Като. Там уже был Юм-Юм. Бледный и печальный, он прошептал мне:

— О Мию! Теперь все пропало!

Вошел рыцарь Като, и мы содрогнулись. Он был ужасен. Он молча смотрел на нас своими страшными змеиными глазами. Он исходил злобой, его злоба обдавала нас холодом, она обжигала наши лица и руки жгучим огнем, как дым, выедала глаза, проникала в легкие, не давая дышать. Я чувствовал, как волны его злобы окатывают меня. Я так устал, что не в силах был поднять меч, сколько бы ни старался. Стражники протянули меч рыцарю Като; он взглянул на него и вздрогнул:

— Меча грознее я не видывал в моем замке.

Он подошел к окну и долго стоял там, взвешивая меч в руке.

— Что сделать с этим мечом? — спросил рыцарь Като. — Добрых и невинных такой меч не берет. Что с ним сделать?

Он взглянул на меня своими страшными змеиными глазами и понял, как жажду я заполучить свой меч назад.

— Я утоплю этот меч в Мертвом Озере! — сказал рыцарь Като. — Я утоплю его в самом глубоком омуте Мертвого Озера. Потому что меча грознее еще не бывало в моем замке.

Он поднял меч и швырнул его в окно. Я увидел, как меч сверкнул в воздухе, и отчаяние охватило меня. Много-много тысяч лет Кующий Мечи выковывал меч, рассекающий камень. Много-много тысяч лет все ждали и надеялись, что я одержу победу над рыцарем Като. А теперь он утопил мой меч в Мертвом Озере. Никогда больше я не увижу его, всему конец.

Рыцарь Като подошел и встал перед нами так близко, что его злоба чуть не задушила меня.

— Как мне расправиться с моими врагами? — спросил сам себя рыцарь Като. — Как расправиться с моими врагами, которые пришли издалека, чтобы погубить меня? Об этом стоит подумать! Я мог бы обратить их в птиц и заставить много-много тысяч лет с криком носиться над Мертвым Озером...

Он говорил, а взгляд его страшных змеиных глаз обжигал нас.

— Да, я мог бы обратить их в птиц, — продолжал он, — или вырвать сердца у них из груди и вложить туда сердца из камня. Я мог бы сделать их своими маленькими слугами, если бы вложил им сердца из камня.

«О, преврати меня лучше в птицу!» — хотел крикнуть я. Мне казалось, что ничто на свете не может быть хуже каменного сердца.

Но я не крикнул. Я понимал, что, если попрошу обратить меня в птицу, рыцарь Като сразу же вложит мне в грудь каменное сердце.

Рыцарь Като сверлил нас своими страшными змеиными глазами.

— А может, посадить их в башню, чтоб они умерли с голоду? — спросил он. — У меня много птиц, у меня много слуг! Посажу-ка я своих врагов в Голодную Башню, пусть подохнут с голоду.

Он прохаживался взад и вперед, погруженный в свои думы, и каждая новая мысль его все больше и больше насыщала воздух злобой.

— В моем замке умирают от голода за одну ночь, — сказал он. — Ночь в моем замке так долга, а голод так силен, что узники умирают всего за одну ночь...

Остановившись перед нами, он положил свой страшный железный коготь на мое плечо.

— Я знаю тебя, принц Мио! — сказал он. — Стоило мне увидеть твою белую лошадь, я понял: явился ты. Я поджидал тебя. Ты, верно, думал, что настала ночь битвы?

Он склонился надо мной и прошепел в самое ухо:

— Ты думал, что настала ночь битвы, но ты ошибся, принц Мио. Это ночь голода. Кончится ночь, и в башне замка я найду лишь маленькие белые косточки. Больше ничего не останется от принца Мио и его оруженосца.

Он постучал железным когтем по большому каменному столу, стоявшему посреди залы, и вошел новый отряд стражников.

— Заточить их в Голодную Башню! — повелел рыцарь Като и указал на нас железным когтем. — Заточить их в башню за семью замками. Пусть семеро стражников несут караул у дверей башни, а семьдесят семь стражников охраняют залы, лестницы и галереи, соединяющие башню с моими покоями.

Он сел за стол.

— Я хочу спокойно сидеть здесь, за столом, обдумывая свои козни. Я не хочу, чтобы принц Мио мешал мне. Когда кончится ночь, я пойду в башню взглянуть на ваши маленькие белые косточки. Прощай, принц Мио! Спи спокойно в Голодной Башне!

Стражники схватили нас с Юм-Юмом и поволокли через весь замок в башню, где нас ожидала гибель. Повсюду — во всех залах, в галереях и на лестницах — уже были выставлены стражники. Они должны были охранять путь из башни в покои рыцаря Като. Неужто он, могущественный рыцарь Като, так боится меня, что окружил себя полчищами стражников? Неужто он боится меня, безоружного, брошенного в Го-

лодную Башню за семью замками и с семью стражниками у дверей?

На пути к темнице стражники крепко держали нас за руки. Мы шли и шли по галереям огромного мрачного замка. Прошли и мимо зарешеченного окна, и я увидел внутренний двор замка. Посреди двора стояла лошадь, прикованная цепью к столбу. Черная лошадь с маленьким черным жеребенком. При виде ее у меня екнуло сердце. Я подумал о Мирамис, которую больше никогда не увижу. Что они сделали с ней, жива ли она?.. Стражник сильно дернул меня за руку и потянул за собой. Больше я о Мирамис думать не мог.

И вот мы в башне, где нам предстоит провести последнюю ночь своей жизни. Тяжелая железная дверь со скрежетом захлопнулась за нами, и мы услышали, как стражники семь раз повернули ключ. Мы с Юм-Юмом остались одни в тюрьме, Юм-Юм и я. Нашей тюрьмой была круглая сводчатая башня с толстыми каменными стенами, с маленьким окном, забранном железной решеткой. Через окно доносились печальные крики заколдованных птиц, круживших над Мертвым Озером.

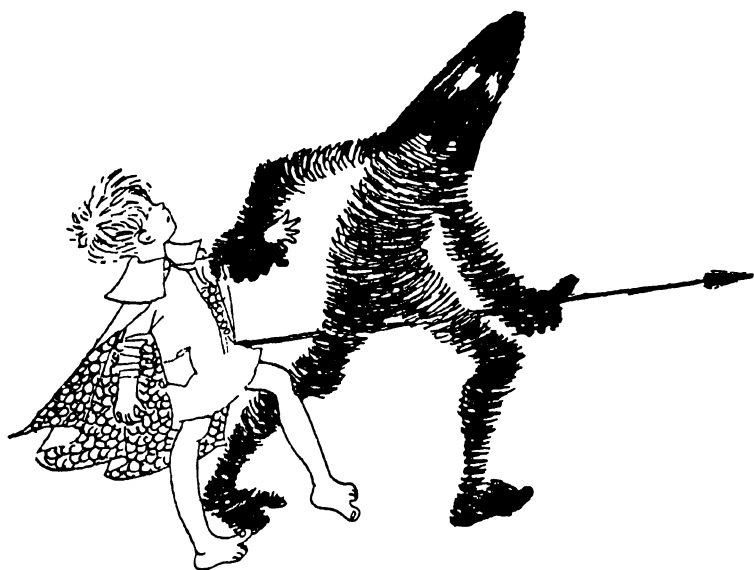
Мы уселись на пол, чувствуя себя такими маленькими и беззащитными! Мы знали: лишь только ночь подойдет к концу, мы умрем.

— Ах, если бы смерть была не такая тяжкая, — сказал Юм-Юм, — а мы не такие маленькие и беззащитные!

Мы сидели на холодном полу, крепко держа друг друга за руки. Нас одолевал голод. Это был не обычный голод. Он душил нас, выворачивал внутренности, леденил кровь, лишал сил; нам хотелось лечь на пол, уснуть и никогда больше не просыпаться. Но мы не должны были спать, мы изо всех сил боролись со сном. Перед смертью мы стали вспоминать Страну Дальнюю.

Я подумал об отце-короле, и на глаза у меня навернулись слезы. Я так ослаб от голода, что не мог громко плакать, и слезы тихо катились по щекам. Юм-Юм тоже плакал потихоньку.

— Эх, была бы Страна Дальняя не так далеко, — прошептал он, — и Остров Зеленых Лугов тоже. И были бы мы не такие маленькие и беззащитные!

— Помнишь, как мы бродили по холмам на Острове Зеленых Лугов, играя на флейтах? — спросил я. — Помнишь, Юм-Юм?

— Да, но это было давным-давно, — ответил Юм-Юм.

— Мы можем сыграть на флейтах и здесь, — предложил я. — Мы можем играть старинный напев, пока голод не одолеет нас, пока не умрем.

— Что ж, сыграем еще разок, — прошептал Юм-Юм.

Мы достали флейты. Слабые руки едва удерживали их, но мы заиграли старинную песню. Мы играли, а Юм-Юм плакал, и слезы тихо катились по его щекам. Может, я тоже плакал, но просто не замечал этого. Старинный напев был так прекрасен, но звучал едва слышно, словно предчувствуя, что вскоре смолкнет и он.

Хотя мы играли тихо, заколдованные птицы услышали старинный напев и всей стаей подлетели к нашему окошку. Сквозь решетку я видел их грустные блестящие глаза. Потом птицы улетели, а мы не могли больше играть.

— Ну вот мы и сыграли в последний раз, — сказал я и хотел положить флейту в карман.

Но там что-то было! Я сунул руку и нащупал в кармане ложечку. То была маленькая чайная ложечка сестренки мальчика Йри!

Мне хотелось, чтобы заколдованные птицы снова подлетели к нам. Я бы показал им ложечку. Может, сестренка мальчика Йри узнает ее. Но заколдованные птицы больше не показывались.

Рука моя разжалась, и ложечка упала на пол.

— Смотри-ка, Юм-Юм, — сказал я, — я нашел ложечку!

— Ну и что! — ответил Юм-Юм. — Зачем нам ложечка, если нет еды?

Улегшись на пол, Юм-Юм закрыл глаза и умолк. Я чувствовал страшную усталость. Все тело свело от голода. Сейчас я проглотил бы любую еду — все, что угодно. Больше всего мечтал я о хлебе, хлебе насущном. Но я знал: его мне больше не есть. Я мечтал о ключевой воде, утоляющей жажду. Но я знал: ее мне больше не пить. Никогда не придется мне больше ни пить, ни есть. Я вспоминал даже противную кашу-размазню, которой тетя Эдла пичкала меня по утрам. Сейчас я проглотил бы даже эту размазню, и она показалась бы мне вкусной.

О, я готов был съесть все, что угодно! Из последних сил поднял я с пола ложечку и сунул ее в рот.

Что такое?! Ложечка кормила меня! Я будто поел хлеба насущного и испил ключевой воды, утоляющих голод и жажду. Ложечка кормила меня, и вкуснее этой еды я не ел ничего на свете. И вот чудо: ложечка казалась бездонной, еда в ней не убывала, и я наелся досыта.

Юм-Юм лежал на полу, закрыв глаза. Я сунул ложечку ему в рот, и он начал есть, словно во сне. Потом сказал:

— О Мию, мне приснился чудесный сон. Теперь и умирать легче. Мне приснился хлеб, хлеб насущный.

— Это не сон, — ответил я.

Юм-Юм открыл глаза и уселся на полу. Он понял наконец, что жив-здоров и сыт. Несмотря на нашу беду, мы почти повеселели.

— Что сделает с нами рыцарь Като, когда увидит, что мы не умерли с голоду? — спросил Юм-Юм.

— Только бы он не вложил нам в грудь каменные сердца! — ответил я. — Я так боюсь каменного сердца!

— Ночь еще не кончилась! — сказал Юм-Юм. — Рыцарь Като еще не пришел. Давай поговорим о Стране Дальней. Так и время пройдет. Сядем поближе друг к другу чтобы немного согреться.

В башне было холодно, мы продрогли до костей. Плащ сполз с моих плеч и упал на пол. Я поднял его и закутался поплотнее. Как хорошо, что добрая ткачиха подбила мой плащ волшебной тканью!

Вдруг раздался крик Юм-Юма:

— Мию! Мию, где ты?

— Я здесь! — ответил я. — У двери.

Юм-Юм посветил вокруг огарком свечи. Эту жалкую подачку мы получили от рыцаря Като. Вне себя от страха Юм-Юм шарил по темным углам, пытаюсь найти меня.

— Где ты? — взмолился он. — Не слепой же я, раз вижу дверь, тяжелый засов и стены нашей темницы.

И тогда я понял, что, надевая плащ, вывернул его наизнанку. Сверкающая волшебная подкладка, которой ткачиха подбила плащ, оказалась сверху. Едва я снова скинул плащ, Юм-Юм воскликнул:

— Не пугай меня так! Где ты прятался?

— А сейчас ты видишь меня? — спросил я.

— Еще бы! — ответил Юм-Юм. — А где ты прятался только что?

— Под своим плащом, — сказал я. — Наверно, ткачиха превратила его в плащ-невидимку!

Мы примеряли плащ и так и этак — в самом деле, он становился невидим, как только его выворачивали наизнанку.

— А теперь давай кричать во весь голос! — предложил Юм-Юм. — Может, стражники прибегут посмотреть, что тут случилось. А ты прошмыгнешь мимо них в своем волшебном плаще, выберешься из замка рыцаря Като и вернешься в Страну Дальнюю цел и невредим.

— А как же ты, Юм-Юм? — спросил я.

— Мне придется остаться, — дрогнувшим голосом ответил Юм-Юм. — Ведь только у тебя плащ-невидимка!

— Да, плащ-невидимка у меня только один! — сказал я. — И друг — только один! И мы умрем вместе, если не сможем спастись оба.

Юм-Юм крепко обнял меня:

— Я хочу, чтобы ты убежал отсюда и вернулся в Страну Дальнюю. Но ты остаешься со мной, и я не

могу не радоваться. Мне стыдно, но я ничего не могу с собой поделать.

Не успел он это сказать, как случилось чудо. Заколдованные птицы вернулись. Они часто-часто взмахивали крыльями у самой оконной решетки. Птицы с трудом удерживали в клювах что-то тяжелое. То был меч! Мой меч, рассекающий камень!

— Мио! — крикнул Юм-Юм. — Заколдованные птицы достали твой меч со дна Мертвого Озера!

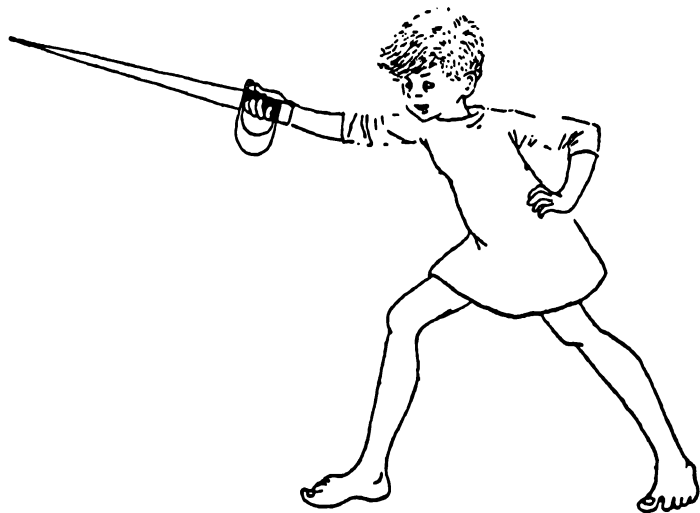
Я подбежал к окошку и, протянув руки сквозь решетку, взял меч. Он полыхал огнем, с него стекали капли воды, но и они сверкали огнем.

— Спасибо вам, милые добрые птицы! — сказал я.

Но птицы только посмотрели на меня своими блестящими грустными глазами и, горестно крича, снова взмыли над Мертвым Озером.

— Здорово, что мы догадались сыграть на флейте! — сказал Юм-Юм. — Иначе бы птицам не найти дорогу к этой башне.

Я почти не слушал. Я стоял в темнице, сжимая в руке меч. Мой меч, мой огненный меч! Никогда прежде

я не чувствовал себя таким сильным. Я вспоминал своего отца-короля, я знал, что он думает обо мне.

— Ну, Юм-Юм! — сказал я. — Для рыцаря Като настал час его последней битвы.

Юм-Юм побледнел, а глаза его радостно заблестели.

— Как ты справишься с семью замками? — спросил он. — Как проскользнешь мимо семидесяти семи стражников?

— Семь замков разобьет мой меч, — ответил я, — а плащ спрячет меня от семидесяти семи стражников.

Я набросил плащ на плечи. Волшебная ткань засверкала в темноте, она сверкала так, что могла осветить весь замок рыцаря Като.

Но Юм-Юм сказал:

— Я не вижу тебя, Мио, хоть и знаю, что ты здесь. Я буду ждать, когда ты вернешься.

— А если я не вернусь никогда? — спросил я.

Разве мог я знать, кто победит в битве с рыцарем Като!

Мы замолчали, мы долго молчали. А потом Юм-Юм сказал:

— Если ты никогда не вернешься, Мио, мы будем думать друг о друге. Мы будем думать друг о друге, пока хватит сил.

— Верно, Юм-Юм! — ответил я. — Я буду думать о тебе и об отце в свой последний час.

Я поднял меч, и он рассек железную дверь, словно она была из теста. Ведь для меча, который рассекает камень, железная дверь все равно что тесто. И беззвучно, словно тесто, мой меч рассек железо. Несколько быстрых ударов — и я отбросил прочь огромный замок.

Я отворил дверь, она чуть слышно заскрипела. Семеро стражников стояли в карауле за дверью. Услыхав скрип, они обернулись. Они смотрели прямо на меня. А я стоял в своем сверкающем волшебном плаще и думал: «Как ярко светится плащ, они видят меня!» Но они меня не видели.

— Я слышал скрип! — сказал один из стражников.

— Да, что-то скрипнуло в ночи! — сказал другой.

Они стали рыскать по сторонам, — меня они не видели.

— Верно, злобная мысль рыцаря Като со скрипом пронеслась мимо! — сказал третий.

Но я был уже далеко. Пряча свой меч под плащом, я бежал со всех ног к покоям рыцаря Като.

Повсюду — во всех залах, галереях и на лестницах — стояли стражники. Огромный черный замок был полон черных стражников. Но меня они не видели. Меня они не слышали.

А я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я не испытывал больше страха. Я был бесстрашен как никогда. Я был уже не прежний Мио, который строил шалаши в королевском саду и играл на Острове Зеленых Лугов! Я — рыцарь, готовый к битве!

И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я бежал со всех ног. Мой волшебный плащ полыхал за плечами, он сверкал и переливался в темноте замка.

А я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Меч огнем вспыхивал в моей руке, он сверкал и пламенел. Я крепко сжимал рукоять и бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я думал о своем отце-короле. Я знал, что и он думает обо мне. Наконец-то! Близок час битвы! Но битва меня не пугает. Я рыцарь без страха и упрека, и в руке моей меч.

И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Вот и покои рыцаря Като!

Я распахнул двери. Рыцарь Като сидел спиной ко мне за каменным столом. Он исходил злобой.

— Обернись, рыцарь Като! — сказал я. — Настал час твоей последней битвы!

Он обернулся. Я сорвал с себя плащ и предстал пред ним с мечом в руке. Его страшное лицо посинело и сморщилось, в его страшных глазах мелькнули ненависть и ужас.

Миг — и он схватился за меч, лежавший рядом с ним на столе. Началась его последняя битва.

Грозен был меч рыцаря Като, но где ему было сравниться с моим грозным мечом! Мой меч сверкал, блеснул и пламенел, он молнией рассекал воздух, беспощадно скрещиваясь с мечом рыцаря Като.

Целый час длилась эта битва, битва, которую ждали много-много тысяч лет. Безмолвная, страшная битва! Мой меч, точно молния, рассекал воздух, скрещиваясь с мечом рыцаря Като. Наконец я выбил меч из его руки. Безоружный стоял предо мной рыцарь Като. Он знал: битва проиграна.

Тогда, разорвав на груди черный бархатный камзол, он воскликнул:

— Гляди не промахнись! Рази в самое сердце! В мое каменное сердце! Слишком долго терзало оно меня и причиняло страшную боль!

Я заглянул в его глаза. И такими чудными показались мне эти глаза. Мне показалось, будто рыцарь Като жаждет избавиться от своего каменного сердца. Может быть, больше всех на свете ненавидел рыцаря Като сам рыцарь Като?

Я не стал мешкать. Я поднял свой огненный меч и пронзил мечом каменное сердце рыцаря Като. В тот же миг он исчез. Его не стало.

Лишь на полу лежала груда камней. Только груда камней! И еще железный коготь.

На подоконнике в покоях рыцаря Като билась крыльями о стекло маленькая серая птичка. Верно, ей хотелось на волю. Я не видел раньше этой птички, не знаю, где она пряталась. Я подошел к окну и распахнул его, чтобы выпустить пленницу на волю. Птичка вспорхнула, взмыла ввысь и радостно защебетала. Видно, долго томила в неволе.

Я стоял у окна и смотрел вслед улетающей птичке. И увидел, что ночь кончилась и наступило утро.

Мио, мой Мио!

Да, наступило утро. Стояла чудесная погода. Светило солнце. Веселый летний ветерок подлетел к окну и взлохматил мне волосы.

Высунувшись из окна, я взглянул на озеро. Это было веселое, голубое озеро, и в нем отражалось солнце. Заколдованные птицы исчезли.

О, какой чудесный день! В такой день только бы играть! Я посмотрел вниз на воду, подернутую рябью от утреннего ветерка. Мне страшно захотелось бросить

что-нибудь в озеро. Шикарный получится бултых, если бросить что-нибудь в воду с такой высоты. Но под рукой у меня ничего, кроме меча, не оказалось, и я швырнул его в озеро. Забавно было смотреть, как он летел по воздуху и, плюхнувшись, поднял фонтан брызг! Вода тотчас поглотила меч, и по ней пошли большие круги. Большие красивые круги. Они все росли и росли, расходясь по всему озеру.

Вот это было зрелище! Но у меня не было времени стоять и смотреть, пока круги исчезнут. Надо было торопиться к Юм-Юму. Ведь он ждет меня и беспокоится.

Той же дорогой, какой мчался час назад, я возвращался обратно. Громадные залы и безмолвные галереи опустели. Ни одного черного стражника не было видно. Все они куда-то подевались. Сквозь оконные решетки лучи солнца освещали старинные своды, с которых свисала паутина. До чего ж древним и мрачным казался этот замок.

Повсюду было так пустынно и тихо, что я испугался: а вдруг Юм-Юм тоже исчез? Я бросился бежать со всех ног. Я бежал все быстрее и быстрее. Но, приблизившись к башне, услышал, что Юм-Юм наигрывает на флейте, — я сразу успокоился и повеселел.

Я распахнул дверь нашей темницы. Юм-Юм сидел на полу. При виде меня глаза его засверкали, он вскочил на ноги и сказал:

— Я ужас как боялся за тебя и, чтобы отвлечься, все время играл на флейте.

— Теперь тебе не о чем тревожиться, — ответил я.

Мы были так рады, что только глядели друг на друга и смеялись.

— А теперь уйдем отсюда, — сказал я. — Уйдем и никогда больше не вернемся.

Мы взялись за руки и выбежали из замка рыцаря Като. Сначала мы оказались во внутреннем дворе замка. И кто, вы думаете, поскакал нам навстречу? Мира-

мис! Моя Мирамис с золотой гривой! Около нее прыгал маленький белый жеребенок.

Мирамис одним прыжком оказалась возле меня, я обнял ее за шею и прижался головой к морде лошади, шепча ей на ухо:

— Мирамис, моя любимая Мирамис!

Лошадь посмотрела на меня своими преданными глазами, и я почувствовал, что она так же сильно тосковала без меня, как и я без нее.

Посреди двора по-прежнему стоял столб, возле которого валялась цепь. И тут я понял, что Мирамис и была той черной лошадью, которую я видел ночью прикованной во дворе. А маленький жеребенок — тем самым жеребенком, которого рыцарь Като выкрал в Дремучем Лесу. Из-за этого жеребенка целая сотня белоснежных лошадей плакала кровавыми слезами. Теперь им не придется больше плакать. Скоро жеребенок вернется к ним обратно.

— А что случилось с другими пленниками рыцаря Като? — спросил Юм-Юм. — Куда девались заколдованные птицы?

— Поскачем верхом к озеру и поищем их там, — предложил я.

Мы сели на спину Мирамис, а жеребенок побежал за нами изо всех сил. Мы выехали из ворот замка.

И в тот же миг мы услышали удивительный, страшный грохот. Позади нас что-то рухнуло, сотрясая землю. Это обрушился замок рыцаря Като, он превратился в груды камней. Не было больше ни башен, ни пустынных залов, ни мрачных винтовых лестниц, ни потайных окошек, ничего. Лишь большая груда голых камней.

— Нет больше замка рыцаря Като, — сказал Юм-Юм.

— Остались одни камни! — добавил я.

С вершины скалы, на которой раньше стоял замок, к озеру круто спускалась узкая, опасная тропинка. Мирамис ступала по ней с величайшей осторожностью, медленно переставляя ноги, жеребенок следовал за ней.

Так мы добрались до берега целыми и невредимыми. На каменной плите у самого подножия скалы собралась стайка малышей. Они, наверно, ждали нас, потому что бросились нам навстречу с сияющими лицами.

— О, да ведь это братья нашего друга Нонно, — сказал Юм-Юм. — А вот маленькая сестренка мальчика Йри и другие дети. Нет больше заколдованных птиц!..

Мы спрыгнули с лошади. Дети окружили нас. Они немного стеснялись, но были приветливы и радостны. Один из братьев Нонно тронул меня за руку и сказал тихо, словно боясь, что его кто-нибудь услышит:

— Я так рад, ведь на тебе мой плащ! Так рад, что нас расколдовали!

Одна девочка, сестренка мальчика Йри, тоже подошла ко мне. Не смея взглянуть на меня и глядя от смущения в сторону озера, она чуть слышно прошептала:

— Я так рада, ведь у тебя моя ложечка! Так рада, что нас расколдовали!

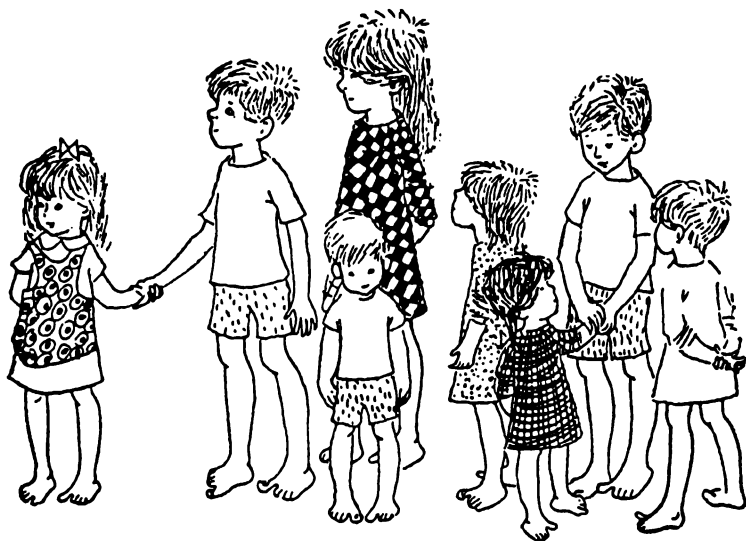
И другой братишка Нонно положил мне руку на плечо и сказал:

— Я так рад, ведь мы достали твой меч со дна озера. Так рад, что нас расколдовали!

— Теперь меч снова на дне озера, — сказал я. — Там ему и место, мне он больше не понадобится.

— Мы тоже не станем больше доставать его, раз мы больше не заколдованные птицы, — ответили дети.

Я окинул взглядом детей, окружавших меня.

— А кто из вас маленькая дочка ткачихи? — спросил я. Наступила тишина, все молчали.

— Кто же из вас маленькая дочка ткачихи? — повторил я.

Мне хотелось рассказать ей, что мой плащ подбит волшебной тканью, сотканной ее матерью.

— Дочкой ткачихи была Милимани, — сказал брат нашего друга Нонно.

— Где же она? — удивился я.

— Вот она! — ответил брат нашего друга Нонно.

Дети расступились. Среди пенистых волн на скалистой плите лежала маленькая девочка. Я подбежал и упал возле нее на колени. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, мертвая. Ее личико было маленьким и совсем белым, а тело обгорело.

— Она погасила факел! — сказал брат нашего друга Нонно.

Я был в отчаянии. Милимани погибла из-за меня!

Я страшно горевал. Ничто не радовало меня, ведь Милимани погибла из-за меня.

— Не горюй, — сказал брат нашего друга Нонно. — Милимани сама полетела навстречу огню, хотя знала, что крылья ее вспыхнут и сгорят.

— Да, но она погибла, — сказал я в отчаянии.

Брат нашего друга Нонно взял ее маленькие обгорелые ручки в свои.

— Мы должны оставить тебя здесь одну, — произнес он. — Но прежде чем уйти, мы споем тебе нашу песню.

Все дети уселись на скалистой плите вокруг Милимани и запели ей песню, которую сами сочинили:

Милимани, наша сестренка,
Ты, сестренка, упала в волны,
Упала в волны с крылом обожженным,
Милимани, о Милимани!
Тихо дремлешь и не очнешься,
Не очнешься, не полетишь ты
С горестным криком над темной водою...

— Теперь темной воды больше нет, — сказал Юм-Юм. — А спокойные, ласковые волны тихо плещут, напевая песню Милимани, уснувшей на берегу.

— Хорошо бы завернуть ее во что-нибудь, — сказала сестренка мальчика Йри. — Тогда бы ей было не так жестко лежать на скалистой плите.

— Мы завернем Милимани в мой плащ, — сказал я. — Мы завернем ее в ткань, которую соткала ее мать.

И я завернул Милимани в плащ, подбитый волшебной тканью. Она была соткана из белого цвета яблонь, нежности ночного ветра, ласкающего травы, теплой алой крови сердца, — ведь это руки ее родной матери соткали такую ткань. Я бережно закутал бедняжку Милимани в плащ, чтоб ей было мягче лежать на скале.

И тут свершилось чудо. Милимани открыла глаза и посмотрела на меня. Сначала она лежала неподвижно и только глядела на меня. Затем приподнялась и села, а увидев всех нас, страшно удивилась. Оглядевшись по сторонам, она удивилась еще больше.

— До чего же голубое сегодня озеро! — сказала она.

Больше она ничего не сказала. Потом Милимани сбросила плащ и встала. На ее теле не осталось никаких следов от ожога. Как мы обрадовались, что она ожила!

Вдали на озере показалась скользящая по волнам лодка. Кто-то сильно работал веслами. Когда лодка приблизилась, я увидел, что это гребет Кующий Мечи; с ним был и старый Эно.

Скоро лодка ткнулась носом в скалу, и они сошли на берег.

— Ну, что я вам говорил? — закричал кузнец раскатыстым басом. — Что я вам говорил: «Скоро пробьет час последней битвы рыцаря Като». Разве не так я говорил?

Эно бросился мне навстречу.

— Я хочу кое-что показать тебе, принц Мио! — сказал он.

Протянув свою морщинистую руку, он разжал ладонь. Там лежал маленький зеленый листочек. Такой маленький листочек, тоненький и хрупкий, нежно-зеленый, с чуть заметными прожилками.

— Он вырос в Мертвом Лесу! — сказал Эно. — Я только что нашел его на дереве в Мертвом Лесу!

Он закивал с довольным видом, и его старческая, седая всклокоченная голова закачалась, как челнок.

— Я буду приходить в Мертвый Лес каждое утро и смотреть, много ли прибавилось зеленых листочков. А этот оставь себе, принц Мио.

Он положил мне в руку листочек. Он наверняка считал, что отдает мне самое прекрасное, что у него есть.

Снова кивнув головой, он сказал:

— Я все время желал тебе удачи, принц Мио. Я сидел в своей лачуге и надеялся, что тебе повезет.

— А что я тебе говорил? — вмешался кузнец. — «Близок час последней битвы рыцаря Като». Ведь так я говорил?

— Как попала к тебе ладья? — спросил я кузнеца.

— Волны пригнали ее обратно, — ответил он.

Я взглянул на другую сторону озера, на гору Кующего Мечи, на лачугу Эно. Все новые и новые лодки скользили по озеру. Их было много, и в них сидели незнакомые люди. Бледные исхудалые люди. Они удивленно и радостно глядели на солнце и голубое озеро. Верно, они никогда раньше не видели солнца. А теперь оно взошло, ярко освещая озеро и окружающие его скалы. Это было так чудесно! И только уродливая груда камней, оставшихся от замка на вершине горы, портила прекрасный вид. Но я подумал: со временем на этих камнях вырастет мох. Со временем шелковистый зеленый мох скроет каменистую осыпь, и никто не будет знать, что под этим живым ковром погребен замок рыцаря Като.

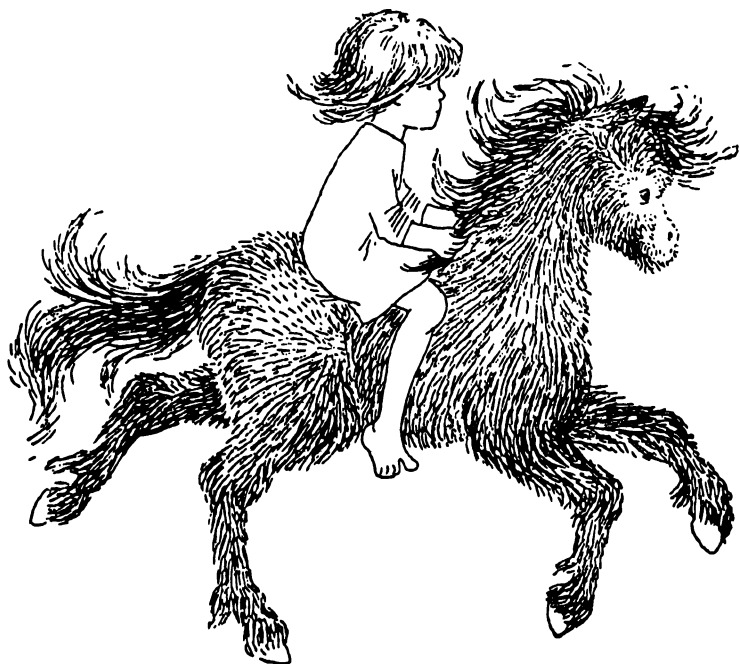
Я когда-то видел розовые цветы, похожие на маленькие колокольчики, которые пышно растут в расще-

линах среди камней. Может, придет день, когда вот такие же розовые цветы вырастут во мху на развалинах замка рыцаря Като. Я думаю, это будет красиво.

Дорога была неблизкой, но возвращаться всегда легко. Дети ехали на Мирамис, а самых маленьких вез жеребенок. Их это забавляло. Остальные шли пешком до тех пор, пока не вошли в Дремучий Лес.

Опустилась ночь, и Дремучий Лес превратился в Лес Лунного Света. Кругом стояла тишина — мы неслышно пробирались среди деревьев. Но вдруг Мирамис громко и призывно заржала, и так же громко и призывно ответила ей сотня белоснежных лошадей. Они мчались к нам навстречу, стуча копытами. Маленький жеребенок тоже начал ржать. Он пытался ржать так же громко и призывно, как взрослые лошади, но у него получалось лишь слабое, чуть слышное, смешное ржание. И все же белоснежные лошади услышали его.

О, как они обрадовались, что жеребенок вернулся домой! Они толпились вокруг него, и каждая пыталась подойти поближе, прикоснуться к нему, убедиться, что он и в самом деле вернулся домой.

Теперь у нас была целая сотня лошадей, и никому не пришлось больше идти пешком. Каждому досталось по лошади. Сам я скакал на Мирамис, а Юм-Юм, как обычно, сидел сзади, потому что не променял бы Мирамис ни на какую другую лошадь в мире. Маленькая девочка, самая младшая из всех, ехала на жеребенке.

Мы скакали лесом, и белоснежные лошади при лунном свете были так прекрасны!

Вскоре я увидел, как что-то забелело между деревьями. То были цветущие яблони вокруг домика ткачихи.

Белая кипень яблоневого цвета покрывала деревья вокруг домика, который предстал пред нами, точно в сказке. До нас донесся стук ткацкого станка, и Милимани сказала:

— Это ткет мама.

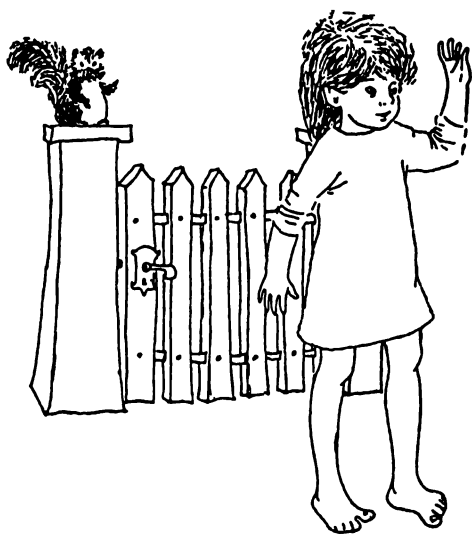
Спрыгнув с лошади возле калитки, она помахала нам рукой и сказала:

— Я так рада, что приехала домой! Так рада, что вернулась до того, как осыпался яблоневый цвет!

Она побежала по узенькой тропинке меж яблонями и исчезла в доме. И тотчас ткацкий станок смолк.

Но до Острова Зеленых Лугов путь был еще немалый, а я так хотел поскорее увидеть своего отца-короля. Сотня белоснежных лошадей с Мирамис впереди взлетела над Дремучим Лесом и взмыла выше самых высоких гор. Лошади плыли по воздуху к Острову Зеленых Лугов.

Было утро, когда мы прибыли к мосту Утреннего Сияния. Часовые только что опустили мост. Он сиял в золотых лучах солнечного света, и сотня белоснежных лошадей, вытянув шеи, с развевающимися гривами, нес-

лась по нему во весь опор. Часовые растерянно уставились на нас. Вдруг один из них вытащил рог и громко затрубил, так что эхо разнеслось по всему Острову Зеленых Лугов. Из маленьких домиков и хижин выбежали все те, кто печалился и горевал о судьбе похищенных детей. Они увидели, что дети едут на белоснежных лошадях. Все они до единого вернулись домой. Лошади понеслись дальше по лугам, и вскоре мы подъехали к саду моего отца. Тут дети спрыгнули с лошадей, и к ним подбежали их мамы и папы. Они вели себя точно так же, как белоснежные лошади, когда увидели вернувшегося домой белоснежного жеребенка.

Там были Нонно и его бабушка, Йри со своими братьями и сестрами, папа и мама Юм-Юма и многие другие, кого я раньше никогда не видел. Они то плакали, то смеялись, целуя и обнимая вернувшихся домой детей.

Но среди них не было моего отца.

Белоснежные лошади могли теперь вернуться в Дремучий Лес. Я видел, как они рысцой бежали обратно по лугам. Впереди мчался маленький белоснежный жеребенок.

Юм-Юм с такой радостью рассказывал папе и маме обо всем, что с нами случилось, что не заметил, как я

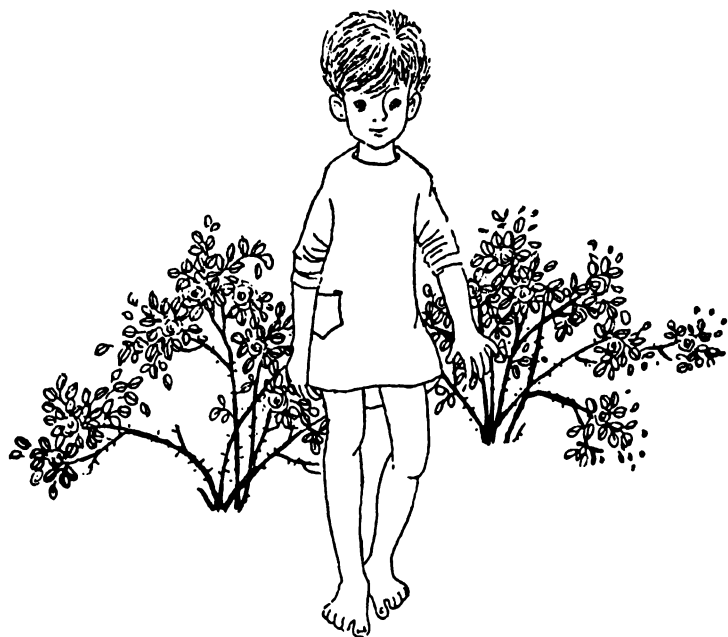
отворил калитку нашего сада и вошел. Никто не заметил, как я исчез, и это было к лучшему. Мне хотелось пойти туда одному. Я шел по аллее серебристых тополей, они звенели по-прежнему, по-прежнему цвели розы, все было по-прежнему.

И вдруг я увидел его. Я увидел моего отца-короля. Он стоял на том же самом месте, где я оставил его, отправляясь в Дремучий Лес и в Страну Чужедальную. Он стоял там, протягивая ко мне руки. Я бросился к нему и крепко-крепко обвил его шею руками, а он прижал меня к себе и прошептал:

— Мио, мой Мио!

Ведь отец так любит меня, а я очень люблю его.

Весь день был для меня праздничным. Все мы — и я, и Юм-Юм, Нонно и его братья, Йри и его сестры и братья, и остальные дети — играли в саду. Увидев шалаш, который построили мы с Юм-Юмом, они сказали, что шалаш просто замечательный. Мы катались верхом

на Мирамис, и она легко перепрыгивала через живые изгороди из роз. А потом мы играли с моим плащом. Брат нашего друга Нонно ни за что не хотел взять его обратно.

— Подкладка-то уж точно твоя, — говорил он.

Мы играли в прятки, накидывая плащ на себя. Я надевал его подкладкой наружу, бегал среди кустов, словно человек-невидимка, и кричал:

— Никому меня не поймать! Никому!

И конечно, дети, как ни старались, не могли меня поймать.

Стало темнеть, и всем пришлось разойтись по домам. Папы и мамы не хотели, чтоб их дети гуляли допоздна в первый же вечер после возвращения домой.

Мы с Юм-Юмом остались в шалаше вдвоем. Как только вечерняя заря осветила розы в саду, мы заиграли на флейтах.

— Будем беречь наши флейты, — сказал Юм-Юм. — Если придется вдруг разлучиться, станем наигрывать старинный напев.

Тут за мной пришел отец. Я пожелал Юм-Юму спокойной ночи, и он побежал домой. Пожелал я спокойной ночи и Мирамис, которая щипала траву возле шалаша. Потом я взял отца за руку, и мы молча пошли домой среди роз.

— Мио, мой Мио, ты, наверно, вырос за это время, — сказал вдруг отец. — Сделаем нынче вечером новую метку на кухонной двери.

Мы шли по аллее серебристых тополей, и сумрак, будто легкий голубоватый туман, обволакивал сад. Белые птицы попрятались в гнезда. Только на верхушке самого высокого серебристого тополя в одиночестве сидела птица Горюн и пела. Я не знаю, о чем пела она теперь, когда все похищенные дети вернулись домой. Но у птицы Горюн, верно, всегда найдется о чем петь.

А далеко на лугах стали зажигаться костры. Они вспыхивали один за другим в темноте. И я слышал, как пастухи наигрывают вдали свою старинную песню.

Мы шли, держась за руки, отец и я.

Мой отец-король смотрел на меня сверху вниз и смеялся, а я смотрел на него снизу вверх и чувствовал себя таким счастливым.

— Мио, мой Мио! — сказал отец.

— Мио, мой Мио! — повторял он, пока мы в сумерках шли домой.

Незаметно настал вечер, а за ним и ночь.

Уже давно живу я в Стране Дальней и редко вспоминаю то время, когда жил на Уппландсгатан. Только Бенку я вспоминаю чаще — ведь он так похож на Юм-Юма. Надеюсь, что Бенка не слишком тоскует по мне. Ведь никто лучше меня не знает, как тяжела тоска. Но у Бенки есть отец и мать, и, конечно, он нашел себе нового друга.

Иногда я вспоминаю тетю Эдлу и дядю Сикстена, но вражды к ним я больше не питаю. Мне только интересно знать, что они подумали, когда я исчез. Они так мало обо мне заботились, что, может, и вообще этого не заметили. Тетя Эдла, верно, думает, что стоит ей пойти в парк Тегнера и поискать, как она непременно найдет меня на какой-нибудь скамейке. Она думает, что я все еще сижу там под фонарем, ем яблоко и забавляюсь пустой бутылкой из-под пива или еще какой-нибудь ерундой. Она, наверно, думает, что я сижу и смотрю на дома, где в окнах горит свет, а дети ужинаяют со своими мамами и папами... И тогда тетя Эдла совсем выходит из себя из-за того, что я еще не вернулся домой с сухарями.

Но она ошибается, тетя Эдла! И еще как! Буссе давно уже нет на скамейке в парке Тегнера. Он теперь живет в Стране Дальней. В Стране Дальней, где шумят серебристые тополя, где костры освещают и согревают ночь, где так вкусен хлеб насущный и где у Буссе есть отец-король, которого он так любит и который так любит его.

Да, все так и есть. Бу Вильхельм Ульссон сейчас в Стране Дальней, и ему прекрасно живется у его отца-короля.

Братья Левиное Сердце

расскажу сейчас о моем брате. Моего брата звали Юнатан Львиное Сердце. Мне просто необходимо рассказать вам о нем. Все это похоже на сказку и чуть-чуть на историю с привидениями, и все же это чистая правда. Но об этом знаем лишь мы с Юнатаном.

Сначала фамилия Юнатана была вовсе не Львиное Сердце, а Лейон, что по-шведски значит — лев. У нас с мамой такая же фамилия. Меня зовут Карл Лейон, а маму — Сигрид Лейон. Папу звали Аксель Лейон, хотя он бросил нас, когда мне было всего два года. Он ушел в море, и больше мы о нем не слышали.

Но я хочу вам рассказать о том, как мой брат Юнатан стал Юнатаном Львиное Сердце. И обо всем удивительном, что случилось потом.

Юнатан знал, что я скоро умру. Мне думается, все знали об этом, кроме меня. Даже в школе про это знали, ведь последние полгода я вовсе не ходил в школу, а все время болел. Лежал дома и кашлял. Все тетеньки, которым мама шьет платья, тоже про это знали, одна из них говорила об этом с мамой, а я случайно услышал. Они думали, что я сплю. А я просто лежал с закрытыми глазами и не показывал вида, что слышу эти страшные слова, будто я скоро умру.

Я, понятно, расстроился и ужасно испугался и не хотел, чтобы мама об этом знала. Но когда Юнатан пришел домой, я заговорил с ним об этом.

— Ты знаешь, что я скоро умру? — спросил я и заплакал.

— Да, знаю.

Я заплакал еще сильнее.

— Какой ужас! — сказал я. — Почему же люди могут умирать, не дожив и до девяти лет?

— Знаешь, Сухарик, мне кажется, что это вовсе не ужас, — ответил Юнатан. — Мне кажется, тебе будет просто замечательно!

— Замечательно? — воскликнул я. — По-твоему, это замечательно — быть мертвым и лежать в земле!

— Да что ты! — сказал Юнатан. — Ведь это лишь только твоя оболочка там будет лежать, а сам ты улетишь совсем в другое место.

— Куда улечу? — удивился я, не поверив ему.

— В Нангиялу, — ответил он.

«В Нангиялу» — он сказал это запросто, будто это что-то такое, о чем знает каждый. А я прежде никогда об этом не слышал.

— А что это за Нангияла? — спросил я. — Где она находится?

Юнатан ответил, что точно он этого и сам не знает. Где-то по другую сторону звезд. И он начал рассказывать про Нангиялу так, что мне чуть ли не захотелось тут же полететь туда.

— Там сейчас еще время костров и сказок, — сказал он, — тебе там понравится.

Он рассказал, что все сказки приходят из Нангиялы, ведь именно там случается все удивительное. И когда попадешь туда, то и с тобой будут случаться разные приключения с утра до вечера и даже ночью.

— Вдумайся, Сухарик, здесь вот ты лежишь и кашляешь, болеешь все время и не можешь играть. А там будет совсем другое дело.

Юнатан называл меня Сухариком еще тогда, когда я был совсем маленьким. Я спросил его почему, он ответил, что очень любит сухарики, особенно такие, как я.

Но в тот вечер, когда я так боялся умереть, он сказал, что как только я попаду в Нангиялу, сразу стану здоровым, сильным и даже красивым.

— Таким красивым, как ты?

— Куда красивее!

Но это он мне вкручивал зря. Таких красивых, как Юнатан, не было нигде и быть не может.

Как-то раз одна из тетенок, которым мама шьет, сказала:

— Милая фру Лейон, ваш сын похож на сказочного принца.

И она говорила не обо мне, это уж точно!

Юнатан и в самом деле был похож на сказочного принца. Волосы у него отливали золотом, глаза синие, сияющие, зубы белые, красивые, а ноги совсем прямые.

К тому же он был добрый и сильный, все умел, все понимал и учился лучше всех в классе. Все ребята во

дворе ходили за ним по пятам и хотели играть с ним. Он придумывал для них разные игры и приключения, а я не мог с ним играть, ведь я только и делал, что изо дня в день лежал на старом кухонном диванчике. Но когда Юнатан приходил домой, он рассказывал мне про все, что он делал, что видел, что слышал и что читал. Он мог сколько угодно сидеть со мной на краю диванчика и рассказывать. Юнатан тоже спал в кухне на раскладушке, которую каждый день вытаскивал из шкафа. И даже когда он ложился спать, он продолжал рассказывать мне сказки и всякие истории, покуда мама не кричала нам из комнаты:

— А ну-ка замолчите! Калле нужно спать!

Но спать трудно, когда все время кашляешь. Иногда Юнатан вставал среди ночи и кипятил для меня воду с медом, чтобы смягчить кашель. Добрый был Юнатан!

В тот вечер, когда я боялся умереть, он сидел со мной по несколько часов и рассказывал про Нангиялу, правда тихонько, чтобы мама не услышала. Она, как всегда, сидела и шила, швейная машинка стоит у нее в комнате. Она и спит в этой комнате. Ведь у нас всего одна комната и кухня. Дверь была открыта, и мы слышали, как она поет про моряка, который плавает где-то далеко в море. Она, наверно, думает про папу, когда поет. Я помню только несколько строчек из этой песни:

Пусть суждено мне погибнуть
В морской пучине, —
Не плачь, моя нежная,
Милый тебя не покинет.
Душа моя — белый голубь —
В окно постучится.
Открой! Приголубь на груди
Усталую птицу...¹

Это красивая и печальная песня, но Юнатан только засмеялся и сказал:

---

¹ Перевел М. Кононов.

— Послушай, Сухарик, может, ты тоже прилетишь ко мне однажды вечером? Из Нангиялы. Обернешься белой голубкой и сядешь на подоконник. Прилетай обязательно.

Тут я начал кашлять, и он, как всегда, взял меня на руки, чтобы мне полегчало, и пропел:

Ты обернись
Голубкой белокрылой
И прилетай ко мне,
Сухарик милый...

И тут я подумал: «Что мне делать в Нангияле без Юнатана? Без него мне там придется плохо. Что толку, если там будут сказки и приключения, а Юнатана не будет! От страха я и не пойму, что мне там делать».

— Не хочу я туда, — сказал я и заплакал. — Я хочу всегда быть с тобой, Юнатан!

— Так ведь я тоже когда-нибудь попаду в Нангиялу, ясно тебе? Когда-нибудь, хоть и не теперь.

— Да-а! Не теперь! Может, ты будешь жить до девяноста лет, а я буду там все время один.

Тогда Юнатан сказал, что в Нангияле время совсем другое, чем на земле. Даже если он проживет до девяноста лет, мне покажется, будто его не было со мной всего два дня. Ведь время там не настоящее, как у нас.

— Уж два-то дня потерпеть один ты сможешь, — сказал он. — Будешь лазить по деревьям, сидеть у костра в лесу или удить рыбу на берегу какой-нибудь речушки, ведь тебе этого всегда хотелось. Только ты вытащишь окуня, а я уже тут как тут, прилетел! А ты спрашиваешь: «Никак ты уж здесь, Юнатан?»

Я постарался перестать плакать, решив, что два дня-то уж, верно, смогу выдержать без него.

— Хотя было бы здорово, если бы ты прилетел туда первым, — сказал я. — А потом я прилетаю, а ты уже сидишь там и удишь рыбу.

Юнатан согласился со мной. Он долго смотрел на меня ласково, как всегда. Я понял, что ему было жаль меня, потому что он сказал тихо и печально:

— А вместо того мне придется жить на земле без своего Сухарика. Может, даже целых девяносто лет! Да, мы думали, что так оно и будет!

2

Теперь я расскажу о самом трудном. О чем я не в силах думать. И о чем не могу не думать.

Мой брат Юнатан мог бы все еще быть со мной, говорить со мной по вечерам, ходить в школу, играть с ребятами во дворе, кипятить для меня воду с медом... Но все вышло не так... нет его больше со мной!

Юнатан теперь в Нангияле.

Тяжело мне, я не могу, не могу я про это рассказывать. Но вот что после написали в газете:

«Ужасный пожар бушевал вчера у нас в городе в квартале Факкельрусен. Один из деревянных домов сгорел дотла, и погиб один человек. Когда дом загорелся, в квартире на третьем этаже находился больной десятилетний мальчик, Карл Лейон. Вскоре пришел домой его тринадцатилетний брат, Юнатан Лейон. Его никто не успел остановить, и он бросился в горящий дом, чтобы спасти брата. Мгновение спустя вся лестница уже была объята пламенем. Детям оставалось спастись лишь через окно. Перепуганная толпа, собравшаяся возле дома, была бессильна помочь им. Людям оставалось только с ужасом смотреть, как тринадцатилетний подросток, держа брата на спине, не раздумывая прыгает из окна. При падении на землю мальчик ударился так сильно, что почти сразу скончался. Его младший брат, которого он заслонил от удара своим телом, напротив, не получил никаких повреждений. Мать обоих мальчиков, портниха, была в это время у своих клиенток. По возвращении домой с ней случился тяжелый шок».

На другой странице газеты еще напечатано про Юнатана. Это написала школьная учительница:

«Милый Юнатан, не правда ли, тебя следовало бы назвать Юнатан Львиное Сердце? Ты помнишь, мы читали в учебнике истории про храброго короля Ричарда Львиное Сердце? Ты тогда сказал мне: „Надо же, быть таким храбрым, чтобы потом про тебя написали в учебниках истории! Я никогда не смог бы стать таким!“ Дорогой Юнатан, если даже про тебя и не напишут в учебниках, ты все равно герой, ты проявил настоящее мужество в решающий момент. Твоя старая учительница никогда тебя не забудет. Твои школьные друзья тоже будут долго помнить тебя. В классе будет пусто без нашего веселого красивого Юнатана. Но тот, кого любят боги, умирает молодым. Покойся в мире, Юнатан Львиное Сердце!»

Она была слегка чокнутая, школьная учительница Юнатана, но она его очень любила, да и все любили его. И потом здорово, что она придумала про Львиное Сердце, просто здорово!

Во всем нашем городе не найдется, поди, ни одного человека, кто бы не жалел Юнатана и не считал бы, что лучше бы умер я, а не он. По крайней мере, я понял это, глядя на тетенек, которые бегают сюда со своими тряпками, муслинами и разным там барахлом. Проходя через кухню, они глядят на меня и вздыхают, а после говорят маме:

— Бедная вы, фру Лейон! Ведь именно Юнатан был у вас такой замечательный!

Мы живем рядом с нашим бывшим домом. Точно в такой же квартире, только на первом этаже. Общество призрения бедных дало нам старую мебель, и эти мамины тетеньки тоже дали кое-что. Я лежу почти на таком же кухонном диванчике, какой был у меня раньше. Все у нас почти такое же, как раньше. И все, все совсем не такое! Ведь с нами нет больше Юнатана. Никто больше не сидит со мной по вечерам, никто мне ничего не рассказывает. Мне до того одиноко, что даже грудь болит. Я могу только лежать и шептать

слова, которые Юнатан сказал перед смертью. Тогда, когда мы прыгнули и упали на землю. Он лежал вниз лицом, но потом кто-то повернул его, и я увидел его лицо. Из уголка рта у него текла кровь, и говорить он не мог. И все же он попробовал улыбнуться и с трудом сказал: «Не плачь, Сухарик, мы увидимся в Нангияле!»

Больше он ничего не сказал. Он закрыл глаза, и люди унесли его. И больше я его не видел.

Мне не хочется вспоминать, что было потом. Но забыть, как мне было страшно и больно, никак нельзя. Я лежал на диванчике и думал о Юнатане, пока голова у меня не начинала раскалываться. Сильнее тосковать, чем я тосковал по нему, просто невозможно. И еще мне было страшно. Мне пришло в голову, что, может быть, и нет никакой Нангиялы! А вдруг Юнатан просто выдумал ее, ведь он умел придумывать разные удивительные истории! И я стал плакать.

Но потом Юнатан пришел и утешил меня. Да, он пришел, и как это было прекрасно! Все стало снова хорошо, почти как раньше. Он понял там, в Нангияле, как мне плохо без него, и решил меня утешить. Потому он и пришел ко мне, и теперь я больше не горюю, а просто жду.

Он пришел ко мне вечером, совсем скоро. Я был дома один, лежал и плакал о нем, и был до того расстроенный, больной и несчастный, что словами не расскажешь. Окно кухни было открыто, ведь вечера теперь стоят теплые, весенние. Я слышал, как за окном воркуют голуби. Их у нас целая стая на заднем дворе, и весной они вечно воркуют.

И тут это случилось.

Я лежал и плакал, уткнувшись лицом в подушку, и вдруг услышал, что где-то совсем рядом воркует голубь. Я взглянул и увидел, что на окне сидит голубка и смотрит на меня добрыми глазами. Белоснежная голубка, запомните, а вовсе не серая, как голуби у нас

на дворе! Белоснежная голубка! Никому не понять, что я почувствовал, увидев ее! Ведь это было прямо как в песне: «Я прилечу к тебе голубкой белоснежной». И мне показалось, что я снова слышу, как Юнатан поет: «...и прилетай ко мне, Сухарик милый!». Но вместо этого он сам прилетел ко мне.

Я хотел что-то сказать, но не смог, а просто лежал и слушал, как воркует голубка. А за этим воркованием, нет, в самом этом ворковании я слышал голос Юнатана. Хотя он теперь был какой-то другой. Какой-то шепот раздавался по всей кухне. Это было похоже на историю с привидениями, и можно было бы даже испугаться, но я не испугался, а обрадовался до того, что готов был прыгать до потолка. Ведь то, что я услышал, было просто замечательно.

Так вот, все, что брат рассказывал про Нангиялу, было правдой! Юнатан хотел, чтобы я поскорее оказался там, потому что там очень хорошо. Подумать только, когда он туда пришел, его уже ждал дом, в Нангияле у него теперь собственный отдельный дом. Это старая усадьба, рассказал он, называется она Рюттаргорден, то есть «Усадьба всадника», и находится в Долине Вишен. Правда, красивое название? И подумать только, первое, что он увидел в Рюттаргордене, — зеленую дощечку, а на дощечке надпись: «Братия Львиное Сердце».

— Это значит, что мы будем там жить вдвоем, — сказал Юнатан.

Надо же! Когда я явлюсь в Нангиялу, меня тоже будут звать Львиное Сердце! Я этому очень рад, ведь мне хочется, чтобы у меня была такая же фамилия, как у Юнатана, хотя я и не такой храбрый, как он.

— Только приходи поскорее, — попросил он. — Если не найдешь меня дома в Рюттаргордене, значит, я сижу на речке с удочкой.

Потом стало тихо, и голубка улетела. Поднялась над крышей и полетела назад в Нангиялу.

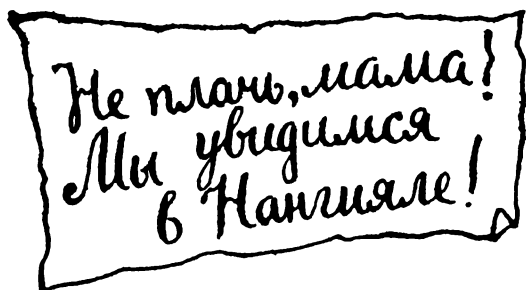

А я лежу на своем диванчике и хочу скорее улететь. Я надеюсь, что дорогу туда найти не трудно. Ведь Юнатан сказал, что это очень просто. На всякий случай я записал адрес:

*Братья Львиное Сердце
Рюттаргорден
Долина Вишен
Нангияла.*

Вот уже два месяца, как я живу один, без Юнатана. Два длинных, страшных месяца. Но теперь я уже скоро попаду в Нангиялу. Скоро, скоро я полечу туда. Может, даже сегодня ночью. Я напишу записку, положу ее на кухонный стол, и мама найдет ее, когда проснется утром.

А в записке я напишу:

3

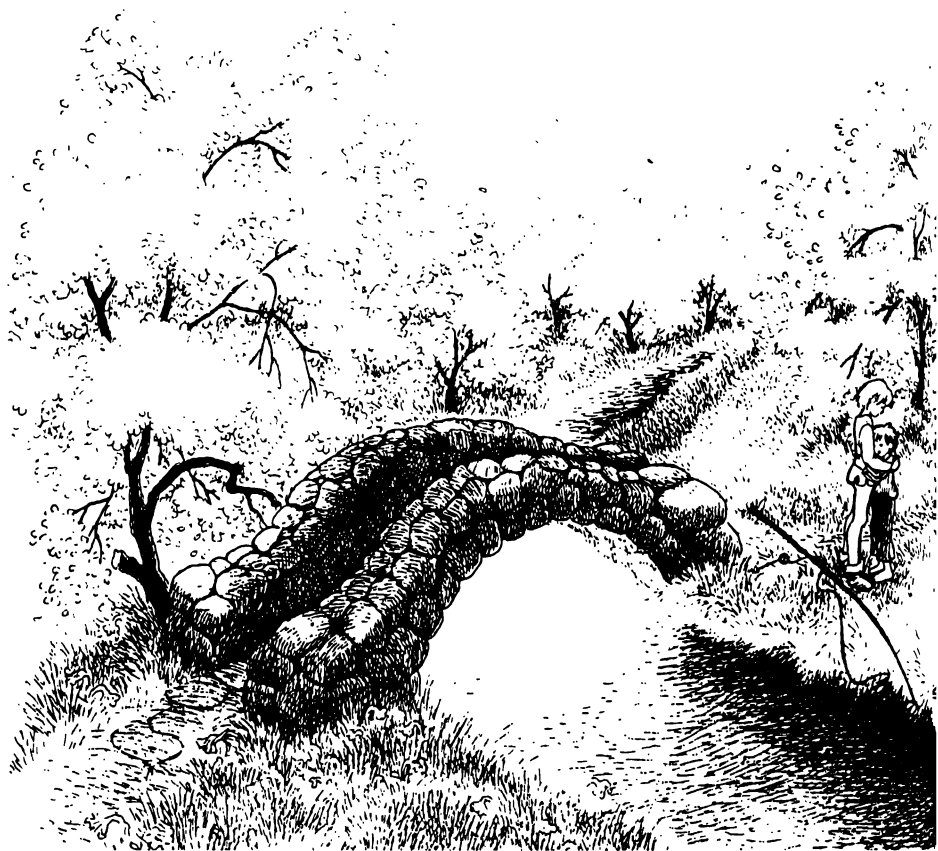
И вот это случилось. Такого чуда со мной никогда еще не было. Я вдруг оказался у калитки и прочитал на зеленой дощечке: «Братья Львиное Сердце».

Как я туда попал? Как прилетел в Нангиялу? Как нашел дорогу, никого не спрашивая? Я и сам не знаю. Знаю лишь, что я вдруг очутился у калитки и увидел надпись на дощечке.

Я позвал Юнатана. Кричал много раз, но никто не отозвался. Потом вспомнил, что он, наверное, улит рыбу.

Я побежал по узенькой тропинке вниз к реке. Бежал и бежал и наконец увидел Юнатана. Он сидел на мосту, и волосы у него так и сияли на солнце. Что я почувствовал, снова увидев его, я не сумею рассказать, даже если очень захочу.

Юнатан не сразу заметил меня. Я попытался крикнуть: «Юнатан!» Наверное, я при этом плакал, потому что вместо крика у меня получился какой-то странный звук. И все же Юнатан услышал. Он поднял голову и увидел меня. Сначала он вроде бы не узнал меня. Но потом он вскрикнул, отшвырнул удочку, бросился мне навстречу и крепко обнял, как будто хотел увериться,

что я и в самом деле пришел. Потом я немного всплакнул. Плакать-то мне было не с чего. Просто я так долго тосковал по нему.

А Юнатан только засмеялся. И мы стояли на крутом берегу, обнимали друг друга и радовались тому, что мы снова вместе, — так радовались, что не расскажешь.

И Юнатан сказал:

— Ну вот, Сухарик Львиное Сердце, ты наконец пришел!

«Сухарик Львиное Сердце» — звучало смешно, и мы оба сперва фыркнули, а потом стали так хохотать, будто смешнее никогда ничего не слышали. Нам просто хотелось смеяться, потому что внутри у нас все так и бурлило от радости. Мы хохотали, потом начали бороться и продолжали смеяться. Смеясь, мы упали на траву, покатались по склону и досмеялись до того, что свалились в реку. Я думал, что мы сейчас утонем, а мы поплыли. Я никогда не умел плавать, а мне так хотелось научиться. Но сейчас я поплыл без труда. И плавал просто отлично.

— Юнатан, я плыву! — закричал я. — Я умею плавать!

— Ясное дело, умеешь, — ответил Юнатан.

И тут я вспомнил еще кое о чем.

— Юнатан, а ты заметил, что я больше не кашляю?

— Понятно, не кашляешь. Ведь ты теперь в Нангияле.

Я наплавался вволю, потом залез на мост и стоял там, а с моей промокшей одежды текла вода. Мои брюки прилипли к ногам, и я увидел, что со мной случилось чудо. Хотите верьте, хотите нет, но ноги у меня теперь стали такие же прямые, как у Юнатана.

Тогда мне пришло в голову: а вдруг я к тому же стал красивый? Я спросил у Юнатана, не кажется ли ему, что я стал красивее.

— Погляди в зеркало, — ответил он.

Вода в реке была спокойная и гладкая, как зеркало. Я лег на живот, подвинулся к краю моста, но особой красоты в себе не заметил. Юнатан улегся на мосту рядом со мной. Мы лежали долго, а из воды смотрели на нас братья Львиное Сердце. Юнатан был красивый: золотые волосы, синие глаза, нежное лицо, а я все такой же курносый, волосы косматые, одно слово — рыло.

— Нет, я красивее не стал, — огорчился я.

Но Юнатан сказал, что я стал намного лучше.

— И такой здоровый на вид! — добавил он.

Все еще лежа на мосту, я ощупал себя. И понял, что я здоров, что все тело мое радуется этому здоровью. Для чего же мне тогда быть красивым? Все тело мое было до того счастливо, что казалось, будто все в нем смеялось.

Так мы лежали, грелись на солнышке и смотрели на рыб, которые то заплывали под мост, то выплывали из-под моста. Но потом Юнатан захотел идти домой, и я тоже, ведь мне не терпелось взглянуть на Рюттаргорден, мой новый дом.

Юнатан шел впереди по тропинке, которая вела в нашу усадьбу, а я поспевал за ним, ведь ноги у меня теперь были хоть куда. Я все время пялил глаза на свои ноги и радовался, как легко мне теперь ходить. Когда мы поднимались по холму, я ненароком обернулся и увидел наконец Долину Вишен. Ах, что это была за долина, — вся залитая белым вишневым цветом. Белые цветы и зеленая-презеленая трава! И через все это бело-зеленое серебряной лентой протекала речка. Почему же я не заметил этого раньше? Неужто я видел только Юнатана? Но сейчас я замер на тропинке, любуясь этой красотой, и сказал Юнатану:

— Это самая красивая долина на земле!

— Да, самая красивая, хоть и не на земле, — ответил Юнатан.

И тут я вспомнил, что нахожусь в Нангияле.

Долину Вишен окружали высокие горы, они тоже были красивые. С горных склонов в долину стекали ручьи, с обрывов падали, звеня, водопады, все кругом бурлило и пело, была весна.

Воздух здесь был тоже какой-то особенный, такой чистый и приятный, что его хотелось пить.

«Вот бы пару кило такого воздуха к нам в город!» — подумал я, вспомнив, как мне не хватало воздуха, когда я лежал на кухонном диванчике. Мне тогда казалось, будто воздуха нет совсем.

Но здесь его было много, и я вдыхал его глубоко, всей грудью, словно не мог надышаться. Юнатан засмеялся и сказал:

— Оставь и мне его хоть чуть-чуть!

Тропинка была белая от цветов вишни, и в воздухе кружились белые лепестки, осыпая нас, застревая у нас в волосах. Мне всегда нравились узенькие зеленые тропинки, усыпанные белыми цветами вишни.

А в конце тропинки стояла усадьба Рюттаргорден с зеленой дощечкой на калитке.

— «Братья Львиное Сердце», — прочел я вслух Юнатану. — Подумать только, и здесь мы будем жить!

— Да, подумать только, Сухарик, разве это не здорово?

Ясное дело, это было здорово. Я понимаю, почему Юнатану здесь нравилось. А что до меня, так я лучше места и представить себе не мог.

Там был старый белый дом с зелеными углами и зеленой дверью, а вокруг — небольшая зеленая лужайка, на которой рос первоцвет, камнеломка и маргаритки. Здесь же пышно цвели вишни и сирень, а сад был обнесен низенькой серой каменной стеной, увитой розовыми цветами. Через нее можно было запросто перепрыгнуть. И все же, как войдешь за калитку, кажется, что стена эта ограждает тебя от всех опасностей, что здесь ты — дома.

Между прочим, там был не один дом, а два, хотя второй скорее походил на конюшню или какую-нибудь пристройку. Дома стояли под углом друг к другу, а в том месте, где они встречались, стояла скамья, старая-престарая, ну прямо из каменного века. И скамья, и этот угол были очень симпатичные. Так и хотелось посидеть немного, подумать или поглядеть на пичужек, а может, выпить стаканчик соку.

— Мне здесь нравится, — сказал я Юнатану. — А что, в доме так же хорошо?

— Идем, посмотришь, — ответил он.

Он уже стоял у двери и хотел было войти в дом, как вдруг послышалось ржание, и это в самом деле заржала лошадь. Тогда Юнатан сказал:

— Давай заглянем сначала в конюшню!

Он вошел во второй дом, и я, конечно, побежал за ним!

Это и в самом деле была конюшня. В ней стояли две красивые гнедые лошади. Когда мы вошли, они повернули головы в нашу сторону и заржали.

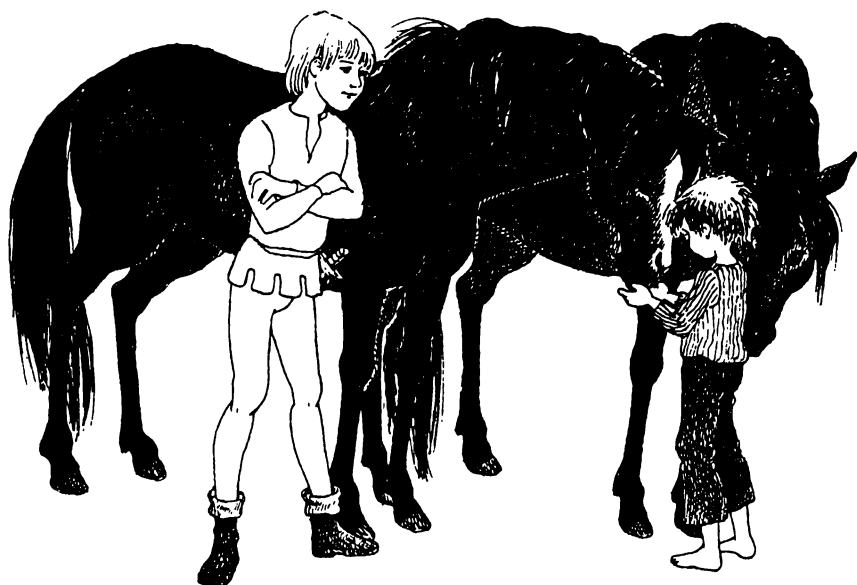
— Это Грим и Фьялар, — сказал Юнатан. — Угадай, который из них твой!

— Да брось ты, нечего мне вкручивать, будто у меня есть конь, ни за что не поверю.

Но Юнатан объяснил, что в Нангияле без коня не обойтись.

— Без коня далеко не уедешь, — объяснил он, — а ведь здесь, сам понимаешь, Сухарик, иногда приходится ездить далеко.

Ох и обрадовался же я, узнав, что в Нангияле обязательно нужно иметь лошадь, ведь я так люблю лошадей. До чего же у лошади нежный нос, просто удивительно!

Лошади, что стояли у нас в конюшне, были просто загляденье. У Фьялара была белая звездочка на носу, а в остальном они были одинаковые.

— Тогда, наверно, Грим мой, — сказал я, раз Юнатан хотел, чтобы я угадал.

— А вот и не угадал, — ответил Юнатан, — твой Фьялар.

Я позволил Фьялару обнюхать меня и похлопал его. Я его ни капельки не боялся, хотя прежде никогда не дотрагивался до лошади. Мне Фьялар сразу понравился, и я ему тоже, во всяком случае мне так показалось.

— А еще у нас есть кролики, — сказал Юнатан. — Они в клетке за конюшней. Мы можем потом поглядеть на них.

Да уж мне-то, ясное дело, увидеть их не терпелось.

— Я должен поглядеть на них! — воскликнул я. — Мне всегда хотелось завести кроликов, а дома, в городе, их не заведешь!

Я выскочил на двор, завернул за угол конюшни и там увидел клетку, а в ней трех маленьких славных крольчат. Они грызли листья одуванчика.

— Просто удивительно, — сказал я после Юнатану, — в Нангияле получаешь все, чего когда-нибудь желал.

— Так ведь я же тебе об этом говорил еще тогда, дома, на кухне. А теперь мы сами можем убедиться в том, что это правда. Вот здорово!

Никогда, никогда не забуду я первый вечер на кухне в Рюттаргордене! Как замечательно было лежать и болтать с Юнатаном, точно так же, как раньше! Такое не забывается. Теперь мы опять вместе жили в кухне. Хотя эта кухня вовсе не была похожа на нашу городскую, это уж точно. Кухня в Рюттаргордене была, наверно, старая-престарая. Потолок из грубых бревен и большой открытый очаг. Этот очаг занимал почти всю стену, и готовить еду нужно было прямо на огне, как в древние времена. Посреди кухни стоял здоровенный стол, какого я в жизни не видел, а по бокам длинные деревян-

ные скамьи. На них могли бы рассестись человек двадцать, и то им было бы просторно.

— Мы можем жить в кухне, как всегда, — сказал Юнатан, — а мама, когда явится сюда, поселится в комнате.

Во всем доме была лишь одна комната и кухня, но нам ничего больше и не надо, ведь мы привыкли так жить. Правда, здесь комната и кухня были вдвое больше, чем у нас дома.

Да, дома!.. Я рассказал Юнатану про записку, которую я оставил маме на кухонном столе.

— Я написал ей, что мы увидимся в Нангияле. Хотя кто знает, когда она придет.

— Может, и не скоро, — ответил Юнатан. — Но во всяком случае у нее будет большая комната, куда она сможет поставить хоть десять швейных машинок, если захочет.

Угадайте, что еще мне нравится? Я люблю лежать на старинном откидном диванчике в старинной кухне, когда отсветы языков пламени пляшут на стенах, а за окном качается ветка цветущей вишни, и болтать с Юнатаном. Потом огонь в очаге становится все меньше и меньше, и под конец остаются одни головни. В углах комнаты становится темно, глаза у меня слипаются все сильнее. Я лежу и не кашляю, а Юнатан рассказывает мне всякие истории. Все рассказывает и рассказывает, покуда его голос не становится шепотом, как в тот раз. И тогда я засыпаю. Вот что я люблю. В первый вечер в Рюттаргордене все так и было, и этого я никогда не забуду.

4

А потом наступило утро. И мы ездили верхом. Да, да, я умею ездить верхом, хотя тогда в первый раз сидел на спине у коня. Не знаю, почему это в Нангияле

исполняется все, чего ты хочешь. Я мчался лихим галопом, как будто всю жизнь только это и делал.

Вы бы посмотрели на Юнатана верхом на коне! Когда он мчался с ветерком по Долине Вишен, его увидела та, что приняла его за сказочного принца. Она сказала, что никогда его не забудет! Ах, когда он помчался на полном скаку, так что волосы развевались, а потом перемахнул через речку, он и в самом деле был похож на сказочного принца. Он и одет был как принц, нет, скорее как рыцарь. У нас в Рюттаргордене в шкафу было полным-полно одежды, не знаю, откуда она взялась. Не такой одежды, какую теперь все носят, а рыцарской. Для меня там тоже нашлось много чего. Свое старое рванье я выбросил, просто смотреть на него больше не мог. Юнатан сказал, что мы должны одеваться, как подобает времени, в котором живем, а иначе люди в Долине Вишен скажут, что мы чокнутые. Разве не говорил Юнатан, что здесь время костров и сказок? Когда мы ехали верхом, разодетые в богатое рыцарское платье, я спросил его:

— Ведь правда, мы живем здесь, в Нангияле, в ужасно древнее время?

— Вообще-то так можно сказать, — согласился Юнатан. — Для нас это древнее время. Но, с другой стороны, можно назвать это время молодым.

Он немного подумал.

— Да, точно, — продолжал он, — молодое, здоровое, доброе время, в котором легко и просто жить.

Но тут глаза у него потемнели.

— Во всяком случае здесь, в Долине Вишен, — добавил Юнатан.

— А разве в других местах все по-другому? — спросил я.

И Юнатан ответил, что в других местах все может быть совсем по-другому.

Как удачно, что мы попали именно сюда! Именно сюда, в Долину Вишен, где жизнь легкая и простая, как

сказал Юнатан. Что может быть легче, проще и приятнее, чем такое вот утро! Просыпаешься в кухне оттого, что солнце светит в окно, птицы весело щебечут на деревьях, и видишь, как Юнатан тихонько ставит для тебя на стол хлеб и молоко. Поешь, а потом идешь кормить кроликов и чистить коня. А потом садишься на коня и скачешь. Ах, до чего же здорово скакать по росистой траве! Роса сверкает и переливается, над вишневым цветом, жужжа, кружат шмели и пчелы, конь прямо-таки распластывается в галопе, а тебе вовсе не страшно. Подумать только, ты вовсе не боишься, что все это скоро кончится, как кончается все хорошее. Но только не в Нангияле! По крайней мере не здесь, в Долине Вишен.

Мы долго скакали по лугам куда глаза глядят, потом потрусили по дорожке вдоль реки, вдоль всех ее изгибов и поворотов и вдруг увидели в долине утренние струйки дыма над крышами домов. Сначала только дым, а потом и всю деревню со старыми домами и усадьбами. Мы слышали, как кукарекали петухи, как лаяли собаки, как блеяли овцы и козы. В общем, все было как и должно быть поутру. Деревня только что проснулась.

Навстречу нам по тропинке шла женщина с корзиной на руке. Она была не молодая и не старая, скорее пожилая, сильно загорелая, как все крестьянки, которым приходится работать на воздухе в любую погоду. Одета она была старомодно, как описывают в сказках.

— Вот оно что, Юнатан, стало быть, твой брат уже здесь, — сказала она и приветливо улыбнулась.

— Да, он только что прибыл, — ответил Юнатан, и по его голосу можно было понять, как он этому рад. — Сухарик, это София, — добавил он, и женщина кивнула.

— Да, меня зовут София, — сказала она. — Как хорошо, что я вас встретила, теперь вы сами можете нести корзину.

Юнатан взял корзину, не спрашивая, что в ней, словно привык это делать.

— Ты, верно, приведешь нынче вечером брата в «Золотой петух», чтобы все могли с ним познакомиться? — спросила София.

Юнатан пообещал взять меня с собой, потом мы простились с ней и поскакали домой. Я спросил у Юнатана, что это за «Золотой петух».

— Это постоянный двор здесь, в долине. Мы там встречаемся, когда нужно о чем-нибудь потолковать.

Мне захотелось пойти с братом в этот самый «Золотой петух» и поглядеть, что за люди живут в Долине Вишен. Ведь мне было интересно узнать все о Долине Вишен и Нангияле. Хотелось увидеть, все ли здесь точно так, как мне описывал Юнатан. Между прочим, я кое-что вспомнил и решил тут же спросить об этом Юнатана.

— Юнатан, помнишь, ты говорил, что в Нангияле с утра до вечера случаются приключения, и ночью тоже? А я вижу — здесь так спокойно и никаких приключений.

Юнатан засмеялся.

— Так ведь ты приехал только вчера, никак ты об этом забыл? Дурашка, ты еще и опомниться не успел! Хватит на тебя приключений!

Я ответил ему, что, вообще-то говоря, и Рюттаргорден, где мы теперь хозяева, и лошади, кролики и все остальное — это уже само по себе удивительное приключение. Зачем нам еще приключения?

Тут Юнатан посмотрел на меня как-то странно, словно ему было жаль меня, а потом сказал:

— Знаешь, Сухарик, я хотел бы, чтобы все было так, как ты сказал. И ничего больше. Потому что бывают приключения, которых лучше бы вовсе не было.

Когда мы пришли домой, Юнатан выставил на кухонный стол все, что было в корзине: хлеб, бутылъ молока, горшочек меда и несколько лепешек.

— Так это София нам приносит еду? — удивился я. — А я-то даже и не подумал, откуда она у тебя берется.

— Да, иногда она приносит еду, — ответил Юнатан.

— Совсем бесплатно?

— Да, можно сказать, бесплатно. Здесь, в Долине Вишен, все бесплатно. Мы всем делимся друг с другом и помогаем друг другу, когда это нужно.

— А ты даешь что-нибудь Софии?

Юнатан снова засмеялся.

— Ясное дело. Например, лошадиный навоз для ее клумб с розами. И ухаживаю за ее клумбами тоже совсем бесплатно.

А потом он добавил так тихо, еле слышно:

— Между прочим, я оказываю ей еще кое-какие услуги.

И тут я увидел, как он вынул из корзины что-то белое. Это была всего лишь небольшая, свернутая в трубку бумага. Он развернул ее, прочитал, что на ней было написано, и нахмурился, словно ему это не понравилось. Но он ничего не сказал мне, а я не захотел его расспрашивать. Я решил, что он сам скажет мне все, когда захочет.

В одном углу кухни у нас стоял старинный буфет. В первый вечер в Рюттаргордене Юнатан рассказал мне кое-что про него. Он сказал, что в буфете есть потайной ящик, который никто не сможет ни найти, ни открыть, если не знает секрета. Я, конечно, тут же хотел посмотреть на него, но Юнатан сказал:

— В другой раз. А сейчас пора спать.

В тот раз я уснул и позабыл про это, а теперь вспомнил. Потому что Юнатан подошел к буфету, и я услышал несколько тихих, будто шелкающих звуков. Что он делал, было нетрудно догадаться. Он спрятал бумажный сверток в ящик. Потом он запер буфет и положил ключ в старую ступку, стоявшую высоко на кухонной полке.

Потом мы пошли купаться, и я нырнул с моста. Подумать только, что я не побоялся и нырнул! Затем Юнатан смастерил мне удочку, такую же, как у него, и мы наловили рыбы. Правда, немного, но чтобы нам хватило на обед. Я поймал одного большого окуня, а Юнатан двух.

Дома мы сварили рыбу на очаге в горшке, подвешенном на чугунной цепи над огнем. После обеда Юнатан сказал:

— А теперь, Сухарик, давай посмотрим, умеешь ли ты стрелять в цель. Это может пригодиться.

Он повел меня в конюшню, и там, в отсеке для упряжи, висели два лука. Я понял, что это Юнатан сделал их, потому что в городе он часто мастерил луки и стрелы для ребят у нас во дворе. Но оба этих лука были больше и красивее тех, настоящее оружие.

Мы повесили на дверь конюшни мишень и стреляли в цель до вечера.

Вообще-то, странный у меня брат. У него все получается гораздо лучше, чем у меня, но он делает вид, что все это ерунда. Он никогда не хвастается, у него все это выходит как бы само собой. Иногда мне даже кажется, он хочет, чтобы у меня что-то получилось лучше, чем у него. Когда я один раз тоже попал в яблочко, он так обрадовался, будто получил от меня подарок.

Начало смеркаться, и Юнатан сказал, что пора отправляться в «Золотой петух». Мы свистнули Грима и Фьялара. Они паслись свободно на лугу перед Рюттаргорденом, но на наш свист тут же примчались галопом к калитке. Мы оседлали их и не торопясь поехали в деревню.

И тут я вдруг испугался и оробел. Я ведь не привык разговаривать с людьми, тем более с теми, кто живет в Нангияле, и сказал об этом Юнату.

— Чего ты боишься? — спросил он. — Никто здесь тебя не обидит.

— Я знаю, что не обидит. А вдруг они станут надо мной смеяться?

Я сам понял, что несу чепуху. С чего бы им надо мной смеяться? Но я вечно что-нибудь выдумываю.

— Знаешь, я, пожалуй, буду теперь звать тебя Карлом, — сказал Юнатан, — это больше подходит к фамилии Львиное Сердце. Скажи я им, что ты Сухарик Львиное Сердце, они, поди, и в самом деле станут сме-

яться. Ведь ты сам чуть не лопнул со смеху, когда я так тебя назвал, да и я тоже хохотал.

Ну конечно, мне хотелось, чтобы меня звали Карлом. Это имя куда лучше подходило к моей новой фамилии.

— Карл Львиное Сердце! — громко сказал я, чтобы послушать, как это звучит. — Вот скажут Карл и Юнатан Львиное Сердце!

Я решил, что это звучит здорово.

— Хотя для меня ты все равно прежний Сухарик, — сказал Юнатан, — ты сам это знаешь, братишка Карл!

Вскоре мы въехали в деревню. Наши лошади гулко ударяли копытами по камням мостовой. Найти постоянный двор было нетрудно. Мы издали услышали смех и голоса людей. И вывеска с большим позолоченным петухом была видна издали. Это был самый настоящий старинный трактир, о каких я читал в книжках. В маленьких окнах так приветливо светился огонь. Мне ужасно захотелось войти туда. Ведь до сих пор я в трактирах никогда не бывал.

Но сначала мы въехали во двор и привязали Грима и Фьялара рядом с другими лошадьми, которых там было много. Правду сказал Юнатан, что в Нангияле без лошади не обойтись. Мне думается, жители Долины Вишен все до одного приехали в тот вечер в «Золотой петух» верхом. В трактире было не протолкнуться, когда мы вошли туда. Мужчины, женщины и ребятишки — вся деревня от мала до велика собралась здесь. Люди сидели и весело болтали, хотя маленькие дети уже спали на коленях у родителей.

Как все обрадовались, когда мы вошли!

— Юнатан! — слышались крики. — Юнатан пришел!

Сам хозяин постоянного двора, рослый, румяный, довольно красивый человек, заорал, перекрывая шум:

— А вот и Юнатан! Да нет, он не один! Да это братья Львиное Сердце! Оба два!

Он схватил меня и поставил на стол, чтобы все меня видели, и я стоял там, чувствуя, что краснею.

Но Юнатан сказал:

— Это мой любимый брат, Карл Львиное Сердце, который наконец-то явился сюда! Примите его ласково, так же, как приняли меня.

— Да уж будь спокоен, — ответил хозяин и снова поднял меня. Но, прежде чем поставить меня на пол, он на секунду прижал меня к себе, и я почувствовал, какой он сильный.

— Мы с тобой, — сказал он, — будем добрыми друзьями, такими же, как с Юнатаном. Меня зовут Юсси. Хотя все называют меня Золотым Петухом. К Золотому Петуху ты можешь прийти в любую минуту, не забывай этого, Карл Львиное Сердце!

София сидела одна за столом, и мы с Юнатаном уселись рядом с ней. Мне кажется, она нам обрадовалась. Она ласково улыбнулась, спросила, понравилась ли мне моя лошадь, а Юнатана попросила прийти как-нибудь и помочь ей в саду. Потом она замолчала, и мы поняли, что она чем-то опечалена. Я заметил и еще кое-что. Все сидевшие в трактире смотрели на Софию с почтением, а когда кто-нибудь поднимался и уходил, он кланялся ей, как будто она была важная персона, а я этого никак не мог понять. На ней было простое платье, на голове платок. Она сидела, положив загорелые руки на колени, как простая крестьянка. «Что же в ней такого особенного?» — думал я.

Мне было весело на постоялом дворе. Мы пели разные песни. Одни из них были мне знакомы, другие я слышал в первый раз, и все здесь вроде бы от души веселились. Но так ли это было на самом деле? Иногда мне казалось, будто их что-то печалило так же, как Софию. Как будто они время от времени о чем-то задумывались, чего-то боялись. Но ведь Юнатан говорил, что жизнь в Долине Вишен легкая и простая, чего же им тогда бояться? Правда, нельзя было сказать, что вид у них был все время унылый, ведь они пели, смеялись и вроде бы все были добры друг к другу. Но мне

казалось, что больше всех им нравился Юнатан, так же, как это было у нас дома. И София, по-моему, им тоже нравилась.

Когда же мы с Юнатаном собрались домой и вышли во двор, чтобы отвязать лошадей, я спросил брата:

— Послушай, Юнатан, а что же такого особенного в Софии?

И тут где-то рядом с нами сердитый голос сказал:

— Вот именно! Что в ней особенного, я никак не могу понять!

На дворе было темно, и я не мог разглядеть говорившего. Но вот он встал в полосу света, падавшего из окна, и я узнал его. Это был рыжеволосый кудрявый человек с небольшой рыжей бородкой, сидевший в трактире почти рядом с нами. Я обратил тогда внимание на то, что лицо у него было злое и что он не пел вместе со всеми.

— Кто он такой? — спросил я Юнатана, когда мы выехали за ворота.

— Его зовут Хуберт, — ответил брат, — и он прекрасно знает, что в Софии особенного.

Мы поскакали домой. Был прохладный звездный вечер. Я никогда не видел сразу так много звезд, и таких ярких, и попробовал угадать, которая из них планета Земля. Но Юнатан сказал:

— Ох, Земля... Она движется где-то далеко-далеко в космосе, ее отсюда не видно.

Я подумал, что это все же печально.

5

А потом наступил день, когда я узнал, что же такого особенного в Софии.

Однажды утром Юнатан сказал:

— Сегодня мы поедем к королеве голубей.

— Красивое прозвище, — ответил я. — А кто она, эта королева?

— София. Это я в шутку называю ее королевой голубей.

И вскоре я понял, в чем дело.

До Тюльпанной усадьбы, где жила София, было довольно далеко. Ее дом стоял на краю Долины Вишен, у подножия высокого горного хребта.

Мы прискакали туда ранним утром. София в саду кормила голубей. Голуби были белоснежные. Увидев их, я вспомнил ее, ту белую голубку, которая ворковала у меня на подоконнике. Это было, поди, тысячу лет назад.

— Ты помнишь? — шепнул я Юнату. — Одна из этих голубок одолжила тебе свое оперенье, когда ты прилетал ко мне, верно?

— Да, — ответил Юнату. — А как бы я мог иначе прилететь к тебе? Только голуби Софии могут летать по небу в любую даль.

Голуби окружали Софию белым облаком, обмахивая ее крыльями. «Так и должна выглядеть королева голубей», — подумал я.

Но вот София заметила нас. Она ласково поздоровалась с нами, хотя вид у нее был невеселый, даже очень печальный. Она тут же сказала Юнату со слезами в голосе:

— Вчера вечером я нашла Виоланту мертвой, со стрелой в груди. Возле Волчьего ущелья. Теперь уж ее не пошлешь с весточкой.

Глаза у Юнаты потемнели. Я никогда не видел его таким огорченным.

— Так я и думал, — сказал он. — Среди нас, в Долине Вишен, есть предатель.

— Видно, так оно и есть, — ответила София. — Мне не хотелось этому верить, но теперь я понимаю, что это правда.

Хоть София и была сильно опечалена, она все же вспомнила обо мне и сказала:

— Идем, Карл, должна же я все-таки показать тебе свое жилище.

Она жила в Тюльпанной усадьбе одна со своими голубями, пчелами, овцами и садом, в котором было столько цветов, что по нему с трудом можно было пройти.

София стала показывать мне усадьбу, а Юнатан тем временем принялся копать землю и полоть грядки, как и положено в саду по весне.

Я смотрел во все глаза на хозяйство Софии, на ее улы, которых было так много, на ее тюльпаны и нарциссы, на ее любопытных коз. И все же я не переставая думал о Виоланте. Кто бы это мог застрелить ее в горах?

Скоро мы вернулись к Юнатану, он полон клумбы, руки его были в земле.

София печально взглянула на него и сказала:

— Послушай, мой маленький садовник, думается мне, тебе скоро придется заняться другим делом.

— Я знаю, — ответил Юнатан.

Бедная София, она, верно, сильно горевала и не хотела нам этого показывать. Она стояла, пристально глядя на горы, и я тоже сильно разволновался. Куда это она смотрела? Кого ждала?

Скоро я это узнал, потому что София вдруг сказала:

— Вот она летит! Слава Богу, вот она, Палома!

Это была одна из ее голубок. Вначале она казалась маленькой точкой в небе над горами, но вскоре она спустилась к нам и села Софии на плечо.

— Иди сюда, Юнатан, быстро! — сказала София.

— Позови и Сухарика, я хотел сказать — Карла, — попросил Юнатан. — Ведь ему, наверно, теперь можно знать все?

— Конечно, можно. Идите за мной оба!

С голубкой на плече София первой поспешила в дом. Она отвела нас в небольшую каморку рядом с кухней, заперла дверь на задвижку и закрыла ставни. Видно, она не хотела, чтобы кто-нибудь видел нас и слышал, о чем мы говорим.

— Палома, голубка моя, принесла ли ты нам добрую весть, не такую, как в прошлый раз?

Она сунула руку под крыло птицы, достала маленькую капсулу и вынула оттуда свернутую бумажку. Точно такую же, какую Юнатан вынул в тот раз из корзины и спрятал в буфет у нас дома.

— Прочитай ее скорей! — воскликнул Юнатан. — Быстрее, быстрее!

София прочла ее про себя и тихонько вскрикнула:

— Они схватили и Урвара! Теперь не осталось никого, кто мог бы помочь.

Она протянула записку Юнатану, и он, прочитав ее, еще больше помрачнел.

— Предатель у нас в Долине Вишен, — сказал он. — Кто же он, этот негодяй?

— Не знаю, — ответила София. — Пока не знаю. Но горе ему, кто бы он ни был, когда я узнаю, кто он. Я сидел и слушал, ничего не понимая.

Потом София вздохнула и сказала:

— Ты можешь все рассказать Карлу. А я пока пойду приготовлю вам что-нибудь на завтрак.

И она скрылась в кухне.

Юнатан сел на пол, прислонясь к стенке. Он сидел так молча, глядя на свои черные от земли руки, и наконец сказал:

— Сейчас я тебе все расскажу, раз София позволила.

Он много рассказывал мне про Нангиялу и раньше, и потом. Но такого, что он рассказал мне в каморке у Софии, я больше никогда не слышал.

— Ты помнишь, что я говорил, — начал он, — что жизнь в Долине Вишен легка и проста. Такой она была, такой и могла бы быть, но только не сейчас. Потому что, если наступили мрачные и тяжелые времена в другой долине, станет жизнь тяжелой и у нас, в Долине Вишен. Понимаешь?

— А здесь есть и другие долины? — спросил я.

И тогда Юнатан рассказал мне, что в Нангияле есть две прекрасные зеленые долины, раскинувшиеся среди гор: Долина Вишен и Долина Терновника. Их окружают высокие дикие горы, перебраться через них трудно, если не знаешь извилистых опасных троп. Но людям, живущим в долинах, эти тропы известны, и они могут свободно навещать друг друга.

— Вернее, могли раньше, — добавил Юнатан. — Теперь из Долины Терновника никого не выпускают, и туда никто не может попасть. Никто, кроме голубей Софии.

— А почему? — спросил я.

— Потому что Долина Терновника больше не свободная страна, — ответил брат. — Теперь она в руках врага.

Он посмотрел на меня так, словно ему было жаль, что приходится пугать меня:

— И никто не знает, что будет в Долине Вишен.

Тут я испугался. А я-то думал, что в Нангияле не может быть ничего опасного, и разгуливал себе здесь преспокойно. Да, мне в самом деле стало страшно.

— А что это за враг? — спросил я.

— Его зовут Тенгиль.

Юнатан произнес это имя так, что оно прозвучало как название чего-то гадкого и опасного.

— А где живет этот Тенгиль?

И Юнатан рассказал мне про Карманьяку, страну на Горе Древних Гор за Рекой Древних Рек, которой правил коварный, как змея, Тенгиль.

Я испугался еще сильнее, но не хотел этого показывать.

— А почему он не может остаться в своих Древних Горах? — спросил я. — Для чего ему нужно приходить в Нангиялу и разбойничать здесь.

— Спрашиваешь! Найди такого умника, кто может ответить на этот вопрос! Я не знаю, почему ему надо разрушить все, что есть на свете. Таков уж он есть. Он не хочет, чтобы люди в долинах жили, как они хотят. И к тому же ему нужны рабы.

Потом он снова замолчал, посидел, уставясь на свои руки, и что-то тихонько пробормотал, но я услышал его слова:

— И еще у этого зверюги есть Катла.

Катла! Это прозвучало еще страшнее, и я спросил его:

— А кто такая Катла?

Но Юнатан покачал головой:

— Нет, Сухарик, я знаю, что тебе уже и так страшно. Не хочу я говорить про Катлу, тогда ты не сможешь заснуть ночью.

Вместо этого он рассказал мне, почему все уважают Софию:

— Она руководит нашей тайной борьбой с Тенгилом. Понимаешь, мы сражаемся с ним, чтобы помочь Долине Терновника. Хотя нам приходится делать это тайно.

— А почему вы выбрали именно Софию? — спросил я.

— Потому что она сильная и мудрая. И потому что она никого ни капельки не боится.

— Так ведь и ты никого ни капельки не боишься!

Он подумал немного и сказал:

— Да, я тоже не боюсь.

Ах, как мне хотелось быть таким же храбрым, как София и Юнатан! Но я до того напугался, что даже плохо соображал.

— А что, все знают про Софию и ее голубей, которые летают через горы и доставляют тайные вести? — спросил я.

— Нет, это знают лишь те, кому мы вполне доверяем. Но среди этих людей есть один изменник. И этого достаточно!

Глаза у него снова потемнели, и он сказал:

— София послала тайную весть с Виолантой, а вчера вечером ее подстрелили. Если письмо попало в руки Тенгиля, многих в долине Терновника ждет смерть.

Мне казалось отвратительным, что кто-то посмел застрелить летящую голубку, такую белую и невинную, даже если она несла тайную весть.

И я вдруг вспомнил про то, что спрятано у нас дома в буфете. Я спросил Юнатана, зачем нам прятать тайные письма в кухонном буфете, раз это так опасно.

— Да, это опасно, — ответил Юнатан. — Но еще опаснее оставлять их у Софии. Ведь если люди Тенгиля придут в Долину Вишен, они станут в первую очередь обыскивать дом Софии, а не ее садовника.

Хорошо, что никто, кроме Софии, не знает, кто он на самом деле, сказал мне Юнатан. То, что он не про-

сто ее садовник, а ближайший помощник в борьбе с Тенгилем.

— София сама так решила, — сказал он. — Она хочет, чтобы никто в Долине Вишен не знал об этом, и поэтому ты тоже должен поклясться молчать до того дня, когда София сама об этом скажет.

И я поклялся, что скорее умру, чем пророню хоть словечко о том, что мне сказано.

Мы позавтракали у Софии и поехали домой.

В это утро еще кое-кто прогуливался верхом на лошади. Мы встретили его, когда выехали из Тюльпанной усадьбы. Это был человек с рыжей бородой, ну как там его звали, ах да, Хуберт.

— Вот как, вы были у Софии? — спросил он. — А что вы там делали?

— Полосл грядки у нее в саду, — ответил Юнатан и показал запачканные землей руки. — А ты что, охотишься? — спросил Юнатан в свою очередь, потому что на луке седла у Хуберта висел самострел.

— Да, хочу подстрелить парочку диких кроликов.

Я подумал о наших крольчатах и обрадовался, что его конь потрусил дальше и исчез из виду.

— А что ты думаешь про этого Хуберта? — спросил я Юнатана.

Юнатан помедлил с ответом.

— Он самый ловкий стрелок из лука во всей Долине Вишен.

Больше он ничего не сказал. Потом он пришпорил коня, и мы поскакали дальше.

Записку, которую принесла Палома, Юнатан прихватил с собой, засунув ее в маленький кожаный мешочек, висевший у него на груди под рубашкой. Когда мы приехали домой, он положил эту бумажку в потайной ящик буфета. Но сначала прочитал, что там было написано: «Урвара схватили вчера. Он сидит в пещере Катлы. Кто-то в Долине Вишен выдал, где он скрывается. Среди вас есть предатель. Узнайте, кто он!»

— «Узнайте, кто он!» — воскликнул Юнатан. — Хотел бы я узнать!

В записке было еще что-то, написанное на незнакомом мне языке. И Юнатан сказал, что мне это знать ни к чему. Это было написано только для Софии.

Но он показал мне, как открывается потайной ящик. Я открыл и закрыл его несколько раз. Потом он сам закрыл его, запер буфет и снова положил ключ в ступку.

Весь день я думал о том, что узнал, а ночью спал плохо. Мне снился Тенгиль, мертвые голуби и узник в пещере Катлы. Я закричал во сне и проснулся.

И тут, хотите верьте, хотите нет, я увидел, что кто-то стоит в темном углу возле буфета, и этот кто-то испугался, когда я вскрикнул, и скользнул черной тенью за дверь, прежде чем я успел хорошенько проснуться.

Это произошло так быстро, что я подумал было, что мне это приснилось. Но когда я разбудил Юнатана и рассказал ему об этом, он решил иначе.

— Нет, Сухарик, это тебе не приснилось, — сказал он. — Этот вовсе не сон. Это был предатель!

6

— Когда-нибудь настанет и черед Тенгиля! — сказал Юнатан.

Мы лежали на зеленой траве у реки. В такое прекрасное утро трудно было поверить, что на свете есть Тенгиль или какое-то еще зло. Вокруг нас царили тишина и покой. Меж камней под мостом тихо журчала вода, а больше не было слышно ни звука. Было так приятно лежать на спине и видеть лишь маленькие белые облака на небе. Лежишь себе, наслаждаешься, мурлычешь песенку, и нет тебе ни до чего дела!

А тут приходит Юнатан и напоминает про Тенгиля! Мне не хотелось думать о нем, но я все-таки спросил:

— Что ты хочешь этим сказать? Что значит «настанет и черед Тенгиля»?

— Рано или поздно с ним случится то, что бывает со всеми тиранами, — ответил Юнатан. — Его раздавят, как вошь, и он исчезнет навсегда.

— Надеюсь, это случится скоро, — сказал я.

И тут Юнатан тихонько пробормотал:

— Хотя он силен, этот Тенгиль. И у него есть Катла!

Снова он произнес это ужасное имя. Я хотел спросить про него у брата, но промолчал. Не хотелось портить себе прекрасное утреннее настроение.

Но после Юнатан сказал такое, что хуже не выдумаешь:

— Сухарик, тебе придется ненадолго остаться одному в Рюттаргордене. Мне нужно отправиться в Долину Терновника.

И как только он мог сказать мне эти страшные слова! Как он мог подумать, что я останусь без него хоть на минуту в Рюттаргордене? Если даже придется броситься прямо в пасть Тенгиля, я все равно поеду с ним. Так я ему и сказал.

Он как-то странно посмотрел на меня и ответил:

— Знаешь, Сухарик, у меня только один брат, и я должен уберечь его от всякого зла. Как ты можешь хотеть, чтобы я взял тебя с собой, когда мне нужно сохранить все силы на что-то другое? На что-то очень опасное.

Но мне от его слов легче не стало. Я расстроился и разозлился до того, что все во мне закипело, и крикнул ему:

— А ты! Как ты можешь требовать, чтобы я сидел один в Рюттаргордене и ждал тебя? А может, ты вообще никогда не вернешься!

Я вдруг вспомнил то время, когда Юнатан умер и был далеко от меня. А я лежал на кухонном диванчике и не знал точно, увижу ли его когда-нибудь. Ах,

думать об этом было все равно что смотреть куда-то вниз, в черную дыру!

А теперь он снова хочет покинуть меня и отправиться навстречу опасностям, о которых я ничего не знаю. Ведь если он не вернется, то на этот раз уже ничего не поделаешь, придется мне остаться одному навек.

Я разозлился еще сильнее, закричал на него еще громче и наговорил ему всяких гадостей, каких только мог.

Нелегко ему было успокоить меня хотя бы немного. Но под конец, ясное дело, он взял верх. Ведь я знал, что он во всем разбирается лучше меня.

— Ну что ты, дурашка, конечно я вернусь! — уверил он меня.

Это было вечером, когда мы грелись в кухне у очага. Вечером, накануне его отъезда.

Я больше не злился, а только огорчился, и Юнатан это знал. Он был так добр ко мне. Дал мне свежеспеченного хлеба с маслом и медом, рассказывал мне сказки и всякие истории, а я был не в силах их слушать. Я думал только о сказке про Тенгиля, о том, что это самая злая сказка на свете. Я спросил Юнатана, почему он должен идти на такое опасное дело. Нет чтобы сидеть себе дома в Рюттаргордене, у очага, и наслаждаться жизнью. А он ответил, что есть дела, которые человек должен делать, даже если они опасные.

— А почему? — спросил я.

— Потому что иначе это не человек, а ни то ни се, дерьмо!

Он рассказал мне, что собирается делать. Он хотел попытаться вызволить Урвара из пещеры Катлы. Потому что Урвар был еще главнее Софии и без него придет конец зеленым долинам Нангиялы.

Было уже поздно. Огонь в очаге погас. Наступила ночь.

И вот настало утро. Я стоял у калитки и смотрел вслед Юнатану. А он поскакал и исчез в тумане. Да, в то утро Долину Вишен заволочло туманом. Верите ли,

когда его поглотил туман, сердце у меня чуть не разорвалось. А он растаял в тумане и исчез. И я остался один. Выдержать это было невозможно. Я просто с ума сошел от горя. Я помчался в конюшню, вывел Фьялара, прыгнул в седло и бросился догонять Юнатана. Я должен был увидеть его еще раз, быть может в последний.

Мне было известно, что сначала он отправился в Тюльпанную усадьбу, чтобы получить приказ Софии. И я поехал туда. Я мчался как сумасшедший и нагнал его возле самого дома Софии. Тут мне стало стыдно, и я хотел уже было спрятаться, но он услышал топот копыт и увидел меня.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

И в самом деле, чего я хотел?

— А ты точно вернешься назад? — пробормотал я, больше ничего не сумев придумать.

Тогда он подъехал ко мне. Наши лошади встали рядом. Юнатан стер что-то, может быть слезы, с моей щеки указательным пальцем и сказал:

— Не плачь, Сухарик! Мы точно увидимся. Если и не здесь, то в Нангилиме.

— В Нангилиме? — спросил я. — А что это такое?

— Об этом я расскажу тебе в другой раз, — ответил Юнатан.

Не знаю, как я вытерпел те дни, когда оставался один в Рюттаргордене. Правда, я ухаживал за своими животными. Почти все время я проводил в конюшне у Фьялара. А еще подолгу болтал со своими кроликами. Иногда удил рыбу, купался и стрелял в цель из лука. Но все это казалось мне без Юнатана пустым делом. София заходила и приносила мне еду, и мы с ней говорили о Юнатане. Я все ждал, что она скажет: «Скоро он вернется домой». Но она этого не говорила. Мне хотелось спросить ее, почему она сама не попыталась спасти Урвара, а послала Юнатана. Но зачем было спрашивать, это я знал сам.

Ведь Юнатан говорил мне, что Тенгиль ненавидит Софию.

«София из Долины Вишен и Урвар из Долины Терновника — его злейшие враги. Уж будь уверен, он хорошо это знает, — говорил мне Юнатан. — Урвара он засадил в пещеру Катлы. Он с удовольствием запер бы туда и Софию, чтобы она там томила до самой смерти. Этот негодяй обещал дать пятнадцать белых лошадей тому, кто доставит ему Софию живой или мертвой».

Да, Юнатан рассказывал мне об этом. И мне было ясно, почему София должна была держаться подальше от Долины Терновника. Пришлось послать туда Юнатана. О нем Тенгиль ничего не знал. Во всяком случае, можно было на это надеяться. Хотя, видно, кто-то понимал, что Юнатан не просто батрак в саду у Софии. Тот, кто был у нас ночью в доме. Тот, кто стоял тогда у буфета. И София не могла не думать о нем с тревогой.

— Этот человек слишком много знает, — сказала она.

И она велела сразу же сказать ей, если я замечу, что кто-то вертится возле Рюттаргордена. Я сказал ей, что в буфете они теперь ничего не найдут, потому что мы перепрятали секретные бумаги в другое место. Теперь они лежат у нас в ларе с овсом, в конюшне. Мы положили их в большую табакерку и засунули на дно ларя, под овес.

София пошла со мной в конюшню, достала табакерку и положила в нее новую бумажку. Она решила, что это хороший тайник, и я с ней согласился.

— Постарайся не падать духом, — сказала мне София, уходя. — Хотя я знаю, как тебе тяжело, но ты не должен падать духом!

Мне и в самом деле было тяжело, особенно по вечерам.

Однажды вечером я отправился в «Золотой петух». Мне было невозможно сидеть одному в Рюттаргордене,

там стояла такая тишина, что мои мысли звучали слишком громко. А радоваться этим мыслям не приходилось.

Когда я вошел в трактир без Юнатана, все, все до одного, уставились на меня.

— Вот те раз! — сказал Юсси. — Явилась только половина братьев Львиное Сердце! Куда же ты подевал Юнатана?

Нелегко мне было выкрутиться. Я помнил, о чем мне твердили София с Юнатаном. Мне было велено молчать, куда и зачем отправился Юнатан, что бы ни случилось. Не говорить ни слова ни одной душе! И я сделал вид, что не слышал вопроса Юсси. Но рядом со мной сидел Хуберт.

— Да, так где же Юнатан? Неужто София лишилась своего маленького садовника? — спросил он.

— Да нет, Юнатан на охоте, — ответил я, — охотится на волков.

Надо же мне было что-то сказать! И мне показалось, что я неплохо вывернулся, ведь Юнатан рассказывал мне, что в горах водятся волки.

В тот вечер Софии на постоялом дворе не было. Но, кроме нее, там собралась, как обычно, вся деревня. Они, как всегда, пели и веселились. Но я с ними не пел. Для меня все теперь было по-другому. Без Юнатана мне здесь было невесело, и я скоро собрался уходить.

— Не кукуйся, Карл Львиное Сердце, — сказал мне на прощание Юсси. — Юнатан, поди, скоро вернется домой с охоты.

Ах, как я был благодарен ему за эти слова! Он хлопал меня по щеке и дал с собой вкусного печенья.

— Погрызешь его, пока будешь сидеть дома и ждать Юнатана, — добавил он.

Добрый был этот Золотой Петух. Мне даже стало как-то не так одиноко.

Я приехал домой, сел у камина и стал есть печенье. Днем солнышко уже сильно пригревало, почти как

летом. Но мне все же приходилось разводить в большом очаге огонь, потому что толстые стены нашего дома еще не прогрелись.

Когда я улегся на свой откидной диванчик, мне было холодно, но я тут же уснул. Во сне я видел Юнатана. Сон был такой страшный, что я проснулся.

— Да, да, Юнатан! — закричал я. — Я иду! — снова крикнул я и вскочил с постели.

В темноте эхом отозвался чей-то крик. Это кричал Юнатан! В моем сне он кричал и звал меня на помощь. Я это знал. У меня в ушах еще звенел этот крик. И мне захотелось прямо в эту минуту, темной ночью броситься искать его, где бы он ни был. Но скоро я понял, что это невозможно. Что мог сделать я, такой беспомощный? Я мог лишь снова улечься в постель. Меня била дрожь, и я чувствовал себя маленьким, растерянным, испуганным, одиноким, самым одиноким на свете.

Ненамного стало мне легче, когда настало утро, а потом пришел светлый, ясный день. Конечно, страшный сон как-то отдалился, потускнел, но крик Юнатана, его призыв о помощи не выходил у меня из головы. Мой брат звал меня — разве я не должен отправиться в путь и искать его?

Я сидел часами возле кроликов и думал, что мне делать. Мне не с кем было поговорить, не у кого спросить совета. К Софии я идти не мог, она бы меня не отпустила. Она ни за что не позволила бы мне ехать, не настолько она была глупа. Ведь то, что я задумал, было глупо, и я сам это понимал. И опасно. Опаснее и быть не могло. А ведь я совсем не храбрый.

Не знаю, как долго я сидел, прислонясь к стене конюшни, и рвал траву. Я сорвал все травинки до одной вокруг того места, где сидел. Но это я заметил уже потом, а не тогда, когда сидел и мучился, не зная, что делать. Часы шли, а я все сидел и сидел. Может, я сидел бы там и до сих пор, если бы не вспомнил

слова Юнатана, что иногда нужно решиться и на опасное дело, а не то ты не человек, а куча дерьма!

И тут я решился. Стукнув кулаком по клетке с кроликами, так что бедняги подпрыгнули, я сказал громко, чтобы уверить самого себя:

— Я сделаю это! Я сделаю это! Я вовсе не куча дерьма!

Ах, как мне стало легко, когда я принял решение!

— Я знаю, что поступлю правильно, — сказал я кроликам, ведь больше мне говорить было не с кем.

А как же кролики? Теперь они одичают. Я вытащил их из клетки, отнес за калитку и показал им прекрасную зеленую Долину Вишен.

— По всей долине полно травы, — сказал я им, — и там сколько угодно кроликов, с которыми вы можете водиться. Мне думается, там вам будет гораздо лучше, чем в клетке, только берегитесь лисы и Хуберта.

Все три кролика, казалось, были немного удивлены. Они сделали несколько прыжков. Убедились, что они на свободе. А потом пустились наутек и исчезли за зелеными холмами. Мол, поминай как звали!

Я стал торопливо собираться в дорогу. Приготовил все, что нужно было взять с собой: одеяло, чтобы вернуться в него, когда буду спать, огниво, чтобы развести огонь, мешок, полный овса для Фьялара, и мешок с едой для меня самого. Да, у меня не было ничего, кроме хлеба, но это был самый вкусный хлеб на свете, лепешки Софии. Она принесла их мне целую гору, и я набил ими мешок доверху. Этого мне хватит надолго, решил я, а когда хлеб кончится, буду есть траву, как кролики.

София собиралась принести мне суп на следующий день, но к тому времени я уже буду далеко. Бедной Софии придется самой есть свой суп! Но я не хотел, чтобы она беспокоилась, куда я подевался. Я должен предупредить ее, но так, чтобы она не успела мне помешать.

Я взял из очага кусок угля и написал на стене большими черными буквами: «Кто-то звал меня во сне, и я отправляюсь далеко за горы искать его».

Я написал такую странную записку на тот случай, если не София, а кто-нибудь другой придет в Рюттаргорден и станет шарить по углам. Чужой в ней ничего не понял бы, а София сразу догадается: я уехал искать Юнатана!

Я радовался, чувствовал себя в эту минуту по-настоящему сильным и храбрым и даже напевал себе под нос: «Кто-то звал меня во сне, и я ищу его за дальними гораа-а-ами». До чего же это здорово звучало! Я подумал, что обязательно расскажу об этом Юнату при встрече.

Если я встречу его, подумал я позднее. А если не встречу?..

И тут вся храбрость разом слетела с меня. Я снова стал кучей дерьма. И, как всегда, захотел пойти к Фьялару, я должен был тут же увидеть его. Только он мог мне хоть немножко помочь, когда мне было грустно и страшно. Сколько раз я приходил к нему в стойло, когда мне было невмоготу оставаться одному! Стоило мне поглядеть в его умные глаза, похлопать его по теплой спине, погладить его мягкую морду, как мне становилось легче. Без Фьялара я не выжил бы в ту пору, когда со мной не было Юнатана.

Я побежал в конюшню.

Но Фьялар в стойле был не один. Там стоял Хуберт. Да, он стоял и поглаживал моего коня, а увидев меня, ухмыльнулся.

Сердце у меня сильно заколотилось.

«Это он — предатель», — подумал я. Мне кажется, я давно его заподозрил, но теперь я был точно уверен. Хуберт был предателем, иначе к чему бы ему приходило в Рюттаргорден и шпионить здесь?

«Этот человек знает слишком много», — сказала тогда София, и Хуберт был этим человеком. Теперь я понял это.

А что именно он знал? Все? Неужто он знал, что мы прячем в ларе с овсом? Я старался не показывать, как мне страшно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, храбрясь изо всех сил. — Что тебе нужно от Фьялара?

— Ничего, — ответил Хуберт, — я шел к тебе и услышал конское ржание, а я люблю лошадей. Хорош твой Фьялар!

«Меня не проведешь», — подумал я и спросил:

— А что тебе надо от меня?

— Хочу дать тебе вот это, — сказал он и протянул мне что-то, завернутое в белую тряпку. — Вчера вечером у тебя был такой печальный и голодный вид, что я подумал: «Может, у них в Рюттаргордене кончилась еда, пока Юнатан охотится?»

Не зная, что мне говорить и что делать, я растерянно пробормотал: «Спасибо». Но ведь не мог же я принять еду от предателя! Или все-таки мог?

Я осторожно развернул тряпку. В ней был большой кусок сушено-копченой баранины, ну, как там она называется, форфиуль — баранья скрипка.

Мясо пахло замечательно. Мне хотелось тут же вонзить в него зубы. Хотя мне надо было бы отдать это мясо Хуберту и послать его подальше.

Но я этого не сделал. Разбираться, кто предатель, было делом Софии. А я, я должен был делать вид, будто ничего не знаю и ничего не понимаю. К тому же мне очень хотелось взять это мясо, его так не хватало в моем мешке!

Хуберт продолжал стоять рядом с Фьяларом.

— Ты в самом деле хороший конь, почти такой же хороший, как моя Бленда.

— Бленда белая, — сказал я. — Тебе нравятся белые лошади?

— Я очень люблю белых лошадей, — ответил Хуберт.

«Тогда тебе, наверно, хочется получить их целый табун — пятнадцать!» — подумал я, но промолчал. А Хуберт вдруг сказал ужасные слова:

— Давай дадим Фьялару немножко овса. Ему, по-
ди, тоже хочется вкусенького?

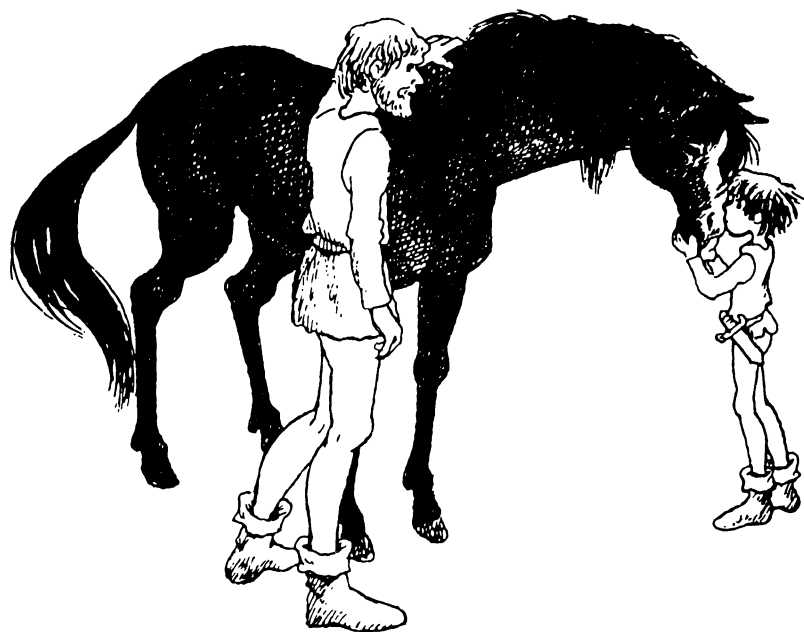
Я не смог помешать ему. Он пошел прямо в отсек с упряжью, а я побежал за ним. Мне хотелось крикнуть: «Не смей!», но я не мог выдавить из себя ни слова.

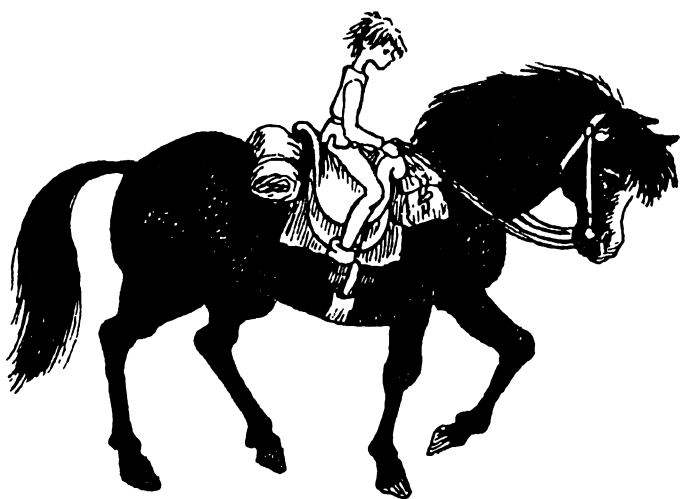
Хуберт взял лежавший на ларе совок и открыл крышку. Я закрыл глаза. Мне не хотелось видеть, как он выудит из овса табакерку. Но Хуберт вдруг вскрикнул и выругался. Я открыл глаза и увидел, что по стенке ларя бежит небольшая крыса. Хуберт хотел поддаться ей ногой, но она быстро юркнула по полу конюшни и исчезла в какой-то потайной дыре.

— Эта дрянь укусила меня за палец, — сказал Хуберт.

Он стоял и рассматривал большой палец. И тут я не растерялся. Я быстренько зачерпнул полный совок овса и захлопнул крышку прямо перед носом Хуберта.

— Вот обрадуется Фьялар! — сказал я. — В это время я его не кормлю.

«Но ты-то не шибко обрадовался», — подумал я, когда Хуберт тут же сказал: «До свидания» — и убрался из конюшни.

В тот раз ему не удалось запустить когти в наши секретные бумаги. Однако нужно было придумать новый тайник. Я долго думал, а потом зарыл табакерку в картофельном погребе. Возле двери, с левой стороны.

А после написал на стене кухни для Софии новую загадку: «Рыжая борода хочет получить белых лошадей и знает слишком много. Берегись!»

На следующее утро, когда никто в Долине Вишен еще не проснулся, я выехал из Рюттаргордена и направился в горы.

7

Я рассказал Фьялару, что я чувствовал во время долгой скачки по горам, что это для меня значило.

«Можешь ли ты понять, какое это для меня приключение? Не забудь, что я почти всю жизнь пролежал на

кухонном диванчике! Не думай, что я хоть на минутку забыл про Юнатана. А не то я бы кричал от радости, чтобы слышали все горы, ведь здесь так замечательно».

Да, там было замечательно, Юнатан бы меня понял. Подумать только, какие высокие горы, сколько прозрачных маленьких озер, шумных ручьев и водопадов, а среди гор цветущие луга, усеянные весенними цветами! А я, Сухарик, сидел на коне и любовался этой красотой! Я и не подозревал, что на свете есть такая красотища. И сначала я просто ошалел от восторга!..

Но постепенно я пришел в себя и нашел узенькую тропу. Верно, это о ней мне говорил Юнатан. Он рассказывал, что в Долину Терновника можно попасть лишь по крутой извилистой тропе, ведущей через горы. А уж изгибов и поворотов здесь было предостаточно. Вскоре я свернул с цветущих лугов. Горы становились все более дикими и мрачными, а тропа все более опасной. Она то поднималась вверх, то круто спускалась вниз, а местами извивалась по огромным уступам скал, по краю глубокой пропасти, и я думал: вот-вот сорвусь! Но Фьялар привык карабкаться по опасным горным тропам. Да, отличный конь этот Фьялар!

К вечеру мы оба устали, и я, и конь. И тогда я разбил на ночь лагерь на маленькой зеленой полянке, где Фьялар мог пастись. Рядом протекал ручей, из которого мы оба могли утолять жажду.

Потом я разжег костер. Всю свою жизнь я мечтал посидеть у ночного костра. Ведь Юнатан рассказывал мне, как это здорово. И вот наконец-то!..

— Ну вот, Сухарик, — сказал я сам себе, — наконец-то ты сам испытываешь, что это такое.

Я собрал в большую кучу сухие ветки и хворост, зажег костер. Костер горел, потрескивая и рассыпая искры, а я сидел у огня. Все было точно так, как рассказывал Юнатан. Так хорошо было мне сидеть и смотреть на огонь, есть хлеб и грызть копченую баранину.

До чего же она была вкусная! «Жаль только, что мне дал ее Хуберт, а не кто-нибудь другой», — думал я.

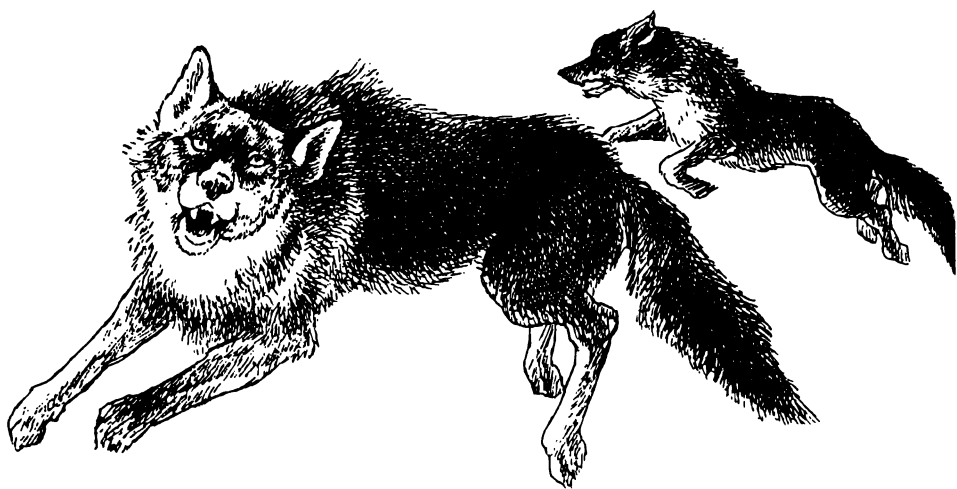
Я сидел и весело напевал себе под нос:

— Мой хлеб, мой конь, мой огонь! Мой хлеб, мой конь, мой огонь! — больше я ничего не мог придумать.

Долго сидел я и думал обо всех кострах, которые горели в глухомани с незапамятных времен. Они давным-давно погасли. А мой костер горел, вот здесь, сейчас!

Тьма вокруг меня сгущалась. Горы стали совсем черными. До чего же быстро наступил полный мрак! А вдруг кто-то крадется у меня за спиной? Между прочим, пора было ложиться спать. Я подбросил веток в огонь, пожелал Фьялару спокойной ночи, лег как можно ближе к костру и закутался в одеяло. Только бы поскорее заснуть и не успеть испугаться!

Не тут-то было! Я успел испугаться, да еще как! Не знаю, есть ли на свете кто-нибудь боязливее меня? «Точно, кто-то шпионит за мной в темноте! Точно, здесь в горах полно лазутчиков Тенгиля и его солдат! Точно, Юнатана уже давным-давно убили!» — вертелось у меня в голове. Эти мысли мучили меня, не давали спать.

Внезапно над вершиной горы показалась луна. Наверно, это была какая-то другая луна, хотя она была похожа на нашу, обыкновенную. Но такого лунного света я никогда еще не видел. Правда, я вообще никогда не видел лунного света, сияющего над высокими горами.

Все вокруг стало таким удивительным! Я очутился в каком-то странном мире из серебра и черных теней. Какой красивый был этот мир, но немножко печальный, как-то странно красивый и грустный. И страшный. Хотя луна и ярко светила, в тени могло скрываться немало опасностей.

Чтобы не видеть больше ничего, я натянул одеяло на глаза. Но зато я кое-что услышал. Да, я услышал вой где-то далеко в горах. Потом вой послышался уже ближе. Фьялар испуганно заржал. И тут я понял, что это такое. Это был волчий вой.

Вообще-то я трусоват и, наверно, чуть не умер бы от страха, но увидев, как боится Фьялар, я решил, что нужно бодриться.

— Фьялар! — сказал я. — Ведь волки боятся огня, разве ты этого не знаешь?

Но сам я в это не поверил, да и волки об этом, понятно, не слыхали. Поэтому теперь они приблизились, и я увидел эти страшные серые тени, они подкрадывались все ближе и были от голода...

И тут я тоже взвыл. Заорал на весь свет. Никогда в жизни я так не кричал, и крик мой их немножко испугал.

Но ненадолго. Вскоре они снова приблизились. Фьялар ошалел от страха. И я тоже. Я знал, что нам с Фьяларом пришел конец. Мне уже пора было бы к этому привыкнуть, ведь я уже умер один раз. Но тогда я хотел умереть, мечтал об этом, а теперь я этого не желал. Теперь мне хотелось жить, быть рядом с Юнатаном. Ах, Юнатан, если бы ты только мог прийти и помочь мне!

Теперь волки подошли уже совсем близко. Один из них был больше остальных и наглее, наверно вожак стаи. Я понял, что это он вонзит в меня свои зубы. Он

кружил вокруг меня и выл так, что кровь застывала у меня в жилах. Я бросил в него горящую головню, но это только разозлило его. Я видел его разинутую пасть со страшными клыками, которые норовили впиться мне в горло. Скорее, Юнатан, помоги! Вот он прыгнул!

Но что было потом? Что же, в самом деле, было потом? Прыгая, он издал страшный вой и упал к моим ногам. Мертвый! Мертвее не бывает! В голове у него торчала стрела.

Чей лук пустил эту стрелу? Кто спас мне жизнь? Кто-то вышел из тени, падавшей от скалы. Да никак это Хуберт! Вот он стоял и смотрел на меня, как всегда, немного насмешливо, а мне все же захотелось броситься к нему, обнять его, так я ему обрадовался. Но только в первую минуту.

— Вижу, я пришел как раз вовремя, — сказал он.

— Да уж, конечно! — сказал я.

— Почему ты не дома, в Рюттаргордене? — спросил он. — Что ты делаешь здесь среди ночи?

«А сам-то ты что здесь делаешь? — подумал я, вспомнив, кто он такой. — Какое предательство совершится здесь в горах этой ночью? Ах, почему именно предателю нужно было спасти меня? Почему я должен быть благодарен именно Хуберту не только за баранину, но и за свою драгоценную жизнь?»

— А что ты сам делаешь здесь среди ночи? — буркнул я.

— Охочусь на волков, сам видишь, — ответил Хуберт. — Между прочим, я видел, как ты нынче утром отправился сюда, и решил проследить, не грозит ли тебе какая беда. Потому и приехал за тобой.

«Ври, ври! — подумал я. — Раньше или позже придется тебе за все ответить Софии. Тогда можно будет тебя только пожалеть!»

— А где твой Юнатан? — спросил Хуберт. — Если он охотится на волков, ему бы надо было быть здесь и застрелить парочку.

Я огляделся. Волки исчезли, все до одного. Видно, они испугались, увидев, что их вожак убит. И опечалились. Я слышал, как они жалобно выли где-то в горах.

— Ну, так где же Юнатан? — добивался Хуберт, и тут мне тоже пришлось соврать:

— Он скоро приедет, он погнался за волчьей стаей вон туда. — И я махнул рукой в сторону гор.

Хуберт ухмыльнулся. Я видел, что он мне не поверил.

— А ты все-таки не хочешь вернуться со мной домой, в Долину Вишен?

— Нет, мне нужно дождаться Юнатана, — ответил я. — Он вернется с минуты на минуту.

— Вот оно что, — сказал Хуберт. — Вот оно что. — И как-то странно поглядел на меня. Потом он вынул из-за пояса нож. Я слегка вскрикнул. Что же он собирался делать? Он стоял освещенный лунным светом, с ножом в руке. И я испугался его больше, чем всех горных волков.

«Он хочет убить меня! — промелькнуло у меня в голове. — Он знает, что мне известно о его предательстве, потому он и поехал за мной, а теперь хочет меня убить».

Я задрожал всем телом.

— Не надо! — заорал я. — Не надо!

— Что не надо? — спросил Хуберт.

— Убивать меня!

Хуберт побелел от злости. Он ринулся ко мне, а я чуть не опрокинулся назад от страха.

— Ты понимаешь, болван, что говоришь?

Он схватил меня за вихры и потряс.

— Чертова скотина! Да если бы я хотел, чтоб ты умер, я не помешал бы волку разорвать тебя!

Он держал нож прямо перед моим носом, и я видел, какой острый этот нож.

— Этим ножом я сдираю шкуры с волков, — сказал он, — а не убиваю им глупых детей.

Он дал мне пинка, и я ткнулся носом в землю. Потом он принялся сдирать с волка шкуру, не переставая ругаться.

А я поспешил оседлать Фьялара. Мне хотелось поскорее убраться отсюда. Ах, как хотелось!

— Ты куда это собрался? — крикнул Хуберт.

— Поеду навстречу Юнату, — ответил я испуганным и жалким голосом.

— Давай, давай, баранья башка! — крикнул мне Хуберт в ответ. — Погибай, я тебе больше не помешаю!

Но я уже мчался прочь галопом, и мне было наплевать на Хуберта.

Впереди, залитая лунным светом, вилась вверх в горы тропа. К счастью, от лунного света было светло почти как днем! А не то я бы пропал. Потому что здесь были овраги и обрывы такие крутые, что кружилась голова. Было страшно, но зато как красиво! Казалось, я скачу в каком-то сне, да, весь этот залитый лунным светом горный край мог быть только в каком-то прекрасном, буйном сне. И я сказал Фьялару:

— Как ты думаешь, кому это снится? Уж наверно не мне! Видно, это кто-то другой придумал такой удивительно страшный и прекрасный сон. Может быть, Бог?

Я сильно устал, хотел спать и еле держался в седле. Где-то мне нужно было отдохнуть этой ночью.

— Только лучше бы подальше от волков! — сказал я Фьялару, и, думаю, он согласился со мной.

Между прочим, кто это протоптал горные тропы между долинами Нангиялы? Кто придумал эту тропу в Долину Терновника? Неужто было необходимо, чтобы она извивалась на такой крутизне, по еле заметным выступам скал, вдоль страшных пропастей? Ведь стоило Фьялару хоть раз оступиться, мы оба полетели бы в пропасть, и никто никогда в жизни не узнал бы, куда подевались Карл Львиное Сердце и его конь.

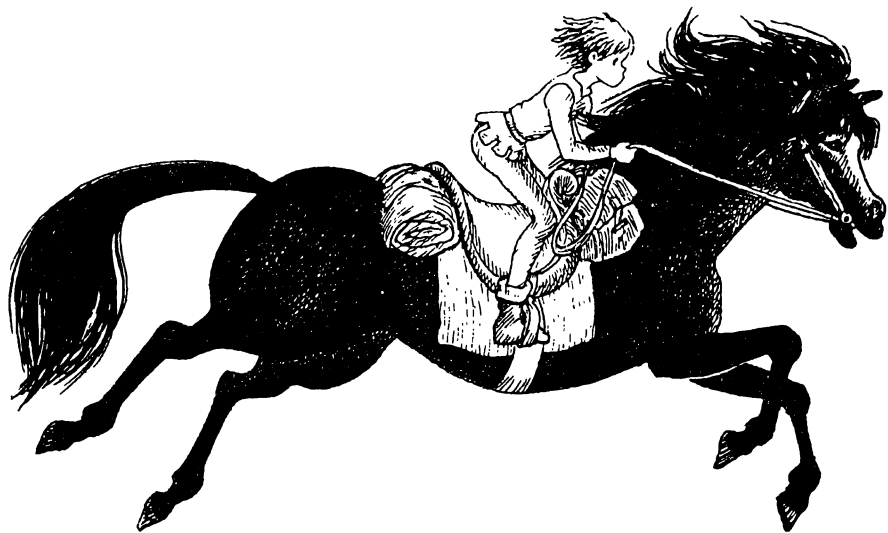
Ехать было все труднее и труднее. Под конец от страха я не смел открыть глаза: уж если придется падать с обрыва, лучше лететь с закрытыми глазами.

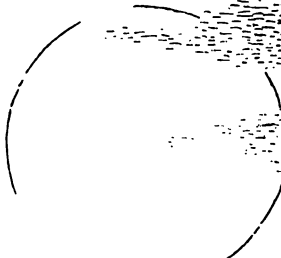
Но Фьялар не оступился. Он справился со всеми трудностями. И когда я наконец решился взглянуть на дорогу, то увидел, что мы очутились на небольшой зеленой полянке, с одной стороны которой отвесной стеной поднималась гора, с другой сияла пропасть.

— Вот хорошее место для Фьялара, — сказал я. — Сюда волки не доберутся.

И в самом деле, какой же волк мог вскарабкаться сюда из пропасти по отвесной стене. Если волк и мог бы сюда пробраться, то только вдоль обрыва по узенькой опасной тропке. Но я решил, что волки не настолько хитры.

И тут я заметил еще одно преимущество: в горе было глубокое, узкое ущелье. Его можно даже было называть пещерой, потому что на нем лежал в виде потолка обломок скалы. В этой пещере можно было спокойно спать. Крыша над головой, волков нет.

Кто-то отдыхал здесь и до меня и жег костер. Мне тоже хотелось развести огонь, но на это у меня не было сил, и очень уж клонило ко сну. Я взял Фьялара под уздцы и повел в пещеру. Она была глубокая, и я сказал Фьялару:

— Здесь хватило бы места и для пятнадцати лошадей.

Фьялар тихонько заржал. Может быть, ему захотелось вернуться домой, в конюшню? Я попросил у него прощения за то, что втянул его в такие опасные приключения, дал ему овса, похлопал по спине и снова пожелал ему спокойной ночи. Потом я улегся в самый темный угол пещеры, закутался в одеяло и, не успев ничего испугаться, заснул как убитый.

Не знаю, как долго я спал, но вдруг мгновенно проснулся, сна как не бывало. У входа в пещеру слышались голоса людей и конское ржание.

Этого было довольно, чтобы дикий страх снова охватил меня. Кто знает, может, люди у входа в пещеру пострашнее волков?

— Загони лошадей в пещеру, тогда нам здесь будет посвободнее, — сказал чей-то голос, и тут же ко мне в пещеру притопали две лошади.

Заметив Фьялара, они заржали, Фьялар им ответил, но потом все три лошади смолкли, видно, подружились в темноте. Видно, ни один из людей на полянке не расслышал ржання чужой лошади, потому что они продолжали спокойно разговаривать.

Зачем они сюда приехали? Что это за люди? Что им надо здесь ночью, в горах? Это мне было необходимо узнать. От страха у меня стучали зубы, и мне хотелось оказаться за тысячу миль отсюда. Но я находился здесь, и рядом со мной были люди, которые могли оказаться друзьями с таким же успехом, как и врагами, и я должен был это узнать во что бы то ни стало. Я лег на живот и пополз на звуки их голосов. В открытый проем пещеры светила луна, и полоска лунного света падала как раз в мое убежище, но я держался в темноте и медленно-медленно подползал ужом все ближе к говорившим.

Они сидели на залитой светом полянке и разводили огонь. Их было двое, оба с грубыми лицами. На головах у них были надеты черные шлемы. Я впервые увидел лазутчиков и солдат Тенгиля, но сразу же догадался, что это были они! Я знал, что эти двое — из шайки жестоких людей Тенгиля, решивших погубить зеленые долины Нангиялы. И к ним в руки я попасться не хотел, уж пусть бы лучше меня задрал волк! Они говорили тихо, но я подполз к ним в темноте так близко, что слышал каждое слово. Видно, они на кого-то злились, потому что один из них сказал:

— Я отрежу ему уши, если он и на этот раз не явится вовремя.

А другой ответил:

— Да, надо проучить его. Из-за него мы должны здесь сидеть одну ночь за другой, а какой от него, по правде говоря, толк? Подстреливать почтовых голубей,

конечно, дело хорошее, но Тенгиль требует большего. Он хочет засадить Софию в пещеру Катлы, а если этот дурень нам не поможет, я ему не завидую!

Тут я понял, о ком они говорили и кого ждали. Речь шла о Хуберте!

«Успокойтесь, — подумал я. — Погодите лишь, пока он сдерет с волка шкуру. А потом он явится, уж поверьте мне! Он покажется на тропе, этот человек, который должен поймать для вас Софию!»

Я весь горел от стыда. Мне было стыдно, что у нас в Долине Вишен есть предатель. И все же я хотел увидеть его, когда он появится, ведь теперь у меня наконец будет доказательство. Одно дело подозревать, другое — знать наверняка, чтобы я мог сказать Софии: «Хуберт — предатель, ты должна избавиться от него! А не то придет конец и тебе, и всей Долине Вишен!»

Как жутко ждать, когда ждешь чего-то страшного! Предатель — это что-то страшное, я весь сжимался, думая об этом, лежа в темноте. Я даже почти перестал бояться людей у костра, думая о самом ужасном, о том, что скоро увижу, как предатель выедет на лошади по тропе из-за скалы. Мне было жутко, но я всматривался до боли в глазах туда, где он должен был показаться.

Двое у костра усталились в ту же сторону. Они тоже знали, откуда он должен вынырнуть. Но ни один из нас не знал, когда он появится.

Мы ждали. Они ждали, сидя у костра, а я — лежа на животе в пещере. Луна успела отодвинуться от пещерного проема, но время, казалось, застыло. Мы ждали, но никто не появлялся! Ждали так долго, что хотелось вскочить и закричать, чтобы положить этому конец. Казалось, будто все вокруг замерло в ожидании — луна и горы, вся эта страшная лунная ночь, затаив дыхание, ждала предателя.

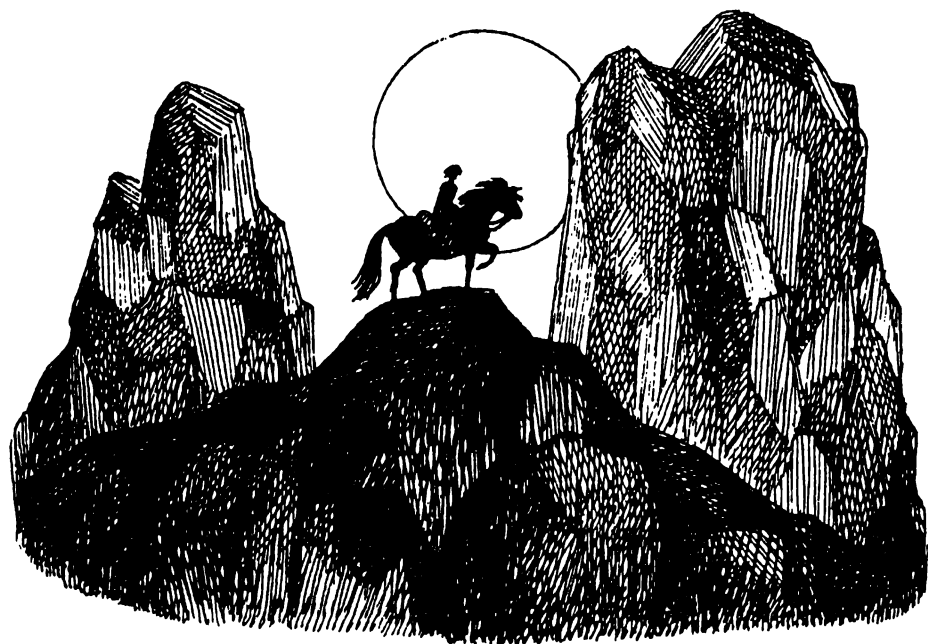
И наконец он появился. Далеко на тропинке, залитой лунным светом, показался всадник. Да, он по-

явился как раз там, где я ожидал. При виде него я содрогнулся. «Хуберт, как ты можешь?» — подумал я.

В глазах у меня защипало, и я зажмурился. А может, я зажмурился, чтобы не видеть его. Я ждал этого негодяя так долго, что, когда он наконец появился, у меня не было сил взглянуть на его лицо. И я зажмурился. Я слышал лишь приближающийся стук копыт его коня.

Наконец он подъехал и придержал коня. И тут я открыл глаза. Ведь я должен быть увидеть, как выглядит предатель, предавая своих. Да, я хотел видеть Хуберта в ту минуту, когда он явился, чтобы предать Долину Вишен и всех, кто в ней жил.

Но это был не Хуберт. Это был Юсси! Золотой Петух!

8

Юсси! И никто другой!

До меня это дошло не сразу. Юсси, такой добрый, веселый и румяный, который давал мне печенье и утешал меня, когда я горевал, — предатель!

А сейчас он сидел у огня совсем близко от меня вместе с людьми Тенгиля — Ведером и Кадером, что по-шведски значит Исполнитель и Смотритель, и объяснял, почему он не приехал раньше.

— Нынче ночью Хуберт охотится на волков, а от него мне пришлось прятаться, ясно вам?

Ведер и Кадер продолжали мрачно глядеть на него, и Юсси принялся оправдываться дальше:

— Вы, верно, помните, кто такой Хуберт? Его бы нужно посадить в пещеру Катлы вместе с Софией, ведь он тоже ненавидит Тенгиля.

— Так что же ты не постарайся и не сделаешь этого? — спросил Ведер.

— Ведь ты наш человек в Долине Вишен, не правда ли? — добавил Кадер.

— Ясное дело, ваш, — ответил Юсси.

Он лебезил перед ними, подлизывался изо всех сил, но Ведеру и Кадеру он был не по нраву, это было нетрудно заметить. Дело в том, что никто не любит предателей, даже если пользуется их услугами.

Уши ему не отрезали, они у него остались. Но Ведер и Кадер сделали с ним кое-что другое: выжгли ему клеймо Катлы.

— Все люди Тенгиля должны носить клеймо, и предатели, как ты, тоже, — сказал Ведер, — чтобы ты мог показать его лазутчику, который тебя не знает, если он придет в Долину Вишен.

— Само собой, само собой, — согласился Юсси.

Они раскалили на огне железину, велели ему распахнуть кафтан и рубаху и приложили ее к голой груди Юсси.

Когда раскаленное железо коснулось груди Юсси, он дико заорал.

— Теперь ты понял, — сказал Кадер, — понял, что ты теперь навек один из нас, предатель.

Из всех ночей в моей жизни эта была самая долгая и самая трудная, по крайней мере с тех пор, как я очутился в Нангияле. А хуже всего было лежать и слушать, как Юсси бахвалится тем, что он сделал для гибели Долины Вишен.

— София и Хуберт скоро попадутся в ловушку, — сказал он. — Но сделать все надо так, чтобы никто не заподозрил, чья это работа. А иначе как же я смогу по-прежнему быть человеком Тенгиля в Долине Вишен?

«Скоро это уже не будет тайной ни для кого, — подумал я. — Потому что здесь тебя слышит тот, кто разоблачит тебя. Тогда ты поблднеешь, краснорожий негодяй!»

Но потом он сказал такое, от чего сердце у меня сильно заколотилось:

— А вы уже поймали Юнатана Львиное Сердце или он все еще ходит на свободе в Долине Терновника?

Я видел, что Ведеру и Кадеру этот вопрос не понравился.

— Мы напали на его след, — ответил Ведер. — Сотни солдат ищут его день и ночь.

— Найдем его, когда перероем все вверх дном в каждом доме Долины Терновника, — сказал Кадер. — Тенгиль ждет его.

— Понятно, — вставил Юсси, — молодой Юнатан Львиное Сердце опаснее всех, я это уже говорил вам. Потому что он в самом деле настоящий лев.

Я был горд, что Юнатан — настоящий лев. И как я обрадовался, узнав, что он жив! Но тут же я заплакал от ярости, поняв, что сделал Юсси! Он предал Юнатана. Только Юсси мог заманить Юнатана, хитростью заставить его тайно отправиться в Долину Терновника

и послать об этом весть Тенгилю. Это Юсси виноват в том, что сотни солдат днем и ночью ищут моего брата, чтобы потом выдать его Тенгилю.

И все же Юнатан был жив, подумать только, он был жив! И к тому же на свободе. Почему же тогда он звал на помощь в моем сне? Я лежал и думал, как мне это узнать.

Правда, лежа здесь и слушая, я узнал многое другое.

— Этот Хуберт завидует Софии, что ее выбрали главной в Долине Вишен, — сказал Юсси. — Ведь Хуберт думает, что он лучше всех.

Вот оно в чем дело! Я вспомнил, с какой злостью тогда Хуберт спросил: «Что такого особенного в Софии?» Ясно, значит, он просто завидовал ей. Ведь можно завидовать и в то же время быть хорошим человеком. Но я с самого начала решил, что Хуберт предатель в Долине Вишен, и все, что он после говорил, казалось бы, совпадало с этим. Подумать только, как легко можно взвалить напраслину на человека! Бедняга Хуберт, а он-то караулил меня, спас мне жизнь, дал мне баранину и еще разные вещи. Я же вместо благодарности крикнул ему: «Не убивай меня». Неудивительно, что он рассвирепел! «Прости меня, Хуберт», — подумал я. Уж я обязательно попрошу у него прощения, если еще доведется встретиться с ним.

Юсси приободрился, он казался довольным. Но иногда, когда клеймо сильно жгло, он слегка стонал, а Кадер каждый раз говорил ему:

— Так тебе и надо! Ты прочувствуй хорошенько!

Мне хотелось посмотреть, как выглядит клеймо Катлы. Хотя оно, поди, противное, лучше не смотреть.

Юсси продолжал хвалиться тем, что он сделал и что собирался сделать, и вдруг он сказал:

— У Юнатана Львиное Сердце есть маленький брат, которого он любит больше всего на свете.

Тут я тихонько заплакал, мне захотелось к Юнатану.

— И этот мальчишка может вполне послужить нам приманкой, чтобы поймать Софию на крючок, — сказал Юсси.

— Что же ты, дурья башка, не сказал нам об этом чуть раньше? — разозлился Кадер. — Поймай мы этого брата, мы бы быстренько выманили Юнатана Львиное Сердце из его убежища. Ведь как бы надежно он ни прятался, он наверняка получил бы тайную весть о том, что мы поймали его брата.

— Тут-то он бы и вынырнул, — добавил Ведер. — Мол, отпустите моего брата, возьмите меня вместо него. Он точно сказал бы это, если любит своего братца и не хочет, чтобы ему сделали больно.

Я так испугался, что сразу перестал плакать. А Юсси важно надулся и сказал:

— Да уж я устрою это, как только вернусь домой. Заманю маленького Калле¹ Львиное Сердце в засаду. Это будет нетрудно, стоит только посулить ему немного печенья. А потом заманим туда Софию, чтобы она попыталась спасти его!

— А не слишком ли хитра для тебя София-то? — спросил Кадер. — Сумеешь ли ты обмануть ее?

— Запросто! — ответил Юсси. — Она даже не догадается, кто это сделал. Мне-то она доверяет.

Он сиял от удовольствия, оно аж клокотало в нем.

— Если вы получите и ее, и мальчишку Калле Львиное Сердце, сколько лошадей даст мне Тенгиль, когда он вступит в Долину Вишен?

«Мы еще посмотрим, что ты получишь. Так ты, Юсси, отправишься домой заманивать Калле Львиное Сердце в ловушку. А что ты станешь делать, если ты его не найдешь в Долине Вишен?» — подумал я.

Как ни горько было мне, эта мысль все же немного повеселила меня! Какую рожу скорчит Юсси, узнав, что я исчез!

---

¹ Калле — уменьшительное от «Карл» (шв.).

Но тут Юсси сказал:

— Малыш Калле Львиное Сердце славный, но его уж львом никак не назовешь. Трусливее этого бедняжки не найти. Ему бы больше пристало имя Заячье Сердце.

Да, это я и сам знал. Храбрым я никогда не был. И я не заслужил носить имя Львиное Сердце, которое так шло Юнату! И все же для меня было ужасно слышать слова Юсси. Мне было очень стыдно, и я решил, что я должен, должен постараться стать хоть немного храбрее. Но только не сейчас, потому что в эту минуту мне было страшно.

Наконец Юсси кончил бахвалиться. Хвастаться ему было больше нечем. Он собрался уезжать.

— Я должен вернуться домой до рассвета, — сказал он.

Они до последней минуты наказывали ему, что он должен делать.

— Смотри, чтобы все вышло как надо с Софией и с этим мальчишкой, его братом, — велел Ведер.

— Да уж положитесь на меня, — ответил Юсси, — только вы не должны делать мальчишке ничего худого, его я как бы немного жалею!

«Спасибо, я уже это заметил», — подумал я.

— Да не забудь пароль, когда приедешь в Долину Терновника с вестями, — напомнил Кадер. — Если хочешь, чтобы тебя впустили сюда живым!

— «Вся власть Тенгилю, нашему освободителю!» — ответил Юсси. — Я помню это день и ночь. А Тенгиль не забудет, что обещал мне?

— Тенгиль ничего не забывает, — ответил Кадер.

И Юсси поехал прочь. Он исчез за поворотом в том же направлении, откуда появился, а Ведер и Кадер сидели и смотрели ему вслед.

— А им займется Катла, когда мы расправимся с Долиной Вишен.

Кадер сказал это таким тоном, что было ясно, каково будет тому, кто попадет во власть Катлы. Я мало

что знал о Катле, и все же я вздрогнул, и мне стало почти жаль Юсси, хотя он был такой негодяй.

Огонь на поляне догорел, и я стал ждать, что Ведер и Кадер тоже уедут. Я так сильно желал, чтобы они поскорее убрались, что у меня внутри аж все заныло. Так крыса стремится вырваться из крысоловки на свободу. «Если я только сумею выгнать их лошадей из пещеры, прежде чем кто-нибудь из них придет за нами, — думал я, — то, может, я все же сумею выкрутиться. И тогда Ведер и Кадер уедут отсюда, так и не узнав, как легко они могли схватить младшего брата Юнатана Львиное Сердце».

Но тут Кадер сказал:

— Давай ляжем в пещере и поспим немного.

«Стало быть, мне конец, — подумал я. — Ну и пусть, у меня уже нет больше сил. Пусть схватят меня! Лишь бы все это уже кончилось!»

Но Ведер ответил ему:

— К чему нам спать? Скоро утро. А мне уже надоели эти горы. Я хочу назад, в Долину Терновника.

И Кадер согласился:

— Ну, как хочешь. Выводи лошадей!

Иногда в минуту сильной опасности спасает то, что поступаешь не раздумывая. Я бросился в дальний, самый темный угол, как маленький зверек. Ведер оказался в проеме пещеры, но секунду спустя он уже скрылся в крошечном мраке, и больше я не видел его. Он тоже не мог видеть меня, но мне казалось, что он мог бы услышать, как сильно стучит мое сердце. Оно колотилось как бешеное, а я лежал и ждал, что будет, когда Ведер найдет здесь трех лошадей вместо двух.

Когда Ведер вошел, они тихо заржали, все трое. Фьялар тоже. Я узнал бы ржание Фьялара среди тысяч других. Но эта скотина Ведер ничего не понял. Подумать только, он не заметил даже, что в пещере было три лошади. Он вывел тех двух, что стояли ближе к выходу, это и были их лошади, и вышел сам.

Оставшись вдвоем с Фьяларом, я бросился к нему и зажал ему морду. «Милый, милый Фьялар, молчи», — просил я его про себя. Ведь если бы он заржал, они услышали бы его и поняли: тут что-то неладно. Но Фьялар был такой умный! Он, ясное дело, все понял. Две другие лошади ржали на полянке. Видно, они хотели попрощаться с ним. Но Фьялар стоял молча и не ответил им.

Я видел, как Ведер и Кадер седлают лошадей. Невозможно описать, что я тогда чувствовал. «Теперь я скоро выберусь из этой крысоловки», — думал я.

И тут Ведер сказал:

— Я забыл огниво.

Он спрыгнул с лошади и стал шарить вокруг костра. Потом он сказал:

— Здесь его нет, видно, я забыл его в пещере.

И тут крысоловка захлопнулась с шумом и звоном, я попался. Ведер вошел в пещеру, чтобы найти это проклятое огниво, и сразу же наткнулся на Фьялара.

Я знаю, что врать нехорошо, но, когда дело касается жизни, приходится врать.

Между прочим, кулаки у Ведера были крепки, никто еще никогда не хватал меня так сильно. Мне было больно, и я разозлился. Пожалуй, больше разозлился, чем испугался. Может быть, поэтому я и начал врать так ловко.

— Сколько времени ты лежал здесь и шпионил? — прорычал он, вытащив меня из пещеры.

— Со вчерашнего вечера, — ответил я. — Но я только спал, — добавил я, щурясь на утреннем свете и делая вид, будто только что проснулся.

— Спал! — рявкнул Ведер. — Ты хочешь сказать, что не слыхал, как мы здесь пели и буянили у ночного костра? Не ври давай!

— Может, и слыхал чуть-чуть, как вы пели, — промямлил я, будто вру, чтобы угодить ему.

Ведер и Кадер переглянулись, они поверили, что я спал и ничего не слышал.

Однако толку от этого мне было мало.

— А знаешь ли, что ездить этой дорогой нельзя? Что за это положена смертная казнь? — спросил Ведер.

Я попытался сделать вид, что ничего не знаю ни про смертную казнь, ни про что другое.

— Я просто хотел поглядеть на лунный свет вчера вечером, — пробормотал я.

— И из-за этого рисковал жизнью, лисенок ты этакий! Где ты живешь, в Долине Вишен или в Долине Терновника?

— В Долине Терновника.

Ведь Карл Львиное Сердце жил в Долине Вишен, а я скорее согласился бы умереть, чем сказать, кто я такой.

— А кто твои родители? — спросил Ведер.

— Я живу у... у моего дедушки, — ответил я.

— Ну а как его зовут? — продолжал Ведер.

— Я зову его просто дедушкой, — сказал я, прикидываясь дурачком.

— А где он живет в Долине Терновника?

— В... в маленьком белом доме, — ответил я, решив, что в Долине Терновника дома белые, как и в Долине Вишен.

— Покажешь нам своего деда и свой дом, — прорычал Ведер. — А ну садись в седло!

Мы поехали. И тут над горами Нангиялы взошло солнце. Небо вспыхнуло алым пламенем, и горные вершины засияли. В жизни не видел я ничего прекраснее и величественнее. И если бы я не глядел прямо в спину Кадера и черный зад его лошади, я бы, наверно, ликовал. Но сейчас мне было не до того, вовсе не до того!

Тропа продолжала изгибаться и виться. Но вскоре она резко пошла вниз. Я понял, что мы приближаемся к Долине Терновника. И все же, когда она открылась внизу подо мной, освещенная утренним солнцем, я едва поверил своим глазам. Она была такая же прекрасная,

как Долина Вишен: маленькие дома и садики, зеленые склоны и заросли цветущего терновника. Целое море терновника. Сверху он выглядел странно, словно розовая пена на зеленых волнах. Да, «Долина Терновника» было подходящее название для этой долины.

Но без Ведера и Кадера мне было бы никак не попасть в эту долину. Потому что она вся была обнесена стеной, высокой стеной, которую люди построили по приказу Тенгиля. Ведь он хотел сделать их рабами и держать в вечном заточении. Я знал это, мне об этом рассказывал Юнатан.

Видно, Ведер и Кадер забыли спросить меня, как я выбрался из запертой долины, и я молил Бога, чтобы они не догадались спросить меня об этом. Что я ответил бы им? Как мог человек перебраться через эту стену, да к тому же еще и с конем?

По всей стене, насколько я мог видеть, ходили люди Тенгиля в черных шлемах, с мечами. Ворота также надежно охранялись. Да, как раз там, где кончалась тропа из Долины Вишен, в стене были ворота.

Прежде жители свободно ездили из одной долины в другую, а теперь их разделяла стена с запертыми воротами, которые отпирались лишь для людей Тенгиля.

Ведер постучал в ворота мечом. Открылось маленькое окошечко, и верзила-стражник высунул голову.

— Пароль! — заорал он.

Ведер и Кадер шепнули ему на ухо тайный пароль так, чтобы я не мог услышать его. Но они зря старались, я запомнил эти слова: «Вся власть Тенгилю, нашему освободителю!»

Человек в окошке глянул на меня и спросил:

— А этот? Откуда он взялся?

— Да мы нашли этого дурачка в горах, — ответил Кадер. — Но круглым дураком его не назовешь, потому что он вчера вечером проехал в твои ворота. Что ты на это скажешь, главный стражник? Спроси-ка своих людей, как они караулят ворота по вечерам!

Человек в окошке разозлился. Он открыл ворота, но ругался почему зря и не хотел пропустить меня, а только Ведера и Кадера.

— В пещеру Катлы его! — орал он. — Там ему место!

Но Ведер и Кадер стояли на своем, они сказали, что я должен ехать с ними и доказать, что не соврал им. Мол, их долг перед Тенгилом выяснить это.

И вслед за Ведером и Кадером я проехал в ворота.

Я подумал, что если я когда-нибудь еще увижусь с Юнатаром, то расскажу ему, как Ведер и Кадер помогли мне попасть в Долину Терновника. Вот посмеется-то он!

Но сам я не смеялся. Я знал, что мои дела плохи. Мне предстояло найти белый домик и дедушку, а не то меня упекут в пещеру Катлы.

— Поезжай вперед и покажи дорогу, — велел Ведер. — Нам нужно поговорить по душам с твоим дедом.

Я прищипорил Фьялара и свернул на тропу, которая шла почти вдоль стены.

Белых домиков здесь было полно, так же как и в Долине Вишен. Но я не осмеливался показать ни на один из них: почему я знал, кто там живет. Я не смел сказать: «Вот здесь живет мой дедушка!» А вдруг Ведер и Кадер войдут туда, а там нет ни одного старикашки. Во всяком случае никого, кто захотел бы назваться моим дедушкой.

Да, попал я в историю. Я даже вспотел, сидя в седле. Выдумать про дедушку было легко, но теперь мне уже не казалось, что я ловко обманул их.

Я видел людей, работавших возле своих домов, но ни один из них не походил на моего придуманного дедушку, и я чувствовал себя все более несчастным. На людей в Долине Терновника было страшно смотреть. Все они были бледные, исхудавшие и печальные, по крайней мере те, которых я видел, проезжая мимо. Не сравнить с жителями Долины Вишен! Но ведь у нас не было Тенгиля, который заставлял бы нас работать на него и забирал бы все до последнего.

Я все ехал и ехал. Ведер и Кадер стали уже терять терпение, а я все ехал и ехал, словно собирался отправиться на край света.

— Далеко еще? — спросил Ведер.

— Нет, не очень, — ответил я, сам не зная, что говорю и что делаю. Я уже был напуган до смерти и ждал, что меня бросят в пещеру Катлы.

Но тут случилось чудо. Хотите верьте, хотите нет, только перед белым домиком, почти у самой стены, сидел на скамье старик и кормил голубей. Может, я бы и не решился сделать то, что сделал, если бы не увидел среди сизых голубей одного белоснежного. Только одного!

На глазах у меня выступили слезы. Таких голубей я видел только у Софии, да еще однажды на моем окне, давным-давно, в другом мире.

И тут я совершил нечто неслыханное. Соскочил с Фьялара и в два прыжка оказался возле старика. Я бросился ему в объятия, обхватил его за шею и в отчаянии прошептал:

— Помоги мне, спаси меня! Скажи, что ты мой дедушка!

Я дрожал от страха и думал, что он оттолкнет меня. Но он поглядел на Ведера и Кадера в черных шлемах, стоявших позади меня. Зачем ему было врать ради меня с риском попасть из-за этого в пещеру Катлы?

Однако он не оттолкнул меня. Он продолжал держать меня в объятиях, и его добрые, ласковые руки казались мне защитой от всякого зла.

— Ах ты, мой малыш! — сказал он громко, чтобы Ведер и Кадер слышали. — Где же ты так долго пропадаешь? И что ты наделал, проказник, почему тебя привели домой солдаты?

Бедный мой дедушка, как его отлаяли Ведер с Кадером! Они ругались и орали на него за то, что он распустил своих внуков и позволяет им шататься по горам Нангиялы. И велели ему зарубить себе на носу,

что скоро у него не останется ни одного внука. Но на этот раз они все же под конец его простили. И уехали прочь. Скоро их черные шлемы превратились внизу, на склоне холма, в маленькие черные точки.

И тут я ударился в слезы. Я продолжал лежать в объятиях дедушки и не переставая плакал. Ведь такая долгая и тяжелая ночь наконец кончилась. А мой дедушка все еще обнимал меня, слегка покачивая, словно

баюкая. И мне хотелось, ах, как мне хотелось, чтобы он был моим настоящим дедушкой. Я попытался сказать ему это, хотя и не переставал плакать.

— Ну конечно, я могу быть тебе дедушкой, — сказал он. — А вообще-то меня зовут Маттиас. А как тебя зовут?

— Карл Льви... — начал было я и замолчал. Неужто я спятил, собрался говорить, как меня зовут, здесь, в Долине Терновника?

— Милый дедушка, мое имя секретное, — ответил я. — Зови меня Сухарик!

— Вот как, значит, Сухарик? Иди в кухню, Сухарик, и жди меня там, — добавил он, — я только отведу твоего коня в конюшню.

И я вошел в дом. В бедной маленькой кухне всего и было что стол, деревянный диванчик, несколько стульев и очаг. И еще большой буфет у стены.

Вскоре пришел Маттиас, и я сказал:

— Такой же большой буфет есть у нас в Долине Ви...

И замолчал.

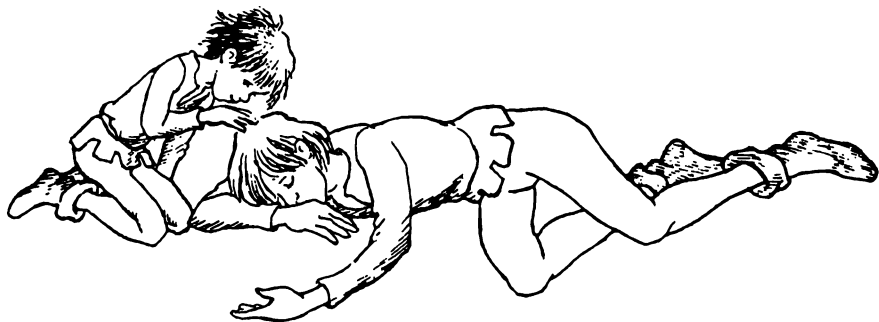
— Дома, в Долине Вишен, — договорил за меня Маттиас, и я с тревогой взглянул на него. Опять я ляпнул то, чего не следовало говорить.

Но Маттиас больше ничего не сказал. Он подошел к окну и выглянул наружу. Он стоял так долго, глядя по сторонам, словно хотел убедиться, что никого поблизости нет. Потом он повернулся ко мне и тихо сказал:

— Скажу тебе, этот буфет не простой. Погоди-ка, сейчас увидишь!

Он налег на буфет плечом и отодвинул его в сторону. За ним в стене была крошечная дверца, он открыл ее. За ней была комната, маленькая комнатка. Там на полу кто-то лежал и спал.

Это был Юнатан.

9

Помню, я несколько раз в жизни был рад до беспамятства. Первый раз, когда я, еще маленький, получил на Рождество в подарок от Юнатана санки, на которые он долго копил деньги. А еще в тот раз, когда я очутился в Нангияле и увидел Юнатана на берегу реки. И весь тот первый замечательный вечер в Рюттаргордене, когда я был до одури рад. Но все же ни с чем, ни с чем не сравню я ту минуту, когда увидел Юнатана на полу у Маттиаса. Я и не думал, что можно так радоваться! Казалось, будто в душе у меня что-то так и звенит от радости.

Я не дотронулся до Юнатана. Не разбудил его. Я даже не завопил от радости. Постоял тихонько, потом просто лег рядом с ним и заснул.

Как долго я спал? Этого я и сам не знаю. А когда я проснулся!.. Да, когда я проснулся, Юнатан сидел на полу рядом со мной. Он сидел и улыбался. Никто не выглядит таким добрым, как Юнатан, когда он улыбается. А я-то думал, не будет ли он недоволен, что я приехал. Ведь он, может быть, забыл, как звал на помощь. Но сейчас я убедился, что он так же рад, как я. И я улыбнулся ему в ответ. И так мы сидели, глядя друг на друга, и ни один из нас не говорил ни слова.

— Ты звал на помощь, — сказал я наконец.

Юнатан перестал улыбаться.

— Почему ты кричал? — спросил я.

Видно, ему было тяжело думать и говорить об этом. Он тихо ответил:

— Я видел Катлу, я видел, что она делала.

Мне не хотелось мучить его и спрашивать про Катлу. К тому же мне самому нужно было рассказать ему многое, прежде всего про Юсси.

Юнатан с трудом поверил моим словам. Он побледнел и чуть не заплакал.

— Юсси! Нет, нет, только не Юсси! — воскликнул он со слезами на глазах.

Но потом он вскочил на ноги:

— София должна сейчас же узнать об этом!

— А как ей сообщить?

— Здесь одна из ее голубок, Бьянка, — ответил он, — она полетит сегодня вечером назад.

Голубка Софии, я так и подумал! Я сказал Юнату, что, если бы не эта голубка, я был бы сейчас не здесь, с ним, а в пещере Катлы.

— Это просто чудо, — сказал я, — что из всех домов в Долине Терновника я выбрал именно тот, где нашел тебя. Но если бы Бьянка не сидела возле этого дома, я бы проехал мимо.

— Бьянка, Бьянка, спасибо тебе за то, что ты там сидела, — сказал Юнatan.

Но больше у него не было времени слушать меня, он торопился. Он поцарапал дверь ногтями. Послышался тихий звук, как будто царапалась крыса. Но дверь тут же отворилась, и Маттиас заглянул в комнату.

— Наш маленький Сухарик все спит да спит, — начал он, но Юнatan прервал его:

— Принеси сюда, пожалуйста, Бьянку. Она должна улететь, как только стемнеет.

И он объяснил почему. Рассказал про Юсси. И Маттиас покачал головой, как делают старики, когда их что-то печалит.

— Юсси! Я знал, что это кто-то из Долины Вишен, — сказал он. — Потому-то Урвар и сидит теперь в пещере Катлы. Господи! Что за люди есть на свете!

Потом он пошел за Бьянкой и закрыл за собой дверь.

Здесь, у Маттиаса, для Юнатана было надежное убежище. Маленькая потайная комната без окон и дверей. Входить и выходить можно было только через дверцу, скрытую за буфетом. Никакой мебели, на полу один

матрац и старый роговой фонарь, который тускло светил в темноте.

При свете фонаря я увидел, что Юнатан пишет письмо Софии:

«Проклятое навеки имя предателя — Юсси Золотой Петух. Быстрее займись им. Мой брат здесь».

— Бьянка прилетела вчера вечером, — сказал Юнатан, — чтобы сообщить, что ты исчез, отправился искать меня.

— Подумать только! Значит, София разгадала загадку, которую я написал на стене кухни. Ну, когда она пришла и принесла суп.

— Какую загадку? — спросил Юнатан.

— «Я ищу его далеко за горами».

Я рассказал ему, что я написал.

— Это чтобы София не волновалась, — объяснил я.

Тут Юнатан засмеялся:

— Не волновалась, какой заботливый! А я? Ты думаешь, я не волновался, зная, что ты мотаешься где-то по горам Нангиялы?

Наверно, у меня был пристыженный вид, потому что брат поспешил меня успокоить:

— Дорогой мой, храбрый Сухарик, ну конечно, нам здорово повезло, что ты оказался в пещере! А еще больше повезло, что ты попал сюда, это просто счастье!

В первый раз он назвал меня храбрым, и я подумал, что если я и дальше буду так поступать, то, может, заслужу право носить фамилию Львиное Сердце и Юсси не посмеет называть меня трусишкой.

Тут я вспомнил, что еще я написал на кухонном столе. Про Рыжую Бороду, который хочет получить белых лошадей. Я попросил Юнатана приписать в письме еще одну строчку: «Карл говорит, что про Рыжую Бороду все неправда».

Я рассказал также, как Хуберт спас меня от волков, и Юнатан заявил, что всю жизнь будет ему за это благодарен.

Когда мы выпустили в полет Бьянку, на Долину Терновника спустились сумерки. Внизу, на склоне, в домах и во дворах стали зажигаться огни. Все вокруг казалось таким мирным и спокойным. Можно было подумать, что люди в этих домах сидели и ели вкусный ужин или разговаривали друг с другом, играли с детьми, напевали им песенки и были счастливы. Но мы-то знали, что это все не так, что вряд ли у них есть еда, что они вовсе не спокойны и рады, а несчастны. Люди Тенгиля, расхаживая по верху стены с мечами и копьями, старались, чтобы они не забывали об этом.

В окнах Маттиаса огонь не горел. В доме у него было темно и тихо, будто там не обитала ни одна живая душа. Мы находились не в доме, а в саду. Маттиас стоял возле угла дома, а мы с Юнатаром, взяв Бьянку, спрятались в кустах терновника, которых здесь было так много. Я так люблю эти дикие розы, их прекрасный, несильный, нежный запах. Но тогда я подумал, что теперь этот запах будет всегда напоминать мне, как мы с Юнатаром крались по кустам, как сильно кололось сердце, как совсем рядом с нами, на гребне стены, вглядывались и вслушивались в темноту люди Тенгиля, изо всех сил стараясь услышать имя: «Львиное Сердце».

Юнатар слегка намазал себе лицо сажей и надвинул капюшон на глаза. Он был вовсе не похож на себя. И все же он каждый раз рисковал жизнью, выходя из укрытия в тайной комнате, из «бункера», как он ее

называл. Сотни людей искали его день и ночь. Я знал об этом и велел ему быть осторожнее, но он только повторял:

— Ну и что, пусть себе ищут!

Ему нужно было выпустить Бьянку так, чтобы никто не увидел, куда она летит.

Каждый солдат охранял свой участок. Самым опасным для нас был толстяк, который прохаживался по гребню стены сразу за усадьбой Маттиаса.

Но Маттиас стоял с роговым фонарем возле угла дома и подавал нам условленные сигналы.

— Когда я опущу фонарь, — объяснил он нам, — вы должны замереть, это значит, что Толстый Дудик совсем рядом. А когда подниму, значит, он завернул за угол стены и болтает с другим человеком Тенгиля. Тогда вы поскорее выпускайте Бьянку.

Так мы и сделали.

— Лети, лети! — сказал Юнатан. — Лети, моя Бьянка, через горы Нангиялы в Долину Вишен. Да остерегайся стрел Юсси!

Не знаю, понимали ли голуби Софии человеческий язык, но мне показалось, что Бьянка понимала. Потому что она приложила клюв к щеке Юнатана, как будто хотела успокоить его, и полетела. В сумерках она белела, так опасно белела! Как легко мог Дудик заметить ее, когда она пролетала над стеной!

Но он не заметил ее. Болтая, он не увидел и не услышал ее. Маттиас стоял на карауле и не опустил фонарь.

Увидев, что Бьянка исчезла вдали, я вцепился в Юнатана и стал уговаривать его поскорее вернуться в дом. Но он не хотел идти. Просил меня немного подождать. Вечер был такой прекрасный, воздух такой прохладный! Так легко дышалось! Видно, ему не хотелось заползать в маленькую душную комнатуху. Как хорошо понимал его я, так долго лежавший взаперти на своем кухонном диванчике в городе.

Юнатан сидел на траве, обхватив руками колени, и смотрел вниз, в долину. Он казался совершенно спокойным, как будто собирался сидеть там весь вечер, сколько бы солдат Тенгиля ни топало по гребню стены позади него.

— Почему ты вздумал сидеть здесь? — спросил я.

— Потому что мне это нравится, мне нравится смотреть на долину в сумерках. Нравится, что прохладный ветерок касается моих щек. И эти дикие розы, которые пахнут летом...

— И мне тоже все это нравится, — согласился я.

— И еще мне нравятся цветы, и трава, и деревья, и луга, и леса, и красивые маленькие озера, — добавил Юнатан. — Мне нравится, когда солнце встает, когда оно садится, когда светит луна и сияют звезды, и многое другое, что я сейчас и не припомню.

— И мне все это тоже нравится, — сказал я.

— Это нравится всем людям, — продолжал Юнатан, — и если им ничего другого не нужно, скажи мне, почему они не могут спокойно любоваться всем этим? Почему должен явиться какой-то Тенгиль и разрушить это?

Ответить я не мог, и тогда Юнатан сказал:

— Пошли, лучше нам вернуться в дом!

Но сразу пойти в дом мы не могли. Сначала нам нужно было ждать сигналов Маттиаса и узнать, где обретается Толстый Дудик.

Стало совсем темно. Мы уже не могли увидеть Маттиаса, видели только свет его фонаря.

— Он поднял фонарь, значит, этот дурацкий Дудик отошел! — сказал Юнатан. — Пошли быстро!

Но только мы побежали, как фонарь мгновенно опустился, и мы резко остановились. Мы услышали топот скачущих галопом лошадей; потом лошади остановились и кто-то заговорил с Маттиасом.

Юнатан толкнул меня в спину.

— Иди туда! — прошептал он. — Иди к Маттиасу!

Сам Юнатан юркнул в заросли терновника, а я, дрожа от страха, пошел на свет фонаря.

— Да я только вышел подышать свежим воздухом, — говорил Маттиас, — больно хорошая погода нынче вечером.

— Ишь ты, хорошая погода! — ответил грубый голос. — Разве ты не знаешь, что после захода солнца нельзя выходить? Что это карается смертной казнью?

— До чего же ты строптив, дед! — сказал другой. — Между прочим, где этот мальчишка?

— Да вот он, — ответил Маттиас, потому что я уже подошел к нему.

И я тут же узнал обоих всадников, потому что это были Ведер и Кадер.

— А ты не собираешься нынче ночью отправиться в горы, чтобы полюбоваться лунным светом? — спросил Ведер. — Кстати, как тебя звать-то, плутишка? Ты мне этого так и не сказал.

— Да меня называют просто Сухариком, — ответил я.

Это я посмел сказать, ведь этого имени никто не знал, ни Юсси и никто другой, кроме Юнатана, меня и Маттиаса.

— Тоже мне Сухарик! — сказал Кадер. — Послушай-ка, Сухарик, ты думаешь, зачем мы сюда приехали?

Мне показалось, что ноги у меня подкашиваются. «Чтобы посадить меня в пещеру Катлы, — подумал я. — Видно, они раскаялись в том, что отпустили меня, и теперь пришли забрать». Что я еще мог подумать?

— Видишь ли, — продолжал Кадер, — мы ездим здесь по вечерам, чтобы проверять, исполняют ли жители приказ Тенгиля. Твоему деду это, смотрю я, трудно понять, так ты растолкуй ему, что вам обоим будет худо, если вы не привыкнете сидеть дома после того, как стемнеет.

— Да не забывай, — встрял Ведер, — что в другой раз тебе это даром не пройдет, если мы застанем тебя,

где тебе быть не положено. Заруби это себе на носу, Сухарик! Умрет твой дед или нет, нам наплевать. Но ведь ты еще мал, а вырастешь, захочешь стать солдатом Тенгиля, не так ли?

«Солдатом Тенгиля! — подумал я. — Нет уж, да скорей я умру!» Но вслух я этого не сказал. Я до смерти боялся за Юнатана и не посмел злить их, поэтому вежливо ответил:

— Да, конечно, захочу.

— Хорошо, — сказал Ведер. — Тогда завтра утром ты можешь спуститься к большой пристани и увидеть Тенгиля, освободителя Долины Терновника. Завтра он переправится через Реку Древних Рек в золотой лодке и причалит к большой пристани.

Потом они собрались уезжать. Но в последний момент Кадер придержал коня.

— Послушай-ка, старик! — крикнул он Маттиасу, который уже был на полпути к дому. — Не видел ли ты красивого молодого парня по имени Львиное Сердце, а?

Я держал Маттиаса за руку и чувствовал, как он дрожал, но мой дедушка ответил спокойно:

— Не знаю я никакого Львиного Сердца.

— Ага, не знаешь, — сказал Кадер. — Но если ты случайно его встретишь, не забудь, что ждет того, кто его укрывает или помогает ему. Смертная казнь, запомнишь?

Тут мы вошли в дом, и Маттиас захлопнул дверь.

— Смертная казнь мне за это, смертная казнь мне за то! Больше эти люди ничего придумать не могут, — сказал он.

Едва замер стук копыт, как Маттиас снова вышел из дома с фонарем. И тут же вылез из кустов Юнатан, с исцарапанным лицом и руками, но довольный тем, что ничего страшного не случилось и что Бьянка отправилась в полет над горами.

Потом мы сели ужинать в кухне Маттиаса. Потайная дверца была открыта, чтобы Юнатан в случае опасности мог быстро спрятаться.

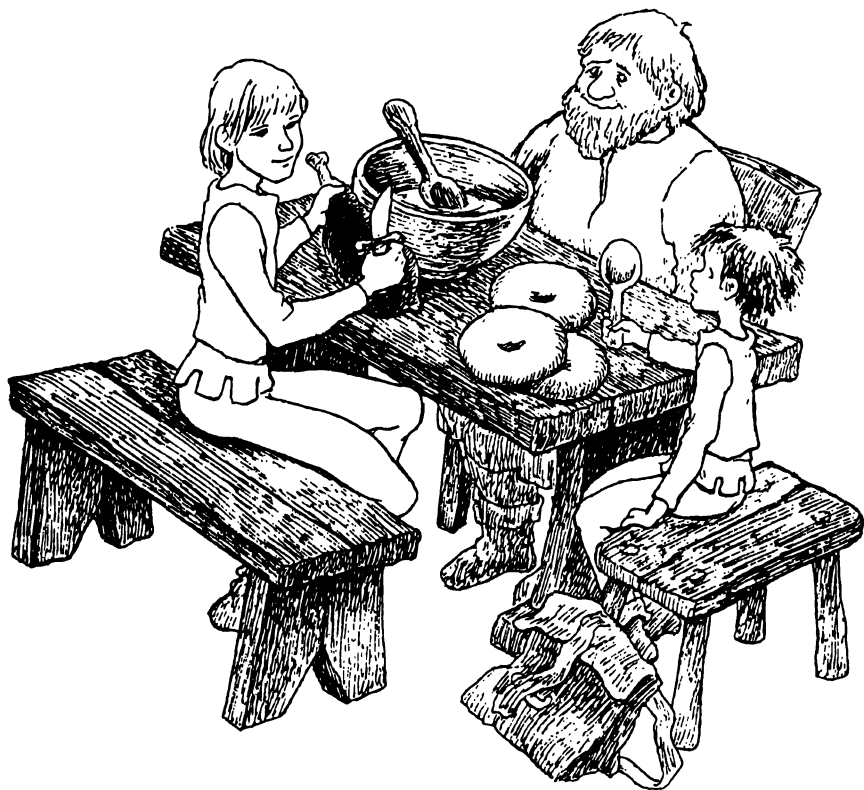

Но перед ужином мы с Юнатаном пошли в конюшню и задали корм лошадям. Как здорово было видеть их опять вместе! Они стояли рядом, голова к голове. Я подумал, что они, может быть, рассказывали друг другу, что с ними приключилось. Я дал им обоим овса. Юнатан хотел сначала остановить меня, но потом сказал:

— Ну ладно, пусть разок поедят! Но здесь, в Долине Терновника, овес лошадям больше не дают.

Когда мы вошли в кухню, Маттиас поставил на стол миску с супом.

— Больше у нас ничего нет, да и суп-то одна вода, — сказал он, — но все же похлебаем горяченького.

Я вспомнил про свой мешок, достал его и вынул оттуда лепешки и баранину. Юнатан и Маттиас только ахнули, и глаза у них просто засияли. До чего же мне приятно было устроить им целый пир. Я нарезал большие куски баранины, и мы принялись уплетать и суп, и хлеб, и баранину! Долго нам было не до разговоров. Под конец Юнатан сказал:

— Надо же, наелись! Я уже почти забыл, что значит наедаться досыта.

Я все больше радовался, что приехал в Долину Терновника, считая, что поступил правильно, как и следовало. И я рассказал подробно обо всем, что случилось со мной после того, как я выехал из дома, кончая тем, как Ведер и Кадер помогли мне попасть в Долину Терновника. Почти все я уже успел раньше рассказать им, но Юнатану хотелось слушать об этом еще и еще. В особенности про Ведера и Кадера. При этом он хотел так, как я и ожидал от него. И Маттиас тоже смеялся.

— Не больно ушлые люди у Тенгиля, — сказал Маттиас, — хотя сами они считают себя жуткими хитрецами.

— Куда там, — согласился я, — даже я смог их обмануть. Если бы они только знали, что помогли пробраться в Долину Терновника тому самому младшему братишке, которого так хотели сцапать, и отпустили его на свободу.

Сказав это, я вдруг призадумался. Раньше я не подумал об этом, но теперь спросил:

— А как, в самом деле, ты-то, Юнатан, попал в Долину Терновника?

Юнатан рассмеялся.

— Я запрыгнул сюда, — ответил он.

— Как это запрыгнул? Уж не на Гримере же?

— Именно на Гримере. Другого коня у меня нет.

Да, я знал, я видел, как здорово прыгает Грим с Юнатаном на спине. Но перемахнуть через стену, ок-

ружающую Долину Терновника! В это не поверил бы ни один человек.

— Понимаешь, тогда стена была еще не совсем достроена, — объяснил Юнатан. — Не везде на полную высоту. Хотя высота и там была немалая, можешь мне поверить.

— Ну а как же стражники? Никто тебя не видел?

Юнатан надкусил хлеб и снова захохотал.

— Еще бы не заметили! Да они гнались за мной целой тучей, и Грим получил стрелу в спину. Но я удрал от них, и один добрый крестьянин спрятал и меня и Грима у себя в сарае. А ночью он привел меня сюда, к Маттиасу. Теперь ты знаешь все.

— Нет, далеко не все, — вмешался Маттиас. — Ты не знаешь, что люди у нас в долине слагают песни про эту скачку и про Юнатана. Его приезд к нам — единственная радость в Долине Терновника с тех пор, как Тенгиль ворвался к нам и превратил нас в рабов. «Юнатан, заступник наш», — поют они, потому что верят: он освободит Долину Терновника. И я тоже в это верю. Ну, теперь ты знаешь все.

— Нет, всего ты не знаешь, — возразил Юнатан, — ты не знаешь, что после того, как Урвара заточили в пещеру Катлы, тайную борьбу в Долине Терновника возглавил Маттиас. Это Маттиаса они должны называть своим заступником, а не меня.

— Нет, я слишком стар, — сказал Маттиас. — Ведер прав, какая разница, жив я или помер!

— Нельзя так говорить, — вмешался я, — ты мой дедушка.

— Да, ради этого мне стоит жить. Но возглавлять борьбу я уже больше не гожусь. Это дело молодых.

Он вздохнул:

— Ах, если бы только Урвар был здесь! Но он теперь будет сидеть в пещере Катлы до тех пор, покуда Катла не примется за него.

Тут я увидел, что Юнатан побледнел.

— Мы еще посмотрим, — пробормотал он, — за кого Катла примется.

И после добавил:

— А теперь за работу! Даже ты, Сухарик, не знаешь, что в этом доме мы днем спим, а ночью работаем. Идем, сейчас ты увидишь!

Он пролез первым в «бункер» и показал мне кое-что. Он отодвинул матрац, на котором мы спали, вынул несколько широких шатких половиц, и я увидел черную дыру в земле.

— Здесь начинается подземный ход, — объяснил Юнатан.

— А где он кончается? — спросил я, хотя был почти уверен в том, каков будет ответ.

— В чашобе, по другую сторону стены, — сказал он. — Там он окончится, когда будет готов. Еще пару ночей работы, и он дотянется туда, куда нам надо.

Он спустился в этот лаз.

— Я должен прорыть еще несколько метров, — сказал он. — Сам понимаешь, не могу же я вылезти из земли под самым носом у Толстого Дудика.

Потом Юнатан исчез, а я долго сидел и ждал. Наконец он вернулся с полным корытом земли. Я волоком протянул корыто в кухню, к Маттиасу.

— Вот еще земля для моего огорода, — пошутил Маттиас. — Было бы у меня хоть немного гороха и бобов, я посадил бы их, и не пришлось бы голодать.

— Как бы не так, — ответил Юнатан. — Из каждых десяти бобов на твоём огороде Тенгиль взял бы девять, разве ты забыл это?

— Твоя правда, — согласился Маттиас, — покуда Тенгиль хозяйничает в Долине Терновника, здесь будут царить нужда и голод.

Пока Маттиас высыпал землю из корыта, я стоял в дверях на карауле. Юнатан велел мне свистеть, если я замечу хоть малейшую опасность. Я должен был на-свистывать один мотив, которому Юнатан выучил меня

еще давно, когда мы жили на Земле. В то время мы часто насвистывали вместе по вечерам, когда ложились спать. Так что свистеть я умел хорошо. Юнатан снова спустился в лаз, чтобы продолжать работу, а Маттиас закрыл дверцу и задвинул ее буфетом.

— Запомни хорошенько, Сухарик, — сказал он, — когда Юнатан роет землю, дверца должна быть закрыта и буфет поставлен на место. Помни, что ты находишься в стране, где живет и хозяйничает Тенгиль.

— Да уж этого я не забуду, — сказал я.

В кухне было темно. На столе горела единственная свеча, но и ту Маттиас погасил.

— Темной должна быть ночь в Долине Терновника, — продолжал он. — Ведь здесь слишком много глаз, которые желают видеть то, что им не положено.

Потом он опять пошел выносить землю, а я встал в открытых дверях на караул. Везде царил тьма, как и хотел Маттиас. Темно было в домах, темным было и небо над Долиной Терновника. Ни звезд, ни луны, кругом крошечная тьма, и я ничего не мог различить. Стало быть, и все ночные глаза, о которых говорил Маттиас, тоже ничего не видели, и это немного утешало меня.

Мне было тоскливо и жутковато стоять одному в темноте и ждать. Маттиас так долго не возвращался. Я начал беспокоиться и волновался все сильнее и сильнее. Почему он не шел так долго? Я напряженно вглядывался в темноту. Но что это, куда подевалась тьма? Внезапно стало намного светлее. Я увидел, что лунный свет стал пробиваться сквозь тучи. Хуже этого ничего не могло быть, и я молил Бога, чтобы Маттиас успел вернуться, покуда темнота вовсе не рассеялась, ведь тогда его тут же заметят. Но было уже поздно. Потому что луна уже светила в полную силу и заливала светом всю долину.

И при свете луны я увидел Маттиаса. Он пробирался с корытом по кустам довольно далеко от дома.

Я стал дико озираться по сторонам, ведь мне велено было стоять на карауле. И тут я, к своему ужасу, увидел, что Дудик, этот Толстый Дудик, спускается со стены по веревочной лестнице.

Трудно свистеть, когда тебе страшно, и у меня это получилось неважно. Я кое-как просвистел свой мотивчик, и Маттиас быстро, как ящерица, юркнул в ближайшие кусты терновника.

Но тут меня схватил Дудик.

— Ты что это свистишь? — прорычал он.

— Да я... я сегодня выучил этот мотив, — промямлил я. — Раньше я не умел свистеть, а сегодня вдруг научился. Хочешь послушать?

Я опять принялся свистеть, но Дудик оборвал меня:

— Заткнись! Хотя я и не знаю, запрещено свистеть или нет, однако скорее всего запрещено. Не думаю, чтобы Тенгилю это понравилось. А почему дверь у тебя не закрыта? Не знаешь, что ли, что не положено?

— А что, Тенгилю не нравится, когда дверь открыта?

— Поговори мне еще! Делай, что тебе сказано! Но дай мне сперва ковш воды. Я чуть не помер от жажды, пока ходил по стене.

«Что будет, если он пойдет за мной в кухню и увидит, что Маттиаса нет в доме? — пронеслось у меня в голове. — Бедный Маттиас, ведь тех, кто выходит ночью из дома, ждет казнь, сколько раз мне уже говорили об этом!»

— Сейчас принесу, — быстро сказал я. — Подожди здесь, я дам тебе напиться.

Я вбежал в дом и стал шарить в кухне, не зная, в каком углу стоит бочка с водой. Потом я нашел ковшик и зачерпнул из бочки. И тут я почувствовал, что кто-то стоит за моей спиной. Да, кто-то стоял в темноте почти вплотную ко мне. Я похолодел от ужаса.

— Зажги свет! — приказал Дудик. — Я хочу поглядеть на эту крысиную нору.

Руки у меня дрожали, да и весь я дрожал, но все-таки мне удалось зажечь свечу.

Дудик взял ковш и стал пить. Он все пил и пил, словно в нем не было дна. Потом он швырнул ковш, и его противные глаза стали шарить по кухне. И тут он задал вопрос, которого я так боялся:

— А где этот старик Маттиас, что живет здесь?

Я молчал, не зная, что ответить.

— Не слышишь, что ли, о чем тебя спрашивают? Где Маттиас?

— Спит, — ответил я, надо ведь было что-нибудь придумать.

— Где он спит?

Я знал, что рядом с кухней была небольшая каморка, где стояла кровать Маттиаса. Но я также знал, что в эту минуту его там не было. И все же я показал на дверь каморки и сказал:

— Вон там!

Я пропищал эти слова еле слышно. Они прозвучали так жалобно, что Дудик презрительно захохотал.

— Нескладно ты врешь, — сказал он. — погоди-ка, сейчас поглядим!

Он был так доволен, что уличил меня во лжи. Радовался, что теперь Маттиаса казнят, а его Тенгиль наверняка похвалит.

— Дай-ка мне свечу! — велел он, и я исполнил приказание.

Мне хотелось броситься к дверям, выскочить в сад и велеть Маттиасу бежать, пока не поздно, но я не мог сдвинуться с места. От страха меня тошнило.

Дудик видел это и злорадно ухмылялся. Он не торопился, вовсе нет, он тянул время, чтобы я напугался еще сильнее. Позлорадствовав вволю, он сказал:

— Ну, пошли, парень, покажешь мне, где спит старик Маттиас.

Он распахнул ногой дверь каморки и втолкнул меня туда так сильно, что я запнулся о высокий порог.

Дудик поднял меня рывком и остановился, держа свечу в руке.

— Ах ты, врунишка, давай показывай, где дед!

Я не смел ни шелохнуться, ни поднять глаза. Я был в полном отчаянии, мне хотелось умереть!

Но тут, когда я уже ни на что не надеялся, послышался сердитый голос Маттиаса:

— Что тут за шум? Даже ночью человеку не дают покоя!

Я поднял глаза и увидел, что Маттиас сидит на постели в дальнем, самом темном углу комнаты и щурится на свет. Он был в одной рубашке, всклокоченный, как будто только что проснулся. А у раскрытого окна стояло прислоненное к стене корыто. Да, видно, мой новый дедушка был проворней ящерицы!

А на Дудика было почти что жалко смотреть. Он стоял, тупо уставясь на Маттиаса. Никогда еще не видел я такой дурацкой рожи!

— Да я просто зашел, чтобы напиться воды, — мрачно заявил он.

— Воды? Да как же так? — спросил Маттиас. — Разве ты не знаешь, что Тенгиль запретил вам пить нашу воду? Он думает, что мы можем отравить вас. А если ты еще раз меня разбудишь, я тебя и в самом деле отравлю!

Не знаю, как он посмел сказать такое Дудику. Но, может, с людьми Тенгиля так и нужно было разговаривать? Потому что Дудик, хмыкнув, поспешил убраться и вскарабкался на стену.

10

Никогда не доводилось мне видеть по-настоящему свирепого человека, пока я не увидел Тенгиля из Карманьяки.

Он переплывал в своей позолоченной лодке Реку Древних Рек, а я стоял на берегу вместе с Маттиасом и ждал его.

А послал меня туда Юнатан. Ему хотелось, чтобы я взглянул на Тенгиля.

«Потому что тогда тебе будет понятней, почему люди в здешней долине трудятся, как рабы, голодают и умирают с одной-единственной мыслью и мечтой — снова увидеть свою долину свободной».

Высоко-высоко на вершине Горы Древних Гор стоял неприступный замок Тенгиля. Лишь иногда переправлялся он через реку в Долину Терновника, чтобы нагонять страх на местных жителей, дабы никто из них не забывал, кто он такой, Тенгиль, и не осмеливался бы мечтать о свободе. Так говорил Юнатан.

Сначала я почти ничего не видел. Так много солдат Тенгиля, заслоняя реку, стояло передо мной. Длинная цепь солдат — их пригнали охранять Тенгиля, пока он пребывает в Долине Терновника. Сдается мне, он боялся, что какая-нибудь стрела со страшным свистом вонзится в него откуда-нибудь сзади. Юнатан говорил, что тираны всегда боятся, а Тенгиль был самый страшный из тиранов.

Нет, сначала ни Маттиас, ни я ничего не видели. Но потом я догадался, что делать. Солдаты стояли там такие важные, широко расставив ноги... Солдаты Тенгиля. И если я распластаюсь по земле за спиной того, кто шире всех расставил ноги, то смогу взглянуть на реку меж его ног.

Но я не мог подговорить на это Маттиаса.

— Важнее всего, чтобы увидел ты, — сказал он. — И чтобы ты никогда не забывал, что видел здесь сегодня.

И я увидел. Увидел большую, красивую позолоченную лодку, которая приближалась к берегу по реке, а на веслах застыли одетые в черное гребцы. Сколько там было весел? Куда больше, чем я мог сосчитать, а их лопасти сверкали на солнце всякий раз, когда их поднимали вверх! Гребцам приходилось нелегко. Сильное течение грозило унести с собой лодку. А может быть, где-то ниже по течению был водопад, всасывавший в себя могучие речные воды. Откуда-то издалека доносился громкий шум водопада.

— Ты слышишь, как шумит водопад Кармафаллет? — сказал Маттиас в ответ на мой вопрос. — Песнь водопада Кармафаллет здесь, в Долине Терновника, — колыбельная песнь, к которой прислушиваются дети, когда ложатся спать.

Я стал думать о детях в Долине Терновника. Должно быть, прежде они бегали, играли и плескались в воде здесь, внизу, у берега, и очень веселились. А теперь им веселья больше не видать. А все из-за этой стены, этой неумолимой стены, запирающей все вокруг. Во всей этой длинной стене было лишь двое ворот: те, через которые я прошел сюда, — они назывались Большие ворота, — и еще одни здесь, у реки, с причалом перед ними, где уже пришвартовалась лодка Тенгиля. Ворота недавно открывали, чтобы пропустить Тенгиля. И между солдатскими сапогами я увидел под аркой ворот причал и черного скакуна, ожидающего своего хозяина Тенгиля.

Скакун был такой красивый, седло на нем сверкало золотом, золотом сверкала и уздечка! И я увидел, как Тенгиль выходит вперед, вскакивает в седло, проезжает верхом через ворота и внезапно оказывается совсем рядом со мной, так что я вижу его свирепое лицо и его свирепые глаза. «Злой, как змей», — сказал о нем Юнатан. И правда, у Тенгиля точь-в-точь змеиный вид — ужасно злой и кровожадный. И одежда на нем — красная, как кровь, и султан на шлеме — тоже красный,

словно он окунул его в кровь. И глаза его смотрели прямо вперед, он не замечал людей. Казалось, на всем свете для него не существовало никого, кроме самого Тенгиля из Карманьяки! Да, он был ужасен!

Всем жителям Долины Терновника было велено явиться на городскую площадь. Тенгиль должен был там держать перед ними речь. Маттиас и я, конечно, тоже пришли туда.

Это была такая прекрасная, такая нарядная маленькая площадь, окруженная со всех сторон чудесными домами. И вот все обитатели Долины Терновника собрались там, как приказал Тенгиль. Они стояли молча и только и делали, что ждали. Однако, о, как чувствовались их ожесточение и горечь! Здесь они, верно, плясали, и играли, и пели летними вечерами или же, быть может, просто сидели на скамьях перед постоянным двором и болтали друг с другом под липами.

Там росли две вековые липы, к ним-то и подъехал Тенгиль и остановил коня. Он по-прежнему сидел верхом на коне, глядя поверх площади и поверх людей, и я был совершенно уверен, что никого из них он не видел. Рядом с ним находился его советник, высокомерный человек по имени Пьюке, как я узнал от Маттиаса. У Пьюке был белый конь, такой же прекрасный, как черный скакун Тенгиля. Два властелина восседали верхом на конях и неотрывно смотрели прямо перед собой. Они долго сидели так, а вокруг стояли, охраняя их, солдаты, люди Тенгиля в черных шлемах и черных плащах, с обнаженными мечами в руках. Солнце уже стояло высоко в небе, день был теплый, и видно было, что солдаты обливаются потом.

— Как по-твоему, что скажет Тенгиль? — спросил я Маттиаса.

— Что он нами недоволен, — ответил Маттиас. — Ничего другого он не говорит.

По правде говоря, Тенгиль с нами сам не разговаривал. Не мог же он говорить с рабами! Он говорил толь-

ко с Пьюке, а Пьюке велено было возвестить народу, что Тенгиль недоволен жителями Долины Терновника. Работают они вполсилы да еще укрывают врагов Тенгиля!

— Юнатан Львиное Сердце еще не найден, — сказал Пьюке. — Наш милостивый князь весьма этим недоволен!

— Да, это понятно, это понятно, — услышал я, как кто-то бормочет совсем рядом со мной.

Это был нищий бедняга в лохмотьях, какой-то маленький старикашка с всклокоченными волосами и седой всклокоченной бородой.

— Терпению нашего милостивого князя скоро наступит конец! — провозгласил Пьюке. — И он жестоко и беспощадно покарает Долину Терновника!

— Да уж, так им и надо, так им и надо, точно! — проворчал старикашка, стоявший рядом со мной, и я подумал, что, должно быть, он чокнутый, из тех, что немного не в себе.

— Однако, — продолжал Пьюке, — наш милостивый князь в своей великой доброте подождет еще некоторое время с кровавой карой. Он даже назначил вознаграждение. Двадцать белых лошадей получит тот, кто приведет к нему Львиное Сердце!

— Тогда я схвачу этого хитрого лиса, — сказал старикашка, толкнув меня в бок. — Двадцать белых лошадей от нашего милостивого князя! Щедрая плата за такого маленького лисенка!

Я так разозлился, что охотнее всего ударил бы его! Даже если ты не в себе, нечего болтать всякие глупости!

— Совести у тебя нет! — прошептал я.

А он рассмеялся.

— Ну, не то чтобы совсем не было! — сказал он, заглянув мне прямо в лицо.

И я увидел его глаза. Такие красивые, блестящие глаза были только у Юнатана.

Все-таки совести у него не было ни на грош! Как он мог явиться сюда, как мог торчать под самым носом у Тенгиля! Хотя, правда, никто бы его не узнал. Даже Маттиас. До тех пор, пока Юнатан, похлопав его по плечу, не сказал:

— Старик, а разве мы с тобой не встречались?

Юнатан обожал переодеваться. У нас на кухне он вечно разыгрывал для меня по вечерам целые спектакли. Я имею в виду те времена, когда мы жили на Земле. Он и в самом деле мог вырядиться, как чучело, и развлекаться вовсю. Он частенько смешил меня, и я так хохотал, что у меня живот схватывало.

Но здесь, на глазах у Тенгиля, это было страшной дерзостью.

— Мне необходимо посмотреть, что происходит. Да, мне тоже! — прошептал он.

Теперь он больше не смеялся. Да и вообще, смеяться было нечему.

Потому что Тенгиль приказал всем мужчинам из Долины Терновника выстроиться в один ряд перед ним и своим толстым указательным пальцем стал показывать на тех, кого следует перевезти через реку в Карманьяку. Я знал, что это означает, Юнатан рассказывал мне об этом. Ни один человек из тех, на кого пал выбор Тенгиля, живым не вернется. Им придется тяжело, в поте лица своего трудиться в Карманьяке и таскать камни для крепости, которую Тенгиль повелел воздвигнуть на самой вершине Горы Древних Гор. Это должна была быть такая крепость, которую никогда не смог бы завоевать ни один враг. И Тенгиль должен был восседать там из года в год во всей своей свирепости и наконец-то почувствовать себя в безопасности. Но чтобы построить такую крепость, требовалось множество рабов, и они должны были трудиться на износ, до тех пор, пока не упадут мертвыми.

«И тогда они достанутся Катле», — рассказывал Юнатан.

Меня бил озноб на залитой солнцем площади. Хотя Катла было для меня всего лишь мерзкое имя, и ничего больше.

Когда Тенгиль, указывая пальцем, делал свой выбор, на площади стояла жуткая тишина. Только маленькая пташка, сидя на самой верхушке дерева прямо над Тенгилем, прекрасно пела, выводя свои трели. Верно, эта пташка не знала, чем был занят там внизу, под липой, Тенгиль.

То тут, то там слышался плач. Жалость брала при виде того, как они плакали, как плакали все эти женщины, которым суждено было потерять своих мужей, и все дети, которые никогда больше не увидят отцов. А вообще-то плакали все. И я тоже.

Что до Тенгиля, то он этого плача не слышал. Сидя верхом на своем коне, он все указывал и указывал пальцем на очередную жертву, и алмаз на этом его пальце сверкал всякий раз, когда он приговаривал кого-нибудь к смерти. Это было ужасно, одним лишь своим указательным пальцем он обрекал людей на смерть!

Но один из тех, на кого пал его выбор, явно сошел с ума, когда услышал, как плачут его дети. Внезапно вырвавшись из рядов жителей Долины Терновника, он, прежде чем солдаты успели остановить его, ринулся к Тенгилю.

— Тиран! — закричал он. — Когда-нибудь ты тоже умрешь! Ты подумал об этом?!

И плюнул в Тенгиля.

Лицо Тенгиля не дрогнуло. Он подал лишь знак рукой, и солдат, стоявший ближе всех к нему, поднял свой меч. Я увидел, как меч сверкнул на солнце, но в тот же миг Юнатан, обхватив рукой мой затылок, прижал меня к груди. Он спрятал мое лицо, чтоб я больше ничего не видел. Но я почувствовал, а может, и услышал, как что-то всхлипнуло в груди у Юнатана. А когда мы шли домой, он плакал. Никогда раньше за ним такого не водилось.

В Долине Терновника этот день был траурный. Горевали все. Все, кроме солдат Тенгиля. Они, напротив,

радовались всякий раз, когда Тенгиль появлялся в Долине Терновника, потому что тогда он устраивал пир для своих людей. Не успевала еще высохнуть кровь несчастных, убитых на площади в тот день, как туда выкатывали бочку пива, полную до краев, и выносили поросят, которых целиком жарили на вертелах.

Густым маревом стелился тогда над Долиной Терновника чад, а все люди Тенгиля ели и пили и похвалялись перед жителями тем, что Тенгиль устроил им такое знатное угощение.

— Но ведь эти бандиты жрут поросят из Долины Терновника и хлещут пиво, сваренное в Долине! — говорил Маттиас.

Самого Тенгиля на пиру не было. Выбрав достаточное, по его мнению, количество смертников, он переправился обратно через реку.

— А теперь он, верно, сидит довольный в своем замке и думает, что нагнал страху на Долину Терновника, — сказал Юнатан, когда мы возвращались домой. — Он думает, что, кроме запуганных рабов, здесь больше никого не осталось.

— Однако он ошибается, — уверенно произнес Маттиас. — Тенгиль не понимает одного: ему никогда не сломить людей, которые борются за свою свободу и держатся вместе так, как мы.

Мы проходили мимо маленького домика, окруженного яблоневыми деревьями, и Маттиас сказал:

— Здесь жил тот, кого только что убили.

На каменных ступеньках сидела женщина. Я узнал ее, вспомнил, как она закричала, когда Тенгиль указал пальцем на ее мужа. А теперь она сидела с ножницами в руках и отстригала свои длинные светлые волосы.

— Что ты делаешь, Антония? — спросил Маттиас. — Что ты собираешься делать со своими волосами?

— Что делать? Тетиву для луков! — ответила Антония.

Больше она ничего не сказала. Но я никогда не забуду ее глаз, когда она это говорила.

За многие провинности в Долине Терновника приговаривали к смерти. Но опасней всего было иметь оружие, это запрещалось строже, чем что-либо другое. Солдаты Тенгиля рыскали по округе, заглядывая в дома и усадьбы в поисках спрятанных луков, мечей и копий. Но они никогда ничего не находили.

И все-таки во всей Долине не нашлось бы ни единого дома, ни единой усадьбы, где бы не хранилось оружие, где бы не выковывали мечи для той битвы, которая разыграется в конце концов, рассказывал Юнатан.

Белых лошадей Тенгиль обещал также в награду тем, кто выдаст тайные склады оружия.

— Какая чепуха! — усмехнулся Маттиас. — Неужто он в самом деле считает, что в Долине Терновника найдется хоть один предатель!

— Нет, один такой есть лишь в Долине Вишен, — горестно сказал Юнатан.

Да, я точно знал, что рядом со мной идет Юнатан. Но трудно было помнить об этом при виде его бороды и лохмотьев.

— Юсси не довелось испытать такую жестокость, такой гнет и насилие, какие знали мы, — объяснил Маттиас. — Иначе он бы никогда не стал делать то, что он делает.

— Интересно, что задумала София, — сказал Юнатан. — И мне так хотелось бы знать, вернется ли Бьянка целой и невредимой.

— От всей души будем на это надеяться! — произнес Маттиас.

Вернувшись домой в Маттиасгорден, мы увидели, что Толстый Дудик, развалясь на зеленой траве, играет в кости с тремя другими стражниками Тенгиля. Видно, они были нынче свободны от службы, потому что пролежали там, среди кустов терновника, все послеобеденное время. Мы могли видеть их из кухонного окошка.

Они играли в кости, ели сало и пили пиво, которое целыми ведрами таскали с площади. Так что мало-помалу они оказались уже не в силах играть в кости. Они продолжали только есть сало и пить пиво, потом только пить пиво. А потом уже вовсе ничего не делали, только ползали, словно жуки, в зарослях терновника. Под конец же они, все четверо, заснули.

Их шлемы и плащи лежали в траве, куда они их побросали. Верно, никто не смог бы пить пиво, парясь в толстом шерстяном плаще в такой теплый день.

— Однако, знай об этом Тенгиль, он велел бы их избить, — сказал Юнатан.

Затем он исчез в дверях, и не успел я даже испугаться, как он вернулся назад с плащом и шлемом в руках.

— Зачем тебе эта дрянь? — спросил Маттиас.

— Еще не знаю, — ответил Юнатан. — Думается, придет час, когда и плащ, и шлем мне понадобятся.

— А я думаю, придет час, когда ты попадешься с ними, — предупредил его Маттиас.

Но Юнатан, сорвав с себя лохмотья и бороду, надел шлем и плащ. И вот он стоял перед нами, похожий как две капли воды на стражника Тенгиля, это было просто отвратительно. С дрожью в голосе Маттиас попросил его ради Бога спрятать этот гадкий наряд в какой-нибудь тайник.

Так Юнатан и сделал.

Потом мы легли и проспали остаток дня, поэтому я не знаю, как все было, когда Толстый Дудик и его приятели, проснувшись, начали выяснять, чей шлем и чей плащ исчезли.

Маттиас тоже спал, но — как он рассказывал позднее — внезапно проснулся, услышав крики и проклятия, доносившиеся из зарослей терновника.

Ночью мы продолжали нашу работу, копая подземный ход.

— Осталось три ночи, не больше, — заверил нас Юнатан.

— А что будет потом? — спросил я.

— Потом должно произойти то, ради чего я сюда явился, — ответил Юнатан. — Может, это и не удастся, но я должен, во всяком случае, попробовать освободить Урвара.

— Только вместе со мной! — решительно произнес я. — На этот раз ты не покинешь меня. Куда бы ты ни пошел, я последую за тобой.

Он долго смотрел на меня, а потом улыбнулся.

— Ладно, если ты в самом деле этого хочешь, я тоже хочу этого, — сказал он.

11

Все солдаты Тенгиля, видно, очень здорово взбодрились, поглотив целую гору сала и целое море пива, да и каждому, верно, хотелось получить двадцать белых лошадей. Потому что они теперь жадно и неистово разыскивали Юнатана. Все эти дни они выслеживали его с утра до вечера, осматривали каждый дом, каждый уголок в долине. Юнатану пришлось скрываться в тайнике, пока он чуть не задохнулся.

А Ведер и Кадер — Исполнитель и Смотритель — разъезжали верхом по всей Долине Терновника и читали жителям грамоты о моем брате. Один раз мне тоже довелось услышать о «заклятом враге Тенгиля Юнатане Львиное Сердце, который незаконно перебрался через стену и все еще пребывает в неизвестном месте в Долине Терновника». Они описывали и его внешность. Он был «на редкость красивый юноша со светлыми волосами и темно-синими глазами, статный и тонкий». Так они о нем говорили, и так, думается, описал его им Юсси. И все снова и снова слышались приказы о смертной казни тому, кто укрывает Юнатана Львиное Сердце, и о награде тому, кто выдаст его.

Пока Ведер и Кадер разъезжали по округе и трубили всю эту мерзкую чушь, в Маттиасгорден приходили

люди, чтобы попрощаться с Юнатаном и поблагодарить его за все то, что он сделал для них. Я даже не знал, как много подвигов совершил мой брат.

— Мы никогда не забудем тебя, — говорили они со слезами на глазах.

Они приносили хлеб и давали ему, хотя им самим почти нечего было есть.

— Хлеб нужнее тебе, ведь тебе предстоит тяжкий и опасный путь, — говорили они.

И спешили уйти; им хотелось успеть услышать еще раз, что провозгласят Ведер и Кадер. Только собственной утехи ради.

Солдаты наведались и в усадьбу Маттиасгорден. Когда они вошли, я, смертельно испуганный, сидел на стуле в кухне, не смея пошевелинуться. Но Маттиас был настроен весьма бодро и даже задорно.

— Чего вы ищете? — сказал он. — Сдается мне, что такого Юнатана Львиное Сердце и на свете-то нет. Вы его просто выдумали, чтобы вам позволили рыскать по всей округе, бездельничать и отбирать у людей последнее.

Отбирать последнее — как раз этим-то они и занимались. Начали они с горницы. Выкинули на пол все постельное белье, перины и подушки. Потом рылись в шкафу, и все, что там было, также выбросили на пол. И это было просто глупо с их стороны, неужто они и в самом деле думали, что Юнатан прячется в шкафу?

— Может, посмотрите заодно и в шкафу с ночными горшками? — спросил Маттиас.

Ну и разозлились же они!

И, выйдя на кухню, набросились на буфет с посудой, а я, сидя на своем стуле, чувствовал, как во мне закипает ненависть. Как раз в тот самый вечер мы с Юнатаном должны были уйти из Долины, и я подумал: «Если они сейчас найдут его, я не знаю, что сделаю!» Нет, такая несправедливость просто немыслима,

не могут они схватить его в эти его самые последние часы в Долине Терновника.

Маттиас набил буфет старым платьем, и овечьей шерстью, и всякой ненужной утварью, чтобы приглушить все звуки, доносившиеся из тайника, и весь этот хлам они выкинули на пол кухни.

А потом! А потом мне захотелось кричать так, чтобы рухнул и обвалился весь дом. Да, потому что один из них нажал плечом на буфет, чтобы отодвинуть его в сторону. Но я не закричал. Я сидел совершенно окаменевший на стуле и только ненавидел его, ненавидел его грубые руки, и толстый затылок, и бородавку на его лбу! Я ненавидел его потому, что знал: сейчас, сию минуту он увидит дверь тайника, а это значит — конец Юнату!

Но тут все-таки раздался крик. Крик Маттиаса.

— Глядите, пожар! — кричал он. — Разве Тенгиль приказал вам поджечь дом?

Не знаю, как это произошло, но все так и было, как он кричал. Загорелась овечья шерсть на полу, и солдаты поспешно кинулись ее тушить. Они прыгали и затапывали огонь ногами, сыпали проклятия и шумели, а под конец опрокинули на пол бочку с водой. Так что пожар прекратился, едва успев начаться. Но Маттиас все равно ругался и был страшно зол на них.

— Вы что, совсем ума лишились?! — кричал он. — Разве можно выбрасывать шерсть на пол рядом с очагом, где тлеют угли и всюю трещат дрова?

Тот, что с бородавкой на лбу, пришел в ярость.

— Молчи, старик! — заорал он. — А не то я сумею хорошенько заткнуть тебе рот!

Но Маттиас не дал себя запугать.

— Во всяком случае, вам не мешает убрать за собой! — сказал он. — Гляньте, какой здесь разор и грязь! Словно в свинарнике!

Его слова оказались самым верным способом выдворить их из дома.

— Убирай свой свинарник сам, старик! — сказал тот, что с бородавкой на лбу, и впереди всех прошествовал к дверям. Все остальные последовали за ним. Выходя из дома, они широко распахнули дверь и не затворили ее за собой.

— Дурачьё! Совсем ума нет! — сказал Маттиас.

— Вот повезло, что начался пожар, — сказал я. — Подумать только, как повезло Юнатану!

Маттиас подул на кончики своих пальцев.

— Да, неплохо устраивать иногда небольшие пожары, — сказал он. — Хотя можно и обжечься, когда наспех хватаешь пылающие угольки из очага голыми руками.

Но конец нашим горестям еще не наступил, хоть я уже и поверил в это.

Они искали Юнатана и в конюшне, а затем тот, что с бородавкой на лбу, подошел к Маттиасу и сказал:

— У тебя, старик, две лошади! А ведь никто в Долине Терновника не смеет держать больше одной. И ты это знаешь! Мы пошлем сюда нынче вечером человека с другого берега. Он возьмет вот эту, с белой звездочкой на лбу, ее ты должен отдать Тенгилю.

— Но это лошадь мальчика! — сказал Маттиас.

— Ну и что! Теперь она все равно принадлежит Тенгилю.

Да, так он сказал, этот солдат. И я заплакал. Ведь как раз нынче вечером мы с Юнатаном должны были уйти из Долины Терновника. Наш длинный подземный ход был готов. И как нам увести с собой Грима и Фьялара? Ведь им не вползти в какой-то там подземный ход. Ну и скотина же я, что не понимал этого раньше! Того, что нам придется оставить наших лошадей у Маттиаса. Что за напасть! Как назло, все складывается против нас! Фьялар достанется Тенгилю! Как только сердце мое не разорвалось, когда я услышал эти слова!

Тот, с бородавкой на лбу, выудил из кармана маленькую деревянную дощечку и сунул ее прямо под нос Маттиасу.

— Здесь, — сказал он. — Здесь ты должен поставить свой родовой знак¹.

— А зачем мне это?

— Затем, что это означает: ты, мол, с радостью отдаешь свою лошадь Тенгилю.

— Никакой такой радости я не испытываю! — ответил Маттиас.

Но тут к нему подошел солдат с обнаженным мечом.

— Ты это, конечно, сделаешь, — сказал он. — Ты испытываешь огромную радость, и здесь ты поставишь свой родовой знак! И отдашь эту дощечку тому, кто переправится через реку из Карманьяки и заберет лошадь. Потому как Тенгилю нужно доказательство того, что ты отдаешь лошадь добровольно. Понятно тебе, старик?! — Он так сильно толкнул Маттиаса, что тот чуть не упал навзничь.

Что было Маттиасу делать?

Он поставил свой родовой знак, а солдаты тут же исчезли из Маттиасгордена, чтобы снова начать поиски Юнатана, но уже в другой стороне.

Это был наш последний вечер у Маттиаса. В последний раз сидели мы за его столом, и в последний раз угощал он нас своей похлебкой. Мы были опечалены, все трое. А больше всех — я. Я плакал. Из-за Фьялара. И из-за Маттиаса. Ведь он стал почти моим дедушкой, а теперь мне надо было с ним расстаться. Я плакал еще из-за того, что я такой маленький и трусливый и вообще бессильный — ничего не могу сделать, когда являются такие, как этот солдат, и толкают моего дедушку.

Юнатан сидел молча и думал, и вдруг он пробормотал:

— Эх, если б я знал пароль!

---

¹ Родовой знак в древности являлся в Швеции своеобразной подписью. Он мог принадлежать одному человеку, семье или родовой усадьбе. Его вырезали на домах и различных предметах, им клеймили скот. Впоследствии им подписывали грамоты и документы.

— Какой пароль? — спросил я.

— КогдаходишьиливыходишьчерезБольшиеворота, надо произнести пароль. Разве ты этого не знаешь? — спросил он.

— Да, знаю, — ответил я. — А вообще-то, я и пароль этот знаю. «Вся власть Тенгилю, нашему освободителю!» Я слышал его от Юсси, разве я не говорил об этом?

Юнатан уставился на меня, а потом как захохочет!

— Сухарик, я люблю тебя! — сказал он. — Об этом ты тоже знаешь?

Я не понял, почему он так развеселился, когда я назвал пароль, потому что он уж всяко не пойдет через ворота.

Но я, несмотря на все огорчения, чуточку обрадовался, что могу подбодрить Юнатана хоть такой малостью.

Маттиас вышел в горницу, чтобы прибрать там, а Юнатан поспешил следом за ним. Они тихо говорили там друг с другом. Я слышал не так уж много, только то, что сказал Юнатан:

— Если мне не повезет и меня схватят, ты, надеюсь, позаботишься о моем брате?

Потом они вернулись ко мне.

— Послушай-ка, Сухарик, — сказал Юнатан. — Я возьму свои вещи и первым отправлюсь в путь. А ты подождешь здесь, у Маттиаса, пока я не дам знать о себе. Это займет некоторое время, потому что мне сначала надо кое-что сделать.

Ох, как мне все это не нравилось! Я вообще-то и раньше терпеть не мог ждать Юнатана. Особенно когда приходилось бояться за него, а теперь я боялся. Кто его знает, какая опасность поджидает Юнатана по другую сторону стены?! И что такое он затеял, за что его могут схватить?

— Ты не должен так бояться, Сухарик, — сказал мне Юнатан. — Теперь ты — Карл Львиное Сердце, не забывай об этом!

Потом он быстро распрощался со мной и с Маттиасом и залез в свой тайник. И мы увидели, как он исчез, спустившись в подземный ход. Он помахал нам ру-

кой — последнее, что мы увидели, была его рука, которой он нам помахал.

И вот мы остались одни, Маттиас и я.

— Толстый Дудик даже не подозревает, какой крот ползет под его стеной в эту самую минуту! — воскликнул Маттиас.

— Да, но подумать только, что, если он увидит, как этот крот высовывает голову из-под земли? — сказал я. — И тогда он пустит в ход копьё!

Я был страшно опечален и прокрался в конюшню к Фьялару. В последний раз искал я у него утешения. Но он не мог утешить меня, потому что я знал: этот вечер — последний. Я никогда больше не увижу его.

В конюшне был полумрак. Маленькое окошко пропускало не так уж много света, но все же я увидел, как Фьялар чутко вскинул голову, когда я появился в дверях. Я зашел к нему в стойло и обнял его за шею. Я хотел, чтобы он понял: в том, что должно случиться, вина не моя.

— Хотя, может, и моя, — сказал я и заплакал. — Останься я в Долине Вишен, Тенгилю никогда бы не видеть тебя. Прости! Прости меня, Фьялар! Прости! Но я не мог поступить иначе!

Я думаю, он понял, что я опечален. Он слегка придвинул свою мягкую морду к моему уху. Казалось, ему не хотелось, чтобы я плакал.

Но я плакал. Я стоял возле него и безутешно плакал и плакал, пока слезы не иссякли. Тогда я почистил коня, а потом накормил его остатками овса, которые ему пришлось, само собой, поделить с Гримом.

Пока я чистил Фьялара, меня одолевали ужасные мысли.

«Пусть падет мертвым тот, кто заберет мою лошадь, — думал я. — Пусть он умрет прежде, чем успеет переправиться через реку!» Да, правда, ужасно желать этого. И к тому же это мне не помогло.

«Да что там! Этот человек наверняка уже на борту парома, — думал я, — того самого парома, который

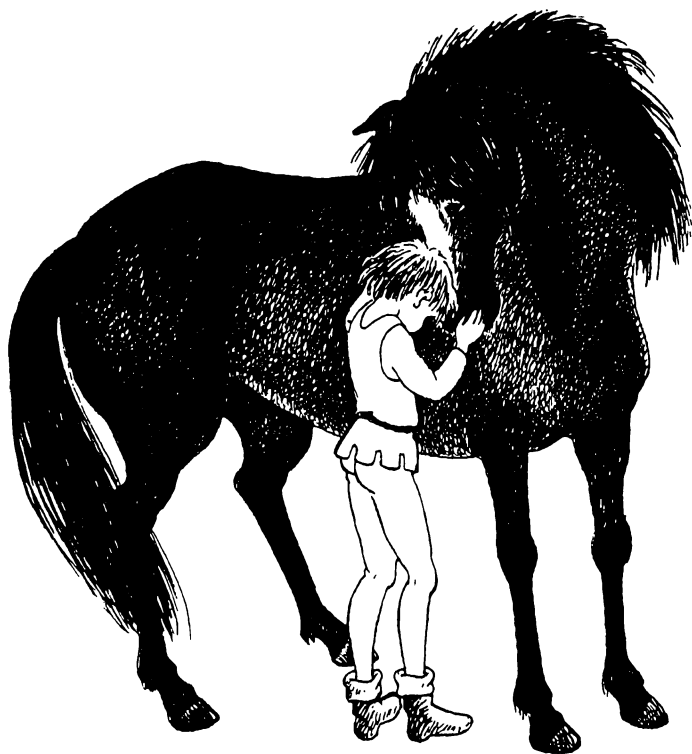

они нанимают, чтобы перевозить все награбленное в замок Тенгиля. А может, он уже сошел на берег. Может, как раз в эту минуту он проходит через Большие ворота и вот-вот будет здесь. О, Фьялар, если бы мы могли вместе убежать куда-нибудь, ты и я!»

Не успел я это подумать, как кто-то отворил дверь конюшни и вошел. А я закричал от страха. Но это был всего-навсего Маттиас. Он, верно, уже начал беспокоиться, куда я так надолго пропал. Я был рад, что в конюшне так сумрачно. Ни к чему ему было видеть, что я опять плакал. Но он все-таки понял меня и сказал:

— Милый мой малыш, если б я мог чем-нибудь тебе помочь! Но здесь никакой дедушка тебе не поможет. Остается только плакать!

И тут я увидел в окошке за его спиной, как кто-то идет, приближаясь к Маттиасгордену. Человек Тенгиля! Тот, кто должен увести Фьялара!

— Он идет! — закричал я. — Маттиас, он идет!

Фьялар заржал. Ему не понравилось, что я так отчаянно кричал.

В следующий миг рванули дверь конюшни, и вот он уже стоит на пороге в своем черном шлеме и черном плаще.

— Нет! — вскричал я. — Нет, нет!

Но он уже был возле меня и обвинил меня руками.

Это Юнатан! Ведь это был он!

— Ты что, не узнаешь родного брата? — сказал он, когда я отпрянул назад.

Он потянул меня к окну, чтобы я мог как следует его разглядеть. Но я все-таки едва мог поверить, что это Юнатан. Его было просто не узнать. Он был такой уродливый, куда уродливей, чем даже я, и вообще не похож на «на редкость красивого юношу», каким он был. Волосы мокрыми клочьями свисали ему на плечи и вовсе не сверкали, как золото.

А под верхнюю губу он запихал что-то вроде понюшки табака. Неужто можно так преобразиться, стать настолько уродливым от какой-то малости? Я даже представить такого не мог. И вид у него был совершенно придурковатый. Ну и посмеялся бы я, если б у меня было на это время. Но у Юнатана, конечно, ни на что не было времени.

— Быстрее, быстрее! — торопил он. — Мне нужно сейчас же уходить. Человек из Карманьяки может быть здесь с минуты на минуту.

Он протянул руку Маттиасу.

— Давай сюда дощечку, — сказал он. — Потому что теперь ты, верно, с радостью отдашь Тенгилю обеих своих лошадей.

— Ну, а как ты думаешь? — сказал Маттиас и сунул ему в руку дощечку.

Юнатан засунул ее в карман.

— Я покажу ее главному стражнику у ворот, — сказал он. — Тогда он увидит, что я не вру.

Все произошло так быстро! Мы в один миг оседлали лошадей. А тем временем Юнатану пришлось рассказать нам, как он пробрался через Большие ворота. Поэтому что про это не терпелось услышать Маттиасу.

— Это было проще простого, — сказал Юнатан. — Я назвал пароль: «Вся власть Тенгилю, нашему освободителю», а потом главный стражник спросил: «Откуда ты идешь, куда и по какому делу?» — «Из Карманьяки в Маттиасгорден, чтобы забрать двух лошадей для Тенгиля», — ответил я. «Тогда проходи», — велел он. «Спасибо», — сказал я. И вот я здесь. Но я должен пройти через ворота, пока не появится следующий человек Тенгиля и не захочет пройти, иначе это будет мудрено!

Мы вывели лошадей из конюшни быстрее быстрого, и Юнатан метнулся в седло. Фьялара он держал под уздцы рядом с собой.

— Береги себя, Маттиас, — сказал он. — Пока мы не увидимся!

И он затрусил верхом с обеими лошадьми. Безо всяких лишних слов.

— А как же я?! — закричал я вслед ему. — Что мне делать?

Юнатан помахал мне рукой.

— Узнаешь от Маттиаса! — крикнул он мне в ответ.

И вот я стоял там, неотрывно глядя ему вслед и чувствуя себя каким-то дурачком. Но Маттиас объяснил мне:

— Ты должен понять, что тебе никогда не выбраться через Большие ворота, — сказал он. — Тебе нужно проползти через подземный ход, как только стемнеет. Там, на другой стороне, тебя будет ждать Юнатан.

— Ты уверен в этом? — спросил я. — А вдруг что-нибудь случится с ним в последнюю минуту?

Маттиас вздохнул.

— Ни в чем нельзя быть уверенным в мире, где есть Тенгиль, — сказал он. — Но если случится что-нибудь неладное, можешь вернуться и остаться у меня.

Я попытался представить себе, как все это будет. Сначала придется проползти через подземный ход со-всем одному. Уже это было отвратительно. А выйти в лес по другую сторону стены и не найти там Юнатана? А потом сидеть в темноте и ждать, ждать его без конца, а под конец понять, что все пропало? Потом снова ползти обратно. И жить без Юнатана!

Мы стояли перед конюшней, теперь уже пустой. И внезапно я подумал о совершенно другом.

— Что с тобой будет, Маттиас, когда он явится? Ну, этот, из Карманьяки. А ведь в конюшне не окажется ни одной лошади!

— Что ты, конечно, там будет лошадь, — возразил Маттиас. — Потому что я сейчас пойду и приведу домой мою собственную, которую приютили в соседней усадьбе, пока Грим стоял в моей конюшне.

— Да, но тогда он наверняка заберет вместо Грима твою лошадь.

— Может, все же у него есть совесть?! — сказал Маттиас.

В самую последнюю минуту Маттиас привел домой свою лошадь. Потому что вскоре после этого он и в самом деле явился, ну, тот, который должен был забрать Фьялара. Сначала он, как и все другие люди Тенгиля, начал орать, шуметь и сыпать проклятиями. Ведь в конюшне стояла всего одна лошадь, и Маттиас не желал ее отдавать.

— И не пытайся, — говорил Маттиас. — Ты ведь знаешь, что одну лошадь держать можно. А другую вы, черт подери, уже взяли и получили мой родовой знак. Что я могу сделать, если вы такие бестолковые и один болван не знает, что делает другой!

Некоторые люди Тенгиля злились, когда Маттиас обходился с ними так дерзко, но некоторые станови-

лись смиренными и кроткими. Ну, а тот, что должен был забрать Фьялара, совершенно утратил дар речи.

— Видно, тут какая-то ошибка вышла, — сказал он наконец и убрался по тропинке прочь, поджав хвост, как побитая собака.

— Маттиас, ты никогда никого не боишься? — спросил я, когда стражник скрылся из виду.

— Ясное дело, боюсь, — ответил Маттиас. — Чувствуешь, как бьется сердце? — спросил он и, взяв мою руку, приложил ее к груди. — Все мы боимся, — продолжал он, — но иногда нельзя это показывать.

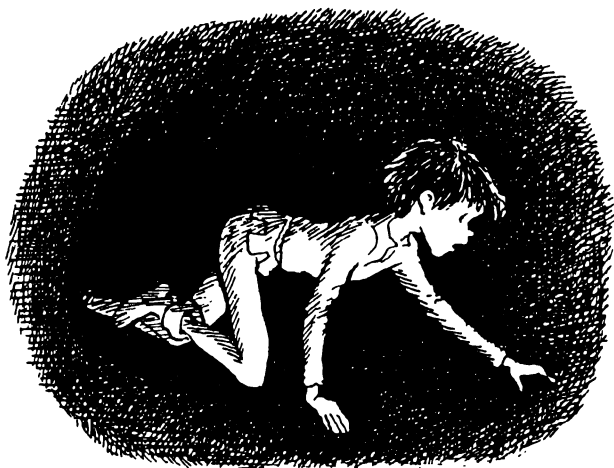
Потом наступил вечер и стемнело. А мне пора было покинуть Долину Терновника. И Маттиаса.

— До свидания, малыш! Не забывай своего дедушку!

— Нет, никогда, никогда я тебя не забуду! — сказал я.

И вот я оказался один в подземелье. Я прополз по длинному темному ходу, все время разговаривая сам с собой, чтобы быть спокойнее и не бояться.

— Нет, это ничего, что так темно, хоть глаз выколи... нет, ты, конечно, не задохнешься... да, тебе насыпалось немного земли на затылок, но это вовсе не

значит, что весь подземный ход обрушится, ну и балда же ты! Нет, нет, Дудик не может тебя увидеть, когда ты выползешь наверх, он ведь не кот, чтобы видеть в темноте! Ну да, Юнатан, разумеется, уже там и ждет тебя. Подумать только, он ждет тебя, ты ведь слышишь, что я говорю? Это — он! Это — он!

И это и вправду был он. Он сидел в темноте на камне, а неподалеку от него стояли под деревом Грим и Фьялар.

— Вот как! Это ты, Карл Львиное Сердце! — сказал он. — Наконец-то ты явился!

12

В ту ночь мы спали под елью, а ранним утром, на рассвете, проснулись замерзшие. По крайней мере, я замерз. Среди деревьев повис туман, мы насилу могли разглядеть Грима и Фьялара. Их силуэты едва маячили перед нами, словно серые лошади-призраки в окружавшей нас глубокой тишине. Было тихо-тихо. И как-то по-особому печально. Не знаю почему, но пробудиться в то утро было так горестно, так одиноко и страшно. Я знаю только, что тосковал по теплой кухне Маттиаса и приходил в ужас при мысли о том, что нас ожидало. О всем том, о чем я ничего не знал.

Я попытался не высказывать Юнатану, что я чувствовал. Ведь кто знает, может, он надумает отослать меня обратно, а я так хочу быть с ним, делить с ним, опасности, как бы опасны они ни были.

Юнатан смотрел на меня и слегка улыбался.

— Почему у тебя такой испуганный вид, Сухарик? — сказал он. — Как нам приходится сейчас, это еще ерунда! Пожалуй, худшее впереди!

Да, вот так утешил! Но вдруг солнце прорвалось сквозь тучи, и туман растаял. В лесу запели птицы, и в тот же миг все мои опасения рассеялись. Горькое чувство одиночества прошло. И я согрелся, так как

солнце уже припекало. Все виделось в розовом свете, все виделось почти прекрасным.

Гриму и Фьялару, верно, тоже было прекрасно. Ведь они покинули свою мрачную конюшню и снова могли бродить, щипать сочную, зеленую травку. По моему, она им очень понравилась. Юнатан свистнул им, тихонько и слабо свистнул, но они все-таки услышали его и подошли к нам.

Он хотел уехать отсюда, мой Юнатан. Уехать далеко-далеко! И сию же минуту.

— Потому что стена совсем близко, за этим орешником, а у меня нет ни малейшего желания вдруг заглянуть Дудуку в его белесые глаза.

При свете дня оказалось, что наш подземный ход совсем рядом, между двумя кустами орешника. Но лаз не был виден. Юнатан прикрыл его ветвями и хворостом. Он пометил это место несколькими колышками, чтобы мы могли снова отыскать спуск вниз.

— Не забывай это место, — сказал он. — Запомни этот большой валун, и ель, под которой мы спали, и орешник. Возможно, нам еще раз придется пройти тем же самым путем. Если только не...

Но тут он смолк и не произнес больше ни слова. Мы сели верхом на лошадей и молча поехали прочь.

Тут над верхушками деревьев показалась белая голубка. Одна из белых голубок Софии.

— А вот и Палома! — сказал Юнатан. Как он смог узнать ее на таком дальнем расстоянии?

Мы долго ждали весточку от Софии. И вот наконец прилетела ее голубка, теперь, когда мы были уже за стеной. Она летит прямо к Маттиасгордену. Вскоре она опустится на голубятню рядом с конюшней, но тогда там будет только один Маттиас, и только он один прочитает послание Софии.

Это огорчило Юнатана.

— Не могла эта голубка прилететь вчера! — сказал он. — Чтоб я успел узнать все, что мне хочется знать.

Но нам пора было уезжать подальше от Долины Терновника, и стены, и всех людей Тенгиля, преследовавших и травивших Юнатана.

— Окольным путем, лесом надо нам попробовать спуститься к реке, — сказал Юнатан, — а затем проехать берегом к водопаду Кармафаллет. А там, малыш Карл, там ты увидишь такой водопад, о котором даже и не мечтал.

— Нет, как же я мог о нем мечтать? — сказал я. — Ведь я никогда в жизни не видал больших водопадов.

В самом деле, не очень-то много видел я на свете до того, как очутился в Нангияле. Никогда даже не видел такого леса, каким мы сейчас проезжали. Это был настоящий сказочный лес, густой и мрачный, в котором не было ни единой проторенной дорожки. Всаднику там приходилось протискиваться между деревьями, которые тянули свои отсыревшие от дождя ветви прямо нам в лицо. Но мне это все равно нравилось. Нравилось все — видеть, как солнце просвечивает между стволами, слышать, как поют птицы, и чувствовать запах влажных деревьев, и мокрой травы, и лошадей. А больше всего нравилось ехать по лесу верхом вместе с Юнатаном.

Воздух в лесу был свеж и прохладен, но, по мере того как мы ехали все дальше и дальше, становилось теплее. Уже чувствовалось, что день будет жарким.

Вскоре мы оставили далеко позади Долину Терновника и углубились в самую чашу леса. И там на поляне, окруженной высокими деревьями, перед нами появилась маленькая серая лачуга. В самой глухой чаще мрачного леса! Кто бы мог жить в такой глухомани и в таком одиночестве! Но кто-то там жил. Из трубы поднимался дымок, а перед лачугой паслось несколько коз.

— Здесь живет Эльфрида, — пояснил Юнатан. — Она, верно, даст нам немного козьего молока, если мы попросим.

И нам дали молока. Столько, сколько нам хотелось. Это было чудесно, ведь ехали мы долго и ничего не ели. Мы сидели на каменной ступеньке лачуги Эльфриды, и пили козье молоко, и ели хлеб, который был у нас с собой в заплечных мешках. Ели мы и козий сыр, который дала нам Эльфрида, и каждый съел целую горсть земляники, которую я собрал в лесу. Как все это было вкусно! И мы наелись и напились до отвала.

Эльфрида была маленькая, толстенькая, добрая старушка. Она одиноко жила в лесу, с одними только козами да серым котом, составлявшим ей компанию.

— Слава Богу, что я не живу за стеной, — сказала она.

Она была знакома со многими в Долине Терновника и хотела знать, как они поживают. Юнату пришлось ей рассказать. Он рассказывал неохотно и с грустью. Потому что большинство историй было таких, что, слушая их, добрый старый человек непременно должен был расстроиться!

— Как ужасно, что в Долине Терновника такая страшная, такая жалкая жизнь! — вздохнула Эльфрида. — Да будет проклят Тенгиль! Да и Катла тоже! Все было бы еще ничего, не будь у него Катлы.

Она прикрыла глаза передником, кажется, она плакала.

Я не в силах был выдержать все это и пошел за земляникой. Но Юнату остался и долго беседовал с Эльфридой.

Собирая землянику, я все время ломал себе голову: кто такая Катла и где она находится? Когда мне доведется узнать об этом?

Мало-помалу мы подошли к реке. Стояла нестерпимая полуденная жара. Солнце, словно огненный шар, сверкало высоко в небе, да и вода тоже сверкала и блестела, словно тысяча маленьких солнц. Мы стояли

на высоком крутом береговом откосе и смотрели на реку, протекавшую глубоко под нами. Какой чудесный вид открылся нам! Река Древних Рек неистово неслась к водопаду Кармафаллет, так, что кружила пена. Река стремилась туда всеми своими могучими водами, и можно было слышать, как вдали грохочет водопад.

Мы хотели спуститься вниз, к воде, чтобы освежиться. А Гриму и Фьялару предоставили свободно бродить по лесу и искать ручей, где они могли бы напиться. Нам хотелось искупаться в реке. Мы ринулись вниз по крутому склону, срывая с себя одежду почти на бегу. Там, у самой реки, росли ивы. Одна из них простерла свой ствол над рекой и спустила ветви в воду.

Мы забрались на ствол дерева, и Юнатан показал мне, как покрепче уцепиться за ветку и окунуться в речной водоворот.

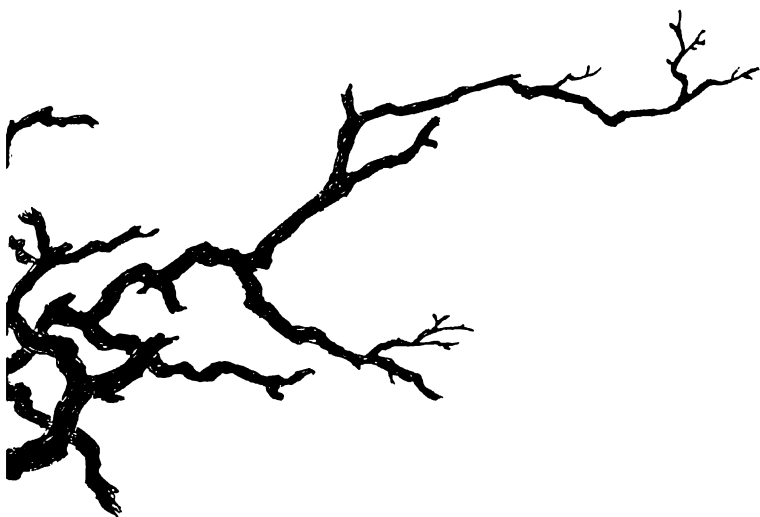
— Но не отпускай ветку, — сказал он, — а не то не успеешь опомниться, как попадешь в Кармафаллет.

И я крепко держался за ветку, так что даже косточки рук побелели. Я раскачивался на своей ветке, не мешая воде обливаться и полоскаться меня. Более веселого купанья никогда в жизни у меня не было, но и более опасного тоже. Всем телом ощущал я, как водопад всасывает меня в пучину.

Потом я снова крепко уцепился за ствол дерева. Юнатан помог мне, и мы устроились в самой гуще ивовый кроны, словно в зеленой беседке, раскачивавшейся над водой. Река неслась, прыгая и играя, прямо под нами. Ей, верно, хотелось заманить нас к себе и заставить поверить, что это вовсе не опасно. Но мне достаточно было окунуть лишь пальцы ног, чтобы даже большим своим пальцем я ощутил, как всасывает, как затягивает меня река.

И вот, сидя там, на дереве, я взглянул наверх, на береговой откос, и тут я испугался. На берегу появились конные солдаты Тенгиля с длинными копьями.

Они скакали галопом, но из-за шума воды мы не слышали топота лошадиных копыт.

Юнатан тоже их увидел, но я не заметил, чтобы он испугался. Мы сидели молча, ожидая, что они проедут мимо. Но они не проехали мимо. Они остановились, соскочили с коней, словно собирались отдохнуть или у них было тут дело.

Я спросил Юнатана:

— Как ты думаешь, это они тебя ищут?

— Да нет, — ответил Юнатан. — Они едут из Карманьяки в Долину Терновника. Там, дальше, у водопада Кармафаллст, есть висячий мост, и Тенгиль обычно посылает своих солдат этим путем.

— Но им не обязательно было останавливаться именно здесь, — сказал я.

Юнатан согласился со мной.

— Да, в самом деле, мне не хотелось бы, чтоб они меня увидели, — сказал он, — и пусть хоть на минуту перестали бы забивать свои дурацкие головы мыслями о том, куда подевался какой-то там Львиное Сердце.

Шесть всадников насчитал я наверху, на круче. Они болтали о чем-то и шумели, показывая пальцами вниз,

в воду, но расслышать, о чем они говорят, было невозможно. Но вот внезапно один из них погнал свою лошадь вниз по склону, прямо к реке. Он ехал верхом прямо на нас, и я порадовался, что дерево — такое надежное укрытие.

Другие кричали ему вслед:

— Брось эту затею, Перк! Утонешь сам и утопишь коня!

Но он — тот, кого они называли Перком, — только засмеялся и крикнул им в ответ:

— Сейчас увидите! Если не доберусь живым до этой скалы или не вернусь обратно, приглашаю вас на кружку пива¹, всех до единого, клянусь вам!

Тут мы поняли, что он задумал.

В некотором отдалении от нас над стремниной высилась скала. Бурные течения бушевали вокруг нее, и только небольшая ее часть виднелась над водой. Но Перк, видно, успел заметить скалу, когда они проезжали мимо, и ему захотелось похвастаться, какой он храбрец.

— Ну и дурак! — осудил Перка Юнатан. — Неужто он думает, что лошадь может плыть против течения аж до самого скалистого островка?

Перк уже сбросил с себя шлем, и плащ, и сапоги. Он сидел верхом в одной рубаше и штанах и пытался заставить свою лошадь — красивую вороную кобылицу — спуститься вниз, в реку. Перк орал на нее, и шумел, и гнал ее, но лошадка не желала спускаться по откосу. Ей было страшно. Тогда он ударил ее. Хлыста у него не было, и он стал лупить ее кулаками по голове. И я услышал, что Юнатан всхлипнул, точь-в-точь как тогда, на площади.

В конце концов Перк все-таки добился своего. Кобыла ржала, перепуганная насмерть, но все же бросилась в реку только потому, что так вздумалось этому

---

¹ Вероятно, Перк приглашает товарищей на свою тризну в случае своей гибели.

болвану. Ужасно было видеть, как лошадка боролась с подхватившим ее течением.

— Ее принесет течением прямо к нам, — сказал Юнатан, — как бы там Перк ни бился, к скале ее ни за что не пригнать.

Но она старалась, она действительно старалась из последних сил. О, как она билась, как надрывалась, бедная кобылка, и как смертельно боялась, чувствуя, что река намного сильнее ее!

Даже Перк понял наконец, что речь идет теперь и о его жизни. Тогда он попытался повернуть кобылу обратно к берегу, но тут же понял, что это бесполезно, потому что водные потоки не желали повиноваться ему! Они стремились загнать его прямо в Кармафаллет, и поделом ему! Но кобылку, ее... мне было жаль. Она была теперь совершенно беспомощна. Ее несло прямо к нам, точь-в-точь как предсказывал Юнатан. Скоро они пронесутся мимо нас и исчезнут. Я уже видел страх в глазах Перка, он знал, куда его несет течение.

Я повернул голову, чтобы поглядеть, где Юнатан, и вскрикнул, увидев его. Он висел на дереве над самой водой, стараясь дотянуться к ней как можно ближе. Он висел там, обвивая ногами ствол дерева, то подтягиваясь вверх, то опускаясь вниз. И в тот самый миг, когда Перк очутился прямо под нами, Юнатан вцепился ему в волосы и подтянул вверх так, чтобы Перк мог схватиться за ветви.

А потом Юнатан позвал кобылу:

— Сюда, кобылка! Сюда!

Она проплывала уже мимо, но тут отчаянно рванулась к нему. Хотя на спине у нее не было уже этого рохли Перка, все же она должна была вот-вот скрыться под водой и утонуть. Но Юнатану как-то удалось схватить ее за уздечку, и он стал тянуть ее к себе. Началась жестокая борьба, не на жизнь, а на смерть, потому что река не желала отпустить свою жертву, ей хотелось получить их обоих — и лошадь, и Юнатана.

Совершенно обезумев, я заорал, обращаясь к Перку:
— Помоги, чертов бычище! Помоги!

Он уже вскарабкался на дерево и сидел на ветвях, надежно и уверенно, совсем близко от Юнатана. Но единственное, что сделал негодяй, желая помочь ему, — он нагнулся вниз, к Юнатану, и закричал:

— Эй ты, брось лошадь! Там, в лесу, пасутся две другие, я могу взять одну из них вместо этой! Да брось ты ее!

Я всегда слышал, что стоит разозлиться, как сразу становишься сильнее, и, если этому верить, можно сказать, что Перк все же помог Юнатану подтянуть наверх кобылу.

А потом Юнатан сказал Перку:

— Дурья ты башка! Думаешь, я спас тебе жизнь для того, чтобы ты украл мою лошадь?! И тебе не совестно?!

Может, Перку и стало совестно, не знаю. Не произнеся ни слова, не спросив, ни кто мы, ни откуда, он поднялся наверх по откосу вместе со своей несчастной лошадью, и вскоре он и весь его отряд скрылись из виду.

В тот вечер мы разожгли костер над водопадом Кармафаллет. И я уверен, что ни один костер в мире — нигде и ни в какие времена — не горел в подобном месте.

Это было внушающее ужас место, гиблое и в то же время прекрасное, как ни одно другое ни на земле, ни на небе. Горы, и река, и водопад — все было исполнено величия. Снова мне почудилось, будто я вижу все это во сне, и я сказал Юнатану:

— Не верю, что все это существует на самом деле! Это кусочек какого-то древнего доисторического сна, я просто уверен!

Мы стояли на мосту. Тенгиль приказал построить этот висячий мост, соединявший две страны, Карманьяку и Нангиялу. Каждая из них раскинулась на своем берегу Реки Древних Рек.

А река бешено мчалась глубоко вниз, в пропасти под мостом, а потом с диким ревом бросалась вниз, в Кармафаллет, с его еще более устрашающей и еще более ужасной глубиной.

Я спросил Юнатана:

— Как можно построить мост над такой страшной пропастью?

— Да, я бы тоже хотел это знать, — ответил он. — А сколько загубили человеческих жизней, пока строили мост, сколько людей с диким криком срывались вниз и исчезали в водопаде Кармафаллет? Это мне тоже хотелось бы знать!

Я задрожал. Мне показалось, что эти крики до сих пор эхом отдаются в горах.

Мы были уже совсем близко от страны Тенгиля. По другую сторону моста я мог видеть тропинку, которая с бесконечными извивами тянулась в гору. В Гору Древних Гор в стране Карманьяке.

— Если ехать по этой тропинке, попадешь в замок Тенгиля, — сказал Юнатан.

Я задрожал еще сильнее. Но подумал: «Завтра будь что будет — но нынче вечером я, во всяком случае, впервые в жизни посижу вместе с Юнатаном у ночного костра».

Мы разожгли его на каменной плите над водопадом, неподалеку от моста. Но я сел, повернувшись в другую сторону. Мне не хотелось видеть мост, ведущий в страну Тенгиля, и вообще ничего не хотелось видеть. Я замечал лишь отсветы костра, блуждавшие среди горных склонов. Это было красиво и вместе с тем жутковато.

И еще я видел при свете костра прекрасное, доброе лицо Юнатана и лошадей, которые отдыхали чуть поодаль.

— Это много лучше моего прежнего ночного костра, — сказал я. — Потому что сейчас я сижу здесь вместе с тобой, Юнатан!

Где бы я ни был, я чувствовал себя уверенным, только если со мной был Юнатан. И сейчас я был счастлив, что наконец-то у нас с ним общий костер. Сбылось то, о чем мы так много говорили, когда жили на Земле.

— «Время ночных костров и сказок» — помнишь, как ты называл это? — спросил я Юнатана.

— Да, помню, — ответил он. — Но я не знал тогда, что здесь, в Нангияле, будут такие злые сказки.

— Как ты думаешь, это будет длиться вечно? — спросил я.

Некоторое время он молча и неотрывно смотрел в костер, а потом ответил:

— Нет, когда однажды минует час последней битвы, Нангияла, наверно, снова станет страной прекрасных сказок, где жизнь будет легка и проста, как прежде.

Пламя вспыхнуло, и я увидел, каким усталым и печальным было его лицо.

— Но понимаешь, Сухарик, час последней битвы не может быть ничем иным, как злой сказкой о смерти, смерти и только о смерти. Потому-то Урвар и должен был стать во главе этой борьбы. Ведь я не создан для того, чтобы убивать.

— Да, я знаю, ты не создан для этого.

И потом я спросил его:

— Почему ты спас жизнь этому Перку? Правильно ли ты поступил?

— Не знаю, было ли это правильно, — ответил Юнатан. — Но есть вещи, которые нужно делать, иначе ты не человек, а лишь маленькая кучка дерьма. Я еще раньше говорил тебе об этом.

— Но подумать только, если бы он догадался, кто ты, — сказал я. — И если б они тебя схватили!

— Да, они схватили бы Львиное Сердце, а не маленькую кучку дерьма! — ответил Юнатан.

Наш костер догорел, и тьма сгустилась над горами. Сначала это были сумерки, которые на некоторое время придали всему ландшафту нежность, ласковость и мягкость. А позднее опустилась черная, клокочущая тьма, в которой слышался лишь шум водопада Кармафаллет и не виделось нигде ни малейшего просвета.

Я подполз как можно ближе к Юнатану. Мы сидели, прислонившись к горному склону, и беседовали друг с другом в темноте. Я не боялся, но на меня напало какое-то непонятное беспокойство.

— Нам надо поспать, — сказал Юнатан.

Но я знал, что не смогу заснуть. Я едва мог говорить, тоже, скорее всего, из-за беспокойства. Оно явилось вовсе не из-за темноты, а из-за чего-то другого, я сам не знал из-за чего. И все-таки рядом со мной был Юнатан.

И вот сверкнула молния и раздался ужасающий удар грома, так что загрохотало и в горах. А потом гроза прошла над нами. Разразилась страшная буря, я и не знал, что на свете бывают такие. Гроза прокатилась и над горами с грохотом, заглушившим рев водопада Кармафаллет, и его больше не было слышно. А молнии, словно горящие ветви вереска, полыхали одна за другой, как бы преследуя друг друга. Вспыхивало яркое пламя, а в следующий миг наступал еще более глубокий мрак. Казалось, над нами простерлась первобытная ночь.

И вот сверкнула молния еще более жуткая, чем все другие. На один лишь единственный миг озарила она ярким пламенем всю окрестность.

И вот в свете молнии я увидел Катлу. Я увидел Катлу!

13

Да, я увидел Катлу, а потом даже не знаю, что случилось. Я словно погрузился в черную бездну и очнулся, лишь когда гроза прокатилась мимо и уже начало светлеть над вершинами гор. Я лежал, уткнувшись головой в колени Юнатана, и на меня снова нахлынул страх, как только я вспомнил: там, далеко, по другую сторону реки, там, на высокой скале над водопадом Кармафаллет, я видел Катлу... Я застонал, вспомнив это, и Юнатан попытался утешить меня:

— Ее там больше нет. Она исчезла.

Но я плакал и спрашивал его:

— Как могут быть на свете такие, как Катла? Это... чудовище или что это?

— Да, она — чудовище, — ответил Юнатан. — Она — огнедышащая драконша, восставшая из первобытных времен, вот кто она; и такая же жестокая, как и сам Тенгиль.

— А где он ее взял? — спросил я.

— Говорят, она появилась из пещеры Катлы, — ответил Юнатан. — Там она когда-то заснула в первобытную ночь, затем пропала на тысячу тысяч лет, и никто даже не подозревал, что она есть на свете. Но однажды утром, одним ужасным утром она проснулась, приползла в замок Тенгиля и стала извергать смертоносный огонь на всех и каждого. Там, где она проползала, смерть косила людей направо и налево.

— Почему она не убила Тенгиля? — спросил я.

— Тенгиль, спасая свою жизнь, промчался по всей анфиладе зал замка. А когда она приблизилась, он схватил свой боевой рог, чтобы позвать на помощь солдат, и стоило ему затрубить в рог...

— Что тогда? — спросил я.

— Тогда Катла подползла к нему, как собака. И с того самого дня она слушается Тенгиля. И только Тенгиля. Она боится его боевого рога. Стоит ему затрубить в рог, как она слепо повинуется ему.

Светлело все больше и больше. Вершины гор в Карманьяке пылали, точно пламя, извергаемое Катлой. А нам надо было в Карманьяку. Я боялся, о, как я боялся! Кто мог знать, где притаилась в засаде Катла? Где она сейчас? Жила ли она в пещере Катлы, и если да, то как мог находиться там Урвар? Я спросил Юнатана, и он мне все рассказал. Катла вовсе не жила в своей пещере. Туда она никогда после своего первобытного сна не возвращалась. Нет, Тенгиль держал ее прикованной золотой цепью в гроте близ водопада Кармафаллет. Юнатан рассказал, что там она должна была находиться все время и выползала оттуда, только чтобы вселять страх в людей, на которых ей приказано было нагнать страх.

— Я видел ее однажды в Долине Терновника, — сказал Юнатан.

— И тогда ты закричал! — вспомнил я.

— Да, тогда я закричал.

В моей душе нарастал ужас.

— Я так боюсь, Юнатан. Катла убьет нас!

Он снова и снова пытался успокоить меня:

— Но она ведь привязана. Она может передвигаться только на длину цепи. Не дальше этой скалы, где ты видел ее. Там она стоит почти всегда и смотрит вниз, не спуская глаз с водопада Кармафаллет.

— Зачем она это делает? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Юнатан. — Быть может, она ищет Карма.

— Кто такой Карм? — снова спросил я.

— Да ну! Это все болтовня Эльфриды, — недовольно буркнул Юнатан. — Никто никогда не видел Карма. Его нет на свете. Но Эльфрида уверяет, что некогда, в стародавние времена, он жил в водопаде Кармафаллет и что Катла ненавидела его тогда и никогда не сможет забыть его. Потому-то она и стоит здесь и пялит глаза в надежде увидеть его.

— Кто он, как мог он жить в таком адском водопаде? — спросил я.

— Он тоже был чудовищем, — сказал Юнатан. — Змей длиной с ширину реки, так рассказывает Эльфрида. Но ведь ты знаешь, это же древняя сказка.

— Может, он вовсе не из сказки, как и Катла, — предположил я.

Он ничего не ответил на это, а только сказал:

— Знаешь, что она рассказывала еще, эта Эльфрида? Пока ты бродил в лесу и собирал землянику. По ее словам, когда она была маленькой, детей пугали Кармом и Катлой. Сказку о драконше в пещере Катлы и о змее в водопаде Кармафаллет она слышала еще ребенком множество раз. И сказка эта была ей очень по душе, и только потому, что она такая жуткая. Это древняя сказка про первобытные времена, сказка, которой всегда пугали детей, так рассказывает Эльфрида.

— А Катла не могла жить в своей пещере? — спросил я. — И не могла по-прежнему остаться сказкой?

— Да, именно так думает и Эльфрида, — согласился со мной Юнатан.

Я задрожал, мне стало ясно, что Карманьяка — страна, где полным-полно первобытных чудовищ, и я ни за что не хотел идти туда. Но туда-то мне и надо было отправляться.

Сначала мы немного подкрепились из нашей заплечной котомки с едой, хотя и берегли еду для Урвара. Ведь в пещере Катлы царил страшный голод, так говорил Юнатан.

Грим и Фьялар пили дождевую воду, скопившуюся в расселинах скал. Здесь, на вершинах гор, с пастбищами для лошадей было худо. Но рядом с мостом росло немного травы, так что, мне кажется, когда мы двинулись в путь, лошади были не так уж голодны.

И вот мы переехали мост. В сторону Карманьяки. В страну Тенгиля и в страну чудовищ. Я боялся так, что весь трясся от страха. Этот змей — я не верил всерьез, что он существует на свете, — но что, если он — подумать только — все-таки вдруг выскочит из бездны и сорвет нас вниз с моста, чтобы мы погибли в водопаде Кармафаллет? Да еще огнедышащая драконша Катла! Перед ней я трепетал больше всего. Быть может, она ждала нас там, на берегу Тенгиля, оскалив свои острые клыки и извергая смертоносный огонь! О, как мне было страшно!

Но мы переехали мост, и я не видел никакой Катлы! Она уже не стояла на своей скале, и я сказал Юнатану:

— Нет, ее там нет!

И все-таки она была там! Не на скале, но ее ужасная голова высывалась из-за огромной каменной глыбы рядом с тропинкой, ведущей наверх, в замок Тенгиля. Там мы и увидели ее. А она увидела нас. И тут из пасти ее вырвался рев, который мог бы сокрушить горы. Ее ноздри извергали пламя и клубы дыма, она

рычала от ярости и рвалась с цепи, она рвалась и рвалась и все снова и снова редела.

Грим и Фьялар потеряли голову от страха, мы едва могли их удержать. А мой страх был ничуть не меньше. Я молил Юнатана повернуть коней назад, в Нангиялу. Но он сказал:

— Мы не можем изменить Урвару! Не бойся! Катле до нас не дотянуться, как бы она ни надрывалась и ни рвалась со своей цепи. И тем более нам надо топориться, — говорил Юнатан, — потому что крик Катлы — сигнал, который слышен наверху, в замке Тенгиля. И скоро целая туча солдат Тенгиля ринется за нами, если мы не успеем ускакать и скрыться в горах.

И мы понеслись. Мы скакали по жутким, узким, крутым тропкам так, что искры летели из-под копыт. Сворачивали то туда, то сюда, чтобы сбить с толку преследователей. Я ждал каждую минуту, что услышу, как за нами мчатся галопом лошади и кричат солдаты, вооруженные копьями, стрелами и мечами. Но никто нас не настигал. Верно, трудно было преследовать всадников среди скал и гор Карманьяки. Преследуемый мог легко уйти от погони.

Мы ехали долго-долго, и наконец я спросил Юнатана:

— Куда мы едем?

— В пещеру Катлы, разве ты не знаешь? — сказал он. — Гора Катлы у тебя прямо перед носом.

Да, так оно и было.

Перед нами была низкая, плоская гора с крутыми, почти отвесными склонами. Только с нашей стороны они были не так опасны и обрывисты. Если бы мы хотели, мы могли бы легко подняться наверх. И мы хотели этого, потому что нам надо было перевалить через гору, говорил Юнатан.

— Вход в пещеру с другой стороны, возле реки, — сказал он. — И я должен посмотреть, что там происходит.

— Юнатан, ты в самом деле думаешь, что мы когда-нибудь сможем забраться в пещеру Катлы? — спросил я.

Он рассказывал мне об огромных медных воротах, запиравших вход в пещеру, и о людях Тенгиля, день и ночь охранявших ее. Как же нам забраться туда?

Он не ответил. Он сказал лишь, что нам надо спрятать лошадей, потому что в горы карабкаться они не могут.

Мы завели их в скрытую расселину прямо под горой Катлы и оставили там лошадей, и поклажу, и все прочее. Погладив Грима по спине, Юнатан сказал:

— Ждите нас здесь, нам надо только сходить в разведку.

Затея с разведкой мне не понравилась. Потому что мне не хотелось расставаться с Фьяларом. Но ничего не поделаешь, надо было идти!

Чтобы подняться на горное плато, потребовалось немало времени, и, пока мы наконец поднялись наверх, я просто изнемог. Юнатан сказал, что мы должны немного отдохнуть. И я тотчас же растянулся во всю длину на траве. Юнатан поступил так же. И мы лежали там, наверху, на горе Катлы; над нами высилось необъятное небо, а прямо под нами была пещера Катлы. Да, до чего удивительно, что в недрах горы, где-то под нами, находилась эта ужасная пещера, со всеми своими потайными ходами и каменными мешками, где столько людей томилось и умирало с голоду. А здесь, на воле, порхали бабочки, небо над нами было голубым, усеянным мелкими белыми тучками, а вокруг росли цветы и трава. Ну разве не удивительно, что на крыше пещеры Катлы росли цветы и трава? Мне вдруг показалось, что, раз столько людей умерли в пещере Катлы, может, и Урвар тоже умер. И я спросил Юнатана, не думает ли он то же самое. Но он не ответил. Он лежал, глядя прямо в небо; заметно было, что он о чем-то думал. А потом сказал:

— Если это правда, что Катла спала своим первобытным сном в пещере, то как она, проснувшись,

вышла оттуда? Ведь медные ворота тогда уже были. Тенгиль во все времена использовал пещеру Катлы как тюрьму.

— Пока Катла спала там... — сказал я.

— Да, пока Катла спала там, — повторил Юнатан. — И никто об этом не знал.

Я затрепетал. Что может быть страшнее? Подумать только! Сидеть взаперти в пещере Катлы и вдруг увидеть, как ползет драконша!

Но Юнатан думал совсем не о том.

— Она, должно быть, вылезла из пещеры в другом месте, — сказал он. — И этот вход я должен найти, даже если придется искать его целый год.

Мы не могли уже отдыхать. Юнатан утратил всякий покой. Мы приблизились к пещере Катлы. Это заняло совсем немного времени. Стоя на горе, мы уже видели глубоко под нами реку, а на другом берегу Нангиялу. О, с какой тоской я рвался туда!

— Посмотри, Юнатан! — сказал я. — Я вижу иву. Там, где мы купались! Там, по другую сторону реки!

Казалось, мы получили привет, перелетевший к нам над водами реки, маленький привет с более светлого, поросшего зеленою берега!

Но Юнатан подал мне знак молчать: он, верно, боялся, что кто-нибудь услышит нас. Мы были теперь так близко от пещеры! Здесь гора Катлы кончалась обрывистым уступом, и Юнатан сказал, что на склоне под нами как раз находятся медные ворота, ведущие в пещеру Катлы, хотя сверху их и не видно.

Однако стражников, троих солдат Тенгиля, мы увидели сразу. И как только я заметил их черные шлемы, сердце начало стучать у меня в груди.

Мы доползли на животе до самого края скалистого уступа, чтобы хорошенько их рассмотреть. И если бы они только глянули ввысь, они бы нас увидели. Но более скверных стражников, чем эти, на свете не было. Они не смотрели ни туда ни сюда. Они только играли

в кости, не думая ни о чем другом. Правда, через медные ворота не мог проникнуть ни один враг. Но зачем тогда им надо было стоять на страже? Вдруг мы увидели, как внизу распахнулись ворота и кто-то вышел из пещеры — еще один человек Тенгиля! Он нес в руке пустую плошку для еды, но тут же швырнул ее в сторону. Ворота снова закрылись за ним, и мы слышали, как он запирает их.

— Ну вот, накормили теперь этого борова в последний раз, — сказал он.

Стражники засмеялись, а один из них сказал:

— Если б он только знал, какой сегодня примечательный день, последний день его жизни! Ты ведь, кажется, говорил, что Катла ждет Урвара сегодня вечером, когда стемнеет?

— И знаешь, что он на это ответил? «Вот как, наконец-то!» И еще он просил послать привет в Долину Терновника, ну, как там он сказал? «Урвар может умереть, но свобода — никогда!»

— Поцелуй меня в... — сказал другой, — пусть скажет это Катле нынче вечером, тогда он услышит, что она ответит.

Я взглянул на Юнатана. Он побледнел.

— Идем, — сказал он. — Нам надо уйти отсюда.

И мы поползли прочь с уступа в молчании и как можно быстрее. А когда убедились, что увидеть нас уже невозможно, бросились бежать. Мы промчались весь обратный путь не останавливаясь, пока снова не очутились возле Грима и Фьялара.

Мы сидели в горной расселине рядом с лошадьми и не знали, что предпринять. Юнатан был так печален, и я не мог ничего сделать, чтобы его утешить. Да и я сам был огорчен, понимая, как он горюет из-за Урвара. Он думал, что сможет ему помочь, а теперь он больше в это не верил.

— Урвар, мой друг, которого мне никогда не довелось встретить, — произнес он. — Вечером ты умрешь, и что будет тогда с зелеными долинами Нангиялы?

Мы поели немного хлеба, который разделили с Гримом и Фьяларом. Я охотно выпил бы козьего молока, но его мы оставили на потом.

— Еще не сейчас, Сухарик, — сказал мне Юнатан. — Ночью, когда станет темно, я отдам тебе все, до последней капли. Но не раньше.

Долгое время он сидел такой молчаливый и обессиленный, а под конец сказал:

— Я знаю, это все равно что искать иголку в стоге сена. Но все-таки надо попытаться.

— Что попытаться?

— Попытаться выяснить, откуда вылезла Катла, — сказал он.

Хотя заметно было, что он не верит своим собственным словам.

— Если бы у нас впереди был целый год, — сказал он, — тогда, может быть... Но у нас всего лишь один день!

Только он произнес эти слова, как что-то произошло. В узкой расселине, где мы расположились, в глубине ее, у самого горного склона,росло несколько пышных кустов, и из этих кустов выскочил внезапно испуганный насмерть лис. Он прошмыгнул мимо нас и тут же исчез, прежде чем мы успели его разглядеть.

— Откуда, хотел бы я знать, выскочил этот лис? — удивился Юнатан. — Я должен это выяснить.

Он исчез за кустами.

Я продолжал сидеть на месте и ждать. Но его так долго не было ни видно ни слышно, что в конце концов я забеспокоился.

— Где ты, Юнатан? — воскликнул я.

И тут наконец-то послышался ответ. И прозвучал он совершенно дико.

— Знаешь, откуда он выскочил, этот лис? Из самой горы Катлы! Там — большая пещера!

Может, все было предопределено в древние времена, во времена сказок! Быть может, уже тогда Юнатану было предназначено стать спасителем Урвара ради бла-

годенствия Долины Терновника! И, быть может, существовали какие-то сказочные существа, которые и направляли наши шаги, а мы этого не знали? А иначе как бы мог Юнатан отыскать вход в пещеру Катлы? Как раз там, где мы поставили наших лошадей! Это было не менее удивительно, чем то, что среди всех домов в Долине Терновника я выбрал Маттиасгорден, а не какое-нибудь другое жилище.

Лаз из пещеры Катлы! Вот что нашел Юнатан, иначе мы и не думали. Это был лаз прямо в горном склоне, совсем узкий лаз. Но Юнатан сказал, что он был достаточно широк для того, чтобы туда протиснулась изголодавшаяся драконша. А что ей было делать, если, проснувшись через многие тысячи лет, она увидела, что ее обычный вход в пещеру перегорожен медными воротами?

Лаз был достаточно велик и для нас! Я не спускал глаз с темной пещеры. Интересно, сколько там может быть еще спящих драконов, которые проснулись бы, если бы кто-то вошел в пещеру и его угораздило бы наступить на них? Вот о чем я размышлял.

И тут я почувствовал на своих плечах руку Юнатана.

— Сухарик, — сказал он, — я не знаю, что ждет меня там, в глубине пещеры, но я должен туда немедленно пойти.

— Я тоже должен туда пойти, — сказал я, хотя голос мой чуточку и дрожал.

Юнатан слегка провел указательным пальцем по моей щеке, как он иногда это делал.

— А не лучше ли тебе подождать здесь, вместе с лошадьми?

— Разве я не говорил тебе, что, куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой? — спросил я.

— Да, говорил, — согласился Юнатан, и голос его при этом зазвучал радостно.

— Потому что я хочу быть с тобой, — сказал я, — даже если там преисподняя!

Да, пещера Катлы и была преисподней. Проникнуть туда через эту черную дыру было все равно что проникнуть в злой, черный сон, от которого невозможно пробудиться. Это было все равно как после светлого дня очутиться в черной вечной ночи. А вся пещера Катлы была не что иное, как доисторическое логово вымерших драконов, полное злобы с самых древних времен. Тогда драконьи яйца высиживались здесь, верно, тысячами, и жестокие драконы выползали отсюда целыми полчищами и кидались убивать подряд всех, кто только попадался им на пути. Такое древнее драконье логово, по мнению Тенгиля, как раз и могло стать прекрасной тюрьмой. Я дрожал, думая о том, что он творил с людьми в пещере Катлы. Я думал, что воздух там был спертый от старого закоренелого зла. И я слышал странный шепот в окружавшей нас жуткой тишине. Шепот доносился откуда-то из глубин пещеры. И вдруг меня осенило: это узники Тенгиля шепчут о всех муках, и о всех слезах, и о всех смертях, которые им пришлось пережить во времена владычества Тенгиля. Я хотел спросить Юната-на, слышит ли он тоже этот шепот, но не спросил, решив, что все это мне только почудилось.

— Ну, Сухарик, а теперь мы отправимся в странствие, которое ты вряд ли когда-нибудь забудешь, — сказал Юнатан.

И в самом деле, нам пришлось пройти насквозь всю гору, прежде чем мы добрались к пещере-тюрьме возле самых медных ворот, к той пещере, где томился Урвар. Об этой-то пещере и толковали в народе, называя ее «пещерой Катлы», сказал Юнатан, потому что ни о какой другой пещере людям не было известно. И мы ведь тоже не знали, в самом ли деле можно попасть туда, пройдя через все подземелье. Но то, что путь был длинный, мы знали. Раньше мы прошли его по вершине горы. Но во много раз труднее было ощупью пробираться здесь, внизу, в темном лабиринте, освещая путь только факелами, которые мы захватили с собой.

До чего же страшно было видеть свет факелов, трепетавший на стенах пещеры! Он выхватывал лишь маленький кусочек из бесконечной окружавшей нас мглы. И потому все, что оставалось в темноте, казалось еще опаснее и кошмарней. «Кто знает, — думал я, — может, тут полным-полно драконов, и змей, и разных чудовищ, которые подстерегают нас в темных пещерах». Я боялся заблудиться в этих лабиринтах, но Юнатан рисовал копотью факела знаки на стенах пещеры всюду, где мы проходили, чтобы отыскать путь назад.

«Странствие», — сказал Юнатан, но странствовали мы немного. Мы ползли, мы протискивались сквозь узкие отверстия, мы карабкались, и плыли, и прыгали, и цеплялись, и надрывались, и трудились в поте лица — вот что мы делали. Разве это странствие! А какие там пещеры! Порой мы попадали в пещеры, похожие на залы, такие огромные, что мы не видели им конца, и только эхо помогало нам понять, насколько велики были их пространства. Порой мы пробирались там, где невозможно было даже пройти, выпрямившись во весь рост, и где приходилось по-драконьи ползти на животе; то и дело путь нам преграждали подземные воды, и нужно было преодолевать их вплавь. А хуже всего то, что под нашими ногами порой разверзались пропасти. Я чуть даже не рухнул в такую пропасть. Я как раз нес факел и вдруг споткнулся. Юнатан схватил меня, когда я уже падал вниз, в бездну. И тут меня угораздило уронить факел. Мы видели, как он падал, словно полоска огня, все глубже, глубже и глубже. И наконец исчез. И мы очутились в темноте, в самой страшной темноте, какая только бывает в мире. Я не смел шевельнуться, не смел ни говорить, ни думать. Я пытался забыть о том, что я существую и что стою здесь, в крошечной тьме на краю бездны. Но я слышал рядом голос Юнатана. Ему удалось в конце концов зажечь другой факел, который мы несли с собой. И все это время

он говорил со мной, говорил и говорил совершенно спокойно. Думается, он делал это для того, чтобы я не умер от страха. И мы снова трудились и надрывались в поте лица. Сколько это продолжалось, я не знаю. В глубине пещеры Катлы понятие времени исчезало. Нам казалось, будто мы блуждаем там целую вечность, и я начал опасаться, что мы не успеем, что доберемся до цели, когда будет уже слишком поздно. Может, настал уже вечер, может, на воле уже спустилась тьма. А Урвар... может, он уже у Катлы!

Я спросил у Юнатана, что он думает.

— Не знаю, — ответил он. — Но если не хочешь сойти с ума, не думай об этом.

Тут мы вошли в узкую извилистую галерею, которой, казалось, не было конца и которая мало-помалу становилась все уже и все теснее. Она сжималась и в высоту, и в ширину до тех пор, пока едва можно было протиснуться вперед. И в конце концов она превратилась в пещеру, а чтобы пройти ее, надо было ползти.

Но по другую сторону этой пещеры мы неожиданно оказались в огромном каменном зале. Однако мы не знали, насколько он велик, потому что свет факела освещал лишь небольшое пространство. Но Юнатан решил призвать на помощь эхо.

— Хо-хо-хо! — закричал он, и мы услышали, как со всех сторон на разные голоса ответило ему эхо.

Но потом мы уже ничего больше не слышали, кроме другого голоса, звучавшего далеко-далеко в темноте.

— Хо-хо-хо! — гневно повторял голос. — Что нужно тебе, тому, кто явился такими диковинными путями с факелами и светом?

— Я ищу Урвара, — ответил Юнатан.

— Урвар — вот он, здесь. А кто ты?

— Я — Юнатан Львиное Сердце, — сказал Юнатан. — А со мной мой брат, Карл Львиное Сердце. Мы пришли, чтобы спасти тебя, Урвар.

— Слишком поздно, — произнес голос, — слишком поздно, но все равно — спасибо!

Только он произнес эти слова, как мы услышали страшный скрежет. Это отворялись медные ворота. Юнатан отбросил в сторону факел и наступил на него ногой. Так что факел погас. А потом мы тихо стояли и ждали.

И вот в ворота прошел человек Тенгиля с фонарем в руке. Тогда я тихонько заплакал, и заплакал не потому, что боялся, а из-за Урвара. Как это могло случиться! Какое жестокое невезение! И надо же им явиться именно сейчас и схватить его!

— Урвар из Долины Терновника, готовься к смерти! — произнес человек Тенгиля. — Скоро тебя отведут к Катле. Черные гонцы уже в пути.

При свете его фонаря мы увидели большую деревянную клетку с толстыми прутьями и поняли, что в ней и держали, как зверя, пленного Урвара.

Человек Тенгиля поставил фонарь на землю рядом с клеткой.

— Тенгиль в великой милости своей дозволил дать тебе фонарь в твой последний час. Чтобы ты мог снова привыкнуть к свету и увидеть Катлу, когда встретишься с ней. Ты, верно, мечтаешь об этом?

Он расхохотался во все горло, а затем исчез за воротами, которые снова со страшным скрежетом захлопнулись за ним.

А мы стояли у клетки, где томился Урвар, и глядели на него при свете фонаря. Это было жалкое зрелище. Он едва мог шевелиться, но все-таки подполз ближе и протянул к нам руки сквозь деревянную решетку клетки.

— Юнатан Львиное Сердце, — сказал он. — Я много слышал о тебе дома, в Долине Терновника. А теперь ты вдруг пришел сюда!

— Да, теперь я пришел сюда! — подхватил Юнатан, и тут я снова услышал, как он чуточку всхлипнул, да, и он тоже, из-за жалкого вида Урвара.

А потом, вытащив нож из-за пояса, ринулся на клетку.

— Давай, Сухарик! Помоги мне! — сказал он.

И я тоже стал наносить удары ножом по перекладинам решетки. Хотя что мы могли сделать двумя ножами? Нам нужны были бы топор и пила.

Мы расщепляли дерево ножами, пока не начали кровоточить руки, и плакали. Ведь Урвар тоже чувствовал нашу беспомощность. Но он, быть может, все-таки верил, что это не безнадежно. Он тяжело дышал от нетерпения в своей клетке и порой бормотал:

— Скорее! Скорее!

И мы работали так, что все руки у нас были в крови. Мы рубили ножами как безумные, каждую минуту ожидая, что ворота откроются и войдут черные гонцы, и тогда настанет конец и Урвару, и нам, и всей Долине Терновника.

Они заберут с собой не только одного Урвара. Нынче вечером Катле достанутся трое!

Я чувствовал: больше мне не выдержать; мои руки дрожали так, что я едва мог держать нож. И Юнатан кричал от ярости, он был страшно зол на эти перекладыны, которые не желали поддаваться, как мы ни надрывались. Он пинал их ногами, он кричал и снова долбил их ножом, и снова пинал, и вот тут-то наконец одна перекладина треснула и сломалась. А потом еще одна. Но этого было достаточно.

— Ну вот, Урвар, ну вот... — повторял Юнатан. Но в ответ он слышал лишь тяжелое дыхание. Тогда он влез в клетку и вытащил оттуда Урвара, который не мог ни стоять, ни ходить. Я тоже едва стоял, но все же, шатаясь, побрел вперед, освещая путь фонарем. А Юнатан потащил Урвара к нашей спасительной пещере. Теперь и он устал и тоже задыхался. Да, мы все трое задыхались. Мы дышали, как загнанные звери. Да и ощущали мы себя точно так же, по крайней мере я. Как уж ему, Юнату, это удалось, не знаю, но он

протащил Урвара по всей пещере, затем протиснулся вместе с ним в узкий лаз и каким-то удивительным образом пропихнул Урвара, который был ни жив ни мертв. И я был почти в таком же состоянии, когда настал мой черед протискиваться через лаз. Но я так и не успел это сделать. Потому что мы услышали, как в отдалении заскрежетали ворота, и тут мне показалось, что силы покинули меня. Я вообще не мог шевельнуться.

— Быстрее, быстрее, давай фонарь! — задыхаясь, шепнул Юнатан, и я протянул ему фонарь, хотя руки у меня дрожали.

Фонарь нужно было спрятать, малейшего лучика света было достаточно, чтобы выдать нас.

Черные гонцы — они были уже в пещере. Там были и люди Тенгиля с фонарями в руках. Сразу стало ужасно светло. Но в нашем отдаленном углу — совсем темно. Юнатан наклонился, схватил меня за руки и втянул меня обратно в лаз, в темную галерею. И там мы лежали, задыхаясь, все трое, и слышали крики:

— Он сбежал! Он сбежал!

14

В ту ночь мы провели Урвара через подземелье. Это сделал Юнатан. Он протащил Урвара через преисподнюю, иначе это не назовешь. Я протащился сам, но еле-еле.

— Он сбежал! Он сбежал! — кричали они, а когда все стихло, мы стали ждать преследователей. Но никто не приходил. Ведь даже воин Тенгиля мог сообразить, что из пещеры Катлы есть лаз, из которого мы исчезли! А найти его было не так уж трудно. Но они, эти люди Тенгиля, наверняка были трусливы, они осмеливались нападать на врагов только всей гурьбой, но ни один из них не смел проползти первым в узкую галерею, где

их ожидал неизвестный враг. Нет, они попросту были слишком трусливы, иначе почему бы они позволили нам так легко уйти? Никому никогда не удавалось прежде бежать из пещеры Катлы, и мне было страшно любопытно, как стражники объяснят Тенгилю бегство Урвара.

— Ну, это их забота, — сказал Юнатан, — у нас и своих предостаточно.

Только миновав длинный узкий проход, мы посмели остановиться и перевести на миг дыхание. Это было необходимо Урвару. Юнатан дал ему уже прокисшее козье молоко и отсыревший хлеб, и все-таки Урвар сказал:

— Вкуснее этого я ничего в жизни не ел!

Юнатан долго и тщательно растирал ему ноги, чтобы вернуть их к жизни, и Урвар стал чуточку бодрее. Хотя идти он все равно не мог, только ползти.

Он узнал от Юнатана, какими дорогами нам предстояло ехать, а Юнатан спросил его, хочет ли он все же пробираться дальше этой же ночью.

— Да, да, да, — сказал Урвар. — Если это необходимо, я на коленях поползу домой, в Долину Терновника. Не хочу я спокойно лежать здесь и ждать, пока кровавые псы Тенгиля с воем ринутся на нас в этом пещерном лабиринте.

Мы уже поняли, кто он такой. Вовсе не какой-нибудь сломленный узник, а мятежник, борец за свободу. Урвар из Долины Терновника! Когда я увидел его глаза, я понял, почему Тенгиль боялся его. Как он ни был слаб, в нем горел какой-то необыкновенный огонь, и только благодаря этому огню он смог пережить нынешнюю адскую ночь. Потому что из всех ночей в мире ни одна не могла быть хуже.

Длинная, как вечность, была эта ночь, полная опасностей. Но когда устаешь по-настоящему, то уже не в силах думать о чем-либо. Даже о том, что вот-вот могут нагрянуть кровавые псы Тенгиля. Да, ясное дело, я слышал, как они идут, — с воем и лаем, — но я не в силах был бояться. А вообще-то они быстро смолкли. Даже эти кровавые псы не осмеливались углубляться в страшные лабиринты пропастей, где мы ползли наугад.

Долго, долго ползли мы, пока наконец не выбрались на свет божий, к Гриму и Фьялару, — исцарапанные, окровавленные и промокшие насквозь, мертвые от усталости. Ночь кончилась, и настало уже утро. Урвар простер руки, желая обнять землю, и небо, и все, что он видел, но руки его бессильно упали — он уже спал. Мы погрузились в дремоту, все трое, и ничего не осознали и не чувствовали почти до самого вечера. Наконец я очнулся. Это Фьялар толкал меня своей мордой. Он, верно, решил, что я уже выспался.

Юнатан очнулся тоже.

— Нам необходимо выбраться из Карманьяки до темноты, — сказал он. — Позже мы не найдем дорогу.

Он разбудил Урвара. И когда Урвар вернулся к жизни и сел, и вспомнил все, что с ним было, и понял, что он уже на воле, слезы выступили у него на глазах.

— Я свободен, — пробормотал он, — я свободен!

И, взяв руки Юнатана, он долго держал их в своих.

— Ты вернул мне мою жизнь и свободу! — сказал он.

Он поблагодарил и меня, хотя я ничего не сделал, а только путался под ногами.

Урвар чувствовал себя хорошо, точь-в-точь как я, когда, избавившись от всех своих бед, оказался в Долине Вишен. И я от всей души желал, чтобы он тоже, живой и свободный, добрался бы до *своей* долины. Но до нее мы еще не добрались. Мы были еще в горах Карманьяки, где, верно, кишмя кишели солдаты Тенгиля, искавшие Урвара. Пожалуй, нам просто повезло, что они не нашли нас в нашей расселине, пока мы спали.

Мы сидели там, в этой расселине, и доедали остатки нашего хлеба. И время от времени Урвар повторял:

— Подумать только, я жив! Я жив и свободен!

Потому что он был единственный из узников пещеры Катлы, кто остался в живых. Всех остальных, одного за другим, принесли ей в жертву.

— Однако я верю в Тенгиля, — сказал Урвар. — Вот увидите, уж он-то позаботится, чтобы пещера Катлы не пустовала.

И снова на глазах его выступили слезы.

— О ты, моя Долина Терновника, — сказал он, — долго ли еще ты будешь томиться под властью Тенгиля?

Ему хотелось услышать обо всем, что случилось в долинах Нангиялы, пока он был в плену. Услышать о Софии, и о Маттиасе, и обо всем, что сделал Юнатан. И Юнатан рассказал ему обо всем, также и о Юсси. Я был почти уверен тогда, что Урвар тут же умрет, прямо на наших глазах. Это когда он узнал, что ему так долго пришлось страдать в пещере Катлы из-за Юсси. Прошло некоторое время, пока он снова стал самим собой и мог снова говорить. И тогда он сказал:

— Моя жизнь не стоит ничего. Но зло, что Юсси принес Долине Терновника, никогда нельзя ни искупить, ни простить.

— Прощенного или нет, его, верно, уже постигла заслуженная им кара, — произнес Юнатан. — Юсси ты, Урвар, никогда больше не увидишь.

И тут Урвар впал в страшную ярость. Он хотел тотчас отправиться в путь. Казалось, он хотел сегодня же вечером снова начать борьбу за свободу. Он проклинал свои ноги, которые так плохо слушались его. Однако он вновь и вновь пытался подняться, и под конец ему все же удалось встать на ноги. Он был очень горд, когда смог показать нам, что держится на ногах. И это было поразительное зрелище — Урвар, качавшийся взад-вперед, словно его вот-вот сдует и собьет с ног ветром. Это зрелище вызывало улыбку.

— Урвар, — сказал Юнатан, — нетрудно догадаться, что ты — узник пещеры Катлы.

И это правда. Хотя мы все трое были грязны и окровавлены, но Урвар выглядел хуже. Его одежда превратилась в лохмотья, а лицо едва можно было разглядеть, так оно обросло бородой. Видны были только глаза. Его удивительные, горящие глаза.

Через нашу расселину протекал ручей, и там мы смыли с себя всю грязь и всю кровь. Все снова и снова окунал я лицо в холодную воду. Это было чудесно. Казалось, смываешь весь ужас пещеры Катлы.

Затем Урвар взял мой нож и срезал большую часть бороды и волос, так что стал чуть меньше похож на бежавшего узника. А Юнатан вытащил из своего вещевого мешка тот самый шлем и плащ, которые спасли его и помогли выбраться из Долины Терновника.

— Вот, Урвар, надень это, — сказал он. — Тогда, может, они решат, что ты — человек Тенгиля, который захватил двух пленников и куда-то с ними спешит.

И Урвар надел на себя шлем и плащ, но ему это не понравилось.

— В первый и последний раз ты видишь меня в этой одежде, — сказал он. — От нее несет насилием и жестокостью.

— Пусть несет чем угодно, — сказал Юнатан, — только бы она помогла тебе добраться домой, в Долину Терновника.

Нам пора было в путь. Через несколько часов зайдет солнце, а когда в горах станет темно, никто не сумеет ступить на тамошние опасные тропки.

Юнатан был серьезен. Он знал, что нас ожидает, и я слышал, как он сказал Урвару:

— Думаю, в ближайшие два часа решится судьба Долины Терновника. Ты в силах так долго продержаться на лошади?

— Да, да, да, — ответил Урвар. — Хоть десять часов, если тебе угодно!

Ему предстояло ехать на Фьяларе. Юнатан помог ему взобраться на спину лошади. И он тотчас же стал совсем другим Урваром. Он словно вырос в седле и стал сильным. Да, Урвар был из породы храбрых и сильных людей, точь-в-точь как Юнатан. Один я был вовсе не храбрым. Но когда мы взобрались на лошадь и я уселся, обхватив руками Юнатана и приникнув лбом к его спине, казалось, часть его силы заструилась в меня, и я больше так не боялся. И все-таки я не мог избавиться от мысли, как было бы прекрасно, если бы нам не надо было постоянно оставаться такими сильными и мужественными. Подумать только, если бы нам хоть на несколько дней оказаться снова такими, как в те первые дни в Долине Вишен. О, как давно это было!

И вот мы двинулись в путь. Мы ехали навстречу солнечному закату, в той стороне находился мост. Правда, нехоженных тропинок в горах Карманьяки было множество, и никто, кроме Юнатана, не мог бы разобраться в их путанице. Нам повезло, что он каким-то удивительным образом умел находить нужные тропки.

Я следил, не покажутся ли люди Тенгиля, так, что у меня в глазах рябило. Но никого не было, кроме Урвара, который ехал за нами в своем ужасном шлеме и черном плаще. Во мне все замирало от страха всякий раз, когда я ненароком поворачивал голову и видел его. Вот до чего я дошел, привыкнув бояться этого шлема и всех, кто его носил!

Мы скакали и скакали верхом, и ничего не случилось. Все было так мирно, и спокойно, и красиво повсюду, где бы мы ни проезжали. «Эту картину нужно было бы назвать „Тихий вечер в горах“», — подумал я. Если бы это не было так обманчиво. Все, что угодно, могло бы вынырнуть из этого молчания и тишины. Даже Юнатан был обеспокоен и каждую минуту на чеку...

— Только бы нам перебраться через мост, — сказал он, — тогда самое страшное останется позади.

— Скоро мы будем там? — спросил я.

— Через полчаса, если все будет хорошо, — сказал Юнатан.

И вот тут-то мы их и увидели. Шестеро людей Тенгиля, шесть копыеносцев на вороных конях — целый отряд. Они вынырнули там, где тропинка петляла вдоль горного склона и сбегала прямо к нам.

— Теперь речь пойдет о жизни и смерти, — сказал Юнатан. — Сюда, Урвар!

Урвар быстро ехал рядом с нами, а Юнатан перебросил ему свои поводья, чтобы мы как можно больше походили на пленников.

Они нас еще не заметили. Но бежать было слишком поздно. Да и некуда было бежать. Единственное, что мы могли сделать, это скакать прямо на них, надеясь, что плащ и шлем Урвара обманут солдат.

— Живым я никогда не сдамся, — сказал Урвар. — Хочу, чтоб ты это знал, Львиное Сердце!

Как можно спокойней поехали мы навстречу нашим врагам. Мы подъезжали все ближе и ближе. У меня мерзла спина, и я успел подумать, что если нас сей-

час схватят, то мы с таким же успехом могли бы остаться в пещере Катлы и избежать страшных мук этой долгой ночи, которые оказались совершенно бесполезны.

И вот мы встретились. Они придержали своих лошадей, чтобы удобнее было проехать мимо по узкой тропе. А тот, что ехал впереди, был наш старый знакомый. Это был не кто иной, как тот самый Перк.

Но Перк не смотрел на нас. Он смотрел только на Урвара. И как раз, когда они поравнялись, он спросил:

— Ты не слыхал, нашли они его или нет?

— Нет, я ничего не слыхал, — ответил Урвар.

— А ты куда? — спросил Перк.

— Да вот, везу двух пленников, — сказал Урвар, и больше Перк ничего не узнал. А мы поскакали дальше с такой быстротой, на какую только осмелились.

— Обернись незаметно, Сухарик, и погляди-ка, что они делают, — попросил Юнатан.

И я сделал, как он велел.

— Они уезжают, — сказал я.

— Спасибо, слава богу. — Юнатан облегченно вздохнул.

Но он обрадовался слишком рано. Я увидел вдруг, что они остановились и долго глядели нам вслед.

— Они начали соображать, — заметил Юнатан.

И они в самом деле начали...

— погоди! — закричал Перк. — Послушай-ка, я хотел бы немного ближе рассмотреть тебя и твоих пленников!

Урвар сжал зубы.

— Скачи, Юнатан! — сказал он. — А не то мы погибли!

И мы поскакали.

Тут Перк и весь его отряд повернули назад. Да, они повернули и припустили за нами следом так, что гривы их лошадей развевались на ветру.

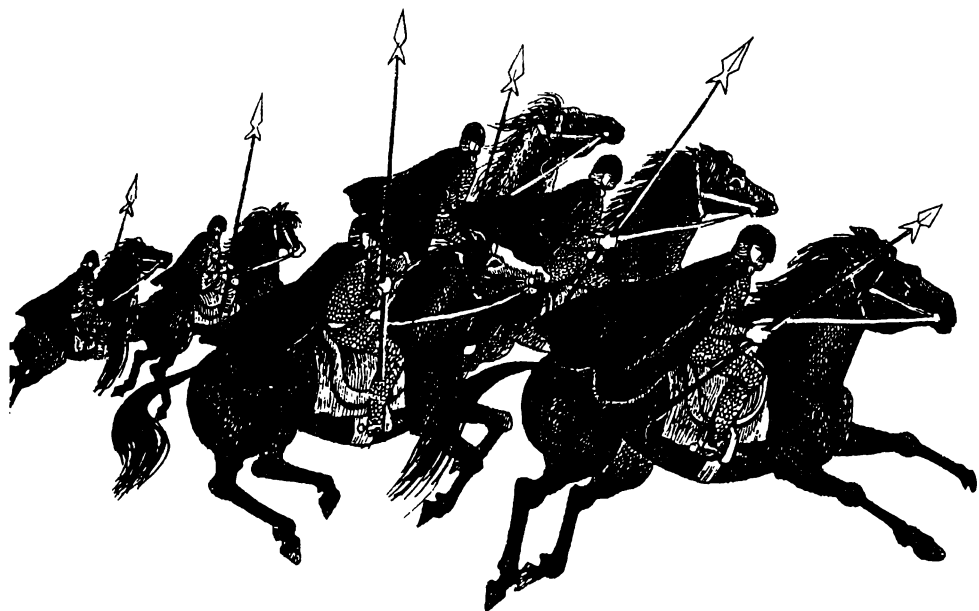
— Ну, Грим, покажи, на что ты способен! — сказал Юнатан.

«И ты тоже, мой Фьялар», — подумал я, испытывая одно-единственное желание, чтобы мне самому еще довелось когда-нибудь ехать верхом на Фьяларе.

Лучших скакунов, чем Грим и Фьялар, ни у кого не было. О, они просто летели по тропинке; они знали, что речь идет теперь о жизни и смерти. Преследователи мчались за нами. Мы слышали стук копыт, иногда ближе, иногда далеко позади, но стук настойчивый и упорный. Он не затихал. Потому что теперь Перк знал, за кем он гонится, а такую добычу люди Тенгиля упустить не могли, они должны были непременно приволочь ее Тенгилю в замок.

Они скакали за нами по пятам, когда мы галопом промчались по мосту, и нам вслед просвистело несколько копий. Но они нас не задели.

Мы были уже на другом берегу реки, в Нангияле, и теперь все самое страшное должно было остаться позади, — так говорил Юнатан. Но я как-то этого не заметил, наоборот. Дикая погоня продолжалась и потом,

вдоль реки. На самой высокой вершине берегового откоса змеилась лошадиная тропа, которая вела в Долину Терновника, по ней-то мы и помчались вперед.

Здесь мы уже проезжали однажды совсем другим летним вечером, но это было, верно, целую тысячу лет тому назад. Тогда мы ехали верхом в сумерках, Юнатан и я. Медленно ехали по дороге к нашему первому ночному костру. Вот так и нужно ездить вдоль речного берега, а не так, как теперь, когда лошади просто падают от усталости. Неистовой всех мчался Урвар. Потому что он ехал тсперь домой, в Долину Терновника. Юнатан не мог поспеть за ним. И Перк выигрывал расстояние; я не мог понять почему. Пока наконец до меня не дошло, что это — моя вина. Более быстрого всадника, чем Юнатан, на свете не было, никто не смог бы его перегнать, будь он один на лошади. Но теперь он вынужден был все время думать обо мне, и это ему мешало. Эта скачка и предопределила судьбу Долины Терновника, сказал Юнатан.

Ну, а чем она должна была кончиться, это зависело от меня, и это было ужасно! Она должна была кончиться скверно, это я понимал все ясней и ясней. Каждый раз, когда я оборачивался, чтобы взглянуть назад, оказывалось, что эти черные шлемы еще немного приблизились к нам. Иногда их заслонял какой-нибудь пригорок или несколько деревьев, но потом они неуклонно появлялись вновь, все ближе и ближе к нам.

Юнатан знал теперь точно так же, как и я, что нам не спастись. Не спастись нам обоим. Но необходимо, чтобы Юнатану удалось ускользнуть. Я не мог допустить, чтоб его схватили по моей вине.

Поэтому я сказал:

— Юнатан, сделай так, как я говорю! Сбрось меня с лошади за поворотом, когда они этого не увидят! И догоняй Урвара!

Сначала он заметно удивился. Но не так сильно удивился, как я сам.

— У тебя в самом деле хватит на это храбрости? — спросил Юнатан.

— Нет, но я все-таки хочу это сделать, — ответил я.

— Маленький храбрый Сухарик! — сказал он. — Я вернусь обратно за тобой. Как только я надежно спрячу Урвара у Маттиаса, я вернусь.

— Обещаешь? — спросил я.

— Да, а что ты собираешься делать? — спросил он.

Тем временем мы успели проехать так далеко, что оказались у ивы, где купались, и я сказал:

— Я спрячусь на нашем дереве. Ищи меня там!

Больше я не успел сказать ничего, потому что мы находились уже под защитой скрывавшего нас от глаз преследователей пригорка, и Юнатан придержал лошадь, чтобы я мог соскользнуть с нее. А потом он снова пустился вскачь. Я лежал на земле и слышал, как лошади преследователей, громяхая копытами, промчались мимо. Я увидел, как мгновенно промелькнуло мимо дурацкое лицо Перка. Он оскалил зубы, словно со-

бираясь кусаться. И этому-то негодяю Юнатан спас жизнь!

Но Юнатан уже догнал Урвара, и я увидел, как они скрылись вместе, и был доволен. «Скачи, скачи, милый Перк, — думал я, — если надеешься, что это поможет! Урвара и Юнатана тебе больше не видать!»

Я по-прежнему лежал в яме, пока Перк со своими людьми также не скрылись из виду. Тогда я скатился вниз, к реке, прямо к моему дереву. Как чудесно было взобраться на его зеленую крону и удобно устроиться на ветвях! Ведь я так устал. У самой воды под деревом стояла вытасченная на берег лодка. Она, должно быть, сорвалась с якоря где-нибудь в верховьях реки. Она не была привязана. «Кому бы она ни принадлежала, этот человек, верно, сильно огорчился», — думал я. Да, я сидел и размышлял обо всем понемножку и глядел по сторонам. Я смотрел на бурный поток и на скалу Перка. «Там бы ему и сидеть, этой скотине», — думал я.

И еще я видел на другом берегу реки гору Катлы и раздумывал о том, почему кто-то может запираť других людей в своих ужасных пещерах. Я думал также об Урваре и Юнатане, желая до боли в сердце, чтобы им удалось пробраться в наш подземный ход, прежде чем подоспеет Перк. И мне было любопытно узнать, что скажет Маттиас, когда обнаружит в тайнике, где скрывался Юнатан, Урвара. Как он обрадуется! И я не переставая думал обо всем этом.

Но тут начало смеркаться, и только тогда мне вдруг пришло в голову, что, быть может, мне придется просидеть здесь всю ночь. Юнатан, верно, не успеет вернуться обратно до темноты. Мне стало жутковато. Вместе с сумерками на меня напал страх, и я почувствовал, как ужасно я одинок.

И вдруг на береговом склоне я увидел женщину верхом на лошади. И была это не кто иная, как София. В самом деле это была София. Никогда не испытывал я большей радости, видя ее, чем теперь.

— София! — закричал я. — София, я здесь!

И я сполз с дерева и замахал руками. Но она не сразу поняла, что это в самом деле я.

— Никак это ты, Карл! — воскликнула она. — Как ты попал сюда? И где Юнатан? погоди, мы спустимся к тебе вниз, нам ведь надо искупать лошадей.

И тут я увидел за ее спиной двух мужчин, тоже верхом. Сначала я узнал одного, это был Хуберт. Он заслонил собой другого, но после того, как тот подъехал поближе, я разглядел его. То был Юсси.

Но это не мог быть Юсси! Мне показалось, что я, быть может, сошел с ума или мне это привиделось. София не могла явиться сюда с Юсси! Что могло заставить ее допустить такую ошибку? Неужели София тоже сошла с ума, или же мне только приснилось, что Юсси — предатель? Нет, нет, мне это не приснилось. Ведь он и в самом деле был предателем! И вовсе мне это не привиделось. Он приехал сюда — и что теперь будет? Что теперь будет?!

Верхом на лошади спустился он в сумерках к реке, еще издали крича:

— Нет, кто бы мог подумать, что доведется вновь встретить тебя, маленький Карл Львиное Сердце!

Они подъехали ко мне, все трое. Я молча и неподвижно стоял внизу, у воды, поджидая их, с одной лишь мыслью в голове: «Что теперь будет?»

Они соскочили с лошадей, и София, подбежав ко мне, схватила меня в объятия. Глаза ее сияли от радости.

— Никак ты снова разгуливаешь по ночам и охотишься на волков? — спросил Хуберт и засмеялся.

Но я молча стоял, не спуская с них глаз.

— Куда вы едете? — удалось мне выдать из себя наконец.

— Юсси должен показать нам, в каком месте лучше всего прорваться через стену, — сказала София. — К тому времени, когда наступит день битвы, нам нужно это знать.

— Да, нам нужно это знать, — подтвердил Юсси. — Прежде чем напасть, нам надо составить план.

Во мне все кипело. «По крайней мере, твой план уже составлен», — думал я. Ведь я знал, зачем он явился. Ему нужно заманить в ловушку Софию и Хуберта. Он едет с ними для того, чтобы погубить их, если никто ему не помешает. «Но кто-то должен помешать ему», — думал я. А потом я понял: ведь это должен сделать я! И нельзя дольше мешкать. Это нужно сделать сейчас же. Нравится мне или нет, я должен сделать это сейчас же. Но с чего мне начать?

— София, как поживает Бьянка? — спросил я под конец.

София опечалилась.

— Бьянка так и не вернулась из Долины Терновника, — сказала она. — А известно тебе что-нибудь о Юнатане?

Ей не хотелось говорить о Бьянке. Но я все же узнал то, что мне нужно. Бьянка — мертва. Поэтому София и могла приехать сюда вместе с Юсси. Нашу весточку она так никогда и не получила.

Юсси тоже хотелось послушать, известно ли мне что-нибудь о Юнатане.

— Не может быть, чтоб он попал в плен, — сказал он.

— Нет, он не попал в плен, — повторил я, пристально глядя в глаза Юсси. — Он только что спас Урвара из пещеры Катлы.

Цветущее, румяное лицо Юсси побледнело, и он просто онемел. София же и Хуберт возликовали. О, как они радовались! София снова обняла меня, а Хуберт сказал:

— Лучшей новости ты принести не мог!

Им хотелось знать, как все произошло. Но этого не хотелось Юсси. Ему надо было спешить.

— Мы слушаем об этом позднее, — сказал он. — Нам надо до темноты попасть туда, куда мы едем.

«Да, потому что солдаты Тенгиля, верно, сидят уже в засаде и ждут», — подумал я.

— Идем, Карл, — позвала меня София. — Мы поедем на моей лошади вдвоем, ты и я.

— Нет, — ответил я, — ты не должна никуда ехать с этим предателем.

Я указал на Юсси. И успел подумать, что он убьет меня. Сдавив мне шею своими огромными кулачищами, он прошипел:

— Что ты мелешь! Еще одно слово — и я придушу тебя!

София велела ему отпустить меня. Но была мной недовольна.

— Карл, это бесчестно! Называть человека предателем, когда это неправда! Но ты слишком мал и не понимаешь, что говоришь!

Хуберт — тот только усмехнулся:

— А я-то думал, что предатель — я! Ведь я слишком много знаю и люблю белых лошадей. Разве ты не написал об этом дома, на кухонной стене?

— Да, Карл, ты бросаешь обвинения направо и налево, — возмутилась София. — Кончай с этим!

— Я прошу у тебя прощения, Хуберт, — сказал я.

— И у Юсси тоже, — строго приказала София.

— Я не прошу прощения за то, что называю предателя — предателем, — сказал я.

Но они мне все равно не поверили. Когда я это понял, мне стало страшно. Они поедут с Юсси. И как я ни пытался их предостеречь, они хотят собственной гибели.

— Он заманит вас в ловушку! — кричал я. — Я знаю это! Я знаю! Спросите его о Ведере и Кадере, с которыми он встречается в горах! И спросите, как он предал Урвара!

Юсси хотел снова броситься на меня, но совладал с собой.

— Тронемся мы когда-нибудь в путь? — спросил он. — Или же поставим на карту наши жизни? А все враки этого мальчишки!

Он бросил на меня исполненный ненависти взгляд.

— И тебя я когда-то любил! — сказал он.

— Когда-то я тоже любил тебя! — ответил я.

Видно было, что при всей его ярости ему страшно. Теперь он и в самом деле торопился; ему нужно было сделать так, чтобы Софию схватили и бросили в тюрьму прежде, чем она узнает правду. Иначе под угрозой окажется его собственная жизнь.

Каким, должно быть, облегчением было для него то, что София не желала знать правду. Она доверяла Юсси, доверяла всецело и всегда. А я сначала обвинил одного, а потом другого, как могла она верить мне?

— Идем, Карл, — сказала она, — я поговорю с тобой позднее.

— Никакого «позднее» не будет, если ты поедешь вместе с Юсси, — упрямылся я.

И я заплакал. Нангияла не должна потерять свою Софию, а я стоял и не мог спасти ее. Потому что она не желала, чтоб ее спасали.

— Идем же, Карл, — снова настойчиво повторила она.

Но в эту минуту я кое-что вспомнил.

— Юсси, — попросил я, — открой свою грудь и покажи, что у тебя там, под рубашкой.

Лицо Юсси стало белым как мел. Даже София с Хубертом должны были это заметить. И он положил руку на грудь, словно желая что-то защитить.

Некоторое время стояла тишина. Но затем Хуберт строго сказал:

— Юсси, сделай то, о чем просит мальчик!

София молча стояла, долго и неотрывно глядя на Юсси. Но он отвел глаза.

— Нам надо спешить, — повторил он.

Взгляд Софии стал строгим.

— Не так уж нам надо спешить, — сказала она. — Ты подчиняешься мне, Юсси, покажи мне свою грудь!

На Юсси страшно было смотреть. Он тяжело дышал, испуганный, остолебневший, не зная, бежать ли ему прочь или оставаться. София подошла к нему. Но он оттолкнул ее локтем. Этого ему делать не следовало. Крепко схватив Юсси, она разорвала его рубашку.

А под нею, на груди, стояло клеймо Катлы. То была драконья голова, яркая, как кровь.

Тут София побледнела еще больше, чем Юсси.

— Предатель, — сказала она. — Будь ты проклят за то зло, которое причинил долинам Нангялы!

Юсси наконец вернулся к жизни. Со страшными проклятиями кинулся он к своей лошади. Но Хуберт уже стоял рядом и преградил ему путь. Тогда Юсси стал неистово метаться в поисках другого пути, чтобы ускользнуть. И он увидел лодку. Одним прыжком очутился он там, и не успели София с Хубертом подбежать к берегу, как течение унесло его за пределы досягаемости.

Тогда он засмеялся, смех его был мерзок и отвратителен.

— Я покараю тебя, София! — закричал он. — Когда я стану наместником Долины Вишен и вернусь, я жестоко покараю тебя!

«Несчастный ты дурень, никогда больше не попадешь ты в Долину Вишен, — подумал я. — Ты попадешь лишь в водопад Кармафаллет».

Он попытался грести, но яростные волны швыряли лодку в затягивавшие ее водовороты и неистово боролись друг с другом, пытаясь сокрушить ее. Они вырвали весла у Юсси из рук. А тут подоспела пенистая, шипящая волна и опрокинула его в воду. Тогда я заплакал, желая ему спасения, несмотря на то что он был предателем. Но спасения для Юсси не было, я это знал. Это было так ужасно и так горестно — стоять в сумерках, и смотреть, и знать, что Юсси совершенно одинок и беспомощен в этих водоворотах. Один раз мы видели, как он поднялся на гребень волны. Затем он

снова погрузился в пучину. И больше мы его не видели.

Теперь было уже почти совсем темно. Теперь, когда Река Древних Рек схватила Юсси и понесла его в водопад Кармафаллет.

15

В конце концов настал день битвы, которого все ждали. В тот день буря бушевала над Долиной Терновника так, что деревья клонились к земле и ломались. Но это, верно, была вовсе не та буря, которую имел в виду Урвар, говоря:

— Грянет буря свободы, она сокрушит насильников подобно тому, как она рушит и валит деревья. С грохотом промчится она, сметая всякое рабство на своем пути и возвращая нам наконец свободу!

Он сказал это на кухне Маттиаса. Туда тайно приходили люди, чтобы послушать и увидеть его. Да, они хотели видеть его и Юнатана.

— Вы оба — наше утешение и наша надежда, вы — все, что у нас есть, — говорили они. И, крадучись, приходили по вечерам в Маттиасгорден, хотя знали, как это опасно.

— Потому что они хотят слушать о буре свободы, точь-в-точь как дети хотят слушать сказки, — объяснял Маттиас.

День битвы — единственное, о чем они думали и к чему стремились. Да и неудивительно. После бегства Урвара Тенгиль стал еще более жестоким, чем прежде. Каждый день придумывал он все новые и новые казни и муки для жителей Долины Терновника, поэтому они еще неистовей, чем когда-либо, ненавидели его, а в долине ковали все больше и больше мечей.

Из Долины Вишен являлось на помощь все больше и больше борцов за свободу. У Софии и Хуберта были

тайные военные лагеря в самых дальних лесных чащах, у Эльфриды. Иногда по ночам София проходила подземным ходом в кухню Маттиаса, и они строили военные планы, она, Урвар и Юнатан.

Я лежал там и слушал, потому что спал я теперь на диване в кухне, ведь Урвару тоже нужно было укрываться в тайнике. И всякий раз, когда приходила София, она говорила:

— А, вот и мой спаситель! Я ведь не забыла поблагодарить тебя, Карл?

И тогда Урвар всякий раз повторял, что я — герой Долины Терновника, я же думал о Юсси, лежавшем в темной воде, и чувствовал только страшную печаль.

София заботилась также и о хлебе для Долины Терновника. Его переправляли из Долины Вишен по горным тропам и доставляли контрабандой через подземный ход. Маттиас расхаживал с заплечным мешком на спине и тайком разносил хлеб по дворам. Я не знал прежде, что люди могут стать такими счастливыми при виде маленького ломтика хлеба. Теперь я это видел, потому что сопровождал Маттиаса в его странствиях. И я видел, как мучились люди в долине, и слышал, как они говорят о дне битвы; они жаждали, чтобы день этот пришел скорее.

Сам я страшился этого дня, но все-таки уже почти мечтал о нем, да, и я тоже. Потому что невыносимо было только томиться в ожидании. А также и опасно, считал Юнатан.

— Нельзя так долго держать все в тайне, — говорил он Урвару. — Наша мечта о свободе может быть уничтожена легче легкого.

И, ясное дело, он правду говорил. Стоило лишь кому-нибудь из людей Тенгиля обнаружить подземный ход или же начать новые обыски в домах, как Юнатана и Урвара обнаружили бы в их тайнике. Я дрожал при одной мысли об этом.

Но люди Тенгиля были, похоже, слепы и глухи, иначе они, верно, заметили бы что-нибудь. Если бы они как следует прислушались, они, верно, услышали бы, как начала глухо греметь буря свободы, которой предстояло вскоре потрясти всю Долину Терновника. Но люди Тенгиля ничего не услышали.

Вечером накануне дня битвы я лежал на своем диванчике и не мог уснуть. Из-за грохота бури за стенами дома и из-за с недавнего меня беспокойства. Битва должна была грянуть на следующее утро, на рассвете, так было решено. Урвар, и Юнатан, и Маттиас сидели у стола и беседовали об этом, а я лежал на своем диване и слушал. Слышно было больше всех Урвара. Он говорил и говорил, и глаза его горели. Больше, чем кто-либо другой, мечтал он о том, чтобы поскорее настало утро.

Из их разговоров я понял, как все должно было происходить. Сперва должны были убрать стражников у Больших ворот и у ворот, выходивших на реку, так, чтобы проложить путь для Софии и Хуберта. Им предстояло въехать со своими людьми, Софии — в Большие ворота, Хуберту — в ворота у реки.

— А затем мы все вместе либо победим, либо умрем, — сказал Урвар.

— Скоро надо идти, — сказал он. — Долину нужно освободить от всех людей Тенгиля, а ворота снова закрыть, прежде чем сам Теңгиль подоспеет сюда с Катлой. Потому что против Катлы оружия нет. Ее можно победить только голодом.

— Ее не берут ни копье, ни стрелы, ни меч, — добавил Урвар. — А одного-единственного крошечного языка ее пламени достаточно, чтобы опалить, сковать по рукам и ногам или умертвить кого угодно.

— Ну, а если у Тенгиля в горах есть Катла, что толку освобождать Долину Терновника? — спросил я. — С ее помощью он сможет ведь сокрушить нас в другой раз так же, как и в первый.

— По доброте своей он дал нам глухую стену для защиты, не забывайте об этом, — язвительно сказал Урвар. — И ворота, которые можно запереть под носом у чудовища!

А вообще-то мне, Сухарику, сказал Урвар, бояться Тенгиля больше нечего.

В тот же самый вечер он, и Юнатан, и София, и многие другие ворвутся в замок Тенгиля. Они одолеют его телохранителей и покончат с ним там, на месте, прежде чем он даже узнает о мятеже в долине. А потом Катлу оставят привязанной в ее пещере, пока она не станет такой слабой от голода, что ее можно будет убить.

— Другого способа покончить с чудовищем нет, — сказал Урвар.

Затем он снова напомнил о том, что нужно быстрее освободить долину от всех людей Тенгиля. Тогда Юнатан спросил:

— Освободить? Ты имеешь в виду — убить их всех?

— Да, а что еще я могу иметь в виду? — ответил Урвар.

— Но я же никого не могу убивать, — сказал Юнатан, — ты ведь знаешь это, Урвар!

— Даже если речь пойдет о спасении твоей жизни? — спросил Урвар.

— Да, даже тогда, — ответил Юнатан.

Урвар этого никак не мог понять, да и Маттиас тоже едва ли.

— Если бы все были такими, как ты, — сказал Урвар, — то зло безраздельно и вечно правило бы миром!

Но тогда я сказал, что если бы все были как Юнатан, то на свете не было бы никакого зла.

В тот вечер я не произнес больше ни слова. Только когда Маттиас пришел и подоткнул мне одеяло, я прошептал ему:

— Мне так страшно, Маттиас!

А Маттиас погладил меня по голове и сказал:

— Мне тоже!

Юнату все же пришлось обещать Урвару, что он будет разезжать верхом на коне в самой гуще сражения, чтобы вселять мужество в других людей и побудить их делать то, что он сам не может или не хочет.

— Люди в Долине Терновника должны видеть тебя, — сказал Урвар. — Они должны видеть нас обоих. Тогда Юнату сказал:

— Если я должен что-то сделать, значит, должен.

Но при свете единственной маленькой свечи, горевшей в кухне, я видел, какой он бледный.

Когда мы вернулись из пещеры Катлы, нам пришлось оставить Грима и Фьялара в лесу у Эльфриды. Но было решено, что София приведет их с собой, когда въедет в Большие ворота в день битвы.

Было также решено, что буду делать я. Я не должен делать ничего, а только ждать, пока все будет кончено. Так сказал Юнатан. Мне нужно сидеть на кухне совсем одному и ждать.

Никому не удалось как следует поспать в ту ночь.

И вот настало утро.

Да, и вот настало утро, и настал день битвы. О, как болело в тот день мое сердце! Я видел более чем достаточно крови и слышал множество криков, потому что сражение шло на горном склоне возле Маттиасгордена. Я видел, как разъезжает верхом на коне Юнатан. Ветер бури трепал его волосы, а вокруг него кипела битва — разящие мечи, и свистящие копыя, и летящие стрелы, и крики, бесконечные крики. И я сказал Фьялару, что, если Юнатан погибнет, я тоже умру.

Да, Фьялар был вместе со мной на кухне. Я понимал, что об этом никто не должен знать, но мне нужно было, чтобы он был там со мной. В одиночестве оставаться я не мог, никак не мог. Фьялар тоже смотрел из окна, что творилось на горном склоне. И ржал. То ли оттого, что ему хотелось на волю, к Гриму, то ли оттого, что он боялся так же, как и я.

Я боялся... боялся, боялся!

Я видел, как от копыя, брошенного Софией, пал Ведер, а от меча Урвара — Кадер, а также Дудик и многие, многие другие, они падали направо и налево. А Юнатан разъезжал верхом на коне среди них, ветер бури трепал его волосы, а лицо становилось все бледнее и бледнее, а сердце мое все сильнее и сильнее болело в груди.

И вот настал конец!

Множество криков раздавалось в тот день в Долине Терновника, но один был совсем особенный.

Сквозь шум битвы вдруг запел боевой рог и раздался возглас:

— Катла ползет!

А потом послышался рев. Голодный рев Катлы, который все так хорошо знали. И тогда опустились и выпали из рук мечи, и копья, и стрелы. И те, кто бился, больше биться не могли. Потому что знали: спасения нет. В долине слышались лишь грохот бури и звуки боевого рога Тенгиля да крик Катлы. Огонь, извергаемый драконшей, убивал всех, на кого указывал Тенгиль. Он без конца указывал пальцем, и его свирепое лицо было темным от злобы. И я знал: настал конец Долине Терновника!

Я не хотел этого видеть, я не хотел видеть... не хотел видеть ничего и никого. Кроме Юнатана. Я должен был знать, где он. И я увидел его перед самой усадьбой Маттиасгорден. Он сидел верхом на Гримере. Он был совсем молчалив и спокоен, и ветер бури трепал его волосы.

— Юнатан! — закричал я. — Юнатан, ты слышишь меня?

Но он меня не слышал. И я увидел, как он прищипорил лошадь и помчался по склону; он летел как стрела; я знаю, быстрее никто никогда ни в небе, ни на земле не ездил верхом. Он мчался прямо на Тенгиля... и он пролетел мимо него...

А затем снова затрубил боевой рог. Но теперь в него трубил Юнатан. Он вырвал его из рук Тенгиля и трубил в рог так, что звуки разносились по всей долине. Пусть Катла знает: теперь у нее новый хозяин!

Потом стало тихо-тихо. Даже буря успокоилась. Все стояли молча и только ждали. Тенгиль, обезумев от ужаса, сидел верхом на своей лошади и ждал, Катла тоже ждала.

Юнатан снова затрубил в рог.

Тут Катла закричала и в ярости повернулась к тому, кого прежде слушалась так слепо.

«Когда-нибудь час Тенгиля настанет», — сказал однажды Юнатан, я помнил это.

И вот — он настал.

Так кончился день битвы в Долине Терновника. Многие отдали свою жизнь ради свободы. Да, теперь она была свободна, их долина. Но многие жители были мертвы и не знали об этом.

Маттиас был мертв, у меня больше не было дедушки. Хуберт был мертв, он пал первым. Ему не удалось даже пройти через ворота у реки, потому что он встретил там Тенгиля и его солдат. Но прежде всего он встретил Катлу. Тенгиль взял ее с собой, чтобы неожиданно, как раз в тот самый день, прийти в Долину Терновника и в последний раз со страшной жестокостью покарать ее за бегство Урвара. Он не знал, что это был день битвы. Хотя, когда он понял это, он, верно, был доволен, что привел Катлу с собой.

Но теперь он был мертв, Тенгиль, так же мертв, как и все другие.

— Нашего мучителя больше нет, — сказал Урвар. — Наши дети будут жить на свободе и будут счастливы. Скоро Долина Терновника станет такой же, как и прежде.

Но я думал, что такой, как прежде, Долине Терновника никогда не стать. По крайней мере, для меня. По крайней мере, для Маттиаса.

Урвар получил удар мечом в спину. Но он, казалось, его не чувствовал или просто не обращал на него внимания. Глаза его горели по-прежнему, и он обратился с речью к жителям долины.

— Мы будем счастливы! — все снова и снова повторял он.

В тот день в Долине Терновника плакали многие.

Но только не Урвар.

София осталась в живых, ее даже не ранило. А теперь ей предстояло вернуться домой, в Долину Вишен, ей и всем ее людям, тем, кто остался в живых.

Она пришла к нам, в Маттиасгорден, проститься.

— Здесь жил Маттиас, — сказала она и всхлипнула.

Затем она обняла Юнатана.

— Возвращайся скорее домой, в Рюттаргорден, — сказала она. — Я буду думать о тебе каждую минуту, пока снова не увижу тебя.

А потом она посмотрела на меня.

— Ты, Карл, по-видимому, пока поедешь со мной?

— Нет, — сказал я, — нет, я поеду с Юнатаном.

Я так боялся, что Юнатан отошлет меня с Софией, но он этого не сделал.

— Я очень хочу, чтобы Карл был со мной, — сказал он.

На горном склоне, чуть ниже усадьбы Маттиаса, словно огромная ужасная глыба, лежала Катла, тихая и сытая от выпитой ею крови. Время от времени она смотрела на Юнатана так, как смотрит собака, желая узнать, что угодно ее хозяину. Она никого больше не трогала, но пока она была здесь, над долиной царил страх. Никто не смел радоваться. Жители Долины Терновника не

могли ни ликовать, что свободны, ни оплакивать своих мертвецов, пока на свете существует Катла, говорил Урвар. И был один-единственный человек, который мог отвести ее обратно в ее логово. Это был Юнатан.

— Хочешь помочь Долине Терновника в последний раз? — спросил Урвар. — Если ты отведешь Катлу туда и прикуешь ее там цепью, остальное я сделаю сам, когда наступит время.

— Да, — сказал Юнатан, — я помогу тебе, Урвар, в последний раз.

Как нужно ездить вдоль рек, я знаю достаточно хорошо. Нужно ехать медленно и видеть, как там внизу течет река и вода сверкает, а ветви ивы пляшут на ветру. Но нельзя, чтобы при этом за тобой по пятам двигалась драконша.

Этого мы не учли. И мы слышали тяжелый шорох ее лап за своей спиной. Плюх, плюх, плюх. Этот угрожающий звук слышался повсюду, где она только ни проползала. Грим и Фьялар чуть не взбесились от страха. Мы едва могли сдерживать их, натягивая поводья. Время от времени Юнатан трубил в рог. Звуки эти были не очень приятны, и понятно, что Катле они не нравились. Но когда она их слышала, ей приходилось повиноваться. Это было единственное, что нас успокаивало во время скачки.

Юнатан и я не обменялись ни словом, мы гнали коней во весь опор. Еще до того, как наступят ночь и темнота, Юнатан должен был приковать Катлу цепью в ее логове, где ей предстояло кончить свою жизнь. Потом больше мы никогда не увидим ее, и нам следует забыть, что на свете есть такая страна — Карманьяка. Гора Древних Гор пусть стоит тут целую вечность, но мы никогда не будем больше ездить по этим дорогам, это обещал мне Юнатан.

К вечеру буря стихла, наступили спокойные теплые сумерки. А когда солнце село, стало так красиво! «Вот в такой вечер ехать бы верхом вдоль реки, ничего не боясь», — подумал я.

Но я и виду не подал Юнату. Ну да, я и виду не подал, что боюсь.

В конце концов мы очутились у водопада Кармафаллет.

— Карманьяка, ты видишь нас здесь в последний раз! — сказал Юнату, когда мы проезжали по мосту. И тогда он затрубил в рог.

Катла увидела свою скалу на другом берегу реки и страшно зашипела. Ей, ясное дело, захотелось попасть туда. Зашипела прямо в спину Грима. Этого ей делать не следовало. Потому что тут-то оно и случилось. Грим, насмерть испуганный, испуганный до потери рассудка, вздрогнул, встал на дыбы и ударился о перила моста. И я закричал, так как думал, что Юнату упадет вниз головой в водопад Кармафаллет. Этого не случилось. Но рог выпал у него из рук и исчез глубоко внизу в бурлящей воде.

Жестокие глаза Катлы видели все, и она поняла, что у нее больше нет хозяина. Тогда она заревела и стала извергать пламя из ноздрей.

О, как мы мчались, чтобы спасти свою беззащитную жизнь! Через мост, потом вверх по тропке, к замку Тенгиля, а Катла ползла, шипя, за нами по пятам. Эта тропка змеилась зигзагами вверх по Горе Древних Гор. Даже во сне не могло быть ничего ужаснее, чем перескакивать с одного скалистого уступа на другой, когда Катла ползла за мной по пятам. Она была так близко, что извергаемый ею огонь почти лизал нас. Внезапно мерзкое пожирающее пламя вырвалось у нее из ноздрей, едва не задев Юнату. На какой-то страшный миг я подумал, что он сгорел, но он закричал:

— Не останавливайся! Скачи! Скачи!

Несчастные Грим и Фьялар: Катла загнала их так, что они были чуть живы. Желая уйти от Катлы, они мчались вверх по тропке так, что во все стороны летели брызги пены. Они мчались все быстрее и быстрее, топясь изо всех сил. Иногда отставая, Катла выла от

ярости. Это были ее собственные земли, и там уже никто не посмел бы уйти от нее. Она ползла, заметно набирая скорость, и я знал, что в конце концов она нас одолеет. Одной лишь своей упрямой жестокостью.

Долго, долго скакали мы так, и я больше не надеялся на спасение.

Мы успели уже подняться довольно высоко в горы. У нас все еще было преимущество, и мы увидели Катлу прямо под нами, на узкой скалистой плите над водопадом Кармафаллет, где проходила тропинка. Она остановилась на миг. Потому что здесь была ее скала. Здесь она обычно стояла и таращила глаза. И теперь она сделала то же самое. Почти против воли она, остановившись, стала смотреть вниз, в водопад. Огонь и дым пучками вырывались у нее из ноздрей, и она нетерпеливо металась взад и вперед. Но тут она вспомнила про нас и уставилась на нас своими пылающими глазами.

«Ах ты, жестокая злодейка, — думал я, — жестокая, жестокая, почему ты не останешься на своей скале?»

Но я знал, что она должна приползти. Она должна приползти...

Мы добрались уже до огромного валуна. Когда мы в первый раз прибыли в Карманьяку, то видели, как она высовывает из-за него свою ужасную голову. А теперь наши лошади уже совершенно выбились из сил.

Как это жутко, когда лошадь под тобой падает. Но именно так и случилось. Грим и Фьялар упали на тропинку. И если прежде мы рассчитывали на чудо, которое может нас спасти, то теперь нужно было отбросить эту надежду. Мы знали: все пропало. И Катла тоже это знала.

Какое дьявольски-ликующее выражение появилось у нее в глазах! Она спокойно стояла на своей скале, глядя на нас снизу вверх. Мне казалось, она хохочет. Теперь ей некуда было торопиться. Казалось, она думала: «Приду, когда вздумается. А вы, ясное дело, можете меня подождать!»

Юнатан посмотрел на меня со своей обычной добротой.

— Прости меня, Сухарик, что я уронил рог, — сказал он. — Но я ничего не мог поделать.

Я хотел сказать Юнату, что мне никогда, никогда, никогда нечего было ему прощать, но я просто онемел от страха.

Катла стояла внизу. Ее поздри, выдыхая воздух, извергали огонь и дым, а лапы уже топтали скалу. Мы спрятались за большим валуном, чтобы языки пламени не коснулись нас. Я крепко вцепился в Юнату. О, как крепко я вцепился в него, а он смотрел на меня со слезами на глазах.

Потом на него напала ярость. Наклонившись вперед, он закричал стоявшей внизу Катле:

— Не смей трогать Сухарика! Слышишь, ты, чудище проклятое, не смей трогать Сухарика, а не то...

Он обхватил руками огромный валун, словно был великаном и мог испугать ее. Но он не был великаном и не мог испугать Катлу. Однако камень лежал на самом краю крутого откоса.

— Ни копье, ни стрелы, ни меч не берут Катлу! — сказал Урвар.

Он мог бы также сказать, что это не под силу никакому валуну, каким бы огромным он ни был.

Валун, который Юнату толкнул на нее, не убил Катлу. Но он свалился прямо на нее. И с ревом, который мог бы сокрушить горы, она упала спиной в водопад Кармафаллет.

16

Нет, Юнату не убил Катлу. Это сделал Карм. А Катла убила Карма. На наших глазах. Мы видели это. Никто, кроме Юнату и меня, не видел двух чудовищ первобытных времен, уничтожавших друг друга. Мы видели, как они боролись не на жизнь, а на смерть в водопаде Кармафаллет.

Когда Катла, издав свой страшный рев, исчезла в водопаде, мы сначала не могли поверить своим глазам. Невозможно было поверить, что она в самом деле исчезла. Там, где она погрузилась в воду, мы увидели лишь бурлящую пену. Больше ничего. Никакой Катлы. Но потом мы увидели змея. Он поднял свою зеленую голову из пены, а его хвост хлестал воду. О, он был ужасен, этот гигантский змей длиной с ширину реки. Все точь-в-точь как говорила Эльфрида.

Змей в водопаде Кармафаллет, о котором она ребенком слышала сказки, — он был такой же сказкой, как сама Катла. Он жил там и был чудовищем, таким же ужасным, как и огнедышащая драконша. Голова его вертелась во все стороны, он искал... и вдруг он увидел Катлу. Она выплыла из глубины и внезапно оказалась среди водоворотов. Змей, шипя, бросился на Катлу и обвился вокруг нее. Она стала извергать свой смертоносный огонь. Но он так сжал ее туловище, что огонь погас в ее груди. Тогда она вцепилась в него, а он вцепился в нее. Они били и кусали друг друга на смерть. Видно, они мечтали об этом с древних времен. Да, они яростно били и кусали друг друга, как двое сумасшедших, и обрушивали друг на друга свои ужасные туловища, вертясь в водоворотах. Катла кусалась и кричала, потом снова кусалась, но Карм бил ее беззвучно. Черная драконья и зеленая змеиная кровь смешивались с белой пеной, окрашивая ее в темный и какой-то болезненный цвет.

Сколько времени это продолжалось? Не знаю. Кажется, я стоял здесь, на тропинке, тысячу лет и никогда не видел ничего другого, кроме этих двух яростных чудовищ в их смертельной схватке.

Это была долгая и ужасная схватка, но и ей пришел конец. Катла издала душераздирающий рев, это был ее предсмертный рев, а затем она смолкла. У Карма теперь не было головы. Но он не выпускал ее туловища, и они, свившись в клубок, вместе погрузились в бездну.

А потом больше не стало ни Карма, ни Катлы. Они исчезли, словно их никогда и на свете не было. Пена была снова белая, а ядовитую кровь чудовищ смыли могучие потоки водопада Кармафаллет. Все было как прежде. Как со времен первобытной древности.

Мы стояли, тяжело дыша, на тропинке. Все было кончено. Говорить мы долгое время не могли. Но потом Юнатан сказал:

— Нам надо уходить отсюда! Быстрее! Скоро стемнеет, а я не хочу, чтобы ночь настигла нас в Карманьяке.

Бедные Грим и Фьялар! Не знаю, как мы подняли их на ноги и как мы выбрались оттуда! Они устали так, что едва ноги волочили.

Но мы покинули Карманьяку и проехали в последний раз через мост. А потом лошади не в силах были больше сделать ни шага. Как только мы перебрались через мост на другую сторону, они рухнули и так и остались лежать. Казалось, лошади думали: теперь, мол, мы помогли вам добраться до Нангиялы, с нас хватит!

— Надо разжечь костер на нашем старом месте, — предложил Юнатан.

Он имел в виду ту самую скалу, где мы пережили грозовую ночь и где я впервые увидел Катлу. Стоило мне подумать об этом, как я начинал дрожать, и я предпочел бы разжечь костер где-нибудь в другом месте. Но пройти дальше мы сейчас были не в силах.

Прежде чем устроиться на ночь, надо было сначала выкупать лошадей. Мы дали им воды, но пить они не хотели. Слишком сильно они устали. Тут я испугался.

— Юнатан, с ними что-то неладно, — сказал я, — станет ли им лучше после того, как им удастся поспать?

— Все будет хорошо, стоит им выспаться, — ответил Юнатан.

Я погладил Фьялара, который, лежа, дремал.

— Какой тяжелый был у тебя день, бедняга Фьялар, — сказал я.

— Но утром все будет хорошо, — сказал Юнатан.

Мы разожгли костер почти на том же самом месте, где был наш первый. И эта скала нашей грозовой ночи была, собственно говоря, самым лучшим местом, какое только можно придумать для ночного костра. Если бы только забыть, что Карманьяка так близка. За нами поднимались высокие горные склоны, они были еще теплыми от солнца и защищали от всех ветров. Перед нами скала круто падала прямо в Кармафаллет, а та часть, которая ближе всего к мосту, также была крутым склоном, спускавшимся к зеленеющему лугу. Он казался лишь маленькой зеленой полянкой глубоко-глубоко под нами.

Мы сидели у нашего костра и смотрели, как сумерки спускаются на Гору Древних Гор и Реку Древних Рек. Я устал и думал о том, что более длинного и более тяжелого дня мне никогда не доводилось переживать. С рассвета до сумерек ничего, кроме крови, и ужаса, и смерти, не было. «Есть такие приключения, которых лучше бы не было», — сказал однажды Юнатан, а таких приключений в этот день было более чем достаточно. День битвы — он в самом деле был долгим и тяжелым, но теперь он наконец-то кончился.

Однако горю все не было конца. Я подумал о Маттиасе. Я так оплакивал его, и, когда мы сидели там, у костра, я спросил Юнатана:

- Как ты думаешь, где сейчас Маттиас?
- Он в Нангилеме, — ответил Юнатан.
- Нангилема? Я никогда не слышал о такой стране, — сказал я.
- Ясное дело, не слышал, — согласился Юнатан. — Помнишь то самое утро, когда я покинул Долину Вишен, а ты так боялся? Помнишь, что я сказал тогда? «Если я не вернусь обратно, увидимся в Нангилеме». И Маттиас теперь там.

Потом он рассказывал о Нангилеме. Он уже давно ничего мне не рассказывал. У него не было на это вре-

мени. Но теперь он сидел у костра и говорил о Нангилеме. Так что казалось, все было почти так, как в те времена, когда он сидел на краешке моего диванчика, дома, в нашем городе.

— В Нангилеме... в Нангилеме, — сказал Юнатан тем самым голосом, которым он всегда что-то рассказывал. — Там еще и сейчас время ночных костров и сказок.

— Бедный Маттиас, тогда, значит, там полным-полно приключений, которых быть не должно, — пожалел я дедушку.

Но Юнатан сказал, что в Нангилеме сейчас не время жестоких сказок, а время сказок веселых, когда там полным-полно разных забав. Да, люди играют там, само собой, и работают, и помогают друг другу во всем. Но они и раньше много забавлялись, и пели, и плясали, и рассказывали сказки, говорил он. Иногда они пугали детей настоящими жестокими сказками о таких чудовищах, как Карм и Катла, и о жестоких людях, таких, как Тенгиль. Ну, а потом они только смеялись над этим.

«Не бойтесь, — говорили они детям. — Ведь это только сказки. Ничего подобного никогда на свете не было. По крайней мере, никогда — в наших долинах».

— Маттиасу так хорошо в Нангилеме, — продолжал Юнатан. — У него там старинная усадьба в Долине Яблонь. Это — самая прекрасная усадьба в самой прекрасной и самой зеленой из долин Нангилемы. Скоро уже время собирать яблоки в его яблоневом саду. Надо бы нам попасть туда и помочь ему. Слишком стар он, чтобы подниматься на лесенки.

— Я хотел бы, пожалуй, чтобы мы попали туда, — сказал я. — Мне кажется, в Нангилеме так хорошо, и я очень скучаю по Маттиасу.

— Ты так думаешь? — обрадовался Юнатан. — Да, пожалуй, тогда мы могли бы жить у Маттиаса. В Маттиасгордене, в Долине Яблонь, в Нангилеме.

— Расскажи, как это будет, — попросил я.

— О, это будет чудесно! — сказал Юнатан. — Мы сможем разъезжать верхом по лесам и разжигать ночные костры то там, то тут. Если б ты только знал, какие леса окружают долины Нангилиммы! А в глухих чащах лесов — маленькие прозрачные озера! Мы могли бы устраивать ночные костры каждый вечер у какого-нибудь другого озера и жить дни и ночи в лесах, а потом снова возвращаться к Маттиасу!

— И помогать ему собирать яблоки, — добавил я. — Но тогда Софии и Урвару придется управлять Долиной Вишен и Долиной Терновника без тебя, Юнатан.

— Да, а почему бы и нет, — сказал Юнатан. — София и Урвар больше во мне не нуждаются, они и сами могут справиться со всем в своих долинах.

Но потом он замолчал и больше ничего не рассказывал. Мы оба молчали, а я очень устал, и мне было вовсе не радостно. Да и какое же утешение слушать о Нангилеме, которая так далеко от нас?

Вокруг все больше и больше смеркалось, и горы становились все чернее и чернее. Огромные черные птицы парили над нами и горестно кричали. Все казалось таким горестным! Гремел Кармафаллет. Я страшно устал слушать его грохот. Он заставлял меня вспоминать то, что мне хотелось забыть. Горестно, горестно было все вокруг. «Верно, мне уже никогда не знать радости», — подумал я.

Я придвинулся ближе к Юнатану. Он сидел так тихо, прислонившись к горному склону, и лицо его было бледным. Он был похож на сказочного принца, но это был бледный и усталый сказочный принц. «Бедный Юнатан, и ты тоже не очень весел, — подумал я. — О, если б я мог хоть чуточку развеселить тебя!»

И вот, когда мы сидели в глубоком молчании, Юнатан сказал:

— Послушай, Сухарик, я должен тебе кое-что сказать!

Тут я сразу же испугался, потому что, когда он так говорил, он наверняка хотел сказать что-нибудь печальное.

— О чем ты должен мне сказать? — спросил я.

Он провел указательным пальцем по моей щеке.

— Не бойся, Сухарик... но ты помнишь, что говорил Урвар? Крошечного языка пламени Катлы достаточно, чтобы парализовать или убить кого угодно. Помнишь?

— Да, но почему тебе надо сейчас говорить мне об этом? — спросил я.

— Потому что... — запнулся Юнатан. — Потому что маленький язычок пламени Катлы опалил меня, когда мы бежали от нее.

Мое сердце ныло в груди целый день от всего этого горя и ужаса, но я не плакал. А теперь плач вырвался из моей груди, словно крик.

— Ты теперь снова умрешь, Юнатан?! — закричал я.

И тогда Юнатан сказал:

— Нет! Но лучше бы умереть, пожалуй, потому что теперь я больше никогда не смогу шевельнуться.

Он рассказал мне о том, как коварен огонь Катлы. Если он не убивал, то совершал во много раз худшее. Он уничтожал что-то в человеке, и тот не мог больше двигаться. Сначала паралич не был замечен, но он подкрадывался постепенно, медленно и неуклонно.

— Теперь я могу только шевелить руками, — сказал он, — а скоро и этого не будет.

— Но, может быть, это пройдет? — спросил я, заплакав.

— Нет, Сухарик, это никогда не пройдет! — ответил Юнатан. — Только если б я мог попасть в Нангилиму!

«Если б только я мог попасть в Нангилиму», — о, теперь я понял! Он задумал снова оставить меня одного, я знал это! Однажды он исчезнет из Нангиялы без меня!..

— Опять без меня! Нет! — вскричал я. — Без меня! Нет! Ты не должен исчезнуть в Нангилиме без меня!

— Хочешь отправиться со мной туда? — спросил он.

— А как ты думаешь, конечно, хочу! — ответил я. — Разве я не говорил, что, куда бы ты ни пошел, я пойду с тобой?

— Ты это сказал, и в этом мое утешение! — обрадовался Юнатан. — Но добраться туда — дело трудное!

Он помолчал еще немного, а потом сказал:

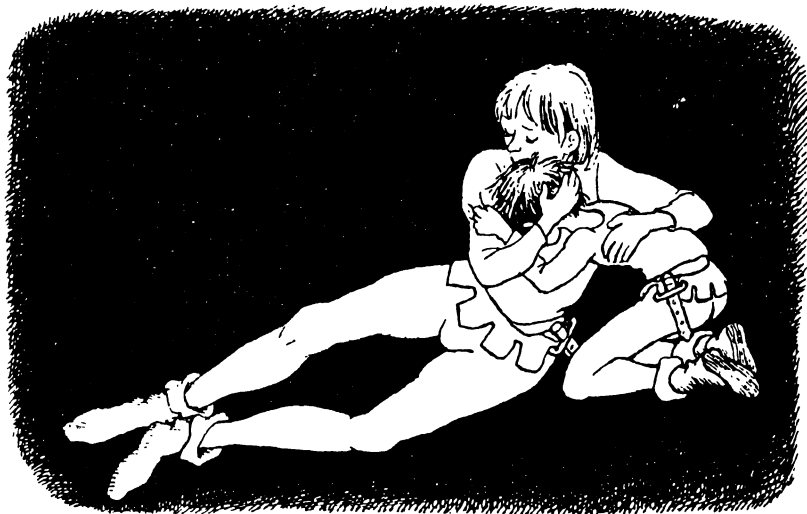
— Помнишь, как мы прыгали в тот раз? В тот ужасный миг, когда все горело и мы спрыгнули вниз, на двор. Я попал тогда в Нангиялу. Помнишь?

— Помню ли я! — сказал я, еще сильнее заплакав. — Как ты можешь об этом спрашивать? Разве ты не веришь, что с тех самых пор я вспоминал об этом каждую минуту?

— Да, я это знаю, — утешал меня Юнатан, снова погладив по щеке.

А потом сказал:

— Думаю, мы могли бы, пожалуй, спрыгнуть еще раз. Вниз, с этой кручи. Вниз, на тот луг.

— Да, но тогда мы умрем! — сказал я. — А попадем ли мы тогда в Нангилиму?

— Да, в этом можешь быть уверен, — подтвердил Юнатан. — Как только мы достигнем земли, мы увидим свет из Нангилимы. Мы увидим утренний свет над долинами Нангилимы. Да, потому что там теперь утро.

— Ха-ха, мы можем прыгнуть вниз, прямо в Нангилиму! — сказал я и впервые за долгое время рассмеялся.

— Да, можем, — подтвердил Юнатан. — И как только мы достигнем земли, мы прямо перед собой увидим тропинку, которая ведет в Долину Яблонь. А Грим и Фьялар уже стоят там и ждут нас. Нам нужно только сесть в седло, а лошади так и поскачут рысью.

— И ты совсем не будешь парализован? — спросил я.

— Нет, тогда меня покинет все зло, и я буду таким веселым, как никогда раньше! И ты тоже, Сухарик, ты тоже будешь тогда веселым. Тропинка в Долину Яблонь проходит лесом. Как тебе кажется, хорошо будет нам — тебе и мне — ехать там верхом под лучами утреннего солнца?

— Хорошо! — согласился я и снова засмеялся.

— И торопиться нам никуда не надо, — продолжал Юнатан. — Мы можем искупаться в каком-нибудь маленьком озерце, если захотим. Мы все равно поспеем в Долину Яблонь еще до того, как у Маттиаса сварится для нас похлебка.

— Как он обрадуется, когда мы явимся! — сказал я.

Но потом меня словно кто-то ударил дубинкой. Грим и Фьялар, как мог Юнатан подумать, что мы возьмем их с собой в Нангилиму?

— Как ты мог сказать, что они уже стоят и ждут нас? Они ведь лежат там, на скале, и спят.

— Они не спят, Сухарик! Они мертвы. От огня Катлы. То, что ты видишь там, — это лишь их оболоч-

ка. Поверь мне, Грим и Фьялар уже стоят возле тропинки, ведущей в Нангилиму, и ждут нас.

— Давай поспешим, — сказал я, — чтоб им не пришлось долго ждать.

Тогда Юнатан, взглянув на меня, улыбнулся.

— Я не могу торопиться, — сказал он. — Я не могу сдвинуться с места, ты забыл об этом?

И тут я понял, что мне нужно делать.

— Юнатан, я возьму тебя на спину, — сказал я. — Ты уже однажды сделал это для меня. А теперь я сделаю это для тебя. Ведь это только справедливо.

— Да, это не более чем справедливо, — ответил Юнатан. — Но думаешь, ты решишься на это, Сухарик Львиное Сердце?

Подойдя к крутому склону, я взглянул вниз. Было уже совсем темно. Луг едва был виден. Но бездна была такая глубокая, что кружилась голова. Если мы туда спрыгнем, то уж наверняка попадем в Нангилиму, попадем оба. Никому не придется оставаться в одиночестве, лежать, и горевать, и плакать, и бояться.

Но это ведь не мы должны были прыгнуть. Это должен был сделать я. Юнатан сказал, что трудное дело добраться в Нангилиму, и теперь я впервые понял почему. Как мне решиться и когда я смогу решиться на это?

«Да, если я не решусь, — подумал я, — то я всего лишь маленькая кучка дерьма, и никогда ничем другим не буду».

Я вернулся к Юнатану.

— Да, я решаюсь, — сказал я.

— Маленький храбрый Сухарик! — сказал он. — Тогда мы сделаем это сейчас!

— Сначала я хочу немного посидеть с тобой, — сказал я.

— Только не очень долго, — предупредил Юнатан.

— Нет, только пока совсем не стемнеет, — сказал я. — Чтобы я ничего не видел.

И я сел рядом с ним и держал его руку, чувствуя, что он все равно сильный и добрый и что мне нечего бояться там, где он.

И вот настала ночь, и тьма окутала Нангиялу, ее горы, и реки, и земли. И я стоял у крутого обрыва вместе с Юнатаном, он цепко повис на мне, обхватив руками мою шею, и я чувствовал, как он сзади дышит мне в ухо. Он дышал совершенно спокойно. Не то что я! Юнатан, брат мой, почему я не такой же храбрый, как ты?

Я не видел пропасти под ногами, но я знал, что она есть. И мне нужно было лишь сделать один-единственный шаг в темноту, и все будет кончено. Все произойдет так быстро!

— Сухарик Львиное Сердце, — сказал Юнатан, — ты боишься?

— Нет... да, я боюсь! Но я все-таки сделаю это, Юнатан, я сделаю это сейчас же... сейчас же... а потом я никогда больше не стану бояться. Никогда больше не ста...

О, Нангилима! Да, Юнатан, да, я вижу свет! Я вижу свет!

*Роня,
дочь разбойника*

ту ночь, когда родилась Ронья, над горами гремели грозовые раскаты. Да, гроза была такая страшная, что вся нечисть, обитавшая в лесу Маттиса, испуганно заползла в свои пещеры и потайные убежища. Одни только жестокие дикие виттры, любившие грозовую погоду больше всякой другой на свете, с воем и криком метались вокруг разбойничьего замка на горе Маттиса. Их вой и крики мешали Лувис, лежавшей во внутренних покоях замка и собиравшейся родить младенца. И она сказала Маттису:

— Прогони этих жестоких виттр, мне нужна тишина. Из-за них я не слышу, что пою.

А дело в том, что Лувис, рожая ребенка, пела. Она уверяла, что так ей легче, да и младенец наверняка будет более веселым, если появится на свет под звуки песни.

Маттис схватился за самострел и выпустил в бойницу несколько стрел.

— Убирайтесь прочь, дикие виттры! — закричал он. — Нынче ночью у меня родится ребенок! Понятно вам, кошмарихи вы этикие? Дитя грозы!

— Хо-хо, нынче ночью у него родится ребенок! Дитя грозы! Надо думать, маленький и уродливый! Хо-хо!

И Маттис еще раз выстрелил прямо в стаю. Но виттры только презрительно хохотали в ответ и, злобно воя, полетели прочь над верхушками деревьев.

Пока Лувис рожала и пела, а Маттис, по мере своих сил, справлялся с дикими виттрами, его разбойники сидели внизу у очага в большом каменном зале, ели, пили и орали ничуть не хуже виттр. Чем-то же надо им было заняться в ожидании младенца. Все двенадцать разбойников ждали того, что должно произойти наверху, в башне. Потому что за всю их разбойничью жизнь в замке Маттиса не родился еще ни один ребенок.

А больше всех ждал младенца Пер Лысуха.

— Когда же родится это разбойничье дитя?! — спрашивал он. — Я уже стар и немощен, и скоро придет конец моей разбойничьей жизни. Хорошо бы перед смертью увидеть нового разбойничьего хёвдинга¹.

---

¹ Хёвдинг — здесь: предводитель разбойничьей шайки, вожак.

Только он произнес эти слова, как двери отворились и в зал ворвался совершенно обезумевший от радости Маттис. Ликуя, он обежал весь зал, вопя как сумасшедший:

— У меня родилось дитя! Слышите, что я говорю? У меня родилось дитя!

— Мальчик или девочка? — спросил сидевший в своем углу Пер Лысуха.

— Дочь разбойника, о радость и счастье! — заорал Маттис. — Дочь разбойника, вот она!

И через широкий порог перешагнула Лувис с ребенком на руках. Среди разбойников воцарилась мертвая тишина.

— Ну, сейчас вы у меня захлебнетесь пивом! — сказал Маттис.

Взяв девочку у Лувис из рук, он обошел с нею весь зал, показывая дочку каждому разбойнику.

— Вот! Если хотите видеть самого красивого ребенка, который когда-либо родился в разбойничьем замке, пожалуйста!

Дочка лежала у него на руках и смотрела на него ясными, широко раскрытыми глазками, в которых и капли сна не было.

— Сразу видно, этот детеныш знает кое-что и уже разбирается кое в чем, — заявил Маттис.

— А как ее назовут? — спросил Пер Лысуха.

— Ронья, — ответила Лувис. — Я решила это уже давным-давно.

— Ну, а если бы родился мальчик? — поинтересовался Пер Лысуха.

Лувис спокойно и строго взглянула на него.

— Раз я решила, что мой ребенок будет зваться Ронья, значит, и появилась на свет Ронья!

И, повернувшись к Маттису, спросила:

— Хочешь, теперь я возьму ее?

Но Маттис не желал отдавать дочку. Он стоял, удивленно глядя на ее ясные глазки, на маленький ротик, на черные волосики, на ее беспомощные ручки, и просто дрожал от любви к девочке.

— Да, малышка, в этих вот маленьких ручонках ты держишь уже мое разбойничье сердце, — заявил он. — Не знаю, как это случилось, но так оно и есть.

— Можно, я подержу ее немножко? — попросил Пер Лысуха, и Маттис положил Ронью ему на руки так бережно, словно она была золотым яичком.

— Вот тебе новый разбойничий хёвдинг, о котором ты столько болтал. Смотри не урони ее, а не то настает твой последний час.

Но Пер Лысуха только улыбнулся Ронье беззубым ртом.

— Она словно бы ничего и не весит, — удивленно произнес он и несколько раз поднял ее вверх и опустил вниз.

Тут Маттис разозлился и рванул ребенка к себе.

— А чего ты ждал, баранья твоя башка? Что родится здоровенный, бородатый разбойничий хёвдинг с толстым брюхом?

Тут все разбойники поняли, что скалить зубы ни к чему, да и вообще касаться этого ребенка тоже, если не хочешь, чтобы у Маттиса портилось настроение. Да и в самом деле, незачем приводить его в ярость. Поэтому они тотчас же начали хвалить и прославлять новорожденную. Они также опрокинули несколько кружек пива в ее честь, чем несказанно обрадовали Маттиса. Он сел на свое почетное место во главе стола и время от времени показывал им свое необыкновенное дитя.

— Борка, поди, лопнет от злости, — радовался Маттис. — Пусть сидит в своей жалкой разбойничьей конуре и скрипит зубами от зависти, да, гром и молния! Тут такой вой и скрежет зубовный пойдет, что всем диким виттрам да и серым карликам в лесу Борки придется заткнуть уши, уж поверьте мне!

Пер Лысуха радостно кивнул головой и, хихикнув, сказал:

— Да уж, Борка точно лопнет от злости. Потому что теперь род Маттиса продолжится, а роду Борки — конец!

— Да, — согласился Маттис, — его роду конец, это уж точно. Нет у Борки детеныша и не будет, так и останется он бездетным.

И тут вдруг раздался громовой раскат, какого никогда не слыхивали в лесу Маттиса. Грохот был такой, что даже разбойники побледнели, а Пер Лысуха повалился на пол. Ведь он был такой слабый. Ронья неожиданно жалобно всплакнула, и этот плач потряс Маттиса больше, чем раскат грома.

— Мое дитя плачет! — вскричал он. — Что делать? Что делать?

Но Лувис спокойно взяла у него девочку, приложила к груди, и малышка сразу перестала плакать.

— Ну и громыхнуло! — немного успокоившись, восхитился Пер Лысуха. — Готов отдать душу дьяволу, что молния ударила в замок!

Да, так и есть, молния здорово постаралась. Она ударила в замок, и, как только настало утро, все увидели, что древний замок — крепость Маттиса на самой вершине горы Маттиса — раскололся надвое. От самого высокого зубца крепостной стены и до

самого глубокого сводчатого подземелья замок был отныне поделен на две половины, а между ними зияла бездна.

— Ронья, до чего же славно начинается твое детство! — сказала Лувис, когда с дочкой на руках стояла уже у расколотой зубчатой стены, глядя на постигшую их беду.

Маттис разъярился, словно дикий зверь. Как могло случиться такое со старинным замком его предков? Но долго свирепствовать Маттис не умел и всегда находил повод для утешения.

— Ну и ладно, зато теперь у нас не будет так много лабиринтов и подвалов, полных всякого хлама. И уж никто не заблудится в замке Маттиса. Помните ведь, как это было, когда Пер Лысуха заплутал там и не мог выбраться целых четыре дня!

Вот об этом-то Пер Лысуха не любил вспоминать. Разве он виноват, что так вышло? Ведь он только пытался узнать, насколько, собственно говоря, велик замок Маттиса. И, как уже было сказано, на своем горьком опыте понял, что он огромный и что там можно заблудиться. Бедняга, он был чуть жив, когда наконец-то нашел дорогу назад, в большой каменный зал. Разбойники, слава богу, так хохотали и вопили, что

он услышал их издалека. Иначе ему никогда бы не найти дорогу.

— Замком целиком мы все равно никогда не пользовались, — сказал Маттис. — И мы по-прежнему будем жить в своих залах и покоях и в башне, там, где жили всегда. Меня бесит лишь то, что мы остались без отхожего места. Да, гром и молния, оно ведь осталось по другую сторону подвала, и мне жаль того, кто не сможет удержаться до тех пор, пока мы соорудим новое.

Но и с этим все быстро устроилось, и жизнь в Маттисборгене снова пошла своим чередом, точь-в-точь как раньше. С той только разницей, что теперь там появился ребенок. Малышка, которая, как считала Лувис, мало-помалу превращала Маттиса и всех его разбойников в большей или меньшей степени в придурков. Не то чтобы для них было вредно стать чуть помягче и пообходительней, но ведь во всем нужна мера. Ну разве не смешно было видеть, как все двенадцать разбойников и их разбойничий хёвдинг сидят в замке, блея по-овечьи и ликуя лишь потому, что крошечный детеныш только-только научился ползать по всему каменному залу; сидят с глупым видом, сюсюкая и ликуя так, словно большего чуда никогда не свершалось во всем мире. Разумеется, Ронья передвигалась по полу с невероятной быстротой, потому что она как-то исхитрялась отталкиваться левой ножкой. И разбойники находили это чем-то в высшей степени выдающимся.

— Надо сказать, что большинство детей в конце концов учится ползать, — говорила Лувис. — Без громких криков и восторга и без того, чтобы их отцу приходилось ради этого забывать все на свете и даже совершенно забрасывать свою работу.

— Уж не хотите ли вы, чтобы Борка захватил в свои руки всю добычу и здесь, в лесу Маттиса? — с горечью спрашивала она, когда разбойники во главе с Маттисом врывались в самое неурочное время домой в замок только ради того, чтобы поглядеть, как

Ронья ест свою кашку, прежде чем Лувис засунет ее в колыбель на ночь.

Но Маттис не желал слушать эту глупую болтовню.

— Ронья, голубка моя! — кричал он, когда Ронья, ловко орудуя левой ножкой, кидалась к нему навстречу по полу, как только он появлялся в дверях. А потом он сидел, держа свою голубку на коленях, и кормил ее кашкой, а его двенадцать разбойников неотрывно смотрели на них. Плоска с кашкой стояла на плите очага неподалеку от них, и Маттис со своими грубыми кулачищами был несколько неловок, да и, кроме того, Ронья время от времени отпихивала ложку, так что часть каши брызгала на брови Маттиса. Когда это случилось в первый раз, разбойники так расхохотались, что Ронья испугалась и начала плакать. Но вскоре она поняла, что придумала какую-то веселую забаву, и охотно повторила это еще раз, — что обрадовало разбойников куда больше, чем даже самого Маттиса. Хотя вообще-то Маттис думал: что бы Ронья ни делала — бесподобно, а самой ей равной на свете нет.

Даже Лувис не могла не смеяться, видя, как Маттис сидит со своей малышкой на коленях и все брови у него в каше.

— Милый ты мой, Маттис, кто бы мог подумать, что это ты — могущественнейший хёвдинг всех гор и лесов! Если бы Борка тебя сейчас увидел, он хохотал бы, пока не лопнул!

— Скоро я отучу его хохотать! — спокойно ответил Маттис.

Борка был заклятый враг Маттиса. Так же как отец и дед Борки были заклятыми врагами отца и деда Маттиса. Да, с незапамятных времен род Борки и род Маттиса жили во вражде друг с другом. Испокон веков были они разбойниками и грозой честного люда, которому с лошадьми, каретами и повозками приходилось пробираться сквозь чащу глухих лесов, где обитали обе разбойничьи шайки.

«Да поможет Господь тому, кто попадет на разбойничью тропу!» — говорили люди; а речь шла об узком горном ущелье между лесами Борки и Маттиса. Там всегда сидели в засаде разбойники, а были ли это разбойники из шайки Борки или из шайки Маттиса, не составляло ни малейшей разницы для тех, кого грабили. Но для Борки и Маттиса разница эта была велика. Они бились не на жизнь, а на смерть из-за добычи и грабили друг друга, если по Разбойничьей тропе не проезжало столько повозок с кладью, сколько нужно.

Обо всем этом Ронья ничего не знала, она была слишком мала. Не понимала она и того, что отец ее был разбойничьим хёвдингом, которого все боялись. Для нее же он был бородатым и добрым Маттисом, который громко смеялся и пел и кормил ее кашкой. Она любила его.

Но она росла с каждым днем и начала мало-помалу изучать окружающий ее мир. Долгое время она думала, что огромный каменный зал и есть весь мир. И там она благоденствовала, там она так надежно и уверенно сидела под громадным и длинным столом и играла с шишками и камешками, которые собирал и приносил для нее Маттис. Да и каменный зал был тогда вовсе не самым плохим местом для ребенка. Там можно было хорошенько повеселиться, да и многому поучиться. Ронье нравилось, когда разбойники пели у очага по вечерам. Она тихонько сидела под столом и слушала, пока не выучила все их разбойничьи песни. А потом тоже стала принимать участие в общем хоре и пела своим звончайшим голоском. Маттис только диву давался, какой у него необыкновенный ребенок и как он замечательно поет. Научилась Ронья и танцевать. Потому что если разбойники по-настоящему брались за дело и впадали в раж, они начинали плясать и прыгать как сумасшедшие по всему залу, и Ронья вскоре поняла, как надо плясать по-настоящему. Она плясала и прыгала совершенно по-разбойничьи. Да-да, и она тоже — на радость Маттису. А когда после этого разбой-

ники кидались на лавки у длинного стола, чтобы освежиться кружкой пива, он хвастался своей дочкой:

— Она такая же красивая, как маленькая виттра, попробуйте не согласиться! Такая же гибкая, такая же темноглазая и с такими же черными перышками на голове. Вы никогда не видели такой красивой малышки, попробуйте не согласиться!

И разбойники кивали головами, соглашаясь со своим хёвдингом. А Ронья меж тем тихонько сидела под столом со своими шишками и камешками, а когда видела ноги разбойников в лохматой меховой обуви, она играла с ними, воображая, что это — ее непослушные козы. Таких она видела в козьем загоне, куда Лувис брала ее с собой, когда нужно было доить коз.

Но за всю свою недолгую жизнь Ронья едва ли видела кого-нибудь, кроме домашних. Она ничего не знала о том, что творилось за пределами Маттисборгена. И в один прекрасный день Маттис, хотя это было ему совсем не по душе, понял, что прежнее время кончилось и настала новая пора.

— Лувис, — сказал он жене, — наш ребенок должен научиться жить в лесу Маттиса. Отпусти Ронью на волю.

— Ну вот, наконец-то ты это понял, — обрадовалась Лувис. — Это случилось бы уже давным-давно, если бы в замке распоряжалась я.

И вот Ронье была предоставлена свобода бродить по всей округе, где ей вздумается. Но прежде Маттис преподавал ей несколько уроков.

— Остерегайся диких виттр и серых карликов, да еще разбойников Борки, — предупредил он дочку.

— А как я узнаю, кто такие дикие виттры и серые карлики, а кто — разбойники Борки? — спросила Ронья.

— Сама увидишь, — ответил Маттис.

— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.

— Да не заблудись в лесу, — предупредил ее Маттис.

— А что мне делать, если я заблужусь? — спросила Ронья.

— Найти нужную тропинку, — ответил Маттис.
— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.
— И еще остерегайся плюхнуться в речку, — предупредил ее Маттис.

— А что мне делать, если я плюхнусь в речку? — спросила Ронья.

— Плыть! — ответил Маттис.
— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.
— И еще остерегайся рухнуть в Адский провал, — предупредил ее Маттис.

Он имел в виду пропасть, которая проходила в самой середине замка Маттиса, разделяя его на две части.

— А что мне делать, если я рухну в Адский провал? — спросила Ронья.

— Тогда тебе ничего больше делать не придется, — ответил Маттис, заревев так, словно вся боль мира переполнила внезапно его грудь.

— Ну, ладно, — согласилась Ронья, когда Маттис наревелся вдосталь. — Раз так, я не рухну в Адский провал. Нет ли еще чего-нибудь, чего надо опасаться?

— Ясное дело, есть, сколько хочешь, — сказал Маттис. — Но постепенно ты сама во всем разберешься. А теперь иди!

2

И Ронья пошла. Очень скоро она поняла, какой она была глупой. Как она только могла думать, что огромный каменный зал и есть весь мир! Даже громадный замок Маттиса, и тот не весь мир! Даже высоченная гора Маттиса — не весь мир. Мир был гораздо больше, чем они. Он был так велик, что дух захватывало. Разумеется, она слыхала не раз, как Маттис и Лувис беседовали о том, что было за стенами замка Маттиса. Но только теперь, увидев, как эта речка с ее бурливыми порогами шумно мчится глубоко-глубоко вниз у подножия горы Маттиса, она поняла, какие бывают речки. Не раз говорили они и о лесе. Но только теперь, увидев, какой темный и удивительный этот лес, со всеми его шелестящими листвою деревьями, она поняла, что такое леса. И тихонько засмеялась, радуясь тому, что на свете есть реки и леса. Она едва могла в это поверить. Подумать только, на свете есть такие большие деревья, и большие речки, и

озера, и все они живут своей собственной жизнью. Ну как этому не радоваться и не смеяться!

Она прошла по тропинке прямо в чащу дремучего леса и подошла к небольшому озерцу. Дальше ходить Маттис ей не велел. Озеро чернело среди темных елей, и только лилии, плывущие по воде, сияли белизной. Ронья не знала, что это лилии, но она долго смотрела на них и радовалась, что они есть на свете.

Целый день оставалась она у озера и делала там много такого, чего никогда прежде и не приходило ей в голову. Она бросала в воду еловые шишки и хохотала, когда они кувыркались на волнах, стоило ей только поболтать ногами в воде. Никогда в жизни не было ей так весело. Ее ноги, казалось, обрадовались свободе, когда им довелось поплескаться в воде, и еще больше обрадовались, когда им довелось карабкаться по деревьям. Озеро окружали огромные, поросшие мхом валуны, на которые можно было взбираться, и ели и сосны, за сучья которых можно было цепляться. Ронья взбиралась и цеплялась до тех самых пор, пока солнце не начало садиться за вершинами гор, поросшими лесом. Тогда она съела хлеб и выпила молоко, которые захватила с собой в кожаном мешочке. Потом улеглась на мшистую кочку, чтобы немного отдохнуть, а над ее головой, в вышине, шумели деревья. Она лежала, глядя на деревья, и тихонько смеялась от радости, что они есть на свете. Потом она заснула.

Когда она проснулась, был уже темный вечер, и она увидела, как над верхушками елей горят звезды. Тогда она поняла, что мир еще громаднее, нежели думала она. Но ее опечалило, что, хотя на свете есть звезды, достать их невозможно, как к ним ни тянись.

Она была в лесу уже гораздо дольше, чем ей разрешили. Пора было отправляться домой, а не то Маттис сойдет с ума, в этом она была уверена.

Звезды отражались в озере, все остальное тонуло в крошечной тьме. Но к темноте она привыкла. Она

ее не пугала. Ведь в замке Маттиса зимними вечерами, когда, бывало, погаснет огонь, стояла такая жуткая темень, гораздо чернее, чем во всех лесах! Нет, темноты она не боялась.

Только она собралась идти, как вспомнила вдруг про кожаный мешочек. Он по-прежнему лежал на поросшем мхом валуне, сидя на котором она ела хлеб и пила молоко. И она вскарабкалась в темноте на валун, чтобы забрать мешочек. И вдруг ей показалось, что здесь, стоя на этом высоком валуне, она приблизилась к звездам. И, протянув руки ввысь, она попыталась достать с неба хотя бы несколько звезд, чтобы принести их домой в кожаном мешочке. Но у нее ничего не получилось, так что она взяла свой мешочек и слезла с валуна. Тут она увидела нечто испугавшее ее. Повсюду среди деревьев сверкали глаза. Плотное кольцо глаз, карауливших ее, окружило валун, а она этого раньше не заметила. Никогда прежде не видала она глаз, которые светились бы в темноте, и ей они пришлись не по душе.

— Что вам надо? — закричала она.

Но ответа не последовало. Однако глаза придвинулись еще ближе. Они медленно-медленно приближались, и она услышала бормочущие голоса, удивительные, старческие, серые, бесцветные голоса, которые бормотали, сливаясь воедино:

— Сс...серые кк...карлики, всс...се-всс...се до одд...ного, зз...десь чч...человек, зз...десь, в лесс...су Сс...серых кк...карликов, чч...человек! Сс...серые кк...карлики, всс...се-всс...се до одного, кк...кушайте и бб...бейте чч...человека! Сс...серые кк...карлики, всс...се-всс...се до одного, кк...кушайте и бб...бейте чч...человека!

И внезапно они очутились внизу, у самого подножия ее валуна, диковинные серые существа, наверняка желавшие ей зла. Она их не видала, но чувствовала, что они там, и все в ней содрогалось от ужаса. Теперь она поняла, как они опасны, эти серые карлики, кото-

рых ей велел остерегаться Маттис. Но было уже слишком поздно.

Они принялись колотить по валуну палками и дубинками или чем-то там еще у них в руках. Что-то так мерзко хлопало, грохотало и трещало в лесной тишине; и Ронья закричала от страха.

Когда она закричала, карлики перестали колотить по валуну. Но вместо этого она услышала нечто еще более страшное. Они начали карабкаться вверх, на валун. Они приближались со всех сторон в темноте. Она услышала, как они скребутся по валуну, взбираясь все выше и выше, она услышала их бормотанье:

— Сс...серые кк...карлики, всс...се-всс...се до одного, кк...кушайте и бб...бейте!

Тут Ронья в полном отчаянии закричала еще громче и стала наносить удары во все стороны. Она знала: вот-вот они набросятся на нее и закусуют до смерти. Ее первый день в лесу станет ее последним днем.

Но в ту же самую минуту она услышала какой-то рев. Так отчаянно реветь и рычать мог только Маттис. Да, вот и он сам, ее Маттис, он шел там вместе со своими разбойниками, их факелы пылали среди деревьев, а рев и крики Маттиса эхом отзывались в лесу:

— Прочь, серые карлики! Убирайтесь к черту, пока я вас не укокошил!

И тут Ронья услышала, как ударялись о землю маленькие тела, бросавшиеся вниз с валуна. При свете факелов она увидала их, серых маленьких карликов, которые спасались бегством, а потом исчезли в темноте.

Усевшись на кожаный мешочек, она съехала, как на санках, с крутого обрывистого валуна. А вскоре подошел и Маттис. Он схватил ее, обнял, и она заплакала, уткнувшись в его бороду, и плакала все время, пока он нес ее домой, в замок Маттиса.

— Теперь ты знаешь, что такое серые карлики, — сказал Маттис, когда они сидели у очага и грели холодные ножки Роньи.

— Да, теперь я знаю, что такое серые карлики, — повторила Ронья.

— Но как тебе с ними обращаться, этого ты не знаешь, — продолжал Маттис. — Если ты боишься, они чувствуют это издалека, и тогда они становятся опасными.

— Да, — вмешалась Лувис, — все это примерно так и есть. Поэтому надежней всего — ничего не бояться в лесу Маттиса.

— Этого я не забуду, — сказала Ронья.

Тут Маттис вздохнул и крепко обхватил ее:

— Но ты помнишь, что я сказал? Чего ты должна остерегаться еще?

Да, ясное дело, она помнила об этом. И все последующие дни Ронья ничего другого не делала, как только остерегалась того, что опасно, и училась не бояться. Маттис сказал: она должна остерегаться плюхнуться в речку. Поэтому она с наслаждением прыгала на скользких камнях у самой кромки берега реки, где вода шумела и бурлила сильнее всего. Не могла же она уйти в самую дремучую чащу леса и остерегаться там плюхнуться в речку! Если уж нужно, чтобы из всего вышла какая ни на есть польза, ей необходимо находиться поблизости от речных порогов и водопадов, а не в каком-нибудь другом месте. Но чтобы подобраться к этим

порогам и водопадам, нужно было вскарабкаться на гору Маттиса, которая крутым обрывом падала вниз, к реке. Таким образом Ронья также могла упражняться в том, чтобы не бояться. В самый первый раз было трудно, тогда она боялась так, что ей пришлось зажмуриться. Но мало-помалу она становилась все более и более дерзкой. И вскоре знала, где какая расселина, куда можно поставить ногу и где надо уцепиться пальцами ног за уступы, чтобы крепче держаться и не свалиться вниз, в водопад.

«Повезло же мне, — думала она, — что удалось найти такое место, где можно и остерегаться, чтобы не свалиться в речку, и еще научиться не бояться».

Так проходили ее дни. Ронья только и делала, что остерегалась и упражнялась гораздо больше, чем Маттис и Лувис знали об этом. В конце концов она стала гибкой и сильной, словно маленькая зверюшка, которая ничего на свете не боялась. Ни серых карликов, ни диких виттр, ни заблудиться в лесу, ни упасть в реку. Она еще не начала остерегаться того, чтобы не рухнуть в Адский провал, но думала, что скоро примется и за это.

Зато замок Маттиса она изучила от подвалов до конька на крыше и зубцов крепостных стен. И повсюду отыскивала пустынные, заброшенные залы, куда никто, кроме нее, никогда не заглядывал. И она ни разу не заблудилась ни в одном из подземных ходов и подвалов с низкими сводами, ни в одной из мрачных пещер. Она знала теперь все тайные подземные ходы замка и тайные узкие тропки. Она знала их наперечет и находила повсюду. Хотя охотней всего она проводила время в лесу и бегала там, пока было светло.

Но когда наступал вечер, а с ним и темнота, когда в каменном зале замка зажигали огонь, она являлась домой, падая от усталости, — ведь целый день она только и делала, что остерегалась и упражнялась в том, чтобы ничего не бояться. В это время из разбойничьих набегов

возвращался Маттис со своими разбойниками. И Ронья сидела вместе с ними у огня и распевала разбойничьи их песни.

Но об их разбойничьей жизни она ровно ничего не знала. Она видела, как они подъезжают к замку с какой-то кладью, груженной на спины лошадей. С разной кладью в тюках и кожаных мешках, в ларях и шкатулках. Но где они брали все это, никто из них ей не говорил, а интересовало ее это ничуть не больше, чем вопрос о том, откуда берется дождь. На свете есть немало разных непонятных вещей — это-то она успела заметить.

Иногда она слышала болтовню о разбойниках Борки и тогда вспоминала, что их ей тоже следует опасаться. Но никого из них она еще не видела.

— Не будь Борка такой скотиной, я почти что мог бы пожалеть его, — сказал однажды вечером Маттис. — Солдаты охотятся за ним в лесу, у него нынче нет ни минутки покоя. А вскоре они, верно, выкурят его из его разбойничьей норы. Да, да, он, ясное дело, дерьмо, так что это пускай, но, во всяком случае...

— Вся шайка разбойников Борки — все до одного — дерьмо, — заявил Пер Лысуха, и все с ним согласились.

«Повезло же мне, что разбойники Маттиса лучше», — подумала Ронья.

Она посмотрела на них, на всех сидевших у длинного стола и глотавших похлебку.

Обросшие бородой и грязные, шумные, сварливые и совершенно одичавшие. Однако никто не посмеет прийти сюда и обозвать их при ней дерьмом. Пер Лысуха и Чегге, Пелье и Фьосок, Ютис и Юен, Лаббас и Кнутас, Турре и Чурм, Стуркас и Коротышка Клипп — все они ее друзья и пойдут за нее в огонь и воду, уж это-то она знала.

— Счастье, что мы здесь — в замке Маттиса, — радовался Маттис. — Здесь мы в такой же безопасности, как лис в норе или орел на вершине скалы. Пусть

только явятся сюда эти дурьи башки — солдаты, они полетят ко всем чертям, и они это знают!

— Полетят и завоняют! — сказал довольный Пер Лысуха.

Все разбойники согласились с ним. Они только и делали, что смеялись при одной мысли о том, какие тупоумные должны быть те, кто попытается ворваться в замок Маттиса. Замок стоял на своей скале, неприступный со всех сторон. Только на южном склоне змилась вниз узкая коротенькая лошадиная тропка, которая исчезала в лесной чаще у самого подножия. С трех же других сторон гора Маттиса круто падала вниз своими обрывистыми уступами.

— Нет на свете такой дурьей башки, которая осмелилась бы вскарабкаться тут наверх! — кудахтали от смеха разбойники.

Они ведь не знали, где именно Ронья вечно упражняется в том, чтобы ничего не бояться.

— А если они вздумают подняться вверх по лошадиной тропке, то неожиданно застрянут у Волчьего ущелья, — сказал Маттис. — Там мы остановим их, сбрасывая вниз огромные валуны. И все прочее также.

— И все прочее также! — повторил Пер Лысуха и хихикнул при одной мысли о том, как можно остановить солдат у Волчьего ущелья. — Немало волков прихлопнул я там в мои прежние денечки, — добавил он, — теперь же я слишком стар и никого, кроме моих собственных блох, мне больше не прищелкнуть. Хо-хо! Верно я говорю?

Ронья поняла, что Пера Лысуху надо пожалеть, потому что он такой старый. Но она не поняла, почему какие-то дурацкие кнехты¹ должны приходить к Волчьему ущелью и поднимать там шум. А вообще-то ей хотелось спать и не было сил думать об этом. Она забралась на скамейку, где обычно спала, и лежала

---

¹ Кнехты (нем.) — наемные солдаты.

там, не смыкая глаз. До тех пор пока не услышала, как Лувис запела Волчью песнь. Она пела ее каждый вечер, когда разбойникам пора было отойти от горящего очага и разойтись по каморкам, где они спали. В каменном зале оставались только трое — Ронья, Маттис и Лувис. Ронье нравилось лежать в своей постели и сквозь шелку полога смотреть, как вспыхивает и медленно угасает огонь, пока Лувис поет свою песнь. Сколько Ронья помнила, она всегда слышала, как мама поет на ночь Волчью песнь. Это означало, что пора спать. Но прежде чем сомкнуть глаза, она радостно подумала: «Завтра, завтра я встану пораньше!»

Лишь только занимался новый день, Ронья тотчас же вскакивала на ноги. Какая бы ни была погода, ей непременно нужно было в лес, и Лувис давала ей с собой в кожаном мешочке хлеб и фляжку молока.

— Ты — дитя грозовой ночи, — говорила Лувис, — и к тому же еще — дитя ночи виттр. Такие легко становятся добычей всякой нечисти, это всем известно. Так что смотри, как бы виттры не схватили тебя.

Ронья не раз видела, как дикие виттры парят над лесом, и быстренько отползала в сторону и пряталась. Виттры были самыми коварными изо всей нечисти в лесу Маттиса. Их надо было остерегаться, если хочешь остаться в живых, так говорил Маттис. И большей частью из-за них ему так долго пришлось держать Ронью дома, в замке. Красивые, неистовые и жестокие были эти виттры. С остекленевшими глазами летали они над лесом, высматривая, кого бы разодрать в кровь своими острыми когтями.

Но никакие дикие виттры не могли отпугнуть Ронью от ее тропок и от любимых мест, где она жила своей одинокой лесной жизнью. Да, она была одна в лесу, но ей не был нужен никто. Да и кто мог быть ей нужен? Дни ее были заполнены жизнью и счастьем, только они страшно быстро таяли. Лето прошло, и уже наступила осень.

А дикие виттры всегда становились еще неистовее по мере того, как приближалась осень. Однажды они целый день гонялись за Роньей по всему лесу до тех пор, пока она не почувствовала, что теперь ей и в самом деле грозит настоящая опасность. Правда, она умела бегать с быстротой лисицы и знала все потайные убежища в лесу. Но виттры упрямо преследовали ее, и она слышала их пронзительные крики.

— Хо-хо! Маленький красивый человечек! Иди-ка сюда! Сейчас мы разорвем тебя когтями, сейчас прольется кровушка, хо-хо!

Тогда она нырнула в лесное озерцо и поплыла под водой на другой берег. Там она взобралась на густую ель и спряталась меж ветвей, слушая, как виттры ищут ее и яростно вопят:

— Где этот маленький человечек, где эта девчонка, где она? Иди сюда! Мы разорвем тебя когтями! Сейчас прольется кровушка! Хо-хо!

Ронья продолжала сидеть в своем убежище до тех пор, пока не увидела, как виттры исчезают над верхушками деревьев. Однако оставаться в лесу она все-таки больше не хотела. Но до ночи и до Волчьей песни, которую пела Лувис, было еще много времени, и потому ей пришлось в голову, что теперь ей и нужно сделать то, что она давно уже задумала. Ей нужно подняться на крышу замка и поучиться осторожности, чтобы не рухнуть в Адский провал.

Много раз слышала она о том, как замок Маттиса раскололся в ту ночь, когда она родилась. Маттису никогда не надоедало рассказывать об этом:

— Гром и молния! Какой грохот! Ты бы только слышала! Ну да, вообще-то ты слышала, хотя только-только родилась! Какая ты была тогда крошечная, бедняжка! Бах! Бах! И вместо одного замка у нас оказалось целых два, с провалом посредине. И никогда не забывай того, что я тебе сказал: берегись, не то рухнешь в Адский провал.

И вот теперь она как раз и решила побережься. Это было самое лучшее, что она могла сделать, пока виттры бесновались в лесу.

Много раз бывала она на крыше, но никогда не подходила к страшной пропасти, которая разверзлась у нее под ногами, не огороженная никакой защитной стеной. Она подползла на животе к самому краю провала. Ух, до чего было страшно! Намного страшнее, чем она думала!

Взяв один из камней, валявшихся на краю, она бросила его в бездну и задрожала от ужаса, услышав глубоко-глубоко внизу шум падения. Такой глухой и такой отдаленный! Да, этой бездны в самом деле надо было остерегаться! Но пропасть, разделявшая обе половины замка, вовсе не была такой уж страшно широкой. Если сильно оттолкнуться и прыгнуть, ее, поди, можно перескочить! Хотя вряд ли найдутся такие чокнутые! А может, все-таки стоит остороженько попробовать? Поучиться остерегаться такой опасности? Она снова

заглянула вниз в пропасть. Ух, какая жуткая глубина! Потом она глянула наверх, чтобы понять, как лучше всего перепрыгнуть через провал. И тут вдруг увидела то, что чуть не заставило ее от удивления плюхнуться в пропасть. Чуть поодаль, на другом краю провала, кто-то сидел, похоже, что ее ровесник! Он болтал ногами над Адским провалом!

Ронья, конечно, знала, что она — не единственный ребенок в мире. Она была единственным ребенком только в замке Маттиса, да и в лесу Маттиса тоже. Но Лувис говорила, что в других краях полным-полно детенышей двух разных видов: таких, которые станут Маттисами, когда вырастут, и таких, из которых получатся Лувис. Сама же Ронья станет совсем как Лувис. Но она почувствовала, что тот, болтавший ногами над Адским провалом, — тот непременно станет Маттисом.

Он еще не замечал ее. Ронья не отрывала от него глаз. И потом тихонько засмеялась от радости, что он есть на свете.

3

И тут он увидел ее. А увидев, тоже рассмеялся.

— А я знаю, кто ты! — сказал он. — Ты — та самая дочь разбойника, что бегает в здешнем лесу. Я видел тебя там однажды.

— А ты кто такой? — спросила Ронья. — И как попал сюда?

— Я — Бирк, сын Борки. Я здесь живу. Мы переехали сюда нынче ночью.

Ронья вытаращила на него глаза.

— Кто это — мы?

— Борка, и Ундис, и я, и наши двенадцать разбойников.

Не сразу дошли до нее те возмутительные слова, что он произнес, но в конце концов она сказала:

— По-твоему, весь Северный замок битком набит всяким сбродом?

Он засмеялся:

— Да нет. Там одни лишь честные разбойники Борки. А вот там, где живешь ты, собралось одно дерьмо. Об этом вечно только и слышишь!

— Вот как? Ты об этом слышишь! Ну и нахал же ты! В ней все кипело. Но и это было еще не все.

— А вообще-то, — сказал Бирк, — это вовсе уже не Северный замок. С нынешней ночи он зовется крепость Борки, запомни!

Ронья просто задохнулась от дикого гнева. Крепость Борки! С ума сойти! Какие же негодяи люди Борки! А этот олух, что сидит тут и ухмыляется, — он же один из них!

— Гром и молния! — воскликнула она. — Ну погоди, стоит только Маттису услышать эту новость, как все разбойники Борки мигом вылетят из замка!

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал Бирк.

Но Ронья думала о Маттисе и содрогалась от ужаса. Она не раз видела, как он теряет разум от ярости, и хорошо представляла себе, как это может быть. Она понимала, что теперь-то наверняка замок Маттиса еще раз расколется пополам, и застонала при одной мысли об этом.

— Что с тобой? — спросил Бирк. — Тебе худо?

Ронья не ответила. Сколько можно слушать этого дерзкого мальчишку! Теперь надо что-то делать. Разбойники Маттиса скоро должны вернуться домой, и тогда, гром и молния, все эти дерьмовые разбойники из банды Борки вмиг вылетят из замка Маттиса! Вылетят куда быстрее, чем туда попали!

Она поднялась, чтобы уйти. Но тут увидела, что задумал сделать Бирк. Этот мошенник и вправду задумал перепрыгнуть через Адский провал! Он стоял там, на другой стороне пропасти, прямо напротив нее, и вдруг приготовился к прыжку. Тогда она закричала:

— Только посмей перепрыгнуть! Дам по морде так, что нос отвалится!

— Ха-ха! — засмеялся Бирк и одним прыжком метнулся через пропасть. — Попробуй так! — с легкой ухмылкой сказал он.

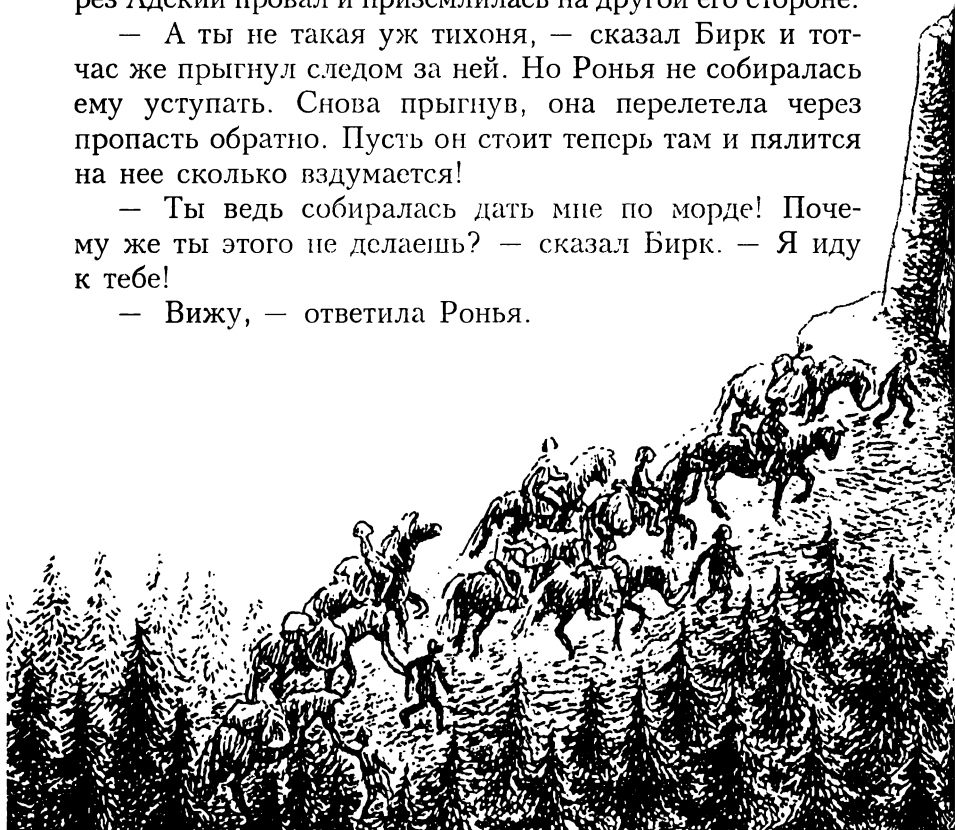
Этого ему говорить не следовало, этого она стерпеть не могла. Разве мало того, что он и эти его дерьмовые дружки устроили себе крепость в замке Маттиса? Но ни один разбойник из их шайки не смеет являться сюда и делать такие прыжки, какие не мог бы повторить разбойник Маттиса!

И она прыгнула. Да, она это сделала! Она сама не знала, как это получилось, но Ронья вдруг перелетела через Адский провал и приземлилась на другой его стороне.

— А ты не такая уж тихоня, — сказал Бирк и тотчас же прыгнул следом за ней. Но Ронья не собиралась ему уступать. Снова прыгнув, она перелетела через пропасть обратно. Пусть он стоит теперь там и пялится на нее сколько вздумается!

— Ты ведь собиралась дать мне по морде! Почему же ты этого не делаешь? — сказал Бирк. — Я иду к тебе!

— Вижу, — ответила Ронья.

И он явился вновь. Но даже и теперь она не стала его дожидаться. Она опять прыгнула через пропасть и собиралась прыгать до тех пор, пока не испустит дух, если это нужно для того, чтобы избавиться от Бирка.

А потом никто из них не произнес больше ни слова. Они только прыгали. Безумно и неистово прыгали они взад-вперед через Адский провал. Слышалось только их учащенное дыхание. Да лишь время от времени каркали на зубцах крепостной стены вороны. А в остальном было отвратительно тихо. Казалось, будто замок Маттиса, стоя на горе, затаил дыхание перед

чем-то грозным и опасным, что должно вот-вот произойти.

«Да, скоро, верно, мы оба приземлимся на дно Адского провала, — подумала Ронья, — но тогда хотя бы настанет конец этому нескончаемому прыганью!»

И вот Бирк снова перелетел через пропасть прямо ей навстречу, а она приготовилась к новому прыжку. Да, и она тоже. Который раз подряд, она уже не знала. Казалось, будто она никогда ничего другого не делала, кроме как перепрыгивала через пропасти, чтобы избавиться от мошенников этого Борки.

И тут она увидела, как Бирк угодил на камень, лежавший на самом краю пропасти, как раз там, где приземлился. И услышала, как он крикнул, прежде чем исчезнуть в бездне.

А потом она слышала только карканье ворон. Она закрыла глаза с одним желанием, чтобы этого дня никогда не было. И Бирка тоже не было бы на свете. И чтобы они никогда не прыгали через Адский провал.

Потом она подползла на животе к самому краю пропасти и заглянула вниз. И тут она увидела Бирка. Он стоял прямо под ней, на каком-то камне, или на балке, или на чем-то другом, торчавшем из треснувшей стены. На чем-то таком маленьком, что там помещались лишь его ноги, и ничего больше. Он стоял над глубоким Адским провалом, а руки его судорожно нащупывали опору, какую-нибудь щербинку, за которую можно было бы зацепиться и которая помешала бы ему рухнуть вниз, в бездну. Но он знал, и Ронья знала тоже, что самому ему оттуда не выбраться. Ему придется стоять там, пока не иссякнут силы, они оба знали это, а потом Бирка, сына Борки, больше не будет на свете.

— Держись! — сказала Ронья, и он, слегка ухмыльнувшись, ответил:

— Придется! А чем еще здесь заниматься!

Но было заметно, что ему страшно.

Ронья сорвала с себя плетеный кожаный ремень, который всегда носила свернутым в клубок на поясе. Он помогал ей много раз, когда она карабкалась на деревья и цеплялась за ветки во время своей лесной жизни. Теперь она сделала большую петлю на одном конце ремня, а другой обвязала вокруг пояса. Затем она спустила ремень вниз Бирку и увидела, как блеснули его глаза, когда ремень, болтаясь, мелькнул над его головой. Да, она увидела: ремень оказался как раз нужной длины, что было большой удачей для этого мошенника, сына Борки.

— Обвяжись ремнем, если можешь, — сказала она. — А когда я крикну, начинай карабкаться вверх! Но не раньше!

Гроза, разразившаяся той ночью, когда она родилась, вырвала из крепостной стены целую каменную глыбу. И, к счастью, она лежала неподалеку от края пропасти. Ронья улеглась на живот, как раз за этой глыбой, а потом крикнула:

— Давай!

И вскоре почувствовала, как на животе у нее натянулся ремень. Ей стало больно. Каждый рывок ремня, пока Бирк карабкался наверх, заставлял ее стоять.

«Скоро я тоже разорвусь пополам, точь-в-точь как раскололся замок Маттиса», — подумала она и сжала зубы, чтобы не закричать.

Внезапно она почувствовала облегчение. И вот перед ней уже стоит Бирк и смотрит на нее! Она продолжала лежать, пытаясь понять, в силах ли она дышать. И тогда он сказал:

— А стало быть, ты лежишь тут!

— Да, я лежу тут, — ответила Ронья. — Ну как, напрыгался?

— Нет, придется прыгнуть еще раз, чтобы попасть на другую сторону пропасти. Мне ведь надо домой, в крепость Борки! Поняла?

— Снимай сперва мой ремень, — велела Ронья, поднявшись на ноги. — Не хочу быть связанной с тобой дольше, чем нужно!

Он размотал пояс.

— Разумеется! — согласился он. — Но после того, что случилось, я как будто все равно связан с тобой. Без всякого ремня.

— Хорошенького понемножку! — ответила Ронья. — Катись отсюда подобру-поздорову! Вместе с твоей крепостью Борки!

Сжав кулак, она стукнула Бирка по носу.

Он улыбнулся.

— Советую тебе больше этого не делать! Но ты все равно добрая, раз спасла мне жизнь, спасибо тебе!

— Сказано тебе, катись! — крикнула Ронья и убежала прочь, не оглядываясь.

Но когда она стояла уже у каменной лестницы, которая вела от крепостной стены вниз, в замок Маттиса, она услышала, как Бирк кричит:

— Эй ты, дочь разбойника! Когда-нибудь мы еще обязательно встретимся!

Повернув голову, она увидела, что он приготовился к своему очередному прыжку. И тогда она воскликнула:

— Хоть бы ты снова сверзился туда, дерьмо ты этакое!

Все оказалось гораздо хуже, чем она думала. Маттис пришел в такую ярость, что даже его разбойники испугались.

Но сначала никто не хотел верить ее рассказу. Маттис впервые в жизни рассердился на Ронью.

— Иной раз можно и приврать! Или выдумать что-нибудь забавное! Да только такую чушь пороть не смей! Разбойники Борки в замке Маттиса! Да, ты на выдумки гораздо! У меня аж кровь в жилах закипела, хоть я и знаю, что это — враки!

— Вовсе это не враки, — возразила Ронья.

И она снова попыталась рассказать ему о том, что узнала от Бирка.

— Врешь ты все, — повторил Маттис. — Во-первых, у Борки нет никакого мальчишки. У него не может быть детей, об этом всегда ходили толки.

Все разбойники сидели молча, не смея вымолвить ни слова. Но под конец Фьосок открыл рот:

— Да, это так, но говорят, у него все-таки есть мальчишка. Ну, тот самый, что Ундис родила от страха в ту самую ночь, когда разразилась страшная гроза. Ну, когда у нас появилась Ронья, помнишь?

Маттис вперил в него взгляд:

— И никто не сказал мне об этом! Ну, выкладывайте, есть еще на свете какая-нибудь дьявольщина, которую мне не привелось узнать?

Обведя зал диким взглядом, он с громким воплем схватил по пивной кружке в каждую руку и грохнул их о стену с такой силой, что пиво с шипением вылилось на пол.

— А теперь этот змееныш Борки разгуливает по крыше замка Маттиса? И ты, Ронья, говорила с ним?

— Он говорил со мной, — ответила Ронья.

С громким воплем схватил Маттис баранье жаркое, стоявшее на длинном столе, и швырнул его в стену так, что ломтики сала закружились в воздухе.

— И ты говоришь, будто этот змееныш утверждает, что поганый пес, его отец, вместе со всем разбойничьим сбродом перебрался в Северный замок?

Ясное дело, Ронья боялась, что Маттис, не дослушав до конца, потеряет от злости разум. Но злоба была теперь просто необходима, чтобы вышвырнуть разбойников Борки, и поэтому она сказала:

— Да, это так. И теперь Северный замок называется крепость Борки, запомни это!

С громким воплем схватил Маттис суповой котел, висевший над очагом, и швырнул его в стену. Да так, что похлебка брызгами разлетелась во все стороны.

Лувис между тем сидела молча и только смотрела и слушала. Теперь она тоже разозлилась, и это было заметно. Взяв в руки миску с теплыми куриными яйцами, принесенными с птичьего двора, она подошла к Маттису.

— Вот тебе, — сказала она. — Но помни, ты сам уберешь за собой!

Маттис взял яйцо, сначала одно. Потом другое, третье. И с безумными воплями стал швырять их, да так, что на полу растеклась настоящая яичница.

А потом заплакал.

— Жил я спокойно, как лис в своей норе и орел на вершине скалы, вот, так я всегда говорил. А теперь...

Бросившись на пол, он растянулся во весь рост, он плакал, кричал и сыпал проклятия до тех пор, пока Лувис это не надоело.

— Нет, на сегодня хватит, — сказала она. — Если в твоей шкуре завелись блохи, нечего тут валяться и скулить! Поднимайся и сделай лучше что-нибудь, вместо того чтобы плакать да орать.

Голодные разбойники уже сидели за столом. Лувис принесла баранье жаркое, валявшееся на полу, и слегка отряхнула его.

— Оно стало только мягче, — сказала она в утешение и стала нарезать толстые ломти мяса разбойникам.

Насупившись, Маттис поднялся на ноги и занял свое место за столом. Но он ничего не ел. Он сидел, обхватив свою черную, лохматую голову руками, и негромко рычал, вздыхая иногда на весь каменный зал.

И вот тогда к нему подошла Ронья. Она обвила рукой его шею и прижалась щекой к его щеке.

— Не печалься, — сказала она. — Теперь дело только за тем, чтобы вышвырнуть их из замка.

— Нелегко это сделать! — глухо произнес Маттис.

Весь вечер сидели они перед очагом, пытаясь придумать, как им поступить.

Маттис хотел знать, как вытравить блох из шкуры, как выгнать разбойников Борки из замка Маттиса, если они, что вполне вероятно, засели там крепко. Но прежде всего ему хотелось знать, как эти его заклятые враги, как эти паршивые миккелы¹, эти псы-ворюги смогли пробраться в Северный замок так, что ни один разбойник Маттиса ничего не заметил. Всякий, будь то пеший или конный, кому нужно было попасть в замок Маттиса, должен был пересечь Волчье ущелье, а там день и ночь неусыпно стояли на страже люди Маттиса. И все-таки никто из них не заметил и тени хотя бы одного разбойника из шайки Борки. Пер Лысуха презрительно расхохотался.

— Ну и ну! Неужто ты, Маттис, думал, что они, прогуливаясь по округе, явятся сюда через Волчье ущелье? Да еще весьма учтиво скажут тебе: потеснитесь-ка, добрые друзья, потому что нынче ночью мы хотим переселиться в Северный замок!

---

¹ Миккель — прозвище Лиса в народных сказках Скандинавии, здесь: хитрецы.

— Как же они туда попали?! Объясни мне. Ты ведь знаешь все на свете!

— Да уж во всяком случае не через Волчье ущелье и не через крепостные ворота, — ответил Пер Лысуха. — Ясное дело, они явились с севера, оттуда, где у нас никакой стражи нет.

— Еще чего, зачем там стража? Там ведь нет никакого входа в замок, а лишь одна крутая горная стена. Хотя они, может, летают или умеют ползать, как мухи, по отвесным скалам и потом проникать через маленькие бойницы? Не так ли?

Но тут ему в голову пришла внезапно какая-то мысль, и он устался на Ронью.

— А вообще-то, что ты делала наверху, на крыше?

— Я старалась не упасть в Адский провал, — ответила Ронья.

Она страшно жалела, что не расспросила Бирка чуть подробнее. Тогда бы он, быть может, рассказал ей, как разбойникам Борки удалось пробраться в Северный замок. Но теперь было не время думать об этом.

Маттис выставил на ночь стражей не только у Волчьего ущелья, но и на крыше.

— Ну и дерзкий же этот Борка! — сказал он. — А вдруг он, словно бешеный бык, перескочит через Адский провал и захочет вовсе выгнать нас из замка Маттиса?

Схватив кружку с пивом, он швырнул ее в стену так, что пиво расплескалось по всему каменному полу.

— А сейчас я ложусь, Лувис! Но не для того, чтобы спать, а чтобы пораскинуть мозгами и осыпать врагов проклятиями. И горе тому, кто мне помешает!

Ронья тоже не заснула в этот вечер. Все внезапно стало таким ужасно несправедливым и печальным. Почему так случилось? А этот Бирк, которому она так обрадовалась, когда впервые увидела его? И почему, когда ей наконец-то встретился ровесник, он непременно должен был оказаться маленьким гнусным разбойником из шайки Борки?

4

Наутро Ронья проснулась рано. Отец уже сидел за столом и ел кашу. Ел он вяло. Мрачно подносил ложку ко рту, но иногда забывал при этом, что надо открывать рот. Так что каши ему доставалось совсем немного. И лучше не стало, когда Коротышка Клипп, который вместе со Стуркасом и Чегге нес ночью стражу у Адского провала, внезапно ворвался в каменный зал с криком:

— Борка ждет тебя, Маттис! Он стоит на той стороне Адского провала и кричит, что желает сию же минуту потолковать с тобой!

Затем Коротышка Клипп быстро отскочил в сторону, что было умно с его стороны, так как деревянная площадка Маттиса с кашей в тот же миг пролетела мимо самого его уха и ударилась о стену так, что каша брызнула во все стороны.

— Ты сам уберешь за собой, — строго напомнила мужу Лувис, но Маттис ее не слышал.

— Вот как, Борка желает потолковать со мной! Гром и молния! Так и быть, я с ним поговорю, только после ему вряд ли останется в жизни много времени на разговоры! — сказал Маттис и стиснул зубы так, что они закрипели.

Тут из спальных боковуш¹ узнать, что случилось, сбежались в каменный зал разбойники.

— Лопайте свою кашу! Да побыстрее, так, словно вам пора на пожар! — приказал Маттис. — А потом мы схватим этого бешеного быка за рога и сбросим его в Адский провал!

Ронья быстро оделась. Много времени на это не потребовалось, потому что поверх рубашки ей надо было надеть лишь короткий кафтанчик из жеребьячьей кожи и длинные штаны. Ей не приходилось тратить время на то, чтобы надевать сапоги или башмаки, когда нужно было, как, например, сейчас, поторапливаться. Она ходила босиком до самого снега.

Если бы все шло как всегда, она немедленно отправилась бы бродить по лесу. Но все было уже не как всегда, и теперь ей пришлось подняться на крышу вместе со всеми — поглядеть, что там произойдет.

Маттис позвал своих разбойников, и, еще доедая на ходу кашу, они вместе с Лувис и Роньей храбро поднялись по ступенькам каменной лестницы замка на крышу. Один только Пер Лысуха остался сидеть со своей плоской каши, сокрушаясь, что уже не в силах участвовать вместе со всеми в таком любопытном деле.

— Слишком много лестниц у нас в доме, — брюзжал он. — Да к тому же ноги меня не слушаются.

Стояло ясное, холодное утро. Первые красные лучи солнца освещали дремучие леса вокруг замка Маттиса. Ронья видела эти лучи над зубчатыми стенами. А ей

---

¹ Боковуша — боковая комната, смежная с большой горницей или залом.

хотелось быть там, внизу, в ее тихом зеленом мире. Не здесь, у Адского провала, где Маттис и Борка со своими разбойниками стояли друг против друга. И не спускали друг с друга глаз.

«Вон что, вот как он выглядит, этот дрянной миккель», — подумала она, увидев, что Борка стоит, широко расставив ноги и подняв вверх голову, перед толпой своих разбойников. Ей показалось, что он не такой рослый и красивый, как Маттис, и это пришлось ей по душе. Но нельзя отрицать, что он был сильным с виду. Конечно, невысок ростом, но широкоплеч и силен. Да к тому же рыжеволос, с торчащими во все стороны космами. Рядом с Боркой стоял еще один, тоже рыжеволосый, хотя волосы лежали у него на голове словно медный шлем. Да, это Бирк стоял рядом с отцом. Казалось, ему было весело наблюдать все это представление. Он украдкой кивнул ей, словно они были старыми друзьями. Как он только посмел так подумать, этот разбойничий пес-ворюга!

— Хорошо, Маттис, что ты явился так быстро, — сказал Борка.

Маттис мрачно смотрел на своего врага.

— Я пришел бы раньше, — сказал он, — но было одно дело, с которым надо было сперва покончить.

— Что за дело? — учтиво осведомился Борка.

— Песнь, которую я придумал на утреннем холодке. Называется «Плач и причитания на смерть Борки-разбойника». Может, эта песнь утешит немного Ундис, когда она станет вдовой.

Видно, Борка думал, что Маттис выговорится и не станет больше шуметь из-за этого дела с «крепостью Борки». Но тут же понял, что ошибался, и дал волю своему гневу:

— Ты бы лучше подумал о том, как утешить Лувис, которой приходится слушать каждый день, как ты дерешь свою широкую глотку.

Ундис и Лувис, обе женщины, которых собирались утешать, стояли, скрестив руки на груди, каждая на

своей стороне Адского провала, и вызывающе смотрели друг другу в глаза. Обе они совершенно не походили на женщин, которые нуждаются в каком-либо утешении.

— А теперь выслушай меня, Маттис, — сказал Борка. — В лесу Борки нельзя больше жить. Кнехтов там столько, сколько слепней на лугу. Куда же мне податься с женой и ребенком да со всеми моими разбойниками?

— Может, ты правду говоришь, — согласился Маттис. — Но вот так, ни с того ни с сего, без спросу ворваться в чужой дом! Так не поступает ни один человек, у которого есть хоть капля совести.

— Удивительные речи для разбойника, — заметил Борка. — Разве ты постоянно не берешь без спросу все, что тебе хочется?

— Гм! — только и хмыкнул Маттис.

Теперь он явно утратил дар речи, хотя Ронья не понимала почему. Интересно, что мог Маттис брать без спросу, она непременно должна это разузнать.

— Кстати, — помолчав немного, сказал наконец Маттис, — было бы забавно услышать, как вам удалось пробраться в замок, потому что тогда можно было бы вышвырнуть вас тем же путем.

— Ври, да не завирайся, — ответил Борка. — Как мы пробрались сюда? Да, видишь ли, есть у нас мальчонка, который может взбираться на самые крутые обрывы, а длинная крепкая веревка тянется за ним, словно хвост.

Он потрепал Бирка по медно-красной макушке, и Бирк молча улыбнулся.

— А после этот мальчонка надежно прикрепляет там, наверху, веревку, чтобы мы все вместе могли взобраться туда. Так что остается только войти прямо в замок и начать устраивать себе подходящее разбойничье логово.

Слушая эти слова, Маттис скрежетал зубами, а потом сказал:

— Насколько мне известно, здесь, на северной стороне, нет такого входа.

— Тебе известно! Не слишком-то много ты знаешь и не слишком-то много помнишь об этом замке, хотя и прожил тут всю свою жизнь! Да, видишь ли, в то время, когда здесь было куда больше построек, нежели один господский замок, служанкам нужна была хотя бы маленькая дверца, чтобы выйти и накормить свиней. Ну а где стоял свинарник, когда ты был ребенком, ты, поди, помнишь. Мы с тобой ловили там крыс до тех самых пор, пока на нас не наткнулся твой отец и не дал мне пощечину, от которой у меня башка чуть не отвалилась!

— Да, немало добрых дел сотворил в жизни мой отец, — сказал Маттис. — Он преследовал своих заклятых врагов, всех миккелей из рода Борки, всюду, где бы он их ни встречал.

— Да, твоя правда, — согласился с ним Борка. — И этот бандюга научил меня, что все из рода Маттиса — мои враги не на жизнь, а на смерть. Раньше я даже не подозревал, что мы из разных кланов, ты и я, и ты, верно, этого тоже не знал!

— Но теперь знаю! — ответил Маттис. — И либо тут сейчас мы справим тризну по Борке-разбойнику, либо ты и все твои прихвостни покинут замок Маттиса той же дорогой, какой пришли сюда.

— Что ж, тризну тут могут справить и по мне, и по тебе, — сказал Борка. — Но нынче я поселился в крепости Борки, здесь и останусь.

— Что же, поглядим! — пригрозил Маттис, а все его разбойники стали негодующе бряцать оружием. Они решили тотчас же вытащить свои самострелы, но разбойники Борки были также при оружии, и битва на краю Адского провала могла бы плохо кончиться для тех и других. Это понимали и Маттис, и Борка. Потому-то они на этот раз и разошлись после того, как для порядка в последний раз осыпали друг друга проклятиями.

Маттис вовсе не походил на победителя, когда вернулся обратно в каменный зал, да и люди его тоже не шибко развеселились. Пер Лысуха сначала молча разглядывал их, а затем лукаво улыбнулся беззубой улыбкой.

— Ну, как там бешеный бык?! — поинтересовался он. — Ну, тот, кого вы собирались взять за рога и швырнуть в Адский провал? Представляю, какой поднялся грохот! На весь Маттисборген!

— Ешь-ка лучше кашу, если сможешь ее разжевать! А с бешеными быками я уж сам управлюсь, — заявил Маттис. — С ними-то я, верно, совладаю, когда придет время.

Но поскольку время еще, видимо, не пришло, Ронья поспешила отправиться в свой лес. Дни теперь стали короче. Всего через несколько часов солнце сядет, но пока наступит этот час, ей хотелось побывать в своем лесу и возле своего озера. Оно лежало озаренное солнцем и сверкало, как чистейшее золото. Но Ронья знала, что золото — обманчиво, а вода озера в глубине холодна как лед. И все же она быстро сбросила с себя одежду и нырнула головой вниз. Сначала она взвыла, а потом засмеялась от радости. Она плавала и ныряла, пока холод не выгнал ее из воды. Дрожа, она надела на себя кожаный кафтанчик. Но теплее ей не стало, и она начала бегать, чтобы согреться. Она помчалась, словно троллиха¹, среди деревьев и по скалам и носилась до тех пор, пока ей не стало жарко и щеки не запылали. А потом она продолжала бегать, только чтобы чувствовать, как она легка на ногу. Радостно рыча, промчалась она меж двумя лесными елями и наткнулась прямо на Бирка. И тогда в ней снова вспыхнула злоба. Подумать только, даже в лесу тебя не могут оставить в покое!

---

¹ Троллиха, тролль, троллята — персонажи скандинавских сказок, человекоподобные существа, косматые, живут в горных пещерах, злые, но чаще — глупые.

— Осторожней, дочь разбойника! — попросил Бирк. — Ты ведь не торопишься?!

— Тороплюсь я или нет, какое тебе дело! — прошипела она и снова ринулась вперед.

Но потом замедлила шаг. И вдруг ей пришло в голову прокрасться тайком обратно и посмотреть, что делает Бирк в ее лесу.

Он сидел на корточках перед норой, где ютилось ее собственное лисье семейство. Это привело ее в еще большую ярость. Ведь это были ее собственные лис и лисица. Она следила за ними до тех самых пор, пока у них весной не появились лисята. Теперь лисята были уже большие, но все еще не переставали резвиться. Они прыгали, кусались и дрались друг с другом перед норой, а Бирк сидел рядом и смотрел на них. Он сидел к ней спиной и все-таки каким-то странным образом заметил, что она там стоит, и, не оборачиваясь, закричал:

— Чего тебе надо, дочь разбойника?

— Хочу, чтобы ты оставил в покое моих лисят и убрался из моего леса!

Тогда, поднявшись, он подошел к ней.

— Твои лисята! Твой лес! Ты что, не понимаешь? Лисята — ничьи, они — сами по себе. И живут они в лисьем лесу. Который точно так же принадлежит волкам и медведям, лосям и диким лошадям. И филинам с канюками, и лесным голубям, и ястребам, и кушкам. И улиткам, и паукам, и муравьям.

— Я знаю, как живет весь этот лес, — сказала Ронья. — Нечего меня учить.

— Тогда ты знаешь, что этот лес — и лес диких виттр, и серых карликов, и ниссе-толстогузок¹, и троллей-болотников!

— Ничего нового ты мне не скажешь, — оборвала его Ронья. — Ничего такого, чего бы я не знала лучше тебя. Так что помолчи!

---

¹ Ниссе — домовый, здесь: обитатель леса, придуманный Линдгреном.

— Кроме того, это мой лес! И твой лес, дочь разбойника, да, и твой тоже! Но если ты хочешь оставить его только себе, значит, ты глупее, чем я думал, когда в первый раз увидел тебя!

Он посмотрел на нее, и его голубые глаза потемнели от гнева. Было ясно, что она ему не нравилась, и она была этим довольна. Пусть думает о ней все, что угодно. Ей хотелось вернуться домой, только чтобы больше его не видеть.

— Я с радостью буду делить лес и с лисицами, и с филинами, и с пауками, но только не с тобой! — заявила она и пошла прочь.

И тут она увидела, как над лесом встает туман. Серый и ватный, поднимался он с земли и клубился между деревьями. Миг — и солнце исчезло. Исчезло и все золотое сияние озера. Теперь не видно было больше ни единой тропки, ни единого камня. Но это ее не испугало. Ясное дело, она сможет пробраться в замок Маттиса и сквозь самый густой туман и обязательно попадет домой до того, как Лувис запоеет свою Волчью песнь.

Ну а что будет с Бирком? Быть может, он найдет любую тропку и любую дорогу в лесу Борки, но здесь, в лесу Маттиса, он легко может заблудиться. «Ну что ж, придется ему тогда остаться здесь, с лисятами, — подумала она, — пока не займется новый день и туман не рассеется».

И тут она услышала, что он кричит из тумана:

— Ронья!

Смотри-ка, уже знает, как ее зовут! Она для него теперь не просто дочь разбойника!

— Ронья! — снова крикнул он.

— Чего тебе надо? — заорала она.

Но тут он уже догнал ее.

— Не нравится мне что-то этот туман.

— Вот как, ты боишься, что не найдешь дорогу домой, в свое воровское гнездо? Тогда тебе придется

делить нору с лисицами. Ты ведь любишь делиться со всеми!

Бирк засмеялся.

— Ты — тверже камня, дочь разбойника! Но ты лучше меня знаешь дорогу в замок Маттиса. Можно, я буду держаться за твой кафтан, пока мы не выйдем из леса?

— Держись, мне-то что! — ответила Ронья. Но все же отвязала свой кожаный ремень, который уже однажды спас ему жизнь, и протянула ему один конец.

— Вот! Но советую тебе держаться на расстоянии длины веревки от меня!

— Как хочешь, злюка, — сказал Бирк.

И они пустились в путь. Туман окутывал их плотной пеленой, и они молча двигались вперед — на расстоянии веревки друг от друга, так, как велела Ронья.

Теперь нельзя было отступать в сторону от тропки. Малейший неосторожный шаг — и они заблудятся в тумане. Но она не боялась. Руками и ногами нащупывала она дорогу — камни, деревья и кусты были вехами на ее пути. Шли они медленно, Ронья надеялась все же вернуться домой до того, как Лувис начнет петь Волчью песнь. И не надо бояться.

Хотя более удивительного странствия на ее долю никогда не выпадало. Казалось, будто жизнь в лесу смолкла и вымерла, и от этого ей становилось не по себе. Неужели это ее лес, который она знала и любила? Почему же теперь он так тих и страшен? А что скрывалось там, в этих туманах? Что-то незнакомое и опасное, она сама не знала что. И это пугало ее.

«Скоро я буду дома, — думала она, утешая себя, — скоро я буду лежать в постели и слушать, как Лувис поет Волчью песнь».

Но это не помогло. Страх в ее душе все рос и рос; никогда в жизни ей не было так страшно. Она окликнула Бирка, но голос ее прозвучал так жалобно! Он

был так глух, что это еще больше напугало ее. «Я, кажется, сойду с ума, — подумала она, — и тогда мне — конец!»

И тут из самой глубины тумана донеслись сладостные, щемящие звуки. Послышалась песня, и то была самая удивительная песня во всем мире. Никогда она не слышала ничего подобного. О, как прекрасна была эта песня, какой прелестью наполнила она весь ее лес! Она прогнала страх и утешила ее. Ронья молча стояла, слушая эту песню и позволяя себя утешить. Как это было прекрасно! И как манила и притягивала к себе

эта песня! Да, она чувствовала, что те, кто пел, хотели бы, чтоб она сошла с тропинки и последовала бы за этими прекрасными звуками в самую гущу тумана.

Песня звучала все громче и сильнее. Она заставляла дрожать ее сердце. Ронья тут же и думать забыла про Волчью песнь, ожидавшую ее дома. Забыв все на свете, она хотела лишь свернуть с тропинки и отправиться к тем, кто звал ее из тумана.

— Иду, иду! — воскликнула она и сделала несколько шагов в сторону. Но тут кожаный ремень так крепко натянулся, что она упала навзничь.

— Куда это ты собралась? — закричал Бирк. — Если позволишь заманить себя подземным жителям, ты пропала! Сама знаешь!

Подземные жители! Да, она слышала о них. Она знала, что они обычно поднимаются из темных земных недр наверх, в лес, только во время тумана. Никогда не доводилось ей встречать кого-либо из этого народа, но все-таки сейчас ей хотелось следовать за ними, куда бы они ни позвали. Ей хотелось быть рядом с ними и слушать их песни, даже если бы пришлось провести под землей все отпущенные ей на свете годы.

— Иду, иду! — снова воскликнула она и снова попыталась сойти с тропинки.

Но Бирк был тут, он был начеку, он крепко держал ее.

— Пусти меня! — кричала она, дико размахивая руками.

Но он крепко обхватил ее.

— Ты попадешь в беду! — сказал он.

Но она не слышала его. Звуки песни заглушали голос Бирка. Они были теперь такими сильными и громкими и наполняли весь лес, вызывая в ее душе томление и тоску, которым невозможно было не поддаться.

— Иду, иду! — в третий раз крикнула она и стала драться с Бирком, чтобы избавиться от него. Она дергала и рвала ремень, плакала и кричала, потом больно укусила Бирка в щеку. Но он крепко держал ее.

Он продолжал держать ее долго-долго. И вдруг туман поднялся ввысь так же быстро, как и появился. В тот же миг песня стихла. Ронья оглянулась.казалось, будто она только-только пробудилась ото сна. Она увидела тропку, которая вела домой, и красное солнце, садившееся за поросшими лесом крутыми утесами. И еще Бирка. Он стоял совсем рядом с ней.

— На расстоянии длины веревки, — напомнила она ему.

Затем, увидев его окровавленную щеку, она спросила:

— Тебя укусила лисица?

Бирк не ответил. Свернув кожаный ремень, он протянул его ей:

— Спасибо тебе! Теперь я справлюсь сам, я один доберусь в крепость Борки!

Ронья смотрела на него из-под падавших на лоб прядей волос. Ей вдруг стало трудно плохо думать о нем. И она не знала почему.

— Убирайся прочь! — ласково сказала она.

И помчалась домой.

5

В тот вечер Ронья, сидя вместе с отцом у очага, вдруг вспомнила, о чем хотела у него узнать.

— Что это ты брал без спросу? Ну, то, что имел в виду Борка.

— Гм, — хмыкнул Маттис. — До чего же я боялся, что ты не найдешь в тумане дорогу, моя Ронья!

— Но ведь я нашла ее, — сказала Ронья. — Послушай-ка, что ты брал без спросу?

— Смотри, — уклонился от ответа Маттис и усердно стал мешать угли. — Разве ты не видишь? Вот уголек — ну прямо вылитый человечек! Он похож на Борку! Тви вале!¹ Фу, черт!

Но Ронья никакого уголька, похожего на Борку, так и не увидела. Да и вообще не о том думала.

— Что ты взял без спросу? — повторяла она упрямо.

Когда Маттис не ответил и на этот ее вопрос, вмешался Пер Лысуха.

— Да многое! Хо-хо! Да многое! Я бы мог посчитать.

— Заткнись! — злобно произнес Маттис. — С этим я и сам справлюсь.

Все разбойники, кроме Пера Лысухи, уже разошлись по своим спальным боковушам, а Лувис вышла, чтобы

---

¹ Тви вале! — ругательство троллей в народных сказках Скандинавии.

присмотреть на ночь за курами, козами и овцами. И одному лишь Перу Лысухе довелось услышать, как Маттис объяснял Ронье, что за люди, собственно говоря, разбойники. Ну, те, кто берет разные вещи без спросу и без всякого разрешения.

Вообще-то, Маттис несколько этого не стеснялся, наоборот! Он гордился и хвастался тем, что был самым могущественным предводителем разбойников во всех горах и лесах. Но теперь ему пришлось немного попотеть, рассказывая все это Ронье. Ясное дело, ему хотелось, чтобы она постепенно все узнала, ведь это было необходимо. Но он хотел подождать с этим еще некоторое время.

— Ты ведь, доченька, еще маленькое, невинное дитя, потому-то я тебе прежде об этом много не рассказывал.

— Ни слова ты не говорил, — заверил его Пер Лысуха. — Да и нам тоже ничего говорить не велел!

— А ты, старик, может, пойдешь да ляжешь спать? — поинтересовался Маттис.

Но Пер Лысуха ответил, что вовсе не собирается этого делать. Ему хотелось послушать, о чем Маттис говорит с Роньей.

И она поняла. Теперь наконец-то до нее дошло, откуда в замке все бралось. Все, что разбойники привозили по вечерам на спинах лошадей, когда возвращались верхом домой. Она поняла, откуда брались эти вещи в мешках и узлах, все драгоценности в ларях и шкатулках. Такое на лесных деревьях не растет! Отец ее безо всякого зазрения совести отбирал все это у других людей.

— А разве они не злятся и не бесятся, когда у них отнимают их вещи? — спросила Ронья.

Пер Лысуха хихикнул.

— Да они просто шипят от злости, — уверил он ее. — Ох-хо-хо, если бы ты только слышала!..

— Хорошо бы тебе, старик, наконец-то отправиться спать, — посоветовал Перу Лысухе Маттис.

Но Пер Лысуха по-прежнему не хотел и слышать об этом.

— Иные из них даже плачут, — продолжал он свой рассказ, но тут Маттис зарычал:

— Замолчи, а не то я вышвырну тебя вон!

Потом он потрепал Ронью по щеке:

— Ты должна это понять, Ронья! Такова жизнь! Так поступали всегда. И не о чем тут спорить.

— Ясное дело, не о чем, — снова вмешался Пер Лысуха. — Но люди, понятно, никогда к этому не привыкнут. Они только воют, и плачут, и клянут разбойников, так что любо-дорого смотреть и слушать!

Маттис злобно поглядел на него, а потом снова повернулся к Ронье:

— Мой отец был предводителем разбойников, так же как мой дед и прадед, ты это знаешь. Да и я не выродок, и я не опозорил честь нашего рода. Я тоже предводитель разбойников, самый могущественный во всех горах и лесах. И ты тоже, моя Ронья, станешь предводительницей разбойников.

— Я? — воскликнула Ронья. — Ни за что! Никогда в жизни, раз те, кого грабят, злятся и плачут!

Маттис схватился за голову. Вот еще несчастье! Он хотел, чтобы Ронья восхищалась им и любила его ничуть не меньше, чем он любил и восхищался ею. А теперь вот, нате вам, она кричит: «Ни за что!» И не хочет стать предводительницей разбойников, как ее отец и хёвдинг. Маттис почувствовал себя несчастным. Надо как-то заставить ее понять: то, чем он занимается, хорошо и справедливо.

— Видишь ли, моя Ронья, я ведь отбираю только у богатых, — уверял он ее.

А потом, немного подумав, сказал:

— А отдаю все награбленное беднякам, вот что я делаю!

Тут Пер Лысуха захихикал:

— Ну да, да, так оно и есть! Чистая правда! Помнишь, ты отдал целый мешок муки бедной вдове, у которой восемь человек детей?

— Вот-вот, — обрадовался Маттис, — так оно и было.

Он удовлетворенно погладил свою черную бороду. Наконец-то он был страшно доволен самим собой, да и Пером Лысухой тоже.

Пер Лысуха снова хихикнул:

— Хорошая у тебя память, Маттис! Ну-ка, с тех пор прошло, пожалуй, лет десять, не меньше. Уж конечно, ты отдаешь награбленное беднякам. Частенько ты это делаешь. Не реже чем один раз в десять лет!

Тут Маттис взревел:

— Если ты сейчас же не ляжешь спать, то кое-кто поможет тебе грохнуться на пол.

Но этого не понадобилось. Потому что в зал вошла Лувис. Пер Лысуха тут же исчез безо всякой посторонней помощи. Ронья легла спать, а огонь постепенно угас в очаге, пока Лувис пела свою Волчью песнь. Ронья лежала и слушала, как поет Лувис, и ей было совершенно все равно, предводитель ли разбойников ее отец или нет. Он был ее собственным Маттисом, чем бы он ни занимался, и она любила его.

В ту ночь она спала беспокойно, ей снились подземные жители и их призывные песни. Но, проснувшись, она все забыла.

Зато она вспомнила Бирка. Все эти дни она иногда думала о нем: как он там, в крепости Борки? И сколько еще времени пройдет, прежде чем Маттис в конце концов выгонит его отца и весь этот разбойничий сброд из замка?

Каждый день Маттис строил новые потрясающие планы изгнания Борки из Маттисборгена, но ни один из них не годился.

— Не годится, — говорил Пер Лысуха в ответ на все, что придумывал Маттис. — Тебе надо быть хитрым, как старая лисица, потому что силой тут не возьмешь.

Не в духе Маттиса было хитрить, как старая лисица, но он старался как мог. И пока это дело тянулось,

грабежи случались не очень часто. Разбойникам Борки тоже, верно, надо было кое о чем подумать. И люди, которым приходилось пробираться в эти дни Разбойничьей тропой, недоумевали: куда подевались все разбойники? Они не понимали, почему в лесу стало так спокойно. Куда попрятались все эти разбойники с большой дороги? Кнехты фогда¹, которые так неотступно охотились за Боркой, нашли грот, где раньше было его разбойничье логово, но там теперь было пусто и тихо. Борки не было видно нигде, и кнехты с радостью покинули наконец-то лес Борки, мрачный, холодный и дождливый в эту осеннюю пору. Они знали, что там, далеко в Маттисборгене, тоже живут разбойники, но, видно, неохотно вспоминали об этом.

Худшего места в округе не было, и разбойничьего хёвдинга, который там свирепствовал, поймать было труднее, чем орла на вершине скалы. Лучше было оставить его в покое.

Большую часть своего времени Маттис тратил на то, чтобы попытаться выведать, чем занимаются разбойники Борки в Северном замке и как лучше всего до них добраться. Поэтому каждый день он выезжал на разведку. С несколькими своими людьми он объезжал лес с северной стороны, но захватчики Северного замка не показывались. В лесу было тихо и мертво, словно никаких разбойников Борки и в помине не было. Они, как удалось узнать, изготовили себе великолепную веревочную лестницу, так что могли без труда спускаться со скалы, на которой стоял замок, и снова подниматься наверх. Один-единственный раз видел Маттис, как они спускаются вниз. Тут он, потеряв голову, ринулся как сумасшедший вперед, чтобы взобраться наверх. Его разбойники последовали за ним, горя желанием сразиться с врагом. Но тут из бойниц крепости Борки посыпался дождь стрел, и одна вонзилась Коротышке Клиппу

---

¹ Фогд (шв.) — полицейский чиновник.

в бедро, так что ему два дня пришлось пролежать в постели. Насколько можно было понять, веревочная лестница спускалась вниз под строжайшей охраной.

Осенняя мгла тяжелым покровом нависала над Маттисборгеном, и разбойникам было не по себе оттого, что они так долго сидят без дела. Они стали беспокойными и препирались между собой злее обычного, так что Лувис под конец пришлось их резко осадить:

— Скоро у меня уши лопнут от всех ваших ссор и перебранок. Чтоб вам пусто было! Убирайтесь прочь, если не можете жить в мире!

Тут они замолчали, и Лувис заставила их заниматься полезной работой: убирать и чистить курятник, овчарню и козий загон, чего они терпеть не могли. Но никому не удалось увильнуть от дела, кроме Пера Лысухи да тех, кто в это время стоял в дозоре у Волчьего ущелья и наверху, у Адского провала.

Маттис также делал все, что мог, желая избавить своих разбойников от безделья. Он взял их с собой охотиться на лосей. С копьями и самострелами отправились они в осенний лес. И когда притащились домой с четырьмя огромными лосями, которых сразили наповал, Пер Лысуха, довольный, ухмыльнулся:

— А то все куриный суп, да баранья похлебка, да каша. Нет, так долго продолжаться не может, — сказал он. — Теперь есть что пожевать, а самые мягкие кусочки достанутся беззубому, это уж всякому ясно!

И Лувис жарила, коптила и солила лосятину; если добавлять ее к куриному жаркому да баранине, хватит на всю зиму.

Ронья, как всегда, проводила время в лесу. Теперь там было совсем тихо, но ей нравился осенний лес. Под ее босыми ногами расстился влажный, зеленый и мягкий мох, в лесу так славно пахло осенью, а ветки деревьев блестели от влаги. Погода была дождливая. Ей нравилось также сидеть съевшись под густой елью и слушать, как снаружи тихо капает дождь. Иногда он

поливал так, что шумел весь лес. И это тоже было ей по душе. Животные редко показывались теперь в лесу. Ее лис с лисицей и лисятами сидели в норе. Но иногда в сумерках она видела, как на полянку осторожно выходили лоси. А иногда между деревьями паслись дикие лошади. Ей очень хотелось поймать дикую лошадку, и много раз она пыталась это сделать, но ей не удавалось. Они были такие пугливые, и наверняка приручить их будет трудно. Хотя, пожалуй, настала уже пора обзавестись лошадью. Она сказала об этом Маттису.

— Да, если у тебя хватит сил самой поймать ее, — ответил он.

«Когда-нибудь я это сделаю, — подумала она. — Я поймаю маленького, хорошенького жеребенка, возьму его в замок Маттиса и приручу его так, как Маттис приручал всех своих лошадей».

Вообще-то осенний лес был на удивление пуст. Исчезли все его обитатели. Они заползли, наверно, в свои норы и логова. Порой, очень редко, прилетали с далеких гор и парили в воздухе дикие виттры, но теперь-то и они угомонились и охотнее всего оставались наверху, в своих горных гротах. Попрятались и серые карлики. Только однажды Ронья увидала, как они выглядывали из-под камня. Но серых карликов она больше не боялась.

— Убирайтесь прочь! — кричала она, и карлики, тихонько и хрипло шипя, исчезали.

Бирк никогда не показывался в ее лесу. И этому она только радовалась. Но в самом ли деле она этому радовалась? Она не знала.

И вот наступила зима. Падал снег, грянули холода, и иней превратил лес Роньи в ледяной лес, самый-самый прекрасный на свете. Она каталась на лыжах, а когда возвращалась в сумерках домой, в волосах у нее был иней, а пальцы рук и ног деревенели от холода, несмотря на то что на ней были меховые рукавицы и меховые сапожки. Но никакой холод и снег не могли удержать ее вдали от леса. На следующий день

она уже снова была там. Маттис пугался иногда, видя, как Ронья шумно проносится вниз по холмам к Волчьему ущелью, и говорил Лувис:

— Только бы все было хорошо! Только бы ничего страшного с ней не случилось! Потому что этого мне не пережить!

— Чего ты беспокоишься? — успокаивала его Лувис. — Этот ребенок может защитить себя получше любого разбойника. Сколько раз тебе это повторять!

Конечно, Ронья могла защитить себя. Но однажды случилось такое, о чем Маттису лучше было бы не знать.

В ту ночь выпала целая гора снега и уничтожила все следы Роньи там, где она проходила на лыжах. Ей пришлось прокладывать новую лыжню, а работа эта была нелегкая. Мороз уже покрыл снег тонким слоем наледи, но он не был еще достаточно крепок. Ронья все время проваливалась в снег и под конец так устала, что ей захотелось поскорее вернуться домой.

Она поднялась наверх по крутому откосу и собиралась снова скатиться вниз почти по отвесному склону, но только с другой стороны. В руках у нее была лыжная палка, которой она могла бы притормозить, и она бесстрашно помчалась вперед, поднимая облака снежной пыли. На пути ей встретилась снежная горка, и она перелетела через нее. Но потеряла на лету одну лыжу и, приземлившись, угодила ногой прямо в покрывную снегом глубокую яму. Она увидела, как ее лыжа скользит вниз по откосу и исчезает, а сама она крепко застряла в яме по самое колено. Сначала это рассмешило ее, но она тут же смолкла, увидев, какая с ней стряслась беда. Увидев, что ей не высвободиться, сколько бы она ни дергалась и ни надрывалась. Снизу из ямы слышалось какое-то бормотание. Сначала она не поняла, в чем дело. Но вдруг увидела неподалеку целую стаю ниссе-толстогузок, кувыркавшихся в снегу. Их было легко узнать по толстым попкам, маленьким сморщенным личикам и лохматым волосам. Вообще-то

ниссе-толстогузки чаще бывают добрыми и мирными и не причиняют ни малейшего зла. Но те, что стояли тут, неотрывно глядя на нее своими наивными глазками, были явно чем-то недовольны. Они бурчали и вздыхали, а один из них мрачно сказал:

— Почему она так?..

И тотчас же другие стали повторять:

— Почему она так? Она сломает нам клысу, почему она, почему так?..

Ронья поняла, что она въехала ногой в крышу их землянки. Ведь ниссе-толстогузки рыли для себя землянки, если им не удавалось найти для жилья хорошее дуплистое дерево.

— Я не виновата, — сказала она. — Помогите мне высвободить ногу!

Но ниссе-толстогузки только смотрели на нее и вздыхали так же мрачно, как и раньше.

— Она клепко застряла в насей клысе. Почему она так?..

Ронья потеряла терпение.

— Помогите мне, чтоб я могла выбраться отсюда!

Но они словно бы не слышали или не понимали. Они только наивно смотрели на Ронью, а потом быстро исчезли в своей землянке. Оттуда слышалось их недовольное бормотание. Но внезапно ниссе-толстогузки начали так кричать и горланить, словно что-то их обрадовало.

— Пойдет! — кричали они. — Смотлите, колыбелька! Пусть какает колыбель! Пойдет!

И Ронья почувствовала, как ей что-то повесили на ногу, что-то тяжелое.

— Маленький ниссе, как холосо ему висеть на ее ноге! — кричали ниссе-толстогузки. — Смотлите, он в колыбельке! Лаз уж все лавно нам нужно телпеть эту гнусную ногу на насей клысе.

Но Ронья вовсе не желала лежать на холоде, в снегу и держать на ноге колыбель ради прихоти каких-то

там глупых ниссе-толстогузок. Она снова попыталась высвободиться, она рвалась и надрывалась изо всех сил. И тогда-то ниссе-толстогузки еще больше возликовали:

— Смотлите! Маленький ниссе, тепель его кацают в колыбельке как надо!

С детства она слышала, что в лесу Маттиса ничего нельзя бояться. И она попыталась приучить себя ничего не бояться. Но иногда не получалось. Как раз сейчас это у нее и не получилось. Подумать только, ведь если она не сможет вырваться, ей придется лежать здесь всю ночь и замерзнуть насмерть. Она видела темные снежные тучи над лесом. Должно быть, выпадет еще больше снега, целая гора снега! Может, ей придется лежать под снежным покровом, мертвой и окоченевшей, и держать крошечного ниссе-толстогузку на своей ноге до самой весны! И тогда, верно, первым явится Маттис и найдет свою несчастную дочь, которая замерзла насмерть в зимнем лесу.

— Нет, нет! — закричала она. — На помощь! Сюда, сюда, помогите мне кто-нибудь!

Но кто в этом пустынном лесу мог услышать ее? Ни одна живая душа, это она знала. Но все-таки кричала до тех пор, пока не выбилась из сил. И тогда вдруг

услыхала, как внизу, в своей землянке, ниссе-толстогузки жалуются друг другу:

— Узе кончила петь колыбельную! Поцему, поцему?

Но Ронья как будто оглохла. Потому что внезапно увидела дикую виттру. Как большая красивая хищная черная птица, парила она над лесом, высоко-высоко под мрачными тучами; потом она стала спускаться вниз, она все приближалась и приближалась. Она летела прямо к Ронье, и Ронья закрыла глаза. Она поняла, что спасения нет.

Крича и смеясь, виттра приземлилась рядом с Роньей.

— Маленький красивый человечек! — пронзительно закричала она, дернув Ронью за волосы. — Лежит тут да только и делает, что бездельничает. Да-да, да-да!

И она снова расхохоталась, и хохот ее был гнуснейший.

— Тебе надо работать! У нас в горах! Пока кровушка не потечет! А не то мы разорвем тебя в клочья, а не то мы исцарапаем тебя!

Она принялась дергать и рвать Ронью острыми когтями, а когда увидела, что нога девочки все-таки по-прежнему крепко сидит в снежной яме, пришла в ярость:

— Хочешь, чтобы я исцарапала тебя и разорвала в клочья?

Она склонилась над Роньей, и ее черные остекленевшие глаза засверкали от злости.

Потом она снова попыталась высвободить Ронью, но как она ни дергала ее, как ни рвала, ей это не удалось; и под конец она выбилась из сил.

— Полечу-ка я и позову сестер, — закричала она. — Завтра мы тебя заберем. Никогда больше не будешь валяться здесь да бездельничать, никогда, никогда!

И она полетела прочь над верхушками деревьев и скрылась за горой.

«Завтра, когда прилетят дикие виттры, здесь будет валяться лишь глыба льда», — подумала Ронья.

Внизу у ниссе-толстогузок все стихло. Весь лес был тих и ждал только ночи, которая вот-вот должна была наступить. Но Ронья уже ничего больше не ждала. Она молча лежала, даже не пытаясь бороться. Верно, она скоро наступит, последняя, холодная темная одинокая ночь, которая прикончит ее.

Пошел снег. Крупные хлопья снега падали ей на лицо и таяли, смешиваясь с ее слезами. Потому что теперь она плакала. Она думала о Маттисе и о Лувис. Никогда больше ей их не увидеть, и в Маттисборгене никто никогда не станет больше радоваться. Бедный Маттис, он с ума сойдет от горя! И не будет Роньи, чтобы утешить его, как она обычно делала, когда он печалился. Нет, теперь уже никого на свете ей не утешить и самой не знать утешения никогда, никогда!

Тут она услышала, как кто-то назвал ее по имени. Ясно и отчетливо услышала она свое имя, но решила, что, должно быть, ей чудится. И заплакала от горя. Никто никогда не назовет ее по имени, разве что во сне. А вскоре ей не придется больше и спать.

Но тут она снова услышала этот голос!

— Ронья, не пора ли тебе идти домой?

Она неохотно открыла глаза. Перед ней стоял Бирк. Да, перед ней на лыжах стоял Бирк!

— Я нашел твою лыжу внизу. Похоже, тебе повезло, ведь иначе пришлось бы здесь ночевать.

Он поставил лыжу рядом с ней в снег.

— Помочь тебе?

И тогда она расплакалась так громко и так неистово, что ей самой стало стыдно. Она так плакала, что не могла ему ответить. И когда он наклонился, чтобы поднять ее, она обхватила его руками и в отчаянии проормотала:

— Не уходи от меня! Никогда больше не уходи от меня!

Он улыбнулся ей в ответ:

— Ладно, если только ты будешь держаться на расстоянии натянутой веревки. Отпусти меня и не реви — тогда я погляжу, смогу ли я высвободить твою ногу!

Он снял лыжи, потом лег на живот рядом с ямой и запустил туда руку — как можно глубже. Возился он долго, и под конец случилось невероятное чудо. Ронья смогла вытащить ногу, она была свободна!

Но внизу, в яме, ниссе-толстогузки страшно разозлились, а их малыш заревел.

— Лазбудила холосенького малютку, и в глазки ему насыпалась земля! Поцему она так, поцему?

Ронья все плакала и не могла остановиться. Бирк протянул ей лыжу.

— Хватит реветь! — сказал он. — А не то тебе никогда не добраться домой!

Ронья глубоко вздохнула. Да, в самом деле, хватит распускать нюни. Она стояла на лыжах, пробуя, сможет ли передвигать ноги.

— Я попытаюсь, — сказала она. — А ты пойдешь со мной?

— Я пойду с тобой, — сказал Бирк.

Ронья прыгнула с разбега и помчалась вниз по круче, а Бирк

последовал за ней. Все время, пока она с трудом пробиравалась домой на лыжах сквозь снежную круговерть, он шел за ней следом. Ей не раз приходилось оборачиваться, чтобы проверить, там ли он. Она так боялась, что он внезапно исчезнет и оставит ее одну. Но он следовал за ней на расстоянии веревки до тех самых пор, пока они не приблизились к Волчьему ущелью. Здесь им пришлось расстаться. После этого Бирку надо было тайными тропами пробраться в крепость Борки.

Падал снег, а они стояли молча, собираясь проститься. Ронья чувствовала, что это ей очень тяжело, и хотела изо всех сил удержать Бирка.

— Послушай, Бирк, — сказала она. — Я хотела бы, чтоб ты был моим братом.

Бирк улыбнулся.

— Я могу стать твоим братом, если так хочешь ты, дочь разбойника!

— Да, я хочу этого, — сказала она. — Но только если ты станешь звать меня — Ронья!

— Ронья, сестра моя, — произнес Бирк. И исчез в снежной круговерти.

— Ты нынче долго была в лесу, — сказал Маттис, когда Ронья уселась у огня, чтобы согреться. — Хорошо было?

— Очень даже хорошо, — ответила Ронья, протянув свои холодные как лед руки к теплу.

6

В ту ночь над Маттисборгеном и окрестными лесами падал такой густой снег, что даже Пер Лысуха не мог припомнить ничего подобного, ничего более страшного. Четверо людей Маттиса вышли из замка, надеясь отворить тяжелые крепостные ворота хотя бы настолько, чтобы можно было протиснуться наружу и убрать самые

большие сугробы. Пер Лысуха тоже высунул нос за ворота и увидел белый пустынный ландшафт, где все теперь было укрыто и спрятано под снегом. Волчье ущелье было совершенно замуровано. «Через эту теснину, если все будет продолжаться так, как началось, вряд ли пройдешь, пока не начнется весна», — подумал Пер Лысуха.

— Эй ты, Фьосок, — сказал он, — если ты и вправду любишь разгрести снег, у тебя всю зиму будет веселая жизнь.

Предсказания Пера Лысухи большей частью сбывались, не ошибся он и на сей раз. Долгое время снег валил днем и ночью. Разбойники с проклятиями убивали снег. Зато им не надо было стоять на страже, опасаясь прихвостней Борки, возле Волчьего ущелья или Адского провала.

— Правда, Борка глупее поросенка, — сказал однажды Маттис, — но не до того же, чтобы биться с нами, когда снегу намело по самые подмышки.

Маттис тоже был не так глуп, чтобы барахтаться в снегу, да и не до Борки ему было сейчас. У него были более важные дела. Впервые в жизни захворала Ронья. На другое утро после дня, проведенного в зимнем лесу, дня, который чуть не стал для нее последним, она проснулась в страшном ознобе и почувствовала, к своему удивлению, что ей даже не хочется вставать и бежать в лес.

— Что с тобой? — закричал Маттис и кинулся на колени перед ее постелью. — Что ты говоришь? У тебя жар! Уж не захворала ли ты?

Он взял ее за руку и почувствовал, какая она горячая. Увидев, что девочка вся просто горит, он испугался. Никогда прежде он ее такой не видел. Всю свою жизнь она была цветущей и здоровой. А теперь его дочь, которую он безумно любил, тяжело занемогла! Он сразу понял, что ее ждет! Ронью у него отнимут, она умрет, он чувствовал это так отчетливо! У него страшно заболело сердце! И он не понимал, что ему делать со своим горем. Ему хотелось биться головой о стену

и, по своему обыкновению, вопить. Но нельзя было пугать несчастного ребенка, это он все же понимал! Поэтому он положил лишь руку на ее пылающий лоб и пробормотал:

— Хорошо, что ты лежишь в тепле, моя Ронья! Так и надо, когда болеешь.

Но Ронья знала своего отца и, несмотря на недавшую ее лихорадку, попыталась утешить его:

— Не говори глупостей, Маттис! Все это пустяки. Могло быть гораздо хуже.

«Могло бы быть так, что до самой весны пролежала бы я под снежным покровом в лесу, — подумала она. — Бедный Маттис».

Она снова представила себе, как это могло бы сокрушить его, и слезы снова выступили у нее на глазах. Маттис увидел это и подумал: горюет оттого, что ей, такой юной, придется умереть.

— Милое дитя, ты снова выздоровеешь, не плачь, — сказал он, сдерживая рыдания. — Но где же твоя мама? — тут же зарычал он и, плача, побежал к дверям.

Ему очень хотелось бы знать, где же Лувис, почему она не стоит наготове рядом, со своими волшебными, утоляющими жар целебными травами, когда жизнь Роньи висит на волоске!

Он искал ее в овчарне, но там ее не было. Овцы блеяли от голода в своем загоне. Но вскоре они поняли, что пришел вовсе не тот человек, который им нужен. Потому что этот прислонился головой к краю загона и так отчаянно плакал, что они насмерть испугались.

Маттис продолжал горько плакать до тех пор, пока Лувис, управившись с курами и козами, не появилась в дверях. И тут он зарычал:

— Женщина, почему ты не возле своего больного ребенка?

— А разве мой ребенок болен? — спокойно спросила Лувис. — Я этого не знала. Но как только я задам овцам корм, который они...

— Это я и сам могу сделать! Иди к Ронье! — закричал он, а потом чуть слышно пробормотал: — Если она еще жива!

Он начал вываливать в кормушки охапки запасенных веток осины, а когда Лувис ушла, накормил овец и выплакал им свое горе:

— Вы не знаете, что значит иметь ребенка! Вы не знаете, каково терять своего самого любимого ягнечка!

Но тут внезапно осекся, потому что вспомнил: весной все овцы принесли ягнят. А что случилось с ними... почти все превратились в баранье рагу.

Лувис дала дочери питье из целебных трав, унимающее лихорадку, и через три дня Ронья была здорова. К удивлению и радости Маттиса, Ронья была такая же, как всегда, только немного более задумчива. За три дня, проведенных в постели, она столько всего передумала. Что теперь будет? Что будет с Бирком? У нее появился брат, но когда она сможет бывать с ним вместе? Они должны встречаться тайком. Не может она сказать Маттису, что подружилась с одним из разбойников Борки. Это все равно что ударить Маттиса кузнечным молотом по голове, только еще хуже, и он будет еще более сокрушен и придет в еще большее бешенство, чем когда-либо. Ронья вздохнула. Почему ее отец всегда так неистов во всем? Был ли он весел, или зол, или чем-то опечален, все равно он вел себя так буйно, что этого хватило бы на целую разбойничью шайку.

Ронья обычно не лгала отцу. Она только умалчивала о том, что, по ее мнению, может огорчить или разозлить его. Или же и огорчить, и разозлить, что непременно будет, если она расскажет ему о Бирке. Но теперь уже ничем не поможешь. Раз у нее появился брат, пусть он будет рядом, даже если встречаться с ним ей придется тайком. Хотя как и где она может тайком встречаться с ним, когда всюду лежит такой глубокий снег? В лес ей не выйти, поскольку Волчье ущелье наглухо заперто

снегом и недоступно. Да и вообще этот зимний лес чуточку пугал ее. На некоторое время хватит с нее, она уже достаточно натерпелась от леса Маттиса.

Снежные бури продолжали свирепствовать вокруг Маттисборгена. Они ярились все сильнее и сильнее, и Ронья в конце концов поняла, как это ужасно: ведь теперь ей не увидеться с Бирком до самой весны. Он был так далеко от нее, словно они жили на расстоянии тысячи миль¹ друг от друга.

А виноват во всем снег. С каждым днем Ронья все сильнее и сильнее злилась на него. Да и разбойникам он до смерти надоел. Некоторым из них приходилось расчищать тропу к роднику, из которого они брали воду. И разбойники каждый день спорили о том, чей черед разгрести снег на тропе. Родник был на полпути к Волчьему ущелью, и расчищать тропу, когда вокруг пела и бесновалась вьюга, а потом тащить в замок тяжелые ведра с водой, да так, чтобы хватило и людям, и животным, было делом нелегким.

— Вы ленивые, как волы, — говорила разбойникам Лувис. — Вам бы только драться да разбойничать. Тут уж вы трудитесь на совесть!

И ленивые разбойники мечтали о весне, когда снова начнется славная разбойничья жизнь. Долгие дни ожидания они проводили, все чаще и чаще расчищая тропинки и вырезая из дерева лыжи, осматривая свое оружие и чистя лошадей или играя в кости; еще они, как всегда, плясали разбойничьи пляски и распевали перед очагом разбойничьи песни.

Ронья играла с ними в кости, пела и плясала, но она, точь-в-точь как разбойники, страшно тосковала по весне и весеннему лесу. Тогда она наконец-то снова сможет увидеть Бирка, сможет поговорить с ним и узнать, в самом ли деле он хочет быть ее братом, как обещал во время снежной бури.

---

¹ Милья — шведская миля равна примерно 10 км.

Но ждать было трудно, к тому же Ронья ненавидела жизнь взаперти. Она просто не знала, чем заняться, да и время тянулось так медленно. Поэтому однажды она спустилась вниз, в подземелье, подвал под сводами, где так давно не была. Ей были не по душе старые пещеры, в которых прежде томились узники. Там, внизу, пещер было несколько, и они были выбиты в скале. Правда, Пер Лысуха уверял, что никто не сидел там в заточении с тех самых незапамятных времен, когда знатные вельможи и мелкие короли правили Маттисборгеном еще задолго до того, как замок стал разбойничьим. Но все-таки Ронья, спускаясь вниз в этот затхлый холод, чувствовала, как будто отзвуки рыданий и вздохов давным-давно умерших узников застряли в этих каменных стенах, и на душе у нее становилось жутко. Она осветила роговым фонариком темноту пещер, где несчаст-

ные узники сидели безо всякой надежды когда-либо увидеть свет божий. Некоторое время она постояла молча, опечаленная всеми жестокими преступлениями, совершавшимися в Маттисборгене. Затем, дрожа от ужаса, плотнее завернулась в волчью шкуру и поплелась дальше через подземный ход, который тянулся мимо пещер узников, простираясь подо всем замком. Здесь она ходила когда-то вместе с Пером Лысухой. Это он показал ей, что натворила гроза в ту ночь, когда она родилась. Мало того, что молния разрушила замок, образовав Адский провал. Прямо под этим провалом она расколола и гору, и поэтому подземный ход был перегорожен каменной осыпью ровно посередине и битком набит осколками камней.

— Стой, остановись здесь! — велела самой себе Ронья, точь-в-точь как приказал ей Пер Лысуха, когда она была здесь вместе с ним.

Но затем она начала размышлять. Ведь по другую сторону каменного обвала тоже продолжается подземный ход, это она знала, и об этом тоже говорил Пер Лысуха. Ее всегда раздражало, что она не могла пройти дальше, а теперь — больше чем когда-либо. Потому что, кто знает, быть может, за всеми этими каменными осколками именно сейчас скрывается Бирк.

Она задумчиво постояла, глядя на кучи обвалившихся камней. И под конец поняла, что ей надо делать.

Во все дни, следовавшие за этим ее походом, Ронью не очень часто видели в каменном зале. Каждое утро она исчезала, и никто не знал куда; и ни Маттис, ни Лувис даже и не подозревали, где она. Они думали, что она, как и все остальные, расчищает тропинку. А вообще они привыкли, что она приходит и уходит, когда ей вздумается.

Но Ронья не расчищала снег, она собирала осколки камней, так что ее руки и спина болели. А когда она, совершенно изможденная, валилась по вечерам в постель, она точно, раз и навсегда, знала одно: никогда больше в этой жизни она не сдвинет с места ни одного

камня, ни большого, ни маленького. Но едва наставало утро, как она уже снова была в подземелье. И там, как одержимая, принималась заполнять одно ведро за другим каменными осколками. Она ненавидела ее, всю эту громаду каменных осколков, так, что гора могла бы просто растаять от ее ненависти. Но громада камней не растаяла, она по-прежнему лежала на том же месте, и Ронье самой пришлось уносить одно ведро за другим и высыпать его в ближайшую темницу.

Но настал день, когда темница доверху заполнилась камнями, а гора камней у осыпи к тому времени так растаяла, что, приложив некоторые усилия, можно было бы, пожалуй, перелезть через нее на другую сторону. Если только осмелиться на такое! Ронья понимала, что теперь ей нужно как следует обо всем подумать! Посмеет ли она отправиться напрямик в крепость Борки? И что с ней там будет? Этого она не знала. Зато точно знала, что она — на опасном пути. Хотя на свете, верно, не существовало преград настолько опасных, чтобы ей не хотелось преодолеть их на пути к Бирку. Она тосковала о нем! Как это получилось, она не понимала! Ведь раньше она презирала его и желала, чтобы он и все разбойники Борки убралась подальше. И вот теперь она больше всего на свете желает наконец-то перебраться через груды камней и попытаться отыскать Бирка.

Тут до ее слуха донеслись какие-то звуки. Кто-то появился на другой стороне каменной осыпи. Она услышала чьи-то шаги. Кто бы это мог быть? Может, один из разбойников Борки? Затаив дыхание, она не смела пошевелиться; она замерла и стала прислушиваться. Ей хотелось уйти, прежде чем человек по ту сторону осыпи заметит, что она здесь.

И тут разбойник из шайки Борки начал насвистывать незатейливую песенку, которую она уже когда-то раньше слышала. Да, конечно же, она слышала ее раньше! Бирк насвистывал ее, когда надрывался, стараясь изо всех сил освободить ее от ниссе-толстогузок. Так, мо-

жет, это сам Бирк так близко от нее? А может, все разбойники Борки насвистывают именно эту мелодию?

Ей до смерти хотелось узнать, как все на самом деле, но спрашивать она не могла, это было опасно. Все-таки ей во что бы то ни стало нужно было выведать, кто этот свистун. И она тоже принялась насвистывать. Очень тихо и ту же самую мелодию. Тогда по другую сторону каменной осыпи все смолкло, и долгое время было так отвратительно тихо, что она уже приготовилась удрать, если вдруг незнакомый ей разбойник Борки начнет перелезать через груды камней, чтобы запустить в нее когти.

Но тут она услышала голос Бирка. Голос тихий и неуверенный, словно Бирк не знал, что ему и думать.

— Ронья?

— Бирк! — воскликнула она, обезумев от радости так, что у нее почти перехватило дыхание.

— Бирк, о, Бирк!

Потом она замолчала, а затем спросила:

— Правда, что ты хочешь быть моим братом?

Она услышала, как он смеется за каменной осыпью.

— Сестренка, — сказал он. — Я рад слышать твой голос, но мне хотелось бы и видеть тебя тоже. Ты все такая же черноглазая, как и прежде?

— Приди и посмотри! — ответила Ронья.

Больше она не успела произнести ни слова. Потому что вдруг услышала нечто, от чего у нее снова перехватило дыхание. Она услышала, как тяжелая дверь подземелья далеко-далеко за ее спиной отворилась, а потом с шумом захлопнулась. И вот теперь кто-то уже спускается по лестнице. Да, кто-то идет, и если она сейчас же не придумает, что ей делать, она погибла! И Бирк тоже! Она слышала шаги, все ближе и ближе. Кто-то медленно и неотвратно шел по длинной галерее. Она слышала шаги, она знала, что они означают, и все же стояла, застыв на месте, словно неподвижное, парализованное страхом животное. Но в последний момент она все же пришла в себя, к ней вернулась жизнь, и она быстро прошептала Бирку:

— До завтра!

Затем ринулась навстречу тому, кто шел по галерее. Кто бы это ни был, нужно во что бы то ни стало помещать ему увидеть, что она натворила с каменной осыпью.

Это был Пер Лысуха, и при виде Роньи лицо его просветлело.

— Как я искал тебя! — сказал он. — Ради всех диких виттр, умоляю, скажи мне, что ты здесь делаешь?

Она быстро взяла его за руку и заставила повернуть назад, пока не было еще непоправимо поздно.

— Нельзя же вечно расчищать снег, — сказала она. — Идем, теперь я хочу выбраться отсюда.

И вправду ей этого хотелось! Лишь сию минуту дошло до нее, что она натворила. Ведь она открыла путь в крепость Борки! И Маттис непременно об этом узнает! И узнает не потому, что хитер, как старый лис. Ведь просто нельзя не понять, что отсюда наконец-то можно проникнуть в крепость Борки. Об этом он и сам мог бы давным-давно догадаться, думала Ронья. Счастье, что он так и не догадался. Как это было ни удивительно, но ей больше не хотелось, чтобы кого-либо из разбойников Борки выгнали из Маттисборгена. Они должны были остаться здесь ради Бирка. Бирка нельзя было выгонять отсюда, и, если она только сможет помешать этому, никто не посмеет проникнуть в крепость Борки тем путем, который она открыла. Потому ей нужно позаботиться о том, чтобы Пер Лысуха ни о чем не догадался. Он шел рядом с ней, и вид у него был, как всегда, хитрый и таинственный. Можно было подумать, что он знает все тайны, какие только есть на свете. Но как он ни был хитер, Ронья на этот раз его перехитрила. Ее тайну он не открыл. По крайней мере, не открыл до сих пор.

— Ну, нельзя же вечно расчищать снег, — в этом Пер Лысуха был с ней согласен. — Но играть в кости можно день и ночь. Или нет? Как по-твоему, Ронья?

— Играть в кости можно день и ночь. А особенно сейчас, — ответила Ронья и быстренько потащи-

ла его за собой по крутой подземной лестнице подземелья.

Она играла в кости с Пером Лысухой до тех пор, пока Лувис не запела Волчью песнь. Но мысли о Бирке не выходили у Роньи из головы.

«Завтра! — Это была ее последняя мысль перед тем, как заснуть в ту ночь. — Завтра!»

7

И вот наступило это «завтра», и теперь она должна пойти к Бирку. Ей нужно отправиться в путь как можно скорее. Надо улучшить миг, когда другие станут заниматься своими утренними делами, а она останется одна в каменном зале. Ведь в любую минуту мог вынырнуть Пер Лысуха, а ей хотелось избежать его вопросов.

«Я могу поесть и в подземелье, — думала она. — Здесь все равно спокойно не поешь».

Она быстро сунула хлеб в кожаный мешочек и налила козьего молока в деревянную флягу. И, никем не замеченная, исчезла под сводами подземелья. Вскоре она была уже у каменной осыпи.

— Бирк! — закричала она, страхась, что он не придет. Но никто не ответил ей за горами камней, и она почувствовала такое разочарование, что чуть не заплакала. Подумать только! А если он не пришел? Может быть, он обо всем забыл? А может, раскаялся? Ведь она была из шайки Маттиса, врага Борки. В конце концов, быть может, он не захотел иметь дело с такой, как она.

И вдруг кто-то за ее спиной дернул Ронью за волосы. Она так испугалась, что вскрикнула. И надо же было снова подкрасться сюда этому Перу Лысухе! Шныряет тут и мешает ей.

Но это был не Пер Лысуха. Это был Бирк. Он стоял и смеялся, а его зубы блестели в темноте. При свете фонарика она больше ничего разглядеть не могла.

— Я долго ждал тебя, — сказал он.

Ронья почувствовала, как в душе ее затеплилась радость. Подумать только, у нее есть брат, который долго ждал ее!

— Ну а я? — сказала она. — Я ждала с тех самых пор, как избавилась от ниссе-толстогузок.

Потом они некоторое время не могли произнести ни слова и только молча стояли, несказанно довольные тем, что они наконец вместе.

Бирк поднял свою сальную свечу и осветил лицо Роньи.

— У тебя по-прежнему черные глаза, — сказал он. — Ты все такая же, только чуточку побледнела.

И тут Ронья заметила, что Бирк не похож на самого себя, каким она его помнила. Он сильно исхудал, лицо его стало совсем-совсем узким, а глаза большими-пре-большими.

— Что ты с собой сделал? — спросила она.

— Ничего, — ответил Бирк, — но я не так уж много ел все это время. Хотя мне и доставалось еды больше, чем кому-либо другому в крепости Борки.

Ронья не сразу поняла, что он имел в виду.

— Ты хочешь сказать, что у вас нет никакой еды? Что вы не наедаетесь досыта?

— Сытым никто из нас не был давным-давно. Все наши припасы уже кончаются. И если весна наступит не скоро, мы все уберемся отсюда. Точь-в-точь как ты хотела, помнишь? — спросил он и снова засмеялся.

— Но это было тогда, — возразила ему Ронья, — в тот раз у меня не было брата. А сейчас у меня есть один.

Она раскрыла свой кожаный мешочек и дала ему хлеб.

— Ешь, если ты голоден, — сказала она.

Бирк издал какой-то странный звук, похожий на легкий вскрик. И он взял в каждую руку по толстому ломтю хлеба, а потом стал есть. Казалось, Ронья там не было. Он был наедине с хлебом и проглотил его

весь, до последнего ломтика. Тогда Ронья протянула ему флягу с молоком, и он жадно поднес ее к губам и пил до тех пор, пока фляга не опустела.

После этого он смущенно посмотрел на Ронью.

— Ты должна была съесть и выпить это сама?

— Дома у меня есть еще, — сказала Ронья. — Я не голодна.

И она мысленно увидела перед собой богатейшие припасы в кладовой Лувис: чудесный хлеб, козий сыр, и масло из молочной сыворотки, и яйца, а также бочонки с солониной, копченые бараньи окорока, висевшие под потолком, лари с мукой, и крупами, и горохом, кувшины с медом, корзинки с орехами и мешочки, набитые разными травами и листьями, которые Лувис собирала и сушила как приправу к куриной похлебке, которой она иногда всех их кормила. Ах, эта куриная похлебка! Ронья почувствовала, как ей захотелось есть, когда она вспомнила, как вкусна курятина, особенно после солонины и копченостей, которыми разбойники кормились всю зиму напролет.

Но Бирк, видно, голодал по-настоящему, она не понимала почему. И ему пришлось ей объяснить.

— Сейчас мы просто нищие разбойники, понимаешь?! До того как мы пришли сюда, в Маттисборген, у нас тоже были и козы, и овцы. Теперь у нас остались только лошади, и их мы приютили на зиму у одного крестьянина, далеко за лесом Борки. Спасибо и за это, ведь иначе мы бы их, верно, уже съели. У нас был небольшой запас муки, но теперь и он истощается. Тви, тьфу, ну и зима у нас была!

Ронья чувствовала себя так, словно на ней и на всем Маттисборгене лежит вина за то, что Бирку пришлось так тяжело и что он стал теперь такой тощий и изголодавшийся. Но, несмотря ни на что, он мог еще смеяться.

— Нищие разбойники, так оно и есть! Разве ты не чувствуешь, что от меня несет дерьмом и нищетой? — ухмыляясь, спросил он. — У нас почти что не было

воды. Нам пришлось растапливать снег, потому что слишком долго нельзя было спуститься в лес и достать из-под снега воды из ручья. А потом еще поднять ведро с водой наверх по веревочной лестнице в страшную снежную бурю. Ты пробовала когда-нибудь? Нет, иначе бы ты знала, почему от меня пахнет, как от настоящего грязного разбойника!

— Так пахнет от всех наших разбойников тоже, — завила его Ронья, чтобы хоть немножко утешить Бирка.

От нее самой пахло очень хорошо, потому что Лувис мыла ее в большой деревянной бадье, стоявшей перед очагом, каждый субботний вечер и вычесывала из волос вшей у нее и у Маттиса каждое воскресное утро. Хотя Маттис жаловался, что она заодно вырывает у него еще и волосы, и не желал, чтобы его причесывали. Но это ему не помогало.

— Хватит с меня и двенадцати лохматых вшивых разбойников! — говаривала обычно Лувис. — Вашего хёвдинга я намереваюсь вычесывать на этом и на том свете, пока я в силах держать в руках частый гребень.

Ронья испытующе посмотрела на Бирка при свете фонаря. Даже если ему и вычесывали вшей, все равно волосы покрывали его голову, словно медный шлем, и собой он был ладный, с прекрасной осанкой. «Красивый у меня брат», — подумала Ронья.

— Не беда, что ты нищий, вшивый и грязный, — сказала она. — Но я не хочу, чтобы ты ходил голодный. Бирк засмеялся.

— Откуда ты знаешь, что я вшивый? Ну да, конечно, у меня вши! Хотя пусть я лучше буду вшивый, чем голодный, это уж точно!

Внезапно он стал серьезным.

— Тви, тьфу, ужасно быть голодным! Но все же следовало мне приберечь краюшку хлеба для Ундис!

— Я, пожалуй, смогу принести еще! — подумав, сказала Ронья.

Но Бирк покачал головой:

— Нет, я ведь не могу забрать домой хлеб для Ундис и не сказать, где я его взял. А Борка с ума сойдет от ярости, если узнает, что я принимаю от тебя хлеб, да еще вдобавок стал твоим братом!

Ронья вздохнула. Она понимала, что Борка, должно быть, ненавидит людей Маттиса так же, как Маттис ненавидит людей Борки. Но как это мешало ее дружбе с Бирком!

— Мы всегда сможем встречаться только тайком, — печально сказала она, а Бирк подтвердил:

— Да, это так! А я ненавижу делать что-либо тайком!

— Я тоже, — сказала Ронья. — Нет ничего хуже на свете, чем лежалая соленая рыба и длинная зима. Но еще хуже делать что-то тайком, это просто глупость.

— Но ты все-таки это делаешь?! Ради меня?! погоди, весной станет лучше, — сказал Бирк, — а пока мы сможем встречаться в этом ледяном подземелье.

Оба они мерзли так, что стучали зубами, и в конце концов Ронья сказала:

— Мне, пожалуй, пора идти, пока я не замерзла насмерть.

— Но ты ведь придешь завтра снова? К своему вшивому брату?

— Я приду и принесу частый гребень и кое-что еще, — пообещала Ронья.

И свое слово она сдержала. Каждый день ранним утром, пока продолжалась зима, встречалась она с Бирком внизу, в подземелье, и поддерживала в нем жизнь припасами из кладовых и клетей Лувис.

Иногда Бирку было стыдно принимать ее дары.

— Мне кажется, я вас объедаю, — говорил он.

Но Ронья лишь смеялась в ответ:

— Может, я не дочь разбойника? Почему же я не должна грабить?

Вообще-то, она знала, что бóльшая часть припасов, хранившихся у Лувис, уже была украдена у богатых лавочников во время разбойных набегов.

— Разбойник берет не спрашивая и безо всякого разрешения, это-то я наконец поняла, — сказала Ронья. — А теперь я сама так поступаю, будто меня этому научили. Так что давай ешь!

Каждый день она приносила ему также мешочек муки и мешочек гороха, чтобы он тайком добавил их к припасам Ундис.

— До чего же я дошла! Помогаю выжить разбойникам Борки! Если бы Маттис узнал про это!

Бирк говорил ей спасибо за ее доброту.

— Ундис каждый день удивляется, что в ее ларях не иссякли еще мука и горох. Она думает, что это проделки каких-то диких виттр, — сказал, рассмеявшись, Бирк.

Теперь он стал чуть больше походить на себя самого, и глаза его уже не казались больше голодными, и Ронья так радовалась этому.

— Кто его знает, — продолжал Бирк, — может, матушка правду говорит, может, это в самом деле проделки диких виттр. Потому что ты, Ронья, похожа на маленькую виттру.

— Хотя и добрую, без когтей! — подхватила Ронья.

— Да, такой доброй виттры свет не видывал! Сколько раз еще собираешься ты спасти мне жизнь, сестренка?

— Столько же, сколько ты спасешь меня, — ответила Ронья. — Ведь нам друг без друга никак не обойтись. Теперь я это поняла.

— Да, это правда, — подтвердил Бирк. — И пусть потом Маттис и Борка думают что хотят.

Но Маттис и Борка ничего об этом не думали, ведь они ничего не знали о встречах названных сестры и брата под сводами подземелья.

— Ты сыт? — спросила Ронья. — Тогда я иду к тебе с частым гребнем.

Подняв гребень, словно оружие, она двинулась к нему. У нищих разбойников Борки не было даже часто-

го гребня! Тем лучше! Ей нравилось ощущать под руками мягкие волосы Бирка и вычесывать их гораздо дольше, чем требовала этого, строго говоря, необходимость.

— Я уже и так избавился от вшей, даже слишком, — сказал Бирк. — Так что, по-моему, теперь ты вычесываешь меня зря!

— Поглядим — увидим! — пообещала Ронья и с силой провела частым гребнем по его волосам.

Суровая зима мало-помалу становилась мягче. Сугробы начали понемногу таять, а однажды Лувис хорошей метлой выгнала разбойников на двор, чтобы они выкупались в снегу и крепкой щеткой смыли с себя самую страшную грязь. Сами они этого не хотели и всячески противились. Фьосок даже утверждал, что купаться в снегу, мол, опасно для здоровья. Но Лувис стояла на своем.

— Пришла пора изгнать из замка зимний запах, — сказала она, — даже если ни один разбойник не согласится на это.

Безжалостно выгнала она их на снег. И вскоре повсюду по заснеженным склонам холмов, спускавшихся вниз, к Волчьему ущелью, катались голые, дико вопящие разбойники. Они ругались так, что только пар шел, проклинали бесчеловечную жестокость Лувис, но все-таки усердно терли себя снегом, как она велела, не смея ей перечить.

И только Пер Лысуха все еще отказывался купаться в снегу.

— Помереть я и так помру, — говорил он. — И пусть моя грязь останется при мне.

— Твое дело! — отвечала Лувис. — Но перед смертью ты мог хотя бы постричь волосы и бороды остальным бешеным баранам.

Пер Лысуха сказал, что охотно это сделает. Он умел ловко орудовать ножницами, когда надо было стричь

овец и ягнят, так что постричь какого угодно бешеного барана для него, верно, не составит труда.

— Но мои собственные две волосинки я стричь не стану. К чему лишняя морока, ведь мне все равно скоро на тот свет! — сказал он и ласково погладил свое лысое темя.

Тут Маттис схватил его своими огромными ручищами и приподнял над землей.

— На тот свет тебе? Это ты брось! Я еще не прожил ни единого дня своей земной жизни без тебя, старый ты дурень! И ты не смеешь меня предать, ни с того ни с сего умереть и бросить меня, ясно?

— Милый мой мальчик, это мы еще посмотрим! — сказал Пер Лысуха.

Вид у него был очень довольный.

Остаток дня Лувис кипятила и стирала во дворе замка грязные лохмотья разбойников. А в каморе, где хранилось старье, разбойники искали, что бы им натянуть на себя, пока их собственная одежда сушится; большей частью это были вещи, которые награбил и притащил домой дедушка Маттиса.

— Неужто кто-нибудь, у кого есть хоть капля разума в голове, может надеть на себя такое? — удивлялся Фьосок, нерешительно напяливая через голову красную рубаху. Однако с ним еще куда ни шло! Хуже обстояли дела с Кнутасом и Коротышкой Клиппом, которым пришлось довольствоваться юбками и лифами, поскольку вся мужская одежда кончилась, когда они пришли и захотели одеться. Женская одежда не улучшила их настроение. Но Маттис и Ронья как следует повеселились.

Чтобы помириться со своими разбойниками, Лувис угостила их в тот вечер куриной похлебкой. Они сидели набычившись за длинным столом, вымытые дочиста, подстриженные и совершенно неузнаваемые. Даже запах в замке стал другим.

Но когда могучий аромат сваренной Лувис куриной похлебки распространился над длинным столом, раз-

бойники перестали хмуриться. А поев, стали, по своему обыкновению, петь и плясать, впрочем, немного пристойнее, чем всегда. Даже Кнутас и Коротышка Клипп не стали беситься, как прежде, когда подпрыгивали чуть ли не до потолка.

8

И вот, словно ликующий крик, над лесами вокруг Маттисборгена поднялась весна. Снег растаял. Со всех горных склонов стекали потоки воды, искавшие дорогу к реке. А река ревела и пенилась, опьяненная весной; ее водопады и пороги распевали безумную песнь весны, песнь, которая никогда не смолкала. Ронья слышала ее каждую минутку, когда не спала, и даже в ночных своих сновидениях. Длинная, ужасная зима миновала. Волчье ущелье давным-давно освободилось от снега. Там бежал теперь шумящий ручеек, и вода плескалась под копытами лошадей, когда Маттис со своими разбойниками однажды ранним утром проезжали через узкий скалистый проход. Минуя его, разбойники пели и свистели. Эх, наконец-то снова начнется чудесная разбойничья жизнь!

И наконец-то Ронья могла отправиться в свой лес, по которому так тосковала. Ей давно уже не терпелось поглядеть, что творится в ее угодьях с того самого момента, когда снег растаял и все льды вместе с талой водой унеслись прочь. Но Маттис упорно не пускал ее из дома. Он утверждал, что весенне-зимний лес полон опасностей, и отпустил ее на волю не раньше, чем настала пора ему самому выезжать за добычей вместе со своими разбойниками.

— Ну, Ронья, теперь можешь идти, — разрешил он. — Да смотри только не утони в какой-нибудь маленькой подлой луже.

— Да, так я и сделаю, — сказала Ронья, — чтобы у тебя наконец-то было из-за чего шипеть.

Маттис посмотрел на нее огорченно.

— Ах ты, моя Ронья! — со вздохом произнес он.

Затем прыгнул в седло и во главе своих разбойников пустился вскачь по склонам холмов и исчез.

Не успела Ронья увидеть хвост последней лошади, исчезавшей в Волчьем ущелье, как она тут же помчалась следом. Да, она тоже пела и свистела по-разбойничьи, переходя вброд холодные воды ручья. А потом побежала. Она бежала и бежала, пока не очутилась у озера.

А там ее уже ждал Бирк. Как и обещал. Он лежал, растянувшись на каменной плите, и грелся на солнце. Ронья не знала, спит он или бодрствует, и, взяв камень, бросила его в озеро, чтобы проверить, услышит ли он плеск потревоженной воды. Бирк услышал и, мигом взлетев вверх по склону, пошел ей навстречу.

— Я долго ждал тебя, — сказал он, и она снова ощутила, как в душе ее разливается нежная радость оттого, что у нее есть брат, который ждал ее и хотел, чтобы она пришла.

И вот — она здесь! И Ронья, горя нетерпением, с головой окунулась в весну и стала радостно купаться в ней. Повсюду вокруг нее все было так чудесно, что душа ее переполнилась через край. И она закричала, как птица, громко и пронзительно. Кричала она долго, а потом стала объяснять Бирку:

— Я должна выкрикаться. Это мой весенний клич. Иначе я лопну. Слушай! Ты тоже должен слышать весну!

Они молча постояли некоторое время, слушая, как щебечет, и шумит, и поет, и журчит их лес. На

всех деревьях, во всех водах и зеленых зарослях жизнь была ключом, повсюду звучала звонкая, безумная песнь весны.

— Я чувствую, как зима выходит из меня, — сказала Ронья. — Скоро я буду такая легкая-прелегкая, что смогу летать.

Бирк подтолкнул ее:

— Тогда лети! Там, наверху, немало диких виттр, можешь лететь вместе с их стаей.

Ронья рассмеялась:

— Да, я погляжу еще, как у меня получится.

Но тут она услышала топот лошадей. Где-то они мчались быстрым галопом вниз, к реке, и она заторопилась:

— Идем! Я так хочу поймать дикую лошадку!

Они помчались к реке и увидели сотни лошадей, которые с развевающимися гривами неслись по лесу так, что земля гудела под их копытами.

— Должно быть, их напугал медведь либо волк, — сказал Бирк. — А иначе чего бы им бояться?

Ронья покачала головой:

— Они не боятся, они просто несутся, вытряхивая зиму из тела. Но когда они устанут и будут пастись на поляне, я поймаю одну из них и отведу ее домой, в Маттисборген, я давно об этом мечтала.

— В Маттисборген? Зачем тебе там лошадь? Ведь скакать верхом ты будешь в лесу! Пожалуй, мы поймем двух лошадей и будем кататься здесь верхом!

Немного подумав, Ронья сказала:

— Видать, даже у людей из рода Борки бывает иногда разум в черепашке. Так и сделаем! Пошли! Посмотрим!

Она развязала свой кожаный ремень. У Бирка теперь тоже был такой же, и со своими лассо наготове они укрылись за камнем рядом с лесной поляной, где обычно паслись дикие лошади.

Им было вовсе не скучно ждать.

— Я могу просто так сидеть здесь и радоваться и купаться в весне, — сказал Бирк.

Ронья украдкой посмотрела на него и тихо пробормотала:

— Потому-то ты мне и нравишься, Бирк, сын Борки!

Они долго сидели там молча, радостно купаясь в весне. Они слышали, как громко, на весь лес, поет черный дрозд и кукует кукушка. Новорожденные лисята кувыркались возле своей норы совсем близко от них, на расстоянии брошенного камня. Белки сустились на верхушках сосен, и дети видели, как по мшистым кочкам скачут зайцы и исчезают в лесных зарослях. Совсем рядом с ними мирно грелась на солнце гадюка, у которой вот-вот должны были появиться на свет змееныши. Ронья и Бирк не мешали ей, а она не мешала им. Весна была для всех.

— Ты прав, Бирк, — сказала Ронья. — Зачем я потащу с собой лошадь из леса, где ее дом? Но ездить верхом я хочу. А теперь — пора...

Поляна внезапно заполнилась лошадьми, которые тут же начали щипать траву. Они спокойно паслись, наслаждаясь свежей зеленью.

Бирк показал Ронье на двух молодых каурых лошадок, которые вместе паслись поодаль от табуна.

— Что ты скажешь об этих?

Ронья молча кивнула головой. И с лассо наготове приблизились они к лошадям, которых собирались поймать. Они подкрадывались к ним сзади, медленно и беззвучно, очень медленно, но все ближе и ближе. И тут какая-то веточка надломилась под ногой Роньи, и тотчас весь табун насторожился, прислушиваясь и готовясь бежать. Но так как ничего опасного не было видно, ни медведя, ни волка, ни рыси, ни какого-либо другого врага, они успокоились и снова стали пастись.

И две молодые лошадки, которых выбрали себе Бирк и Ронья, сделали то же самое. Теперь они были совсем близко. Дети молча кивнули друг другу, и тут же разом взметнулись их лассо... В следующий миг слышно было лишь, как дико ржали обе захваченные в плен лошади...

А потом — громкий топот копыт, когда остальной табун бежал прочь и скрылся в лесу.

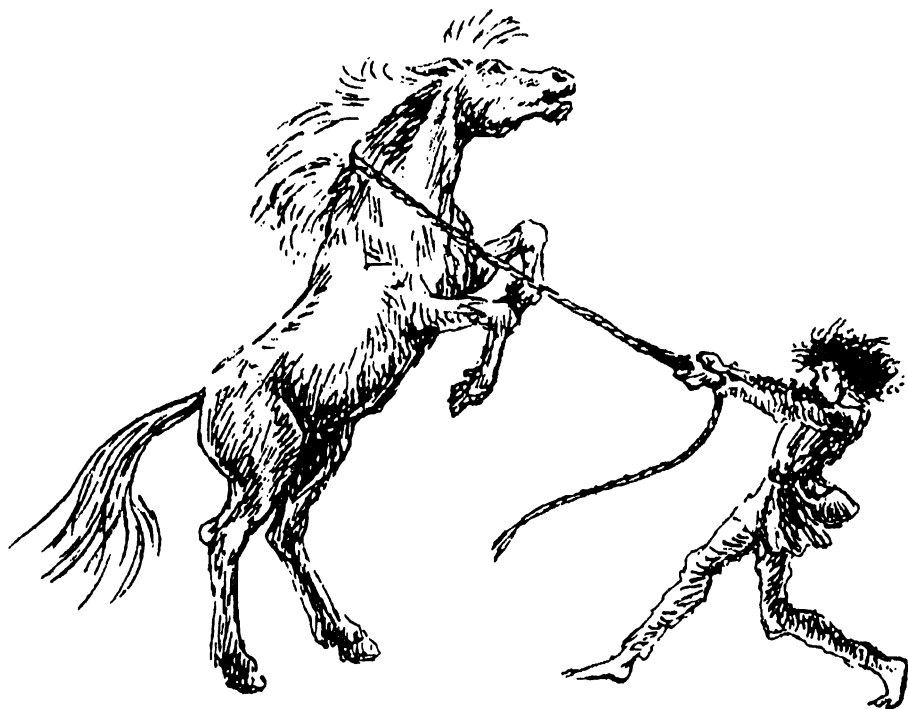
Они поймали двух диких молодых жеребцов, которые брыкались, и били копытами, и вырывались, и кусались, и яростно пытались освободиться, когда Бирк и Роня хотели привязать их к деревьям.

Под конец им удалось привязать своих пленников, и, когда наконец это было сделано, дети быстро отскочили прочь, чтобы их не задели взлетающие на их головами копыта лошадей. Потом они стояли, задыхаясь и глядя, как брыкаются их норовистые лошади, а пена так и течет по их бокам.

— Но нам надо ездить верхом, — сказала Роня. — А эти не дадут оседлать себя с первого раза.

Бирк это тоже понимал.

— Сперва нам надо дать понять, что мы не желаем им зла.

— Я уже пыталась это сделать, — сказала Ронья. — Я дала жеребенку ломтик хлеба. И если б я не отдернула быстренько руку, то вернулась бы домой к Матису с парой откушенных пальцев, болтающихся у пояса. Это его не очень бы обрадовало.

Бирк побледнел.

— Ты хочешь сказать, что этот негодник, этот шалый пытался куснуть тебя, когда ты подошла к нему с ломтиком хлеба? Он в самом деле хотел куснуть тебя?

— Спроси его самого, — посоветовала Ронья угрюмо.

Она недовольно посмотрела на обезумевшего от ярости жеребца, который продолжал шуметь и бесноваться.

— Шалый — хорошее имя, — сказала она. — Так я и буду называть его.

Бирк расхохотался:

— Тогда ты должна дать другое имя моему жеребцу.

— Да, он такой же дикий, как и мой, — сказала Ронья. — Можешь назвать его Дикий.

— Послушайте-ка вы, дикие лошади! — заорал Бирк. — Теперь мы вас окрестили. А звать вас Шалый и Дикий, и вы теперь наши, хотите вы того или нет!

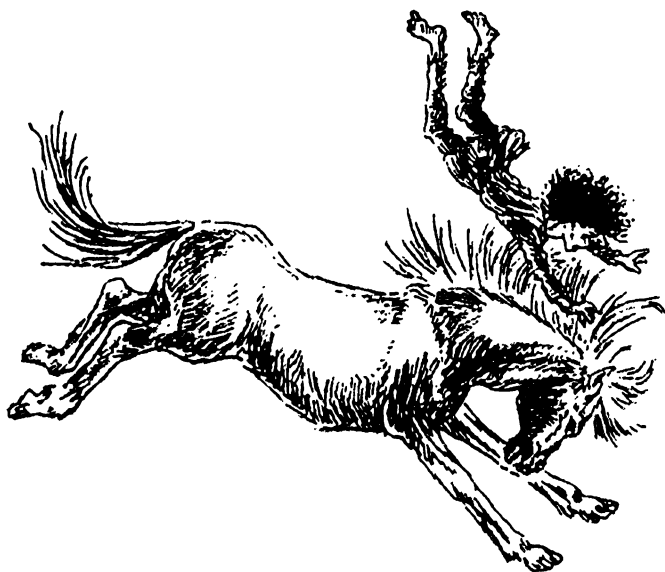
Шалый и Дикий не хотели, это было заметно. Они рвались на волю, они кусали кожаные ремни, пот лил с них градом, но все-таки они продолжали лягаться и бить копытами, а их дикое ржание пугало животных и птиц во всей округе.

Но день клонился к вечеру, и они мало-помалу устали. Под конец они уже тихо стояли, свесив головы, и только время от времени ржали смирно и печально.

— Они, верно, хотят пить, — сказал Бирк. — Надо их напоить.

И они отвязали своих уже покорных лошадей и отвели их к озеру, сняли с них кожаные ремни и дали им напиться.

Лошади пили долго. Потом они постояли тихие и довольные, мечтательно глядя на Ронью и Бирка.

— В конце концов мы их приручили, — удовлетворенно сказал Бирк.

Ронья погладила свою лошадь и, глубоко заглянув ей в глаза, объяснила:

— Раз я сказала, что буду ездить верхом, значит, буду, понятно?

И, крепко схватившись за гриву Шалого, метнулась к нему на спину.

— Эй ты, Шалый! — только и успела произнести она.

И тут же, описав широкую дугу, свалилась вниз головой в озеро. Она сразу вынырнула на поверхность, словно для того, чтобы увидеть, как Шалый и Дикий мчатся яростным галопом и исчезают среди деревьев.

Протянув ей руку, Бирк вытащил ее на берег. Он сделал это совершенно молча и не глядя на нее. Так же молча вылезла из воды Ронья. Она отряхнулась так, что только брызги полетели. А потом с громким смехом сказала:

— Сегодня я, пожалуй, больше верхом не поеду!

И тогда в ответ раздался похожий на вой хохот Бирка:

— И я тоже!

И вот наступил вечер. Солнце село, спустились сумерки, сумерки весеннего вечера, которые на самом деле казались лишь какой-то странной мглой, стусившейся

среди деревьев и никогда не превращавшейся в мрак и ночь. Черный дрозд и кукушка смолкли. Все лисята скрылись в своих норах, все бельчата и зайчишки — в своих дуплах и гнездах, а змея заползла под камень. Ничего больше не было слышно, кроме зловещего уханья филина далеко-далеко отсюда, а вскоре смолкло и оно.

Казалось, весь лес спал. Но вот он стал медленно-медленно просыпаться к своей сумеречной жизни. Все обитатели сумерек, жившие там, зашевелились. Кто-то полз, шуршал и пробирался тайком по мшистым кочкам. Среди деревьев шныряли ниссе-толстогузки, косматые тролли-болотники ползали, прячась за камнями, а огромные полчища серых карликов вылезали из своих потайных убежищ и шипели, чтобы напугать всех, кого им надо было утащить к себе. А когда с гор стали спускаться, паря в воздухе, дикие виттры, самые жестокие и самые неукротимые из всех обитателей сумерек, они показались совсем черными на фоне светлого весеннего неба. Ронья заметила их, и это зрелище пришлось ей не по душе.

— Здесь снует куда больше всякой нечисти, чем добрых и полезных тварей. А теперь я хочу домой, я вымокла насквозь и вся в синяках.

— Да, ты вымокла насквозь и вся в синяках. Зато ты целый день радовалась весеннему лесу.

Ронья знала, что она слишком много времени проводит в лесу. И, расставшись с Бирком, она стала придумывать, как бы ей уговорить Маттиса не сердиться на нее за то, что она так долго радовалась, купаясь в весне, и поздно воротилась домой.

Но ни Маттис, ни кто другой не заметил, когда она вошла в каменный зал. Им было просто не до нее, потому что у них появились новые заботы и огорчения.

На звериной шкуре перед очагом лежал Стуркас, бледный, с закрытыми глазами. А возле него на коленях стояла Лувис и перевязывала рану у него на шее. Все остальные разбойники, подавленные, стояли

вокруг, не отрывая от них глаз. Только Маттис непрерывно шатался по залу, словно разъяренный медведь. Он кричал, шумел и ругался:

— О, эти поганцы из рода Борки и их дерьмовые прихвостни! Ах, эти бандиты! О, я буду щелкать их одного за другим до тех пор, пока ни один из них не сможет больше шевельнуть ни рукой, ни ногой в этой жизни. О, о!

Затем речь изменила ему и перешла просто в вопли, которым не было конца, пока Лувис не указала ему строго на Стуркаса. Тогда Маттис понял, что бедняге не становится лучше от слишком большого шума, и неохотно смолк.

Ронья поняла, что именно сейчас с Маттисом говорить не стоит. Лучше спросить Пера Лысуху, что случилось.

— Таких, как Борка, нужно вешать, — сказал Пер Лысуха.

И рассказал почему.

— Маттис и его brave молодчики сидели в засаде у Разбойничьей тропы, — рассказывал Пер Лысуха. — И тут им очень повезло, так как появилось множество проезжих купцов с огромными тюками, со съестными припасами, кожей и мехами, да еще, кроме того, при больших деньгах. Купцам и прочему странствующему люду не хватило мужества защищаться, и потому им пришлось расстаться со всем, что у них было!

— А они не разозлились? — невесело спросила Ронья.

— Догадайся сама! Если б ты знала, как они проклинали нас и кричали! Но купцам этим пришлось быстренько оттуда убратся. Думаю, они отправились жаловаться фогду.

Пер Лысуха усмехнулся. Но Ронья подумала, что тут нечему смеяться.

— А потом, представляешь, — продолжал Пер Лысуха, — когда мы чинно-благородно погрузили все награбленное на лошадей и собирались домой, явился Борка со своим сбродом и пожелал получить свою долю добычи. И эти разбойники принялись стрелять, вот негодяи!

Стуркасу стрела попала прямо в шею. И тогда мы, ясное дело, тоже стали стрелять, да, да! Пожалуй, двоим-троим из них досталось так же, как и Стуркасу.

Подошедший к ним Маттис услышал как раз эти последние слова и заскрежетал зубами.

— Погодите, ведь это только начало, — сказал он. — Я перестреляю всех, одного за другим. До сих пор я оставлял их в покое. Но теперь уж всем разбойникам Борки придет конец.

Ронья почувствовала, как в ней закипает ярость.

— Но тогда придет конец и всем разбойникам Маттиса, ты не подумал об этом?

— Я и не собираюсь думать об этом! — ответил Маттис. — Потому что этому не бывать!

— Откуда ты знаешь! — сказала Ронья.

Потом она пошла и села возле Стуркаса. Положив руку ему на лоб, она почувствовала, что у него жар. Открыв глаза, он посмотрел на нее и слегка улыбнулся.

— Меня им не так-то просто убить, — прошептал он невнятно.

Ронья взяла его за руку и сказала:

— Нет, Стуркас, тебя им не так просто убить.

Она долго сидела возле него, держа его руку в своей. Она не плакала. Но душа ее плакала так горько!

9

Рана у Стуркаса болела, и его лихорадило три дня. Он был совсем плох и лежал в забытьи. Но Лувис, знавшая искусство врачевания, ухаживала за ним, как мать, лечила его травами и припарками, и, всем на удивление, на четвертый день он встал на ноги хоть и слабый, но почти здоровый. Стрела угодила ему в шейное сухожилие, и, по мере того как оно заживало, рана стягивалась все больше и больше. От этого голова у Стуркаса наклонилась набок, что придавало ему довольно печальный

вид, но он не унывал и был весел, как всегда. Все разбойники радовались тому, что дело у него шло на поправку, хотя они теперь и называли его в шутку Кривой шеей. И Стуркаса это вовсе не печалило.

Печалилась лишь одна Ронья. Раздоры между Маттисом и Боркой доставляли ей немало хлопот. Она надеялась, что эта вражда потихоньку прекратится сама собой. А вместо этого она разгорелась еще сильнее и стала опасной. Каждое утро, когда Маттис со своими людьми выезжал верхом через Волчье ущелье, она с тревогой думала о том, сколько из них вернется домой целыми и невредимыми. Она успокаивалась, лишь когда все они усаживались вечером за длинным столом. Но на следующее утро она снова просыпалась в тревоге и спрашивала своего отца:

— Для чего вам с Боркой драться не на жизнь, а на смерть?

— Спроси Борку, — отвечал Маттис. — Он пустил первую стрелу: Стуркас тебе об этом расскажет.

Но под конец и Лувис не выдержала:

— Ребенок умнее тебя, Маттис! Ничего путного из этого не выйдет. Дело кончится кровавой баней, а что тут хорошего?

Увидев, что и Ронья, и Лувис против него, Маттис разозлился.

— Ничего хорошего? — заорал он. — Для чего я дерусь? Для того, чтобы выгнать его наконец из своего дома. Ясно вам, дурехи?

— Неужто для этого надобно проливать кровь, куда все не погибнут? — спросила Ронья. — Неужто нет другого пути?

Маттис бросил на нее недовольный взгляд. Ладно бы еще препираться с Лувис. Но то, что и Ронья не хотела его понять, для него было слишком.

— Придумай тогда другой способ, раз ты такая умная! Выкури Борку из Маттисборгена. А после пусть он со своей воровской шайкой заляжет где-нибудь в лесу спокойно, как лисье дерьмо. Тогда я их больше не трону.

Он помолчал, подумал, а после пробормотал:

— Хотя Борку я убивать не стану, а не то все разбойники назовут меня негодяем!

Ронья каждый день встречала в лесу Бирка. Только это и утешало ее. Но теперь ни она, ни Бирк не могли больше беспечно радоваться весне.

— Из-за этих двух упрямых разбойничьих хёвдингов нам и весна теперь не в радость. Они просто спятели, — сказал Бирк.

Как жаль, думала Ронья, что Маттис стал старым и упрямым до глупости. И это ее Маттис, мачтовая сосна в лесу, сильный и смелый! Почему теперь она может лишь с одним Бирком поделиться своими горестями?

— Кабы ты не был мне братом, — сказала она, — что бы я стала делать?

Они сидели у лесного озера, вокруг них цвела весна, но они этого не замечали.

— Правда, если бы я не считала тебя своим братом, я, может, и не печалилась бы оттого, что Маттис хочет сжить Борку со свету, — добавила Ронья.

Она взглянула на Бирка и рассмеялась:

— Значит, это у меня из-за тебя столько огорчений!

— Я не хочу, чтобы ты тревожилась, — ответил Бирк. — Но мне тоже нелегко.

Они долго сидели опечаленные, но вместе им все же было легче переносить все горести. Хотя обоим им было невесело.

— Знаешь, как страшно ждать, гадая, кто из них вернется вечером живым, а кто мертвым? — сказала Ронья.

— Пока еще никто не погиб, — возразил Бирк. — Но это, видно, потому, что кнехты фогда теперь снова рыщут по лесам. Маттису и Борке просто некогда сводить счеты. Теперь у них главная забота — прятаться от кнехтов.

— Так оно и есть, и это здорово.

Бирк засмеялся:

— Подумать только, и кнехты фогда на что-то пригодились, ну и дела!

— Все же беспокойная у нас с тобой жизнь, — вздохнула Ронья. — И, верно, всегда будет беспокойной.

Они поднялись, пошли и вдруг увидели, что на лужайке пасутся дикие лошади. В этом табуне были также Шалый и Дикий. Бирк посвистел, подзывая их. Они оба подняли головы и нерешительно посмотрели на него, а после снова принялись щипать траву. Видно было, что он им ни к чему.

— Настоящие зверюги, а с виду такие кроткие, — возмутился Бирк.

Ронья решила идти домой. Из-за двух старых, упрямых, как быки, разбойников ей теперь и в лесу покоя не было.

В этот день они с Бирком расстались, как всегда, далеко от Волчьего ущелья, далеко от всех разбойничьих троп. Они знали, где обычно проезжал Маттис и где пролегали дороги Борки. И все же они боялись, чтобы кто-нибудь не увидел их вместе.

Ронья велела Бирку уходить первым.

— Увидимся завтра, — сказал он и убежал.

Ронья задержалась ненадолго, чтобы поглядеть на новорожденных лисят. Они играли и так потешно прыгали. Но Ронью и они не порадовали. Она мрачно смотрела на них и думала: будет ли снова когда-нибудь все как прежде? Может, ей уже не придется больше радоваться в этом лесу.

Потом она отправилась домой и подошла к Волчьему ущелью. Там стояли на карауле Юен и Коротышка Клипп. Они улыбались, довольные.

— Давай-ка поторапливайся, — сказал Юен, — дома увидишь, что случилось.

— Наверно, что-то приятное, судя по вашим рожам? — любопытствовала она.

— Да, уж это точно, — ухмыльнулся Клипп, — сама увидишь.

Ронья пустилась бежать. Чего-нибудь приятного ей сейчас ужасно хотелось.

Вскоре она уже стояла перед закрытой дверью каменного зала и слышала, как смеется Маттис. Это был громкий, грохочущий смех, который согревал ее и прогонял прочь тревоги. И ей захотелось поскорее узнать, что его рассмешило.

Она быстро скользнула в каменный зал. Увидев ее, Маттис подбежал к ней, обхватил ее руками, потом поднял и закружил по залу.

— Ронья, дочка моя! — закричал он. — Твоя правда! Ни к чему нам проливать кровь. Теперь Борка убежится отсюда раньше, чем успеет пукнуть спросонок. Уж поверь мне!

— А почему? — спросила Ронья.

Маттис показал пальцем:

— Погляди-ка! Погляди-ка, кого я только что поймал собственными руками!

В каменном зале было полным-полно разбойников, они громко шумели, прыгали, и Ронья не сразу разглядела, на что ей указывал Маттис.

— Ясно тебе, Ронья? Мне теперь стоит только сказать Борке: «Уберешься ли ты теперь отсюда? Хочешь получить обратно своего змееныша или нет?»

И тут она увидела Бирка. Он лежал в углу, связанный по рукам и ногам. Лоб его был окровавлен, а в глазах затаилось отчаяние. Вокруг него скакали разбойники. Они хохотали и кричали:

— Эй ты, сыночек Борки! Когда же ты отправишься домой к папочке?

Ронья громко вскрикнула, из глаз ее покатились слезы ярости.

— Ты не посмеешь этого сделать, зверюга! — кричала она, набросившись с кулаками на Маттиса. — Не посмеешь!

Маттис резко отшвырнул ее от себя. Смеяться он перестал. Лицо его побелело от злости.

— Что это я не посмею сделать? О чем это говорит моя дочка? — грозно прорычал он.

— Я скажу тебе о чем! — крикнула Ронья. — Ты можешь грабить деньги, золото и разное там барахло, но людей красть я тебе не позволю, а не то я тебе больше не дочь!

— Да неужто это человек? Я поймал змееныша, вошь, щенка-ворюгу и наконец могу освободить замок моих предков. А останешься ли ты моей дочерью или нет — дело твое, — сказал он каким-то не своим голосом.

— Тыфу на тебя! — крикнула Ронья.

Пер Лысуха встал между ними, ему стало страшно. Никогда он еще не видел, чтобы у Маттиса было такое окаменевшее и грозное лицо.

— Разве можно говорить такие слова отцу! — сказал Пер Лысуха и взял Ронью за руку, но она вырвалась.

— Тыфу на тебя! — снова крикнула она.

Казалось, Маттис не слышал ее, будто для него теперь ее вовсе не было.

— Фьосок! — приказал он таким же грозным голосом. — Ступай к Адскому провалу и вели послать весть Борке, мол, я желаю видеть его на восходе солнца. Да пусть поторапливается, ему же будет лучше! Так и скажи.

Лувис стояла и молча слушала. Она нахмурила брови и ничего не сказала. Потом она подошла к Бирку и, увидев кровавую рану у него на лбу, принесла глиняную кружку с целебным травяным настоем и хотела было промыть рану, но Маттис прорычал:

— Не смей дотрагиваться до змееныша!

— Змееныш он или нет, но рану я ему промою.

И промыла.

Тогда Маттис подошел к ней, схватил ее за руку и швырнул на пол. Если бы Кнутас не придержал ее, она ударилась бы о ножку кровати.

— А ну, прочь отсюда, все, кроме Роньи! — закричала Лувис. — Катитесь подальше подобру-поздорову. От вас один только вред. Слышишь, ты, Маттис, убирайся!

Маттис бросил на нее мрачный взгляд. Он мог бы испугать кого угодно, но только не Лувис. Она стояла скрестив руки на груди и смотрела на Маттиса, выходящего из каменного зала вместе со своими разбойниками, которые уносили Бирка. Перекинутый через плечо Маттиса Бирк лежал, как мертвый, медно-рыжие волосы свесились ему на глаза.

— Тьфу на тебя, Маттис! — крикнула вдогонку ему Ронья, прежде чем тяжелая дверь захлопнулась за ним.

В эту ночь Маттис не спал в своей постели рядом с Лувис, и, где он был, она не знала.

— Какое мне до него дело, — сказала она, — теперь я могу растянуться на постели хоть вдоль, хоть поперек.

Но спать она не могла. Она слышала, как горько плачет ее дитя, но дитя не подпускало ее к себе и не позволяло утешить себя. Эту ночь Ронья должна была пережить в одиночестве. Она долго лежала с открытыми глазами. Ненависть к отцу заставляла ее сердце сильно сжиматься. Но как тяжело ненавидеть того, кого ты привык так сильно любить всю свою жизнь! И потому эта ночь была для Роньи самой трудной из всех.

Под конец она заснула, но, как только начало светать, в страхе проснулась. Скоро солнце встанет, и тогда ей нужно успеть к Адскому провалу посмотреть, что там будет. Лувис пыталась удержать ее, но Ронья не послушалась. Она пустилась в путь, а Лувис молча пошла за ней.

И вот они снова стояли по обе стороны Адского провала, Маттис и Борка со своими разбойниками. Ундис тоже была там. Ронья издалека услышала ее вопли и

проклятия. Она проклинала Маттиса, да так, что всем жарко стало. Но Маттиса это нимало не смущало.

— Заставь-ка свою жену замолчать, Борка, — сказал он. — Не худо тебе послушать, что я скажу.

Ронья встала за его спиной, чтобы он не увидел ее. Видеть и слышать все это ей было просто невыносимо. Рядом с Маттисом стоял Бирк. Теперь он не был связан по рукам и ногам, но шею его сдавливал ремень, а конец ремня держал Маттис. Можно было подумать, что он ведет собаку на поводке.

— Ты человек жестокий, Маттис, — сказал Борка, — и подлый. Что ты хочешь выжить меня отсюда, я понимаю. Но схватить моего сына, чтобы добиться своего, это подло!

— Больно интересно мне знать, что ты обо мне думаешь! — ответил Маттис. — Я хочу знать лишь, когда ты уберешься отсюда!

Борка помолчал. От обиды слова застряли у него в горле. Он долго стоял молча, но под конец сказал:

— Сначала мы должны найти место, где нам разбить лагерь. А это не так просто. Но, если ты вернешь мне сына, я дам тебе слово, что мы уйдем до конца лета.

— Ладно, — ответил Маттис, — тогда я дам тебе слово, что ты получишь своего сына до конца лета.

— Я хочу, чтобы ты отдал его мне сейчас.

— А я хочу сказать, что ты его не получишь, — ответил Маттис. — Кстати, у нас в замке есть тюрьма в подземелье, там крыши для всех хватит, если лето будет дождливое. Так что не печалься.

Ронья тихонечко застонала. До чего жестокий у нее отец. Заставляет Борку убираться немедленно, прежде чем он успеет пукнуть спросонок. А не то он засадит Бирка в темницу до конца лета. Ронья знала, что так долго он там не выживет. Он умрет, и у нее не будет больше брата.

Любимого отца у нее тоже теперь не будет, и это тоже причиняло ей боль. Ей хотелось наказать Маттиса за это и за то, что она теперь не сможет быть ему

дочерью. О, как ей хотелось заставить его страдать так же, как страдала она сама! Как горячо она желала разрушить все его планы, помешать его козням!

И вдруг она догадалась, как это сделать. Как-то давно она в порыве ярости сделала это, а сейчас она была вовсе вне себя. Не раздумывая, она разбежалась и перемახнула через Адский провал. Маттис увидел, как она прыгнула, и издал вопль, похожий на вой смертельно раненного зверя. Такого вопля разбойники еще не слышали, и кровь застыла у них в жилах. И тут они увидели Ронью, свою Ронью рядом с врагом. Ничего хуже и непонятнее нельзя было вообразить.

Разбойники Борки не могли ничего понять. Они уставились на Ронью, словно к ним вдруг спустилась дикая виттра.

Борка тоже растерялся, но быстро пришел в себя. Он понял: теперь все изменилось. Явилась дочь Маттиса, эта дикая виттра, и выручила его из беды. Для чего она поступила столь безрассудно, он понять не мог, но поспешил, хихикая, накинуть ей на шею ремень.

Потом он крикнул Маттису:

— На этой стороне у нас тоже есть подземелья. И для твоей дочери найдется крыша над головой, коли лето будет дождливым. Будь спокоен!

Но какой уж там покой для Маттиса! Он стоял, раскачиваясь тяжелым телом, словно подстреленный медведь, чтобы заглушить невыносимые муки. Глядя на него, Ронья плакала. Он выпустил из рук ремень, надетый на шею Бирка, но мальчик продолжал стоять не двигаясь, глядя на плачущую Ронью на другой стороне Адского провала.

Тут Ундис подошла и толкнула ее:

— Плачь, плачь! Я тоже плакала бы, кабы моим отцом был такой зверюга!

Но Борка велел ей убираться прочь. Мол, не ее это дело.

Ронья сама назвала отца зверюгой, но теперь ей все же хотелось утешить его, ведь это из-за нее он сейчас мучился так сильно.

Лувис тоже хотела ему помочь, ведь в беде она всегда помогала мужу. Она стояла рядом с ним, но он ее даже не замечал. Он не замечал ничего. В этот миг он был один во всем мире.

Тут Борка крикнул ему:

— Эй, Маттис, отдашь ты мне сына или нет?

Маттис наконец очнулся.

— Ясное дело, отдам, — равнодушно ответил он. — Когда пожелаешь.

— Я желаю, чтобы ты вернул мне его сейчас. Не в конце лета, а сейчас!

Маттис кивнул.

— Я сказал, когда пожелаешь.

Казалось, ему теперь это было безразлично. Но Борка, широко ухмыляясь, добавил:

— И в тот же миг я верну тебе дочку. Меняться так меняться, ясно тебе, скотина?

— У меня нет дочки.

Веселая улыбка исчезла с лица Борки.

— Это что еще? Опять ты замышляешь недоброе?

— Иди забирай своего сына, — ответил Маттис. — А мне возвращать дочь не надо. У меня ее нет.

— А у меня есть! — крикнула Лувис истощенным голосом, от которого даже вороны вспорхнули. — И ты мне ее вернешь, Борка! Ясно тебе? Сию же минуту!

Потом она бросила гневный взгляд на Маттиса:

— Не моя вина, что отец вовсе спятил!

Маттис повернулся и тяжелой походкой зашагал прочь.

10

Несколько дней Маттис не показывался в каменном зале. Не было его и у Волчьего ущелья, когда обменяли детей. Дочку приняла Лувис, с ней были Фьосок и Юен, которые привели Бирка. Борка и Ундис ждали со своими разбойниками по другую сторону Волчьего ущелья. Разозленная и торжествующая Ундис, завидев Лувис, выпалила:

— Видно, Маттису, укравшему ребенка, стыдно показываться нам на глаза!

Лувис сдержалась и не ответила. Она прижала к себе Ронью и хотела поскорее, не говоря ни слова, увести ее. Прежде она никак не могла понять, почему ее дочь добровольно отдалась в руки врагов, и лишь теперь стала смутно догадываться. Ронья и Бирк смотрели друг другу в глаза, словно они были одни в Волчьем ущелье и вообще во всем мире. Да, эти двое были друзьями, это заметили все.

Ундис сразу поняла это, и это ей не понравилось. Она резко дернула Бирка за руку:

— На что она тебе?

— Она моя сестра, — ответил Бирк, — и она спасла мне жизнь.

Ронья прижалась к Лувис и заплакала.

— Так же, как Бирк спас мою, — пробормотала она.

Но Борка покраснел от злости:

— Стало быть, сын за моей спиной якшается с отродьем моего врага?

— Она моя сестра, — повторил Бирк и поглядел на Ронью.

— Сестра! — крикнула Ундис. — Поглядим, что будет через пару лет!

Она схватила Бирка и потянула его назад.

— Не тронь меня! — воскликнул Бирк. — Я сам пойду, не хочу, чтобы ты дотрагивалась до меня!

Он повернулся и пошел. А Ронья жалобно закричала:

— Бирк!

Но он ушел не оглядываясь.

Когда Лувис осталась вдвоем с Роньей, она хотела было расспросить ее о том, что случилось, но дочка попросила:

— Не говори мне ничего!

Лувис оставила ее в покое, и они молча пошли домой.

Пер Лысуха встретил Ронью в каменном зале так, словно она избежала смертельной опасности.

— Слава Богу, ты жива, — сказал он. — Бедное дитя, как я за тебя боялся!

Но Ронья пошла в угол, молча легла на свою постель и задернула полог.

— Одни напасти у нас в замке, да и только, — сказал Пер Лысуха, с мрачным видом покачивая головой. Потом он шепнул Лувис:

— Маттис у меня в спальне. Лежит, смотрит в потолок и не говорит ни слова. Не хочет ни вставать, ни есть. Что нам делать с ним?

— Придет, когда хорошенько проголодается! — ответила Лувис.

Но она была озабочена. На четвертый день она вошла в каморку Пера и сказала:

— Иди поешь, Маттис! Нечего дурака валять! Все сидят за столом и ждут тебя.

Под конец Маттис пришел, мрачный, похудевший, не похожий на себя. Он молча сел за стол и принялся за еду. Все разбойники тоже молчали. В каменном зале еще никогда не было так тихо. Ронья сидела на своем обычном месте, но Маттис ее не замечал. Она тоже избегала смотреть на него. Лишь разок она украдкой бросила на него взгляд и увидела, как он изменился, как не похож на того Маттиса, которого она знала! Да, все так изменилось, и все было так ужасно! Ей хотелось убежать прочь, исчезнуть, не видеть больше Маттиса, побыть в одиночестве. Но она продолжала сидеть в нерешительности, не зная, куда деваться со своим горем.

— Ну, что, наелись, весельчаки? — не выдержав молчания, с горечью сказала Лувис, когда трапеза была окончена.

Разбойники поднялись из-за стола, что-то бормоча, и быстро побежали к своим лошадям, которые четвертый день стояли без дела в стойлах. Эти удалыцы не могли отправиться на добычу, покуда их предводитель лежал на кровати, уставясь в потолок. Они были недовольны, ведь как раз в эти дни по лесу проехало множество людей.

Маттис куда-то исчез, не сказав ни слова, и целый день его никто не видел.

А Ронья снова помчалась в лес. Три дня она искала Бирка, но он не пришел, она не понимала почему. Что они сделали с ним? Неужели они заперли его, чтобы он не мог убежать в лес и встретиться с ней? Нелегко ей было ждать, ничего не зная о нем.

Она долго сидела у лесного озера, а вокруг нее по-прежнему цвела весна. Но без Бирка она была Ронье

не в радость. Она вспомнила, как когда-то бродила по лесу одна и была счастлива и весела. Как давно это было! А теперь ей хотелось, чтобы Бирк всегда был рядом.

Но, видно, и сегодня он не придет. Она устала ждать и поднялась, чтобы идти домой.

Но вот он пришел. Она услышала, как он свистит в ельнике, и радостно бросилась ему навстречу. И вот она увидела его! Он тащил на спине большой мешок.

— Я буду теперь жить в лесу, — сказал он. — Не могу дольше оставаться в крепости Борки.

Ронья с удивлением уставилась на него.

— Это почему?

— Таков уж я есть, не могу больше выслушивать брань и упреки. Трех дней с меня довольно!

«Молчание Маттиса еще хуже, чем упреки!» — подумала Ронья. И тут же она поняла, что ей нужно делать, чтобы больше не мучиться. Бирк сделал это, почему бы и ей не сделать?

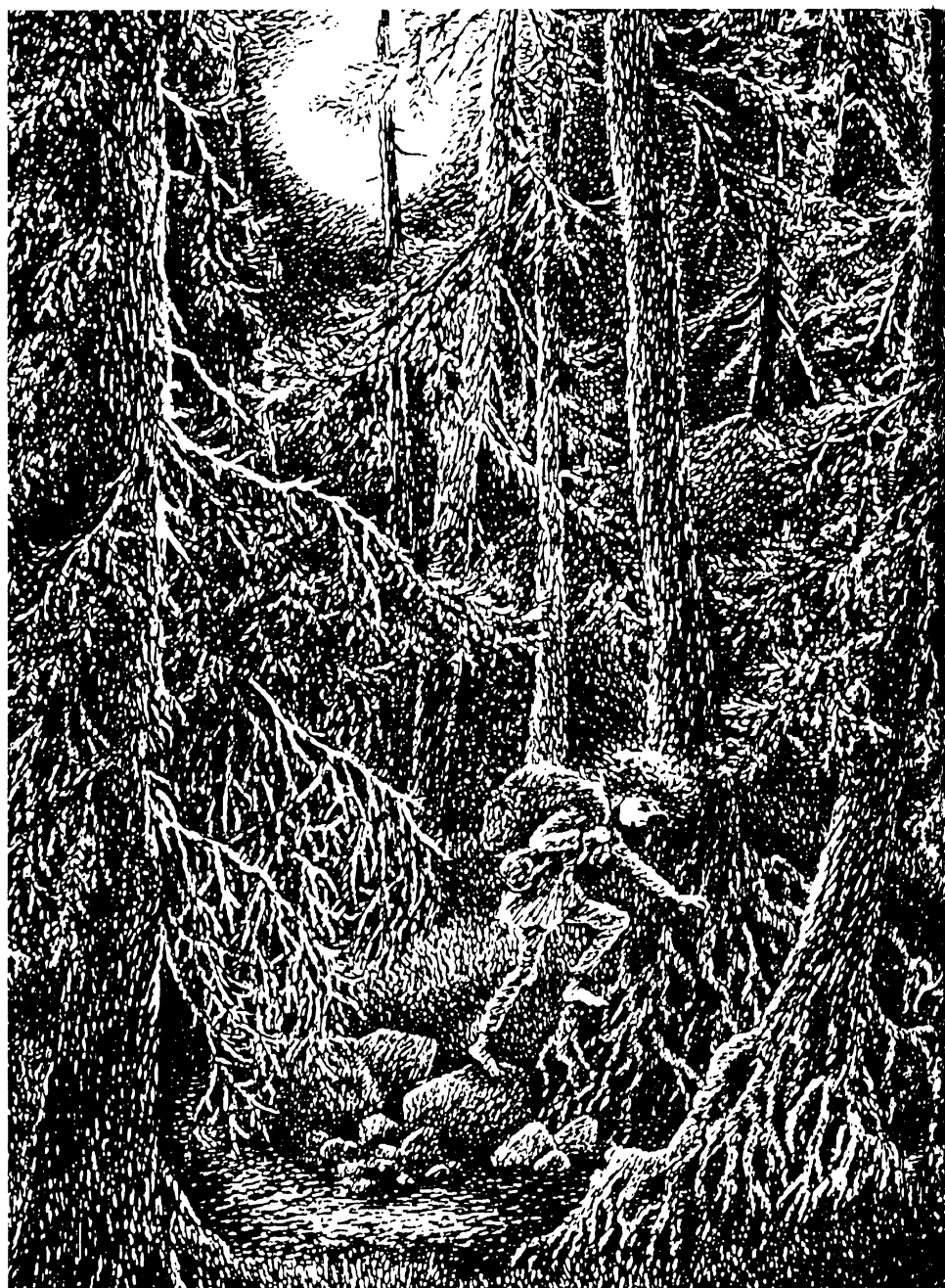
— Я тоже не хочу больше жить в Маттисборгене, — воскликнула она. — Не хочу, и все! И не буду!

— Я родился в пещере, — сказал Бирк. — И могу там жить. А ты сможешь?

— Вместе с тобой я могу жить где угодно, — ответила Ронья. — А лучше бы всего в Медвежьей пещере!

В окрестных горах было много пещер, но лучшая из них была Медвежья пещера. И Ронья это давно знала. С тех самых пор, как начала бродить по лесу. Ей показал ее Маттис. Мальчишкой он сам жил там не одно лето. Зимой там спали медведи, об этом ему рассказывал Пер Лысуха. Поэтому Маттис назвал эту пещеру Медвежьей, так она и стала с тех пор называться.

Вход в пещеру был на высоком берегу реки, между двумя отвесными скалами. Чтобы попасть туда, нужно было карабкаться по крутым опасным уступам, походившим на узкую лестницу. Но ближе к входу в пеще-

ру эта лестница расширялась и заканчивалась широкой площадкой. На этой площадке, возвышавшейся над рекущей рекой, можно было сидеть и смотреть, как солнце, поднимаясь, заливают светом горы и леса. Ронья сидела там так много раз и знала, что можно жить там.

— Я приду сегодня к Медвежьей пещере, — сказала она. — А ты там будешь?

— Ясное дело, буду. И стану ждать тебя.

В этот вечер Лувис, как всегда в конце каждого дня, веселого или грустного, пела Ронье Волчью песнь.

«Но сегодня вечером я слушаю ее в последний раз», — думала Ронья, и это были печальные мысли. Тяжко было расставаться с матерью, но еще тяжелее перестать быть дочерью Маттиса. Потому она и решила уйти в лес, даже если она уже не услышит больше Волчью песнь.

И вот час настал. Лувис уснула, а Ронья ждала, уставясь на огонь. Лувис беспокойно ворочалась на постели. Но под конец она успокоилась, и Ронья, слыша ее ровное дыхание, поняла: она крепко спит.

Тогда Ронья осторожно встала и при свете очага долго смотрела на спящую мать.

«Милая моя Лувис, — думала она, — увидимся ли мы еще когда-нибудь с тобой?»

Волосы Лувис разметались по подушке. Ронья провела пальцами по рыжим прядям. Неужто это в самом деле ее мать? Она выглядела совсем девчонкой. Маттиса рядом с ней не было, и она казалась усталой и одинокой. А теперь и дочь должна была ее покинуть.

— Прости, — пробормотала Ронья. — Но я должна!..

Она тихонько вышла из каменного зала и взяла в кладовой свой узел. Он был такой тяжелый, что она едва тащила его. Подойдя к Волчьему ущелью, она швырнула свою поклажу под ноги Чегге и Чурму. Они в эту ночь стояли на карауле. Маттис не поза-

ботился выставить караул, и за него это сделал Пер Лысуха.

— Куда это ты собралась среди ночи, виттры тебя поберут?

— Я переселяюсь в лес, — ответила Ронья. — Скажи об этом Лувис.

— Почему ты сама не скажешь ей об этом? — удивился Чегге.

— Да ведь она меня не отпустит. А я не хочу, чтобы она мне помешала.

— А что на это скажет твой отец?

— Отец? — спросила печально Ронья. — А разве у меня есть отец?

Она пожала им на прощание руки.

— Передайте всем от меня привет! Да не забудьте про Пера Лысуху! И вспоминайте меня иногда, когда будете петь и плясать.

Тут Чегге и Чурм не выдержали, на глазах у них выступили слезы, Ронья тоже всплакнула.

— Думается мне, что танцам в замке Маттиса больше не бывать, — мрачно сказал Чегге.

Ронья взяла свою поклажу и перекинула ее через плечо.

— Скажите Лувис, пусть она не горюет и не боится за меня, что я живу в лесу. Она может найти меня, если захочет.

— А что сказать Маттису? — спросил Чурм.

— Ничего, — ответила Ронья, вздыхая.

Наступила ночь. Высоко в небе сияла луна. Ронья остановилась у лесного озера отдохнуть, посидела на камешке, прислушиваясь к тишине. В эту весеннюю ночь лес был полон тайн, колдовства и чудес, как в древние времена. Он таил в себе много опасностей, но Ронья их не страшилась.

«Только бы дикие виттры держались подальше, тогда мне нечего бояться, тогда лес для меня — дом род-

ной, все равно что Маттисборген, — думала она. — Лес и всегда-то был мне домом, а теперь, когда другого дома у меня больше нет, он мне еще дороже».

На черной поверхности озера блестела узкая полоска лунного света. Она была очень красива, и Ронья радовалась, глядя на нее. Разве не удивительно, что можно радоваться и печалиться в одно и то же время? Она печалилась, думая о Маттисе и Лувис, и радовалась окружавшей ее волшебной, прекрасной, тихой весенней ночи.

Теперь она будет жить в этом лесу. Вместе с Бирком. Она вспомнила, что он ждет ее в Медвежьей пещере. Зачем же она сидит здесь и мечтает?

Она поднялась и взяла свою поклажу. Путь ей предстоял не близкий, ни тропинки, ни дороги туда не вели. И все же она знала, как туда идти. Так же, как знают звери. Как знают ниссе-толстогузки, тролли-болотники и серые карлики.

И так она шла спокойно по залитому лунным светом лесу между сосен и елей, ступая по мху и черничнику, мимо болот, поросших ароматным багульником, мимо черных омутов и бездонных трясин, карабкалась по поваленным деревьям, переходила вброд журчащие ручьи. Она шла по лесу напрямик к Медвежьей пещере.

Она видела, как на холме пляшут тролли-болотники. Пер Лысуха говорил ей, что они пляшут только лунными ночами. Она остановилась и стала украдкой смотреть на них. Станным был их танец. Они медленно и неуклюже кружились, бормоча что-то непонятное. Пер рассказывал, что это их весенняя песня. Он даже пытался сам петь, как тролли, бормоча что-то чудное. Но теперь она поняла, что его бормотание было вовсе не похоже на настоящую песню троллей-болотников. Их песня звучала как что-то древнее и печальное.

Вспомнив о Пере, она не могла не подумать о Маттисе и Лувис, и сердце у нее сжалось.

Но когда Ронья наконец подошла к пещере и увидела огонь у входа в нее, она забыла про отца и мать. Это Бирк разжег костер, чтобы они не замерзли прохладной весенней ночью. Костер пылал и светил так ярко, что был виден издалека, и Ронья вспомнила слова Маттиса: «Там, где очаг, там и дом!»

«А раз здесь горит огонь, — думала Ронья, — значит, это чей-то дом. Медвежья пещера будет мне домом!»

У входа в пещеру сидел Бирк и ел жаренное на костре мясо. Он надел на палочку кусок мяса и протянул ей.

— Я ждал тебя долго, — сказал он. — Ешь! А после споешь Волчью песнь.

11

Когда они улеглись на постели из еловых веток, Ронья начала было петь Бирку Волчью песнь. Но тут она вспомнила, как эту песнь пела Лувис ей и Маттису в ту пору, когда они еще жили в Маттисборгене, и сердце у нее сжалось так сильно, что она умолкла.

А Бирк уже начал засыпать. Весь день, ожидая Ронью, он чистил и мыл пещеру, которую медведи за время зимней спячки сильно запачкали.

Потом он натаскал туда из леса сухих дров и еловых веток. Устав за день, он быстро уснул.

Ронья не спала. В пещере было темно и холодно, но она не мерзла. Бирк постелил на ее постель козью шкуру поверх еловых веток, а укрылась она одеялом из беличьих шкурок, которое принесла из дому. Оно было мягкое и теплое, и заснуть она не могла вовсе не оттого, что ей было холодно. Просто сон не приходил к ней.

На душе у нее было невесело. Но в открытом входе в пещеру виднелось светлое, прохладное весеннее небо, а снизу доносился шум реки, и это успокаивало ее.

«То же самое небо смотрит на замок Маттиса, — думала она, — и та же река шумит рядом с ним».

И она тоже заснула.

Проснулись они оба, когда солнце уже светило над гребнями гор на другом берегу реки. Огненно-красное,

поднялось оно из тумана и горело, как костер, над ближними и дальними лесами.

— Я посинел от холода, — сказал Бирк. — Но на рассвете холоднее всего, а потом мало-помалу потеплеет. Как подумаешь об этом, становится радостнее.

— Радостнее было бы, кабы ты разжег огонь! — ответила Ронья.

Она тоже дрожала от холода. Бирк раздул угли, тлевшие под слоем золы. Они сидели у огня, ели хлеб, запивая его остатками козьего молока в деревянной фляге Роньи. Когда не осталось уже ни глотка, Ронья сказала:

— Теперь мы будем пить только воду из ручья, и ничего больше.

— С воды не растолстеешь, — сказал Бирк. — Но и вреда от нее не будет.

Они глянули друг на друга и рассмеялись. Они знали, что жить в Медвежьей пещере им будет нелегко, но не падали духом. Ронья даже забыла, что минувшей ночью у нее было тяжело на сердце. Они наелись, согрелись, утро сияло ярким светом, и они были вольными, как птицы. Казалось, они только сейчас поняли это. Все тяжелое и печальное, что им пришлось пережить за последнее время, осталось позади, им хотелось все это позабыть и никогда более не вспоминать.

— Ронья, — спросил Бирк, — да понимаешь ли ты, что мы теперь до того свободные, что хочется хохотать во все горло?

— Да, — подхватила Ронья, — здесь теперь наше королевство! Никто не посмеет отнять его у нас или прогнать нас отсюда.

Так они сидели у огня, а солнце поднималось все выше, река под ними шумела, а лес просыпался. Утренний ветерок тихо колыхал верхушки деревьев, куковали кукушки, где-то поблизости стучал по сосновому стволу дятел, а на противоположном берегу на опушку вышло лосиное семейство. А детям казалось, будто все

это принадлежит им: и река, и лес, и все живое, что здесь водилось.

— Заткни уши, сейчас прозвучит мой весенний крик! — сказала Роня.

И она закричала так громко, что эхо отозвалось в горах.

— Вот сейчас мне больше всего пригодился бы мой самострел, когда бы на твой крик явились дикие виттры.

— Тогда принеси его. Он в крепости Борки?

— Нет, рядом с ней, в лесу. Всего разом не захватишь. Поэтому я завел тайник в дупле дерева и сложил там кое-что, а потом притащу все это сюда.

— Маттис не захотел дать мне даже самострел, — сказала Роня, — но я могу смастерить лук и стрелы, если ты дашь мне ненадолго свой нож.

— Ладно, только береги его. Помни, что это у нас с тобой самое драгоценное. Без ножа нам в лесу не обойтись.

— Нам без многого не обойтись, — сказала Роня. — Как, например, мы будем носить воду без ведра? Об этом ты подумал?

Бирк засмеялся.

— Ясное дело, подумал. Но думалкой воду не зачерпнешь.

— Ну и хорошо, теперь я знаю, где мне его раздобыть.

— А где?

— У целебного источника Лувис. В лесу, возле Волчьего ущелья. Она послала вчера Стуркаса за целебной водой, чтобы полечить живот Перу Лысухе. Но на Стуркаса напали виттры, и он вернулся домой без ведра. Лувис велела ему принести ведро сегодня, уж она заставит его! Но если я потороплюсь, то, может быть, приду туда раньше него.

И они оба поспешили туда. Живехонько пробежали они длинную дорогу по лесу, взяли что им было нужно

и вернулись назад в пещеру. И все же времени на это ушло немало. Ронья принесла ведро, Бирк — самострел и то, что он припрятал в дупле. Он разложил свои сокровища на каменной плите у входа в пещеру, чтобы показать их Ронье: топор, точило, небольшой котелок, рыболовные снасти, силки на лесную птицу, стрелы для самострела, короткое копье — самые нужные вещи для того, чтобы прожить в лесу.

— Я вижу, ты знаешь, что нужно лесным людям, — сказала Ронья. — Добывать еду и защищаться от диких виттр и хищных зверей.

— Да уж точно, знаю, — ответил Бирк. — Уж как-нибудь мы...

Он не договорил, потому что Ронья рывком схватила его за руку и испуганно прошептала:

— Тихо! В пещере кто-то есть.

Они затаили дыхание и прислушались. Да, кто-то был у них в пещере, видно, он пробрался туда, пока их не было. Бирк взял копье, и они стояли молча, ожидая. Они слышали, как кто-то возился внутри, и было ужасно неприятно, ведь они не знали, кто это такой. Впрочем, казалось, что их там было несколько. А вдруг в пещере полным-полно виттр и они в любую минуту могут вылететь и вонзить в них когти?

Под конец им стало невозможно ждать молча.

— Выходите, виттры! — закричал Бирк. — Если только хотите поглядеть на самое острое копье в этом лесу!

Но никто не вышел. Изнутри послышалось злобное шипение:

— Чч...человек зз...здесь в лесс...су сс...серых кк...карликов! Бросс...сайтесь на него, сс...серые кк...карлики, бейте и кусс...сайте его!

Тут Ронья рассердилась не на шутку.

— Вон отсюда, серые карлики! — крикнула она. — Катитесь отсюда подальше! А не то я войду в пещеру и выдеру вам все волосы!

И тогда из пещеры повалили серые карлики. Они шипели и рычали на Ронью, она кричала на них, а Бирк грозил им копьем. Серые карлики пустились наутек вниз по склону. Они спешили вниз к реке, цепляясь за крутые уступы. Некоторые из них не сумели удержаться и, злобно пища, попадали прямо в стремнину. Целые гроздья серых карликов поплыли вниз по течению. Но под конец они все же умудрились выбраться на берег.

— Здорово плавает эта нечисть! — воскликнула Ронья.

— И хлеб они здорово едят! — сказал Бирк, войдя в пещеру и увидев, что серые карлики слопали целый каравай хлеба из их запаса.

Других бед они натворить не успели, но хватало и того, что они побывали здесь.

— Плохо дело, — огорчилась Ронья. — Теперь по всему лесу пойдет слух, эта серая нечисть станет повсюду шипеть и хрипеть про нас, и скоро каждая дикая виттра узнает, где мы живем.

Но Ронья с малолетства знала, что в лесу Маттиса нельзя никого бояться. И они с Бирком решили, что заранее печалиться просто глупо. Они навели порядок в пещере, сложили аккуратно запас еды, оружие и всякую утварь. Потом они принесли воды из лесного ручья, поставили рыболовные сети в реке, натаскали с берега реки плоских камней, устроили на площадке возле пещеры настоящий очаг и исходили весь лес, пока не наломали можжевельных веток Ронье для лука. Они увидели диких лошадей, которые паслись на той же полянке, что и всегда. Они попробовали подойти поближе к Шалому и Дикому, говорили им ласковые слова, но все было напрасно. Ни Шалый, ни Дикий не понимали ласковых слов. Лошади умчались прочь легко и резво, чтобы пастись в другом месте, где им никто не мешает.

Остаток дня Ронья провела сидя возле пещеры, вырезая лук и две стрелы. Тетиву она сделала, отрезав полоску от своего кожаного ремня. Она решила испро-

бовать лук и выпустила обе стрелы. Потом она до темноты искала свои стрелы, но так и не нашла их. Огорчаться из-за этого она не стала.

— Вырежу новые завтра утром, — решила она.

— Да смотри не потеряй нож, — напомнил ей Бирк.

— Я знаю, что у нас самое драгоценное. Нож и топор!

Тут они заметили, что уже наступил вечер. И что они проголодались.хлопот у них было так много, что день пролетел незаметно. Они бродили и бежали, таскали поклажу на себе и волочили волоком, наводили порядок в пещере и забыли про еду. Но сейчас они принялись с аппетитом уплетать хлеб с козьим сыром и бараниной, запивая еду прозрачной водой из источника, как и предсказывала Ронья.

В эту пору темных ночей не бывает, но они, устав от дневных трудов, почувствовали, что уже поздно и пора спать.

В полумраке пещеры Ронья спела Бирку Волчью песнь, на этот раз у нее получилось лучше. И все же она снова опечалилась и спросила Бирка:

— Ты думаешь, они вспоминают нас в Маттисборгене? Я говорю о наших родителях.

— А то как же! — ответил Бирк.

Ронья помедлила немного, сдерживая слезы, потом продолжала:

— Может, они горюют?

Бирк, подумав, ответил:

— Ундис, наверно, горюет, но еще больше злится. Борка тоже злится, но еще сильнее печалится.

— Лувис горюет, я знаю, — сказала Ронья.

— А Маттис? — спросил Бирк.

Ронья долго молчала, а после сказала:

— Я думаю, он доволен. Тем, что я далеко, что он может теперь забыть меня.

Она пыталась уверить себя, что так оно и есть, но в глубине души она знала, что это неправда.

Ночью ей приснилось, будто Маттис сидит один в темном еловом лесу и плачет так сильно, что у его ног натекло целое озеро, а в глубине этого озера сидит она сама, еще совсем маленькая, и играет шишками и камешками, которые он подарил ей.

12

Проснувшись ранним утром, они отправились к реке посмотреть, попала ли в сеть рыба.

— Сеть нужно вытаскивать до того, как прокукует кукушка, — сказала Ронья.

Она шла по тропинке впереди Бирка, весело подпрыгивая. Тропинка была узкая и извилистая. Она спускалась вниз по горному склону, поросшему молодым березняком. Ронья вдыхала аромат молодых березовых листьев. Они пахли хорошо, они пахли весной! Это радовало Ронью, оттого-то она и подпрыгивала всю дорогу.

Следом за ней шел еще совсем сонный Бирк.

— Может, в сетях вовсе и нет рыбы! Ты, поди, думаешь, что там ее полным-полно?

— В этой реке водится лосось, — ответила Ронья, — странно будет, если ни одна из рыбин не запрыгнет в нашу сеть.

— Странно будет, если ты, сестренка, не прыгнешь скоро носом в реку.

— Это мои весенние прыжки.

Бирк засмеялся:

— Эту тропинку словно нарочно проложили для весенних прыжков. Как ты думаешь, кто протоптал ее?

— Может быть, Маттис. Когда жил в Медвежьей пещере. Он любит лососину.

Она замолчала, ей не хотелось думать о том, что Маттис любит и чего он не любит. Ронье вспомнился ночной сон, и его она тоже хотела забыть. Но мысль

о нем возвращалась снова и снова, как назойливый слепень, и не хотела оставлять ее в покое. Но тут она увидела, что в сети бился, поблескивая, лосось. Это была большущая рыбина — на много дней еды хватит. Бирк вытащил лосося из сети и сказал, довольный:

— Теперь, сестренка, мы с голоду не умрем, уж это я тебе обещаю.

— До зимы, — добавила Ронья.

Но до зимы было далеко, стоило ли сейчас думать о ней? Она решила отгонять назойливые мысли-слепни.

Они надели лосося на палку, взвалили его на плечи и отправились в пещеру. Вдобавок они тащили волоком поваленную ветром березу. Они привязали ее кожаными ремнями к поясам и с трудом волокли вверх по склону, как ломовые лошади. Им нужно было дерево, чтобы смастерить миски и прочую утварь.

Когда Бирк обрубал ветки, топор скользнул по стволу и поранил ему ногу. Ступая по тропинке, он оставлял кровавый след, но это его вовсе не печалило.

— Пустяки, пусть себе кровоточит, пока ей это не надоест!

— Ишь ты, какой храбрый! А вдруг медведь учует твои следы и захочет узнать, откуда взялась эта вкусная кровь?

Бирк засмеялся:

— Тогда я покажу ему откуда — своим копьём!

— Лувис всегда прикладывает к кровоточащей ране сушеный белый мох, — задумчиво сказала Ронья. — Надо будет и мне запасти побольше мха. Кто тебя знает, когда ты вздумаешь в следующий раз садануть себя в ляжку!

Так она и сделала, принесла из леса целую охапку белого мха и положила на солнышке сушиться. А Бирк угостил ее жареным на углях лососем. И ела она эту рыбу не в последний раз. Несколько дней подряд они только и делали, что ели лососину и мастерили деревянные миски. Нарубить березовые заготовки было

делом нехитрым, они рубили их по очереди, и ни один из них не поранился. Вскоре пять отличных деревянных болванок были готовы. Оставалось только вырезать из них миски. Они решили, что нужно именно пять посудин. Но уже на третий день Ронья спросила:

— Бирк, что, по-твоему, хуже: жареный лосось или волдыри на руках?

На этот вопрос Бирк не мог ответить, потому что и то и другое было отвратительно.

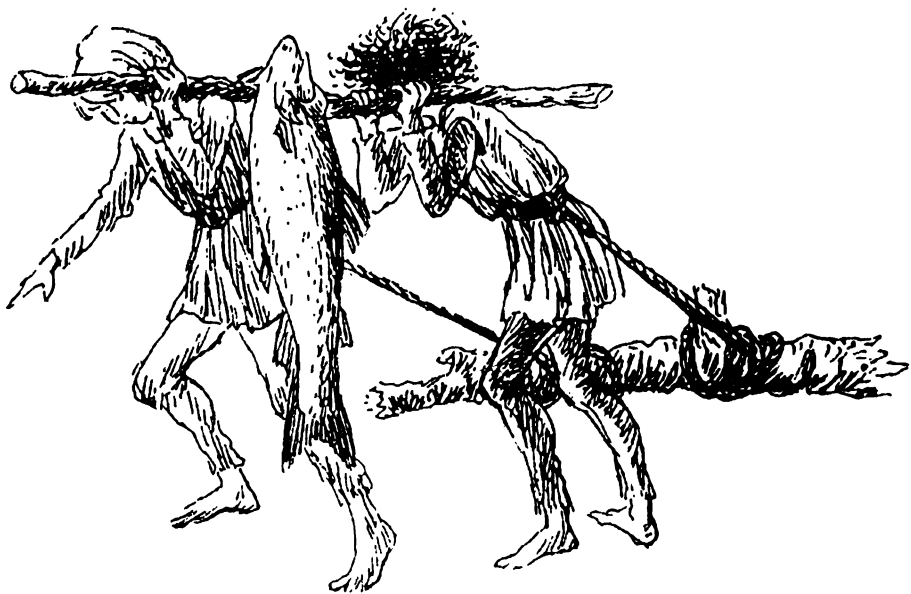
— Да, я знаю, что нам нужен какой-то другой инструмент. Вырезать посуду ножом — адская работа.

Но другого инструмента у них не было, и они по очереди строгали и скоблили, покуда не смастерили что-то похожее на миску.

— Больше я ни одной посуды делать не буду ни за что на свете. Наточу ножик в последний разок. Дай-ка мне его!

— Нож? — удивилась Ронья. — Да ведь он у тебя! Бирк покачал головой:

— Нет, это ты брала его только что. Давай его сюда!

— Нет у меня ножа! Ты не слышишь, что ли, что я тебе говорю?

— А куда ты его подевала?

Ронья рассердилась:

— Куда ты его подевал? Ты брал его в последний раз.

— Не ври! — ответил Бирк.

Обозленные, они молча стали искать нож. Обшарили всю пещеру и площадку перед ней. Но нож исчез.

— Разве я не говорил тебе, что без ножа в лесу пропадешь? — спросил Бирк.

— Тогда тебе нужно было получше беречь его! — ответила Ронья. — И вообще, ты порядочное дерьмо! Сам потерял, а на других сваливаешь!

Бирк побледнел от злости:

— Помолчала бы ты, дочь разбойника! На тебя это больше похоже! И с такой вот мне приходится жить в одной пещере!

— А ты не живи! Оставайся со своим ножом! Если только найдешь его! И вообще, катись-ка ты отсюда!

Слезы обиды брызнули у нее из глаз. Она уйдет в лес, подальше от него. Ни за что на свете не захочет она больше ни видеть его, ни говорить с ним!

Бирк видел, как она скрылась в лесу. Это разозлило его еще больше, и он крикнул ей вслед:

— Катись ко всем виттрам! Туда тебе и дорога!

Он поглядел на мох, лежавший у входа в пещеру, как куча мусора. Глупая выдумка Роньи. Он в ярости расшвырял мох ногами.

Подо мхом лежал нож. Бирк усталился на него и взял его не сразу. Ведь они перебрали весь мох. Откуда здесь взялся ножик? И кто виноват в том, что он оказался здесь?

Во всяком случае, это Ронья притащила мох, значит, она и виновата. И вообще, она упрямая, глупая и просто невыносимая. Он мог, конечно, побежать за ней и рассказать, что нож нашелся. Но ей только полезно

будет посидеть в лесу, пока не надоест дурака валять.

Он хорошенько наточил нож. Потом он сидел с ножом в руке. Держать его было так приятно. Отличный нож, здорово, что он нашелся! Да вот только Роньи тут не было. Не потому ли сердце у него как-то странно сжималось?

«Оставайся со своим ножом!» — сказала она. Он снова разозлился. Где она сама-то будет теперь жить? Конечно, ему до этого нет дела, пусть катится куда угодно. Только если она сейчас не вернется, пусть пеняет на себя. Тогда путь в Медвежью пещеру будет для нее закрыт. Ему хотелось сказать Ронье об этом. Но не бежать же в лес разыскивать ее! Ничего, сама придет и станет проситься назад. Вот тогда-то он ей и скажет:

— Раньше надо было приходиться! А теперь поздно!

Он сказал это вслух, чтобы услышать, как это звучит, и ужаснулся. И это он говорит своей названной сестре!

Но ведь она сама виновата! Он ее не прогонял.

Ожидая ее, он поел немного жареного лосося. Первые три раза лососина была ужасно вкусная. Но на десятый раз казалось, будто куски во рту вырастали, и их было никак не проглотить.

И все-таки это была еда. А что ест тот, кто блуждает по лесу? Что ест сейчас Ронья? Поди, корешки и зеленые листочки, если она только сумела найти их! Но какое ему до нее дело! Пусть себе бродит там, пока не зачахнет. Сама пожелала! И вернуться не подумала!

Время шло. И в пещере без Роньи было удивительно пусто. Без нее он никак не мог придумать, чем бы заняться. А сердце сжималось все сильнее.

Над рекой стал подниматься туман. И Бирк вспомнил, как он однажды, когда-то давно, боролся с подземным народцем за Ронью. Потом он никогда ей об этом не рассказывал, и она, верно, не знала, что подземный народец мог легко заманить ее к себе.

И до чего же неблагодарна к нему она тогда была! Укусила его за щеку, у него до сих пор остался небольшой шрам. И все-таки она пришлась ему по душе. Да, она понравилась ему с первого взгляда. Но она этого не знала. Он никогда ей об этом не говорил. А теперь было уже поздно. С этого дня он будет жить один в пещере. «Оставайся со своим ножом», — как она могла сказать ему такие жестокие слова! Он охотно бросил бы этот нож в реку, лишь бы вернуть Ронью. Теперь он точно это знал.

Туман над рекой часто поднимался вечерами, тут нечего было бояться. Но кто знает, а вдруг этим вечером туман пополз в лес? Тогда подземный народец может вылезти из своих темных глубин. Кто тогда защитит Ронью, кто помешает им заманить ее своими песнями? Правда, теперь это уже не его дело. Нет, как бы там ни было, он не может больше ждать! Он должен пойти в лес, должен найти Ронью.

Бирк бежал так быстро, что запыхался. Он искал ее по всем тропинкам, по всем местам, где, как ему казалось, она могла быть. Он звал ее так долго, что стал бояться собственного голоса, стал бояться привлечь внимание любопытных жестоких диких виттр.

«Катись ко всем виттрам!» — крикнул он тогда ей вслед. Теперь он со стыдом вспоминал об этом. Быть может, они уже утащили ее, раз он не мог ее нигде найти. А может, она отправилась в замок Маттиса? Может, она стоит перед Маттисом на коленях и умоляет его позволить ей вернуться домой и снова стать ему дочерью? Уж проситься назад в Медвежью пещеру она точно не станет. Она скучала по Маттису, это было видно. Хотя она и не хотела, чтобы Бирк это заметил. Теперь-то уж она, верно, радуется, теперь она нашла причину, чтобы уйти из Медвежьей пещеры и от своего названного брата!

Больше искать ее было ни к чему. Одинокий и несчастный, он отправился назад в пещеру.

Весенний вечер был прекрасен, как чудо Господне, но Бирк этого не замечал. Он не чувствовал весеннего аромата, не слышал пения птиц, не видел цветов и трав. Он чувствовал лишь боль обиды в груди.

И вдруг Бирк услышал, как ржет лошадь в смертельном страхе. Он побежал туда. Чем ближе он подбегал к ней, тем отчаяннее становилось ржание. Наконец на небольшой прогалине меж елей он увидел лошадь. Это была истекающая кровью кобыла. На брюхе у нее зияла глубокая рана. Она испугалась Бирка, но не ускакала, лишь заржала еще громче, словно просила помощи и защиты.

— Бедняга! — воскликнул Бирк. — Кто же это так тебя изувечил?

И в этот момент он увидел Ронью. Она выбежала из ельника и помчалась ему навстречу. Лицо ее было мокро от слез.

— Ты видел медведя? — крикнула она. — Ах, Бирк, он задрал ее жеребенка, он растерзал его!

Она разразилась отчаянным плачем. Но Бирк мог чувствовать лишь дикую радость. Ронья была жива, ее медведь не задрал. И ни Маттис, ни виттры не отняли ее у него. Какое счастье!

Но Ронья, стоя возле лошади, смотрела, как та истекает кровью. И тут она мысленно услышала голос Лувис, подсказывавшей ей, что нужно делать.

Она крикнула Бирку:

— Скорее! Принеси охапку белого мха, а не то она потеряет всю кровь.

— А ты? Оставить тебя здесь? Ведь медведь где-то рядом!

— Беги! — закричала Ронья. — Я должна остаться здесь с лошадью и утешить ее. Принеси мох! Да поскорее!

И Бирк побежал. А Ронья обняла голову лошади и стала шептать ей слова утешения. Лошадь слушала ее, как будто понимала, что ей говорит девочка. Она боль-

ше не ржала, быть может, у нее не было больше на это сил. По ее телу то и дело пробегала дрожь. Медведь нанес ей страшную рану. Бедная лошадка, она пыталась защитить своего жеребенка, но он все равно погиб. А сейчас она, верно, чувствовала, как жизнь медленно и неумолимо вытекает из нее с каждой каплей крови. Уже смеркается, скоро наступит ночь. И если Бирк не подоспеет вовремя, лошадь уже не увидит утра.

Но он подоспел. С целой охапкой белого мха. И рада она была ему, как никогда никому. Но об этом он узнает после, не сейчас. Сейчас им не до того, надо спешить.

Они прижали мох к ране и увидели, как быстро он пропитался кровью. Тогда они приложили побольше мха и привязали его крест-накрест кожаным ремнем. Лошадь стояла смирно, не двигаясь, будто понимая, что они делают. А высунувший голову из-за ближайшей ели ниссе-толстогузка не мог понять, чем они занимаются.

— Что вы это еще придумали? — мрачно спросил он.

Но Ронья и Бирк обрадовались ему, ведь это значило, что медведь ушел. Медведь и волк боялись сумеречного народца. Ни ниссе-толстогузкам, ни серым карликам нечего было бояться хищных зверей. Одного лишь запаха сумеречного народца было достаточно, чтобы медведь тихонечко скрылся в лесных дебрях.

— А где жеребенок-то? Нет его больше! Конец ему пришел! Не будет больше резвиться!

— Знаем без тебя, — печально ответила Ронья.

Эту ночь они провели возле лошади. Не спали, мерзли, но все им было нипочем. Они сидели рядышком под густой елью и говорили, говорили... но о своей ссоре не упоминали. Казалось, они о ней забыли. Ронья начала было рассказывать, как медведь убил жеребенка, но замолчала. Это было слишком тяжело.

— Такое случается в лесу Маттиса, — сказал Бирк, — да и в каждом лесу.

Посреди ночи они поменяли мох на ране, потом вздремнули немножко и проснулись, когда начало светать.

— Погляди-ка, — сказала Ронья, — кровь перестала идти. Мох сухой!

Они отправились домой, в пещеру. Лошадь они не могли оставить и повели ее с собой. Ей было больно и тяжело идти, но она охотно последовала за ними.

— Но ведь карабкаться по горе она даже здоровая не смогла бы, — сказал Бирк. — Куда мы ее денем?

Рядом с пещерой, таясь в ельнике и березняке, протекал ручей, из которого они брали воду. Они подвели к нему лошадь.

— Пей, и у тебя появится новая кровь.

Лошадь пила долго и жадно. Потом Бирк привязал ее к березе.

— Пусть она остается здесь, пока рана не заживет. Уж сюда-то не придет никакой медведь, за это я ручаюсь!

Ронья погладила лошадь.

— Не горюй, на будущий год у тебя будет новый жеребенок.

Они увидели, что из вымени лошади капает молоко.

— Это молоко должен был сосать твой жеребенок, — сказала Ронья. — Но теперь ты можешь отдать его нам.

Ронья сбегала в пещеру за деревянной миской, вот когда она пригодилась! Девочка надоила в нее молоко — до краев. Для лошади было облегчением почувствовать, что набухшее вымя выдоили. А Бирк радовался молоку.

— Теперь у нас есть домашняя скотина. Как мы ее назовем?

— Давай назовем ее Лиа. У Маттиса в детстве была лошадка, и ее так звали.

И они оба решили, что это подходящее имя для лошади. Теперь лошадь уже не погибнет. Лиа будет жить,

они уже поняли. Дети принесли ей траву и хвою, и она стала жадно есть. Тут они почувствовали, что сами проголодались, и решили пойти в пещеру утолить голод. Лиа повернула голову и с тревогой посмотрела им вслед.

— Не бойся! — крикнула Ронья. — Мы скоро вернемся. Спасибо тебе за молоко!

До чего же было здорово снова напиться молока, свежего, охлажденного в ручье. Они сидели на площадке возле пещеры, ели хлеб, запивая его молоком, и смотрели, как занимается новый день.

— Жаль, что нож потерялся! — воскликнула Ронья.

Тогда Бирк вынул нож и вложил его ей в руку:

— Хорошо, что он нашелся. Он лежал себе под мхом и ждал, пока мы спорили и ругались.

Помолчав немного, Ронья сказала:

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? О том, как легко все испортить безо всякой причины.

— С этой поры мы не будем ссориться зря, — ответил Бирк. — А знаешь, о чем я сейчас думаю? О том, что ты дороже тысячи ножей!

Ронья посмотрела на него и улыbnулась:

— Ну, теперь я вижу, ты вовсе спятил!

Это были слова Лувис, она не раз говорила так Матису.

13

Дни бежали, весну сменило лето, наступила жара. Потом полил дождь. Дни и ночи поливал он лес, и лес напился вволю, зазеленел пуще прежнего. А когда дождь прекратился и засияло солнце, от хвои на жаре поднялся душистый парок. Ронья спросила Бирка, есть ли другой лес на земле, в котором так сладко пахнет, как здесь. И Бирк решил, что другого такого леса не найти.

Рана у лошади давно зажила. Они отвязали ее, и она снова паслась с дикими лошадьми. И все же Лиа по-прежнему давала им молоко. По вечерам ее табун пасся недалеко от пещеры, и тогда Ронья с Бирком шли в лес и звали ее. Она отвечала им веселым ржанием, чтобы они знали, где она находится, мол, приходите подоить меня.

Вскоре и другие табуны диких лошадей перестали бояться детей. Иногда они приходили и смотрели с любопытством, как доят Лиу. Такого чуда они прежде не видели. Шалый и Дикий тоже часто приходили и вели себя до того назойливо, что Лиа прядала ушами и отгоняла их копытами. Но они, не обращая на это внимания, продолжали на скакивать друг на друга, прыгали, кидались из стороны в сторону. Они были молоды, и им хотелось играть. Потом вдруг пускались галопом и исчезали в лесу.

Но на следующий вечер они появлялись снова. Они уже стали прислушиваться, когда дети им что-то говорили. А потом они даже стали разрешать себя поглаживать. Ронья и Бирк ласково хлопали их, и лошадям это, видно, нравилось. И все же в глазах у них все время светился шаловливый огонек: нас, мол, не проведешь.

Но однажды вечером Ронья сказала:

— Раз я решила, что буду ездить верхом, значит, буду!

Была очередь Бирка доить Лиу, а Шалый и Дикий стояли рядом и смотрели.

— Ты слышал, что я сказала?

Этот вопрос она задала Шалому. И тут же Ронья вцепилась коню в гриву и вскочила ему на спину. Он сбросил ее, но уже не так легко, как в первый раз. Теперь она была к этому готова и пыталась удержаться. Ему пришлось немало побрыкаться, прежде чем он избавился от нее, но наконец это ему удалось. И Ронья, взыв от злости, шлепнулась на землю. Поднявшись на

ноги, цела и почти невредима, она потерла ушибленные локти.

— Как был ты шалым, таким и остался, — сказала она. — Но уж еще разок-то я прокачусь!

И она прокатилась не раз. Каждый вечер после дойки и она, и Бирк пытались научить Шалого и Дикого хорошим манерам. Но никакая наука к этим паршивцам не приставала. Ронью Шалый сбрасывал столько раз, что она сказала:

— Теперь у меня ни одного живого места нет.

И толкнула Шалого:

— Это все ты виноват, дрянь ты этакая!

Но Шалый стоял спокойно и, казалось, был вполне доволен собой.

Она поглядела, как Бирк продолжал бороться с Диким, который был таким же норовистым. Но Бирк сумел удержаться у него на спине до тех пор, пока Дикий не устал и не покорился.

— Погляди-ка, Ронья! — крикнул Бирк. — Он стоит смирно!

Дикий беспокойно ржал, но стоял смирно. А Бирк ласково похлопывал коня, не переставая хвалить его. Ронья возмутилась:

— Да ведь, по совести говоря, он тоже порядочное дерьмо!

Ронье стало обидно, что Бирк укротил Дикого, а ей никак не справиться с Шалым. А еще досаднее было, что в последние вечера ей приходилось все время доить Лиу одной, а Бирк, сидя на спине у Дикого, кружил вокруг нее, покуда она, стоя на коленях, доила кобылу. Это чтобы показать, какой он лихой наездник!

— Плевать на синяки! — сказала Ронья. — Вот сейчас кончу доить и прокачусь!

Сказано — сделано. Шалый ничего не подозревал, и вдруг на спине у него опять очутилась Ронья. Он изо всех сил старался сбросить ее и, когда это у него не получилось, обозлился и испугался. «Нет, на этот раз

у тебя ничего не выйдет», — решила Роня. Она намертво вцепилась в гриву коня, крепко сжала ему спину коленями и удержалась. Тогда он во всю прыть помчался в лес. Еловые ветки и верхушки сосен мелькали с такой быстротой, что у Роньи в ушах свистело. Конь понес, и Роня в страхе закричала:

— Помогите! Пропадаю! Помогите!

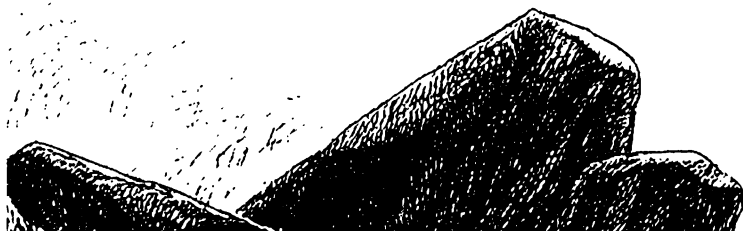
Но Шалый вовсе ошалел. Он мчался так, словно хотел разорваться на куски, и Роня ждала, что вот-вот она упадет и сломает себе шею.

И тут за ними помчался Бирк на Диком. А резвее коня было не найти. Дикий скоро поравнялся с Шалым и обогнал его. Бирк успел ухватить его за гриву. Шалому пришлось на всем скаку резко остановиться, и Роня съехала ему на шею, чуть не свалившись. Но она все же удержалась и снова выпрямилась, сидя у него на спине. Шалый стоял понуро, он перестал беситься. Морда у него покрылась пеной, он дрожал всем телом. Но Роня ласково похлопывала его, гладила и хвалила за то, что он скакал так быстро. И это успокаивало его.

— По правде говоря, тебе следовало бы надавать по морде, — сказала она. — Чудо, что я осталась жива!

— Еще большее чудо, что мы их укротили! — добавил Бирк. — Подумать только, обе эти животные поняли наконец, как себя вести и кто здесь хозяин.

Спокойной рысью они поехали назад, к Лие. Забрали молоко и, предоставив Шалому и Дикому резвиться в лесу, отправились домой, в свою пещеру.

— Бирк, ты заметил, что Лиа стала давать меньше молока? — спросила Ронья.

— Да, у нее, наверное, будет новый жеребенок. И скоро молоко у нее вовсе пропадет.

— Тогда нам снова придется пить одну ключевую воду. И хлеб у нас тоже вот-вот кончится.

Мука, которую Ронья принесла из дому, кончилась. Они испекли на горячих камнях очага последние жесткие лепешки. Дети уже доедали их. Скоро им предстояло остаться без хлеба. Голода они не боялись: в лесу было много озер, богатых рыбой, да и лесной дичи здесь водилось немало. Если будет голодно, они всегда могут поставить силки на тетерева и глухаря. Ронья собирала растения и зеленые листочки, которые годились в пищу, этому ее научила Лувис. К тому же поспела земляника. Она алела повсюду на южных склонах, а скоро поспеет и черника.

— Нет, голодать мы не будем, — сказала Ронья. — Но первый день без хлеба и молока вряд ли нам покажется веселым!

И этот день пришел раньше, чем они ожидали. Правда, Лиа преданно отвечала им, когда они звали ее по вечерам, но теперь ей явно не хотелось, чтобы ее доили. Под конец Ронья могла выдоить лишь несколько капель, и Лиа ясно дала ей понять, что доить ее больше не надо.

Тогда Ронья обняла ее голову и поглядела ей в глаза.

— Спасибо тебе, Лиа! Будущим летом у тебя будет жеребенок. Ты это знаешь? И тогда у тебя снова появится молоко. Но уже не для нас, а для твоего жеребенка.

Ронья ласково гладила Лиу. Ей хотелось верить в то, что лошадь понимает ее слова. И она сказала Бирку:

— Скажи и ты ей спасибо!

И Бирк послушался ее. Они долго оставались с ней, а когда пошли домой, Лиа долго шла за ними в тот

светлый летний вечер. Казалось, она понимала: пришел конец тому удивительному, что случилось с ней, столь необычному для жизни дикой лошади. Маленькие люди, сотворившие это чудо, уходили теперь от нее навсегда, и она долго стояла, глядя им вслед, пока они не скрылись в ельнике. А потом она вернулась в свой табун.

Иногда по вечерам, приходя в лес, чтобы прокатиться верхом, они видели Лиу издали, окликали ее, и она отвечала им веселым ржанием, но никогда не покидала ради них свой табун. Она была дикой лошастью и домашним животным никогда бы не стала.

Но Шалый и Дикий, завидев Ронью и Бирка, охотно бежали к ним. Теперь они были рады скакать взапуски с седоками на спине. А Ронье и Бирку эти верховые прогулки в лесу доставляли большое удовольствие.

Но однажды вечером за ними погналась дикая виттра. Лошади обезумели от страха и перестали подчиняться седокам. А Ронья и Бирк не стали их принуждать и позволили им скакать, куда их несли ноги. Виттры ненавидели людей и норовили поймать их, а не лесных животных.

Для Роньи и Бирка опасность была велика. В страхе они разъехались в разные стороны. И в этом было их спасение. Их обоих виттра схватить не могла, но они знали, что она глупа и непременно попытается это сделать. Пока она гналась за Бирком, Ронья успела улизнуть от нее. Бирку пришлось труднее. Но когда виттра в ярости решила поискать, куда делась Ронья, она на короткий миг забыла про Бирка, и он, быстро соскочив с коня, спрятался между двумя большими камнями. Он сидел там долго, ожидая, что она вот-вот найдет его.

Но таковы уж дикие виттры: то, чего они не видят, для них не существует. Сейчас для нее людей, которым ей хотелось выпарапать глаза, больше не было, и она полетела, разъяренная, рассказать об этом своим злобным сестрам.

Бирк увидел, что она исчезла, и, удостоверясь в том, что она не вернется, крикнул Ронью. Она вылезла из своего убежища под елью, и они, радуясь своему спасению, стали весело плясать. Какое счастье! Виттре не удалось задрать их до смерти или утащить в горы и заточить на всю жизнь в плен.

— В лесу Маттиса бояться нельзя, — сказала Ронья. — Но когда дикие виттры хлопают крыльями у самых твоих ушей, поневоле испугаешься.

Шалый и Дикий куда-то запропастились, и детям пришлось весь долгий путь домой, в Медвежью пещеру, идти пешком.

— Да я готов хоть всю ночь идти пешком, лишь бы избавиться от диких виттр, — сказал Бирк.

И они брели по лесу, держась за руки, и не переставали болтать, веселые и оживленные после пережитого страха. Начало смеркаться, был прекрасный летний вечер, и они говорили о том, как прекрасно жить на свете, даже если здесь водятся дикие виттры. Как прекрасно жить в лесу, на свободе! Днем и ночью, под солнцем, под луной и звездами. Во все времена года, которые неторопливо сменяют друг друга: только что ушедшей весной, только что наступившим летом, осенью, которая скоро придет.

— А зимой... — сказала Ронья и замолчала.

Они увидели, как ниссе-толстогузки и тролли-болотники с любопытством выглядывают здесь и там из-за елей и камней.

— А сумеречный народец и зимой живет себе преспокойно.

И она снова замолчала.

— Но ведь сейчас лето, сестренка!

И Ронья поняла, что он прав.

— Это лето я запомню на всю жизнь! — сказала она.

Бирк поглядел на темнеющий лес, и в душе у него возникло какое-то странное чувство, непонятно отчего.

Он не понял, что причиной этого чувства, похожего на грусть, была лишь красота и тишь летнего вечера.

— Да, сейчас лето, — сказал он и взглянул на Ронью, — и это лето я буду помнить до конца своей жизни. Я это знаю.

И они вернулись домой, в Медвежью пещеру. А на площадке у входа в пещеру сидел Коротышка Клипп и ждал их.

14

Да, там сидел Коротышка Клипп, такой знакомый и дорогой: приплюснутый нос, косматые волосы, косматая борода. Ронья бросилась к нему с радостным криком:

— Коротышка Клипп! О, это ты?.. Это ты!.. Ты пришел!

От радости она стала заикаться.

— Красивый отсюда вид, — сказал Коротышка Клипп, — на лес и на реку!

Ронья засмеялась.

— Да, на лес и на реку! Потому-то ты и пришел сюда?

— Нет, Лувис прислала вам хлеба.

Он развязал кожаный мешок и достал пять больших круглых караваев.

Тут Ронья снова закричала:

— Бирк, погляди-ка! Хлеб! У нас теперь есть хлеб!

Она схватила один каравай, поднесла к лицу, стала вдыхать его запах, и на глазах у нее показались слезы.

— Хлеб, который испекла Лувис! Я и забыла, что на свете есть такое чудо!

Она стала отламывать от каравая большие куски и пихать их в рот. Она хотела накормить и Бирка, но он, помрачнев, стоял молча и, отказавшись от хлеба, скрылся в пещере.

— Ну вот, Лувис решила, что хлеб у вас к этому времени, поди, уже кончился.

Ронья не переставала жевать. Вкус хлеба казался ей самым прекрасным на свете и напомнил ей о Лувис. И тут она спросила Клиппа:

— А как Лувис узнала, что я в Медвежьей пещере?

— Уж не думаешь ли ты, что мать у тебя глупа? Где же тебе еще быть? — фыркнул Клипп.

Он посмотрел на нее и задумался. Вот она сидит, их милая, красивая Ронья, и уплетает хлеб, словно больше ей ничего на свете не нужно. А он должен сейчас выполнить поручение. Лувис сказала, чтобы он сделал это похитрее. Но Коротышка Клипп хитрить особо не умел.

— Послушай, Ронья, — осторожно сказал он. — Ты не собираешься воротиться домой?

В пещере что-то загремело. Видно, их кто-то подслушивал. И этот кто-то захотел, чтобы Ронья поняла это.

Но Ронью сейчас занимал только Коротышка Клипп. Ей так много нужно было узнать у него, хотелось расспросить его обо всем. Клипп сидел рядом с ней, но, задавая ему вопросы, она, казалось, не видела его. Глядя на реку и лес, она тихо, еле слышно спрашивала его:

— Как сейчас там у вас, в замке?

И Клипп говорил ей чистую правду:

— Невесело сейчас в замке. Вернись домой, Ронья! Ронья продолжала смотреть на речку и лес.

— Это Лувис велела просить меня об этом?

Клипп кивнул:

— Да, плохо нам без тебя, Ронья. Все ждут дня, когда ты вернешься домой.

Ронья поглядела на речку и на лес, а потом тихо спросила:

— А Маттис? Он тоже хочет, чтобы я вернулась?

Коротышка Клипп выругался:

— Эта чертова скотина! Кто знает, чего он хочет!

Снова наступило молчание, а после Ронья снова спросила:

— Он говорит когда-нибудь обо мне?

Клипп заерзал, ему велели схитрить, поэтому он просто промолчал.

— Скажи честно, упоминает он хоть когда-нибудь мое имя?

— Не-а... — неохотно признался Клипп. — И другим не велит говорить при нем о тебе.

Черт побери! Вот он и выболтал то, о чем Лувис велела молчать. Вот так схитрил!

Он умоляюще поглядел на Ронью:

— Однако все будет хорошо, дружочек, как только ты воротишься домой.

Ронья покачала головой:

— Я не вернусь! Покуда Маттис не назовет меня своей дочкой. Так и скажи ему. Да погромче, чтобы слышно было во всем замке!

— Нет уж, спасибо, такую весть даже Пер Лысуха не посмел бы ему принести!

Коротышка Клипп рассказал, что Пер Лысуха хворает. Да и не мудрено, раз в доме такая беда. Маттис все время не в духе, то и дело рычит на всех. И с разбоем нынче дела плохи. В лесу полным-полно кнехтов, они схватили Пелье и посадили к фогду в темницу, на хлеб и воду. Там сидят двое из людей Борки. Сказывают, фогд поклялся, что скоро пересажает всех людей из банды Маттиса, чтобы наказать их по заслугам. А какое им выйдет наказание, кто знает? Поди, смертная казнь.

— А что, он теперь больше никогда не смеется?

Коротышка Клипп удивился:

— Кто не смеется? Фогд?

— Я спрашиваю про Маттиса, — ответила Ронья.

И Клипп уверил ее, что с тех пор, как Ронья на его глазах перепрыгнула через Адский провал, никто не слышал его смеха.

Клиппу надо было возвращаться до темноты. Он собрался идти, заранее печалась о том, что он скажет Лувис. Напоследок он решил попросить еще разок:

— Ронья, воротись домой! Будь умницей! Послушай меня, воротись!

Ронья покачала головой и сказала:

— Передай привет Лувис да скажи ей тысячу раз спасибо за хлеб!

Клипп быстро сунул руку в кожаный мешок.

— Ой-ой-ой! Чуть было не забыл! Ведь она послала тебе еще мешочек соли! Хорошенькое было бы дельце, кабы я принес его назад домой!

Ронья взяла мешочек.

— Моя мать обо всем позаботится! Она знает, без чего в лесу не обойтись. Но как она догадалась, что у нас осталось всего несколько крупинок соли?

— На то она и мать, — ответил Клипп. — Мать сердцем чувствует, когда ее дитяти чего-то не хватает.

— Только такая мать, как Лувис, — ответила Ронья.

Она долго стояла и смотрела Клиппу вслед. Он ловко спускался по крутой узкой тропинке. Когда Клипп исчез из виду, Ронья вернулась в пещеру.

— Так ты не пошла с ним домой к отцу? — спросил Бирк. Он лежал на постели из еловых веток. Ронья не видела его в темноте, но слова его расслышала, и они ее рассердили.

— У меня нет отца, — ответила она. — А если ты будешь меня злить, то не будет и брата!

— Прости, сестренка, если я тебя обидел. Но я знаю, о чем ты думаешь иногда.

— Да, — отвечала из темноты Ронья. — Я думаю иной раз о том, что я жила на свете одиннадцать зим, а на двенадцатую умру. А мне бы так хотелось еще побыть на земле. Ясно тебе?

— Забудь про зимы, сейчас лето.

И в самом деле, было лето. День ото дня становилось все теплее и теплее, ласковее и безоблачнее. Такого лета в их жизни еще не бывало. Каждый день в полуденную жару они купались в холодной речке. Они плавали и ныряли, как выдры, и позволяли тече-

нию уносить себя, пока грохот водопада Ревущий не предупреждал их об опасности. Ревущий обрушивал воды реки с огромного утеса, и никто, попав в его водоворот, не выходил из него живым.

Ронья и Бирк знали, когда им начинала грозить опасность.

— Как только покажется утес Ревущий, поворачивай назад, не то пропадем, — сказала Ронья.

Утес Ревущий, огромный камень, стоял посреди реки, чуть повыше водопада. Для Роньи и Бирка он был предостерегающим знаком. Им пришлось выбраться на берег, а это было нелегко. Потом они долго лежали на прибрежных камнях, запыхавшиеся и посиневшие от холода, греясь на солнышке и с любопытством глядя на выдр, без усталости плавающих и ныряющих у берега.

Когда спустилась вечерняя прохлада, они отправились в лес, чтобы покататься верхом. Шалый и Дикий несколько дней не показывались. Их испугала виттра, но они опасались и тех, кто сидит у них на спине. Теперь же они перестали бояться и радостно выбежали навстречу детям, не прочь снова побегать взапуски. Ронья и Бирк позволяли им вначале скакать во всю прыть, а после ехали шагом, прогуливаясь по своему любимому лесу.

— Хорошо кататься теплыми летними вечерами, — сказала Ронья.

А про себя подумала: «Почему в лесу не может круглый год длиться лето? И почему у меня не радостно на душе?»

Она любила свой лес и все, что в нем было, что в нем жило и росло: все деревья, маленькие озерца и болота, ручьи, мимо которых они проезжали, все замшелые валуны, земляничные полянки и черничники, все цветы, всех зверей и птиц. Отчего же тогда ей иногда становилось так грустно и отчего непременно должна наступить зима?

— О чем ты думаешь, сестренка? — спросил Бирк.

— О том... что вот под тем валуном живут тролли-болотники. Я видела, как они плясали прошлой весной. Я люблю троллей-болотников и ниссе-толстогузок, но не серых карликов и диких виттр, сам знаешь!

— А кто их любит!

Стало раньше смеркаться. Время светлых ночей прошло. Вечером они сидели у огня и смотрели на загоравшиеся в небе бледные звезды. Чем сильнее сгущалась темнота, тем больше их становилось, тем ярче горели они над лесом. Пока это было еще летнее небо, но Ронья знала, что говорили звезды: «Скоро придет осень!»

— Нет, диких виттр я ненавижу! — сказала она. — Удивительно, что они так давно не охотились за нами. Может, они не знают, что мы живем в Медвежьей пещере?

— Это потому, что их пещеры на другом конце леса, а не у реки, — ответил Бирк. — И серые карлики, наверно, на этот раз не разболтали про нас, иначе виттры давно бы уже явились сюда.

Ронья поежилась.

— Лучше про них не говорить. А не то мы можем приманить их.

Наступила ночь. Потом настало утро и новый теплый день. Дети, как всегда, пошли купаться.

И тут появились дикие виттры. Не одна, не две, а множество, огромная свирепая стая. Они кружились над рекой, кричали и выли:

— Хо-хо! Красивые маленькие человечки в воде! Сейчас прольется кровушка, хо-хо!

— Нырай, Ронья! — крикнул Бирк.

Они нырнули и плыли под водой до тех пор, пока не вынуждены были выплыть наверх и набрать воздух, чтобы не погибнуть. Увидев, что тучи виттр затмили небо, они поняли: это им не поможет, на этот раз им от виттр не уйти.

«Виттры позаботятся о том, чтобы нам не пришлось тревожиться о зиме», — с горечью подумала Ронья, слушая их несмолкающие крики:

— Маленькие красивые человечки в воде! Сейчас мы их раздерем в клочья! Сейчас прольется кровушка, хо-хо!

Но дикие виттры любят пугать и мучить свои жертвы, прежде чем нападают. Потом они рвут их когтями, убивают, но не менее приятно для них сначала полетать, повить, попугать. Они ждут, когда Большая виттра подаст знак: «Пора!» А Большая виттра, самая дикая и кровожадная из них, описывала над рекой большие круги. «Хо-хо!» — она не торопилась! Погодите, скоро она первая вонзит когти в одного из этих барахтающихся в воде. С кого же ей начать? Вон с этой, черноволосой? Того, с рыжими волосами, что-то не видно, но он, поди, тоже вынырнет. Хо-хо! Много острых когтей ждет его, хо-хо!

Ронья нырнула и вынырнула вновь, хватая воздух ртом. Где же Бирк? Его нигде не видно. Она застонала от отчаяния. Где же он, неужто утонул? Неужели оставил ее одну на растерзание виттрам?

— Бирк! — закричала она в страхе. — Бирк, где ты?

И тут Большая виттра с воем кинулась на нее. Ронья закрыла глаза... «Бирк, брат мой, как ты мог покинуть меня в самую трудную, в самую страшную минуту?»

— Хо-хо! — выла виттра. — Сейчас прольется кровушка!

Нет, она подождет еще чуть-чуть, самую малость, а потом... Она сделает еще один круг над рекой. И тут Ронья услышала голос Бирка:

— Ронья, сюда! Быстро!

Течение реки несло поваленную березу с еще зеленеющими листьями, и Бирк крепко ухватился за нее. Ронья увидела его голову рядом со стволом дерева. Вот он, он не оставил ее в беде. Ах, какая радость!

Хотя стоит ли торопиться? Поток уносит Бирка, и ей его не догнать. Она нырнула и поплыла, собрав все силы... и... догнала его. Он подал ей руку и притянул к себе. Секунда... и они оба повисли на плывущей березе. Густая листва березы скрывала их.

— Послушай, Бирк, — пролепетала, задыхаясь, Ронья. — Я думала, ты утонул.

— Пока еще нет, но скоро утону. Ты слышишь грохот Ревущего?

И Ронья услышала рев водопада, голос Ревущего. Поток нес их в эту бездну, они были к ней уже слишком близко, она это видела. Река мчала их все быстрее, и все громче ревел водопад. Она уже чувствовала, что водопад неумолимо засасывает их. Скоро, совсем скоро он швырнет их в пучину, прокатит их в первый и в последний раз.

Ей захотелось быть поближе к Бирку. Она подвинулась к нему вплотную и знала, что он думает о том же, о чем и она: «Лучше Ревущий, чем виттры».

Бирк обнял ее за плечи. Что бы ни случилось, они будут вместе, брат и сестра, теперь их ничто не разлучит.

А виттры метались в ярости. Куда подевались маленькие человечки? Пора вонзать в них когти. Куда они запропастились?

По воде плыло лишь дерево с ветвистой кроной. Поток быстро гнал его вниз по течению. Что скрывала зеленая листва, виттры видеть не могли. Воя от злости, они продолжали кружить в поисках людей.

Но Ронья и Бирк были уже далеко и не слышали их воя. Они слышали лишь все усиливающийся рев водопада и знали, что теперь он совсем близко.

— Сестренка моя! — позвал Бирк.

Ронья не слышала его слов, но читала их по губам. И хотя брат и сестра не могли расслышать ни словечка, они вели разговор. О том, что нужно высказать, пока не поздно. О том, как прекрасно любить кого-то так сильно, что можно не бояться даже самого страшного в жизни. Они говорили об этом, хотя не могли слышать ни единого слова.

А потом они уже больше не говорили. Они держались друг за друга, закрыв глаза.

И вдруг они почувствовали сильный толчок, заставивший их очнуться. Береза наткнулась на утес Ревущий. Толчок заставил дерево повернуться и изменить направление. И прежде чем поток снова подхватил его, оно подплыло ближе к берегу.

— Давай попытаемся, Ронья! — крикнул Бирк.

Он оторвал ее от дерева, в которое она вцепилась, и они оба оказались в пенящемся водовороте. Теперь каждый должен был бороться за свою жизнь, сражаясь с безжалостным потоком, который изо всех сил старался утащить их к водопаду. Совсем рядом, у берега, вода была спокойной, но добраться до нее было нелегко.

«В конце концов Ревущий победит», — думала Ронья. Силы у нее иссякли. Ей хотелось сдаться, лечь неподвижно, позволить потоку унести ее и исчезнуть в водопаде.

Но впереди плыл Бирк. Он оглянулся и посмотрел на нее. Потом он оборачивался снова и снова, и тогда она решила попытаться еще раз. Она опять стала бороться, пока совсем не обессилела.

Но теперь она уже очутилась в спокойной воде, и Бирк потащил ее к берегу. И тут силы тоже оставили его.

— Мы должны... мы должны... — говорил он, задыхаясь.

В полном изнеможении они выбрались на берег. Согревшись на солнышке, они тут же уснули, не успев понять, что спасены.

Домой, в Медвежью пещеру, они вернулись уже перед заходом солнца. А на площадке перед входом в пещеру сидела Лувис и ждала их.

15

— Дитя мое, — сказала Лувис, — отчего у тебя мокрые волосы? Ты купалась?

Ронья стояла молча и смотрела на мать, которая сидела прислонясь к стене пещеры, сильная и надежная, как сама скала. Ронья смотрела на нее с любовью, но все же ей хотелось, чтобы Лувис пришла к ним в другой день, только не сейчас! Сейчас ей хотелось побыть наедине с Бирком. Ей казалось, будто в душе у нее все дрожит от пережитого ужаса. Ах, как нужно ей было в эту минуту спокойно поговорить с Бирком и порадоваться, что они остались живы!

Но вот здесь сидит Лувис, ее милая Лувис, которую она так давно не видела. И мать не должна подумать, что сейчас она нежеланная гостья.

Ронья улыбнулась ей:

— Мы с Бирком поплавали немного!.. Бирк! — Она увидела, что он поднимается к пещере, а это было некстати.

Не нужно ему было сейчас встречаться с Лувис. Ронья бросилась ему навстречу и тихонько спросила:

— Ты не хочешь поздороваться с моей матерью?

Бирк холодно посмотрел на нее:

— С незваными гостями не здороваются. Этому научила меня мать, когда еще носила меня на руках!

Ронья чуть не задохнулась от возмущения и отчаяния, сердце у нее до боли сжалось. Неужели это Бирк смотрит на нее ледяным взглядом? Тот самый Бирк, который только что был ей настолько дорог, что она готова была следовать за ним даже в кипящую бездну Ревущего! А сейчас он предал ее, стал чужим. О, как она ненавидела его за это! Никогда она еще не испытывала такой ярости! По правде говоря, она ненавидела не только Бирка, но все на свете. Все, что мучило ее сейчас так, что она была готова лопнуть от злости: и Бирка, и Лувис, и Маттиса, и виттр, и Медвежью пещеру, и лес, и лето, и зиму, и эту Ундис, которая вбила в голову Бирка такие глупости, когда он еще был грудным младенцем, и этих проклятуших виттр... нет, их она уже упоминала! Хотя она ненавидела и многое другое, что забыла перечислить, ненавидела до того, что ей хотелось кричать! Она уже сама не помнила почему, но крикнуть ей нужно было непременно, да так, чтобы горы рухнули!

Но она не закричала, а лишь прошипела Бирку:

— Жаль только, что твоя мать не научила тебя вежливости.

И юркнула в пещеру.

Она пошла назад к Лувис и объяснила, что Бирк устал. И замолчала. Она села на каменную плиту рядом с матерью, и уткнулась лицом в ее колени, и заплакала, но не громко, не так, чтобы горы рухнули, а тихо, совсем неслышно.

— Ты знаешь, зачем я пришла? — спросила Лувис.

И Ронья, всхлипывая, пробормотала:

— Уж, верно, не затем, чтобы принести мне хлеба!

— Нет, — ответила Лувис, глядя дочку по голове. — Хлеб у тебя будет, когда ты вернешься домой.

Роня продолжала всхлипывать.

— Я никогда не вернусь домой.

— Тогда дело кончится тем, что Маттис утонет в реке.

Роня подняла голову.

— С какой стати ему топить? Это из-за меня-то? Да он обо мне даже не вспоминает!

— Правда, днем он о тебе не вспоминает. Но каждую ночь зовет тебя во сне.

— Откуда ты знаешь? Он что, опять спит в твоей постели, а не в каморке Пера Лысухи?

— Да, Перу он мешал спать. Да и мне мешает. Но кто-то должен терпеть его, когда ему так худо.

Она долго молчала, потом добавила:

— Знаешь, Роня, тяжело смотреть на человека, когда он так мучается.

Роня боялась вот-вот взвыть так, что горы рухнут. Но она сжала зубы и тихо спросила:

— Скажи, Лувис, если бы ты была ребенком и твой отец отказался бы от тебя и даже не хотел бы упоминать твоего имени, ты вернулась бы к нему? Если бы он даже не подумал прийти и попросить тебя об этом?

Лувис помедлила немного с ответом.

— Нет, не вернулась бы! Пусть бы он попросил меня вернуться!

— Но Маттис никогда не попросит! — воскликнула Ронья.

Она снова уткнулась в колени Лувис и смочила ее юбку из грубой шерсти тихими слезами.

Наступил вечер, стемнело. Самый тяжелый день был на исходе.

— Ложись спать, Ронья, — сказала Лувис. — Я посижу здесь, подремлю, а как станет светать, пойду домой.

— Я хочу заснуть у тебя на коленях, а ты спой мне Волчью песню!

Она вспомнила, как однажды пыталась спеть эту песнь Бирку, но ей это скоро надоело. А теперь Ронье не придется больше петь ему песни, это уж точно.

Но Лувис запела, и весь мир сразу преобразился. Положив голову на колени матери, Ронья заснула при свете звезд глубоким и сладким детским сном и проснулась лишь ясным утром.

Лувис в пещере уже не было. Но свою серую шаль, которой она укрыла Ронью, Лувис не взяла. Проснувшись, Ронья ощутила тепло этой шали и вдохнула ее запах. Да, это был запах Лувис. Еще он напомнил Ронье, как пахло от зайчонка, который был у нее когда-то.

У огня, опустив голову на руки, сидел Бирк. Рыжие пряди волос свисали ему на лицо. Он казался таким безнадежно одиноким, что у Роньи кольнуло в сердце. Она тут же все забыла и, волоча шаль, подошла к нему. Потом, остановившись, помедлила: а вдруг он не хочет, чтобы ему мешали? И все же спросила:

— Что с тобой, Бирк?

Он взглянул на нее и улыбнулся:

— Да вот, сижу здесь и горюю, сестренка!

— Из-за чего же?

— Из-за того, что ты мне по-настоящему сестра, лишь когда Ревущий зовет меня. А не тогда, когда твой отец присылает людей с разными вестями. Потому-то я и веду себя иной раз как скотина, а после жалею об этом, если хочешь знать.

«А кому хорошо? — подумала Ронья. — Разве мне не обидно, что я никак не могу никому угодить?»

— Правда, я не могу тебя за это упрекать, — продолжал Бирк. — Я знаю, что так оно и должно быть.

Ронья робко посмотрела на него.

— Так ты все же хочешь быть мне братом?

— Сама знаешь, что хочу. Я и так тебе брат везде и всегда. А теперь я скажу тебе, почему я хочу, чтобы нынче нас оставили в покое, чтобы никто из замка не приходил сюда. И почему я не хочу говорить о зиме!

Это Ронье хотелось узнать больше всего. Она удивлялась тому, что Бирк не боялся зимы. «Ведь сейчас лето, сестренка», — говорил он спокойно, будто зима никогда не настанет.

— У нас с тобой только одно лето для нас двоих, — сказал Бирк. — А когда тебя со мной не будет, мне и жизнь не в жизнь. Придет зима, и тебя здесь не будет. Ты вернешься в замок к Маттису.

— А как же ты? Где ты будешь жить?

— Здесь, конечно. Я бы мог попроситься назад, в крепость Борки. Они бы меня не выгнали, я знаю. Но к чему мне это? Тогда я тебя все равно потеряю. Я даже не смогу видаться с тобой. Уж лучше я останусь в Медвежьей пещере.

— И замерзнешь насмерть.

Бирк засмеялся:

— Может, замерзну, а может, и нет. Надеюсь, ты будешь прибегать иногда ко мне на лыжах и приносить

немного хлеба и соли. Да прихватишь мою волчью шубу, если сумеешь вызволить ее из крепости Борки.

Ронья покачала головой:

— Если зима будет такая, как в прошлом году, на лыжах далеко не уйдешь. Я не смогу пройти через Волчье ущелье. И если ты останешься в Медвежьей пещере, тебе придет конец, Бирк, сын Борки!

— Ну и пусть, — ответил Бирк. — Но ведь сейчас лето, сестренка!

Ронья посмотрела на него без улыбки.

— Лето или зима... Кто сказал тебе, что я вернусь в Маттисборген?

— Я сказал. И я сам отведу тебя туда. Замерзать здесь я собираюсь один, если уж мне это на роду написано. Но сейчас лето, ведь я уже говорил это тебе!

Лето не вечно, он это знал, и Ронья тоже знала. Но теперь они начнут жить так, будто лето никогда не кончится, и будут стараться не думать о печальной зиме. С рассвета до заката они радовались каждую минуту сладостному теплу лета. Дни бежали, а они жили опьяненные летом, ни о чем не печалясь. У них оставалось еще немного времени.

— Это время у нас никто не отнимет, — говорил Бирк, и Ронья соглашалась с ним.

— Я пью лето, как дикие пчелы пьют мед, — говорила она. — Собираю огромный ком лета, чтобы его хватило на... на то время, когда... будет уже другая пора... А ты знаешь, что это за ком? — И она объяснила Бирку: — В нем солнечные восходы и черничник, синий от ягод, и веснушки, как у тебя на руках, и лунный свет над вечерней рекой, и звездное небо, и лес в полуденный жар, когда солнечный свет играет в верхушках сосен, и вечерний дождик, и все, что вокруг... и белки, и лисицы, и лоси, и все дикие лошади, которых мы знаем, и купание в реке, и катание на лошадях. Понимаешь? Весь ком теста, из которого выпекают лето.

— Неплохо ты умеешь печь лето, давай пеки дальше!

Все дни с утра до вечера они проводили в лесу. Ловили рыбу, охотились, чтобы прокормиться, и жили в мире со всеми лесными обитателями. Бродили по всему лесу, разглядывая птиц и зверей, лазили по деревьям, карабкались по горным склонам, ездили верхом и плавали в лесных озерах. Виттры больше не нападали на них. Так проходило лето.

Воздух становился прозрачнее и прохладнее. После нескольких холодных ночей листья на верхушке березки у реки вдруг пожелтели. Они заметили это ранним утром, сидя у огня, но оба промолчали.

Дни становились все яснее и холодней. На целые мили в округе можно было разглядеть зеленые леса, но теперь в их зелень вплелись золотые и красные цвета. И вскоре крутые берега реки запылали золотом и пурпуром. Они сидели у огня и молча любовались осенью.

Туман стал раньше ложиться на реку, и однажды вечером, когда они пошли к источнику за водой, он поднялся выше деревьев, и они вдруг оказались в сплошной белой мгле. Бирк отставил ведро с водой и взял Ронью за руку.

— Что с тобой? — спросила Ронья. — Никак ты боишься тумана? Думаешь, мы не найдем дорогу домой?

Бирк не сказал, чего он боялся. Он молча выжидал. И вдруг откуда-то далеко из леса до них донеслась жалобная песня, которую он сразу узнал.

Ронья тоже стояла и слушала.

— Слышишь? Это поет подземный народец! Наконец-то я слышу их!

— А ты раньше никогда их не слышала? — спросил Бирк.

— Никогда. Они хотят завлечь нас к себе, в подземную страну, ты знаешь это?

— Знаю. А ты пошла бы за ними?

Ронья засмеялась:

— Я еще не спятила! Но Пер Лысуха говорит...

Тут она замолчала.

— Что говорит Пер Лысуха? — спросил Бирк.

— Да это неважно...

Но пока они стояли, ожидая, когда туман немного рассеется, чтобы пойти домой, она думала о том, что говорил Пер Лысуха: «Когда подземный народец выходит в лес и поет, знай, наступила осень. А стало быть, скоро зима. Хо-хо-йя-йя!»

16

Пер Лысуха был прав. Если подземный народец поднимается в лес и заводит жалобные песни, значит, наступила осень. Даже если Бирку и Ронье не хотелось в этом признаться. Лето медленно умирало. Унылый осенний дождь зарядил надолго, и даже Ронье, которая любила дождик, стало не по себе.

Они целыми днями сидели в пещере, слушая, как дождь непрерывно барабанит по каменной площадке. В такую погоду нельзя было даже поддерживать огонь, и они намерзлись до того, что решили побегать по лесу, чтобы согреться. Им стало чуть теплее, но они промокли насквозь. Вернувшись в пещеру, они сбросили мокрую одежду, закутались в меховые одеяла и уселись, тщетно ожидая, что небо хоть немного прояснится. В пещерном проеме они видели лишь стену дождя.

— Дождливое нынче лето, — сказал Бирк. — Однако скоро должно распогодиться.

И в самом деле, дождь наконец прекратился. Его сменила буря. Она вырывала с корнем сосны и ели, срывала листья с берез. Золотой наряд крутых берегов пропал. Свирепый ветер раскачивал деревья, пытаясь оторвать их от почвы.

— Ветренное нынче лето, — сказал Бирк. — Но скоро ветер, поди, утихнет.

Хорошей погоды они так и не дождались. Стало еще хуже. Наступила стужа, с каждым днем становилось все холоднее. Мысли о зиме теперь было не отогнать,

во всяком случае Ронья не могла не думать о ней. Ночами ей снились страшные сны. Однажды ей приснилось, что Бирк лежит зарывшись в снегу, лицо у него белое, а в волосах иней. Она с криком проснулась. Было уже утро, и Бирк хлопотал у огня. Она выбежала из пещеры и ужасно обрадовалась, что волосы у него, как всегда, рыжие и никакого инея на них нет.

Но лес на другом берегу реки в первый раз опушил иней.

— Морозное нынче лето, — сказал, усмехнувшись, Бирк.

Ронья поглядела на него с досадой. И как только он может быть таким спокойным? Как легко он говорит об этом! Неужто он вовсе не боится за свою несчастную жизнь? Она знала, что в лесу Маттиса бояться нельзя, но теперь она начала бояться. Стоило ей подумать о том, что с ними станет зимой, как в сердце к ней заползал отвратительный страх.

— Сестренке моей невесело, — сказал однажды Бирк. — Пора ей уходить отсюда и греться у другого очага.

А она ушла в пещеру и улеглась на постель. «У другого очага!» Другого у нее не было! Он подразумевал очаг у нее дома, в каменном зале, думая, что она тоскует по нему в этой проклятой ледяной стуже. Ах, как она мечтала еще хоть разок в жизни согреться! Но в Маттисборген она не могла вернуться, раз она теперь не дочь Маттису. Очаг родного дома никогда ее больше не согреет, она это знала. Ничего не поделаешь. И поэтому будь что будет. Что толку думать об этом, все равно ничего не придумаешь!

Она увидела, что ведро пусто. Нужно сходить к источнику за водой.

— Я прибегу, как только разведу огонь! — крикнул Бирк ей вслед.

Носить воду в пещеру было тяжело, они делали это вдвоем.

Роня стала спускаться по узенькой тропинке вдоль скалы. По ней нужно было идти осторожно, чтобы не полететь под гору вниз головой. Потом она пробежала по лесу меж сосен и елей к прогалине, где бил родник. Но, не успев добежать, она остановилась как вкопанная. Кто-то сидел на камне у ручья. И это был не кто иной, как Маттис! Она узнала темную кудрявую голову, и сердце ее дрогнуло. Стоя у березы, она начала тихо плакать. И тут она увидела, что Маттис тоже плачет, да, плачет, точно так же, как тогда, во сне. Сидит один в лесу и плачет. Он еще не заметил ее. Но вот он поднял голову и увидел Роню. Тогда он закрыл глаза рукой, чтобы скрыть слезы. Этот жест был такой беспомощный и отчаянный, что она не выдержала. С криком она бросилась ему на шею.

— Дитя мое, — шептал Маттис, — дитя мое...

Потом он громко крикнул:

— Дитя мое снова со мной!

Роня роняла слезы ему на бороду и повторяла:

— Теперь я твое дитя, Маттис? Я в самом деле опять твоя дочка?

А Маттис отвечал, плача:

— Да, ты всегда была моей дочерью, Роня, дитя мое. Я плакал по тебе день и ночь. Боже мой, как я страдал!

Он отодвинул ее слегка от себя, чтобы видеть ее лицо, и покорно спросил:

— Правду говорит Лувис, будто ты вернешься домой, если я попрошу тебя об этом?

Роня промолчала. И в эту минуту она увидела Бирка. Он стоял в березняке, бледный и печальный.

«Нет, я не хочу, чтобы он страдал. Бирк, брат мой, о чем ты сейчас думаешь, о чем печалишься?»

— Это правда, Ронья, что ты пойдешь теперь со мной домой? — снова спросил Маттис.

Ронья не отвечала и смотрела на Бирка. «Бирк, брат мой, ты помнишь водопад Ревущий?»

— Идем, Ронья, домой! — сказал Маттис.

Бирк знал, что пришло время. Время сказать Ронье «прощай» и с благодарностью вернуть ее Маттису. Другого выхода нет, ведь он сам этого желал. И он давно знал, что так будет. Отчего же все-таки ему так больно? «Ронья, ты не можешь понять, что я сейчас чувствую! Уходи скорее!»

— Правда, я тебя не просил еще об этом, — продолжал Маттис. — Но я прошу тебя сейчас. Очень прошу, пойдем домой!

«Так трудно мне еще никогда не было», — думала Ронья. Она должна ответить Маттису сейчас. Это убьет его, но она должна ответить ему. Что она останется с Бирком. Что она не может оставить его одного замерзать в зимнем лесу. «Бирк, брат мой, ничто не может разлучить нас ни в жизни, ни в смерти, разве ты не знаешь этого?»

Маттис только сейчас заметил Бирка. Он тяжело вздохнул, но после крикнул:

— Бирк, сын Борки! Поди-ка сюда, я хочу сказать тебе пару слов.

Бирк неохотно подошел ближе, но остановился на расстоянии. Он угрюмо посмотрел на Маттиса и спросил:

— Что тебе надо?

— Да надо бы отлупить тебя, но я не стану этого делать. Вместо этого буду просить тебя: пойдем, бога ради, со мной в замок! Не подумай, что ты мне очень нравишься! Но ты, я вижу, очень нравишься моей дочке, может, и я когда-нибудь полюблю тебя. У меня было время обо всем поразмыслить.

Когда до Роньи дошло, что сказал отец, внутри у нее словно что-то оборвалось и зажурчало. Слова отца заставили растаять мерзкий ледяной ком, стоявший у нее в горле последнее время, превратили его в весенний ручей. Какое счастье, что ей теперь не нужно выбирать между Бирком и Маттисом. Ведь она любит их обоих. Теперь ей не придется терять одного из них! Ну разве это не чудо? Она бросила на Маттиса взгляд, полный любви и благодарности. А потом поглядела на Бирка и поняла, что он вовсе не рад. В его глазах она прочла замешательство и подозрение. Ей стало страшно. До чего же упрямым и норовистым он может быть! Неужели он не захочет понять, что для него лучше, и не пойдет с ними?

— Маттис, — сказала она, — я должна поговорить с Бирком наедине!

— А зачем? — спросил Маттис. — Ну да ладно, я пойду пока погляжу на свою старую Медвежью пещеру. Только договаривайтесь побыстрее, нам пора домой!

— Домой! — воскликнул Бирк с горькой усмешкой, когда Маттис скрылся из виду. — В чей дом? Неужто он думает, что я соглашусь стать у его разбойников мальчиком для битья? Да ни за что на свете!

— Мальчиком для битья? Какой же ты дурак! — ответила разъяренная Ронья. — Так ты считаешь, что лучше замерзнуть насмерть в Медвежьей пещере?

Бирк помолчал, потом ответил:

— Пожалуй, лучше!

— Жизнь свою нужно беречь, ясно тебе? Если ты останешься на зиму в Медвежьей пещере, погубишь свою жизнь! И мою тоже!

— Это еще что? Как я могу погубить твою жизнь?

И тут Ронья в ярости и отчаянии крикнула:

— Да потому, что я останусь с тобой, дурак ты этак! Хочешь ты этого или нет!

Бирк долго стоял молча и смотрел на нее, а потом сказал:

— Знаешь ли ты, что говоришь, Ронья?

— Да, знаю! — крикнула Ронья. — Разлучить нас ничто не может! И ты это знаешь, баранья башка!

И тут на лице Бирка засияла счастливая улыбка, и лицо его стало таким красивым!

— Я вовсе не хочу погубить твою жизнь, сестренка! И пойду за тобой куда хочешь. Если даже мне придется жить у разбойников Маттиса, пока я не сдохну!

Они погасили огонь и уложили свои вещи. Покидать Медвежью пещеру было нелегко.

— Следующей весной мы снова поселимся здесь! — тихонько шепнула Ронья Бирку на ухо, чтобы зря не расстраивать Маттиса.

— Тогда снова начнется настоящая жизнь! — сказал весело Бирк.

Маттис тоже был рад. Он шагал по лесу впереди детей и пел так громко, что все дикие лошади испуганно шарахались от них. Все, кроме Шалого и Дикого, которые стояли смирно, думая, что сейчас они снова поскачут наперегонки.

— Не сегодня, — сказала Ронья, поглаживая свою лошадь, — но, может, уже завтра. Может, будем скакать каждый день, если только снега выпадет не слишком много!

А Бирк похлопал Дикого.

— Да, мы вернемся! Вы только не замерзайте на смерть.

Они заметили, что волос у лошадей стал гуще, скоро они вовсе обростут шерстью для защиты от мороза. Шалому и Дикому тоже предстояло пережить нелегкую зиму.

Но Маттис, не останавливаясь, шел по лесу с песней, и они побежали догонять его. А когда они подошли к Волчьему ущелью, Бирк остановился.

— Послушай, Маттис, — сказал он, — мне сперва нужно отправиться в крепость Борки и узнать, как там поживают он и Ундис. Спасибо, что ты разрешил мне приходить к вам и видаться с Роньей, когда я захочу.

— Ладно, ладно, приходи, хотя мне это будет нелегко! — ответил Маттис и засмеялся. — А знаете, что говорит Пер Лысуха? Этот дурень думает, что фогд и кнехты под конец переловят нас, если мы не поостережемся. Мол, разумнее всего было бы бандам Маттиса и Борки объединиться. И чего только не выдумает этот старый болван!

Он с сочувствием поглядел на Бирка:

— Жаль, что у тебя отец такое дерьмо, а не то можно было бы и в самом деле об этом подумать.

— Сам ты дерьмо, — дружелюбно ответил Бирк, и Маттис расхохотался.

Бирк протянул Ронье руку. Они всегда прощались здесь, у Волчьего ущелья.

— Скоро увидимся, дочь разбойника! Каждый день будем видеться, сестренка!

Ронья кивнула:

— Каждый день, Бирк, сын Борки!

Когда Маттис и Ронья вошли в каменный зал, разбойники смолкли. Никто из них не посмел выказать радость: Маттис давно запретил им радоваться. Один лишь Пер Лысуха от радости сделал высокий не по возрасту прыжок, громко пукнув. Но он не растерялся и сказал:

— Все-таки нужно дать хоть какой-нибудь салют, когда люди возвращаются домой.

А Маттис залился таким громким смехом и хохотал так долго, что у разбойников от счастья на глазах выступили слезы. Они в первый раз слышали его смех с того злосчастного утра у Адского провала, и они тоже стали хохотать до упаду. Смеялись все, и Ронья тоже. Но вот пришла Лувис из овчарни, и наступила тишина. Нельзя же было смеяться, глядя на то, как мать обнимает свое потерянное было, но вернувшееся домой дитя. И у разбойников снова на глазах показались слезы.

— Лувис, ты сможешь принести мне большой чан? — спросила Ронья.

— Ясное дело, я уже грею для тебя воду.

- Так я и знала. Ты всегда обо мне позаботишься, мама. А ребенка грязнее меня ты в жизни не видела!
- Это уж точно, — улыбнулась Лувис.

Ронья лежала в постели чистая, сытая, согревшаяся. Она поела испеченного Лувис хлеба и выпила кружку молока. Лувис отскребла ее докрасна в чане с горячей водой. И теперь она лежала в своей постели, глядя в проем полога на догорающий огонь очага. Все было по-старому. Лувис спела ей и Маттису Волчью песню. Пора было засыпать. Ронью клонило ко сну, но мысли уносили ее далеко. «Холодно сейчас в Медвежьей пещере, — думала она, — а я вот лежу в тепле, мне жарко до кончиков пальцев на ногах. Разве не удивительно, что можно быть счастливой из-за такой малости!» Потом она подумала о Бирке, хорошо ли ему в крепости Борки. «Пусть ему тоже будет тепло аж до кончиков пальцев на ногах, — подумала она и закрыла глаза. — Спрошу его об этом завтра».

В каменном зале было тихо. Но вдруг Маттис в страхе завопил:

- Ронья!
- Что случилось? — спросила она сонным голосом.
- Я просто хотел увериться, что ты в самом деле здесь.
- Ну конечно, я здесь, — пробормотала Ронья.
- И тут же заснула.

17

Лес, который Ронья любила даже осенью и зимой, снова стал ее другом, как прежде. В последние дни там, в Медвежьей пещере, он казался ей опасным и враждебным. А теперь она ездила с Бирком по зимнему лесу, и он дарил ей только радость.

- Лес хорош в любую погоду, если только знаешь, что можно согреться, когда вернешься домой, что не

придется после мерзнуть в пещере, — объяснила она Бирку.

А Бирк, собиравшийся зимовать в Медвежьей пещере, теперь был доволен, что можно греться у очага дома, в крепости Борки.

Он понял, что ему надо жить там, а иначе вражда между Маттисом и его отцом разгорится еще сильнее. И Ронья с ним согласилась.

— Ты знаешь, — рассказал ей Бирк, — Ундис и Борка были сами не свои от радости, когда я пришел. Я и не думал, что они так любят меня.

— Да, тебе надо жить у них до самой весны.

Маттис тоже был доволен, что Бирк жил у своих.

— Да уж ясное дело, — сказал Маттис жене. — Пусть уж лучше этот пащенок приходит и уходит, когда ему вздумается. Я хотел взять его с собой, к нам. Однако куда лучше не видеть его рыжие космы каждую секунду!

Жизнь в замке шла своим чередом, веселье снова воцарилось здесь. Разбойники пели и плясали, а Маттис, как прежде, хохотал громовым басом.

И все же разбойничать им теперь стало труднее. Кнехты фогда теперь вовсе не давали им покоя. Маттис знал, что они охотятся за ним.

— Это за то, что мы вызволили Пелье из их чертовой темницы, да заодно и двух ворюг из шайки Борки, — объяснил он Ронье.

— Коротышка Клипп думал, что Пелье повесят, — сказала Ронья.

— Моих ребят никто не повесит. Теперь я доказал фогду, что разбойникам никакие темницы не страшны!

Но Пер Лысуха глубокомысленно покачал лысой головой:

— То-то сейчас кнехтов полно в лесу, точно мух. И под конец фогд добьется своего. Сколько раз мне повторять это тебе, Маттис?

Пер Лысуха снова начал охать и твердить, что Маттис с Боркой должны помириться, пока не поздно.

Одной сильной разбойничьей банде будет куда легче отбиваться от фогда и всех его кнехтов, чем двум, которые только и знают, что обманывают друг друга да дерутся из-за добычи, словно волки, считал Пер.

Такие советы Маттис слушать не желал. Хватало и того, что он сам начал тревожиться.

— Ты дело говоришь, старик, — сказал он. — В главном-то ты прав. Ну а кто станет вожаком в этой большой банде? Об этом ты подумал?

Он скривил губы в презрительную усмешку.

— Борка, а? Я, Маттис, самый могущественный, самый сильный предводитель разбойников во всех горах и лесах и собираюсь им оставаться. А кто знает, может, наш ненаглядный Борка не поймет этого?

— Так докажи это ему! — возразил Пер Лысуха. — В единоборстве с ним ты уж, верно, его поборешь. Бычище ты здоровенный!

До этого Пер Лысуха додумался, когда сидел один в своей каморке. Поединок укажет Борке его место и заставит уступить. Тогда в Маттисборгене будет одна-единственная банда, и она станет водить кнехтов за нос, пускать их по ложному следу, загоняет их до того, что они устанут охотиться за разбойниками. До чего же хитро он это придумал!

— Я думаю, что куда хитрее перестать разбойничать, — сказала Ронья. — Я всегда так думала.

Пер Лысуха улыбнулся ей беззубым ртом:

— Правда твоя, Ронья! Умница ты у нас. Но я слишком стар и немощен, чтобы втемашить это Маттису в башку.

Маттис бросил на него злобный взгляд:

— И это говоришь ты, лихо разбойничавший под началом моего отца и под моим! Перестать разбойничать! А на что тогда мы станем жить?

— А ты что, так никогда и не замечал, — ответил Пер Лысуха, — что на свете есть люди, которые не разбойничают, а все же живут, не умирают?

— Да, но как? — спросил Маттис с кислой миной.

— Я научил бы тебя, кабы не знал, что ты все равно будешь разбойником, покуда тебя не повесят. Но Ронье я поведаю однажды маленькую тайну.

— Что это еще за тайна?

— Как я уже сказал, — отвечал Пер Лысуха, — я поведаю ее Ронье, чтобы она не пропала, когда тебя повесят.

— Повесят, повесят, повесят! — разозлился Маттис. — Накаркаешь беду, старый ворон! Замолчи-ка лучше!

Дни бежали, а Маттис не слушал совета Пера Лысухи. Но однажды утром, когда люди Маттиса еще не успели оседлать своих коней, Борка прискакал на лошади к Волчьему ущелью и пожелал говорить с Маттисом. Он принес недобрую весть. Его заклятый враг вызволил недавно двух людей из банды Борки, и потому он пришел предупредить Маттиса. Борка сказал, что в этот день ни один разбойник не должен высовывать носа из леса, если не хочет лишиться жизни. На них снова устроили облаву. Он только что был на Разбойничьей тропе и узнал, что кнехты сидят там в засаде. Двух его людей они успели схватить, а третьего сильно ранили стрелой, когда тот пытался бежать.

— Эти злодеи лишают бедных разбойников куска хлеба! — с горечью сказал Борка.

Маттис нахмурил брови:

— Нет, нам надо поскорее проучить их хорошенько! Долее терпеть нельзя!

Лишь потом он заметил, что сказал «нам», и тяжело вздохнул. Он постоял молча, меряя Борку взглядом с ног до головы.

— Может, нам... объединиться, — сказал он под конец и сам ужаснулся своим словам. Надо же сказать такое Борке, сыну Борки! Его отец, дед и прадед перевернулись бы в гробу, услышав это!

А Борка оживился:

— Впервые слышу от тебя умные слова, Маттис! Одна сильная банда, что может быть лучше! И один сильный главарь. Я знаю одного такого, — сказал он и распрямил плечи, — сильного и толкового, как я!

Маттис разразился громовым хохотом:

— Пошли, я покажу тебе, кто достоин быть главарем.

И вышло так, как хотел Пер Лысуха. Маттис и Борка решили, что устроить поединок — мысль хорошая. Разбойников эта новость до того поразила, что они в утро поединка повалили валом в каменный зал, и Лувис была вынуждена выгнать их.

— Вон отсюда! — закричала она. — У меня уши болят от ваших воплей.

С нее хватало слушать Маттиса, который, скрипя зубами, ходил взад и вперед по каменному полу и грозился измолотить Борку так, что после даже Ундис его не узнает.

Пер Лысуха хмыкнул:

— Не хвались, идучи на рать, говаривала моя матушка!

Ронья поглядывала неодобрительно на расходившегося отца:

— Я не стану смотреть, как ты будешь его молотить.

— Да тебе и не положено, — ответил Маттис.

Обычай не велел женщинам и детям смотреть на поединок. Считалось, что им вредно глядеть на «схватку диких зверей». Так называли подобное единоборство, жестокие приемы которого оправдывали такое название.

— Но ты, Пер Лысуха, приходи поглазеть, — добавил Маттис. — Хотя ты и немощен, «схватка диких зверей» тебя подбодрит. Иди сюда, старик, я посажу тебя на свою лошадь. Пора ехать!

Было холодное солнечное утро, землю запорошил иней. На поляне возле Волчьего ущелья стояли Маттис и Борка, их окружили кольцом разбойники из обеих

банд, вооруженные копьями. Сейчас все увидят, кто достоин быть хёвдингом.

На уступе скалы сидел закутанный в звериную шкуру Пер Лысуха, похожий на старую ворону. Глаза его горели, он с нетерпением следил за тем, что творилось внизу.

Борцы сняли с себя теплую одежду и остались в одних рубашках. Стоя на замерзшей земле босиком, они играли мускулами и то и дело подпрыгивали ногами, чтобы поразмяться.

— Гляжу я, — сказал Маттис, — нос у тебя посинел, Борка. Но так и быть, ты скоро у меня согреешься!

— И я тебе обещаю то же самое, — заверил Борка.

В «звериной драке» никакие уловки и ухватки не считались позорными. Можно было ломать, рвать, выдирать, царапать и кусать, пинать босой ногой во все места, но только не в пах. Удар в пах считался подлым, и тот, кто наносил его, проигрывал бой.

Но вот Фьосок подал долгожданный знак, Маттис и Борка с воинственным кличем бросились друг другу навстречу, и бой начался.

— Экая досада, — сказал Маттис, хватая Борку поперек туловища своими медвежьими лапами, так слегка, для разминки, чтобы Борка немного попотел, — что ты такое дерьмо, а не то я давно сделал бы тебя своим помощником. Тогда не пришлось бы выжимать теперь из тебя почечное сало.

И он сжал противника так сильно, что у Борки внутри что-то захрипело.

Но Борка, опомнившись, ударил со всей силы Маттиса головой по носу, разбив его в кровь.

— Экая досада, — сказал Борка, — что придется попортить тебе рыло. — И нанес удар по носу во второй раз. — Ведь ты и без того страшила.

Потом он с силой дернул Маттиса за ухо, сказав:

— Два уха тебе, поди, нужнее, чем одно. — И рванул ухо во второй раз, надорвав его.

Но тут он потерял равновесие, и Маттис в ту же секунду опрокинул его и надавил своим железным кулаком на лицо Борки с такой силой, что оно стало еще более приплюснутым.

— До чего же мне жаль! — сказал Маттис. — Но придется отделать тебя так, что Ундис будет реветь каждый раз, когда увидит тебя при свете дня!

Он снова ткнул Борку кулаком в лицо, но тот ухитрился укусить его за руку. Маттис взвыл и пытался отнять руку, но Борка держал ее зубами, пока не запыхался. Потом он выплюнул Маттису в лицо кусок кожи, крикнув:

— Отнеси ее домой своей кошке!

Борка сильно пыхтел, потому что Маттис навалился на него всей своей тяжестью. Вскоре стало ясно, что, несмотря на свои крепкие зубы, по силе Борка не мог равняться с Маттисом.

Когда поединок был окончен, хёвдинг Маттис стоял с окровавленным лицом, остатки рубашки в виде ленточек болтались вокруг его тела.

Борка был тяжело избит. Казалось, он вот-вот заплачет. И Маттис обратился к нему со словами утешения:

— Брат Борка, с этой минуты мы с тобой братья. Звание и честь хёвдинга ты сохранишь до смерти и своими людьми можешь распоряжаться сам. Однако не забывай, что Маттис самый могущественный хёвдинг во всех горах и лесах, и мое слово впредь для тебя закон!

Борка молча кивнул, говорить ему сейчас не больно хотелось.

И в тот же вечер Маттис устроил в каменном зале пир для всех разбойников Маттисборгена, как для своих людей, так и для людей Борки. Богатый был пир, столы ломились от яств, и пиво лилось рекой.

В этот вечер Маттис и Борка в самом деле подружились и стали братьями. Они сидели рядом за длинным столом и, то плача, то смеясь, вспоминали свое детство, когда они вместе гоняли крыс в старом свинарнике. Да,

много приятного вспомнили они в этот вечер. Разбойники слушали их с удовольствием, прерывая рассказы своих хёвдингов громовым хохотом. Даже Бирк и Ронья, сидевшие в конце стола, слушали их с интересом. Их звонкий смех перекрывал грубые голоса разбойников, лаская уши Маттиса и Борки. Слишком долго не слышно было смеха Роньи и Бирка в Маттисборгене, и отцы их еще не успели привыкнуть к счастью, что дети вернулись домой! И потому их смех звучал в ушах Маттиса и Борки сладчайшей музыкой и вызывал все новые воспоминания о проделках собственного отчества.

Внезапно Маттис сказал:

— Не печалься, Борка, что тебе не повезло сегодня. Настанут для рода Борки и лучшие времена. Думается мне, твой сын будет хёвдингом, когда нас не станет. Моя-то деваха нипочем не желает им быть, а уж коли она говорит «нет», значит, ни за что не согласится, это у нее от матери.

Борку эти слова несказанно обрадовали. Но Ронья крикнула отцу:

— И ты думаешь, что Бирк захочет быть разбойничьим хёвдингом?

— Ясное дело, захочет, — уверенно сказал Борка.

И тут Бирк вышел на середину зала, чтобы все могли его видеть. Он поднял правую руку и дал священную клятву в том, что никогда не станет разбойником, что бы с ним ни случилось.

В зале наступила мрачная тишина. У Борки на глазах выступили слезы. Как мог его сын так опозорить его род! Но Маттис принялся утешать его:

— Я уже с этим смирился, и ты свыкнешься! Такие нынче пошли дети. Что хотят, то и творят. Нам тут остается лишь смириться, хоть и нелегкое это дело!

Оба они долго сидели погруженные в мрачные мысли о будущем, когда славные дела рода Маттиса и рода Борки станут лишь сагой и быстро забудутся.

Но постепенно они снова принялись вспоминать о крысиной охоте в свинарнике и решили веселиться, не смотря на огорчения, которые им доставляют дети. А разбойники, чтобы развеять уныние, грянули удалые песни и пустились в пляс. Стараясь переплясать друг друга, они бешено кружились и скакали так, что только половицы трещали. Ронья и Бирк тоже не могли усидеть на месте, и Ронья принялась обучать Бирка забавным прыжкам и коленцам.

Все это время Лувис и Ундис сидели в отдельном покое. Они ели, пили и беседовали. Почти обо всем они думали по-разному и сошлись лишь в одном: до чего же хорошо дать иной раз ушам отдохнуть и не слушать ни единого словечка из уст мужланов.

А в каменном зале продолжался пир. До тех пор, пока Пер Лысуха вдруг не рухнул на пол от усталости. День этот для старика был веселым и радостным, но под конец силы его иссякли, и Ронья помогла ему добраться до спальной каморы. Тут он, обессиленный, но довольный, повалился на постель, и Ронья укутала его хорошенько меховым одеялом.

— Мое старое сердце успокоилось, — сказал Пер Лысуха, — оттого, что ни ты, ни Бирк не желаете разбойничать. В прежние времена это было распрекрасное дело, не стану кривить душой. А нынче не успеешь опомниться, как тебя повесят.

— К тому же люди кричат и плачут, когда у них отнимают их добро, — добавила Ронья, — а этого я никогда не смогла бы вынести.

— Это уж точно, дитя мое, этого ты вынести никак не смогла бы. А теперь я поведаю тебе одну маленькую тайну, коли ты обещаешь мне не выдавать ее никому.

И Ронья обещала.

Тогда Пер взял ее маленькие теплые руки в свои холодные, чтобы согреть их, и рассказал ей:

— Послушай, моя радость. Когда я был молод и обретался все время в лесу, как и ты, спас я однажды

жизнь одному крошечному серому карлику, за которым охотились виттры. Ясно, что серые карлики дрянь, но этот был не похож на остальных. После я с трудом отделался от него. Он во что бы то ни стало хотел дать мне... ах, никак Маттис пришел...

В дверях стоял Маттис, желавший узнать, куда подевалась Ронья. Праздник кончился, и пришло время петь Волчью песнь.

— Сперва я хочу дослушать сказку до конца, — сказала Ронья.

И куда Маттис упрямо стоял и ждал, Пер Лысуха прошептал ей эту историю до конца.

— Вот здорово! — воскликнула Ронья, узнав, чем закончилось дело.

Наступила ночь. Вскоре весь Маттисборген, все его закоренелые разбойники уснули. Но Маттис, лежа на постели, не переставая охал и стонал. Лувис омыла ему раны и синяки, но это не помогло. Все его тело отчаянно ныло и болело. Он не мог сомкнуть глаз, и ему было досадно, что Лувис спала себе спокойным сном. Под конец он разбудил ее.

— У меня все болит, — сказал он. — Одно утешение, что этому чертову Борке, поди, куда хуже!

Лувис повернулась к стене.

— Ох уж эти мужики! — сказала она и тут же уснула.

18

— Нечего было старикам сидеть и мерзнуть, глазая на «звериную схватку», — строго сказала Лувис утром.

Пера лихорадило, все тело у него ныло так, что он не захотел вставать с постели.

— Не все ли равно мне, лежать не двигаясь или сидеть как вкопанному! — сказал он.

Маттис каждый день заглядывал к нему в камору, чтобы рассказать, как идут теперь разбойничьи дела. Маттис был доволен. Борка ведет себя как и подобает ему и голоса не поднимает. Толковый он парень, по правде говоря. Теперь они вместе обдeldывают одно дельце за другим. Кнехтов фогда они дуруют так, что только душа радуется, и скоро весь лес очистится от этих болванов. В этом Маттис был твердо уверен.

— Ну, ну, не хвались, идучи на рать, — бормотал ему в ответ Пер Лысуха, но Маттис его не слушал. Да и недосуг ему было выслушивать старика.

— Ах ты, доходяга! — ласково восклицал он, хлопывая Пера. — Нарости хоть немного мяса на костях, чтобы они могли держать тебя!

И Лувис старалась как могла поставить его на ноги. Она приносила ему для подкрепления горячий суп и его любимые лакомства.

— Поешь супа, согрейся, — говорила она.

Но даже огненный суп не мог изгнать холод из тела Пера, и это огорчало Лувис.

— Давай перенесем Пера в каменный зал и согреем его, — сказала она.

И сильные руки Маттиса перенесли Пера из одинокой каморы. Теперь он спал рядом с Маттисом, а Лувис делила постель с Роньей.

— Наконец-то я, старая ледяшка, чуть-чуть оттаял, — говорил Пер.

Маттис был горяч, как печка, и Пер Лысуха, прильнув к нему, словно дитя к матери, пытался согреться и утешиться.

— Не толкайся, лежи смирно, — говорил ему Маттис, но Пер все равно льнул к нему.

Наутро он ни за что не пожелал переселяться в свою камору. В этой постели ему лежать нравилось больше. Здесь он мог видеть, как Лувис день-деньской хлопотала по хозяйству, здесь по вечерам собирались разбойники и хвастались своими подвигами, сюда приходила

Роня и рассказывала, что они с Бирком видели в лесу. Пер был доволен.

— Вот и хорошо, здесь я могу спокойно ждать!

— Чего ждать?

— Угадай! — ответил Пер.

Маттис угадать не мог. Но он с тревогой заметил, что Пер Лысуха просто таял на глазах. И Маттис спросил Лувис:

— Что это с ним, как ты думаешь?

— Старость, — ответила Лувис.

Маттис с испугом поглядел на жену:

— Неужто он от этого помрет?

— Да, помрет, — сказала Лувис.

Маттис ударился в слезы.

— Замолчи! — заорал он. — Этого я ни за что не позволю!

Лувис покачала головой:

— Привык ты командовать, Маттис, но в этом ты не волен!

Роня тоже тревожилась за Пера, и теперь, когда он слабел с каждым днем, она все чаще приходила и сидела рядом с ним. Пер большей частью лежал с закрытыми глазами и лишь время от времени приоткрывал их, чтобы взглянуть на нее. Тогда он улыбался и говорил:

— Ну что, моя радость, ты не забыла, что я тебе сказал?

— Нет, не забыла, но найти это место никак не могу.

— Найдешь, — уверял ее Пер. — Придет время, и найдешь!

— Найду, наверное.

Время шло, и Пер Лысуха вовсе ослабел. Под конец настала ночь, когда им всем пришлось не спать и сидеть около него: Маттису, Лувис и разбойникам. Пер Лысуха лежал неподвижно с закрытыми глазами. Маттис с тревогой старался убедиться, что он жив. Но возле постели было темно, хотя Лувис зажгла сальную

свечу. И, не обнаружив в старике ни малейших признаков жизни, Маттис вдруг крикнул:

— Он помер!

Тут Пер Лысуха открыл один глаз и с упреком поглядел на Маттиса:

— Вовсе я не помер! Неужто ты думаешь, у меня хватит совести не попрощаться с вами перед смертью?

Потом он снова опустил веко, и все вокруг него долго стояли молча. Слышалось лишь его хриплое дыхание.

— А теперь, — сказал Пер, открыв оба глаза, — теперь, други мои верные, я хочу со всеми вами проститься! Теперь я помираю.

И он умер.

Ронья никогда не видела, как умирают люди. Она поплакала немного. «Правда, — думала она, — он так устал в последнее время. Теперь он, верно, отдыхает где-то в неведомом мне краю».

А Маттис с рыданиями мерил шагами каменный зал и кричал:

— Ведь он был всегда! А теперь его нет!

И снова, и снова повторял:

— Ведь он был всегда, а теперь его нет!

И тут Лувис сказала ему:

— Маттис, ты ведь знаешь, что никто не может жить вечно. Человек рождается на свет, поживет и умирает. Так было всегда. Плачем горю не поможешь.

— Но мне худо без него! — кричал Маттис. — Так худо, что сердце надрывается!

— Давай я обниму тебя и посидим вместе, хочешь?

— Давай! И ты иди ко мне, Ронья!

И он сидел, наклоняясь то к Лувис, то к Ронье, и старался выплакать все горе. Ведь Пер Лысуха всегда был в его жизни, а теперь его не стало.

На следующий день схоронили они Пера на берегу реки. Зима стояла на пороге, и, когда Маттис со своими разбойниками несли мертвое тело к вырытой могиле, на гроб Пера падали первые мягкие мокрые снеж-

ные хлопья. Гроб Пер Лысуха смастерил себе сам еще давно, когда был в силе, и все эти годы хранил его в каморе, где висела одежда.

— Разбойнику может понадобится гроб, когда он меньше всего этого ожидает, — говаривал Пер, а в последние годы он все удивлялся, что гроб до сих пор ему не пригодился.

— Но раньше или позже он мне пригодится, — повторял он.

И вот теперь гроб ему пригодился. Всем в замке сильно не хватало Пера Лысухи. Маттис всю зиму ходил мрачный. Разбойникам тоже было невесело, потому что от настроения Маттиса зависели в замке и радость и печаль.

Ронья отправилась с Бирком в лес, где зима вступила в свои права, и, стоя на лыжах у горного склона, она забыла все печали. Но, вернувшись домой и увидев Маттиса, который, нахохлившись, сидел у очага, она вспомнила все снова.

— Утешь меня, Ронья, — попросил он, — помоги, мне ужас как тошно!

— Скоро придет весна, и тебе станет легче, — сказала Ронья, но это его не утешило.

— А Пер Лысуха весны не увидит, — мрачно ответил он, и на это Ронья ничего утешительного сказать ему не могла.

Но вот зима миновала и наступила весна. Она приходила всегда, невзирая на то, кто умер и кто остался жить. Маттис повеселел, как было с каждой весной. Проезжая во главе разбойников по Волчьему ущелью, он насвистывал и пел. А на другом конце ущелья его ждал Борка со своими людьми. Хо-хо! Наконец-то они примутся разбойничать после долгой зимы! Маттис и Борка родились разбойниками и по глупости радовались этому. Но дети их были куда умнее. Они радовались вовсе не разбойничьим удачам. А тому, что снег стоял и можно снова ездить верхом, что они скоро снова переберутся в Медвежью пещеру.

— И еще я рада тому, что ты, Бирк, никогда не станешь разбойником.

Бирк засмеялся:

— Не стану. Я в этом поклялся. Однако я не знаю, на что мы с тобой будем жить.

— А я знаю. Мы станем рудокопами. Что ты на это скажешь?

И тут она рассказала Бирку сказку про серебряную гору Пера Лысухи, которую ему когда-то показал серый карлик в благодарность за то, что он спас ему жизнь.

— Там есть серебряные слитки величиной с булыжник, — рассказала Ронья. — И кто знает, может, это вовсе не сказка? Пер Лысуха поклялся в том, что это правда. Мы как-нибудь поедем с тобой туда и поглядим, я знаю это место.

— Ни к чему торопиться! — сказал Бирк. — Только никому про это не рассказывай! А не то все разбойники помчатся туда за серебром!

Теперь засмеялась Ронья:

— Ты не глупее Пера Лысухи. Разбойники жадны до любого добра, как всякая нечисть, говорил он. Поэтому-то он и не велел мне рассказывать про серебро никому, кроме тебя!

— Но куда мы обойдемся с тобой и без серебра, сестренка! В Медвежьей пещере нам оно не нужно!

Становилось все теплее, и Ронья ломала голову над тем, как ей сказать Маттису, что она снова собирается перебраться в Медвежью пещеру. Но Маттис был человек чудной, никогда нельзя было знать заранее, что он скажет.

— Да, моя старая пещера хороша, — сказал он. — В это время года жить там одно удовольствие! Не правда ли, Лувис?

Лувис не удивилась, она привыкла к его капризам.

— Отправляйся туда, доченька, раз твой отец так считает, — сказала она. — Хотя я по тебе стану тосковать!

— Но ведь ты вернешься к осени, как всегда, — добавил Маттис так, словно она много лет подряд переселялась туда и обратно.

— Да, конечно, как всегда, — заверила его Ронья, радуясь, что на этот раз все обошлось так легко. Она ждала слез и криков, а Маттис сидел веселый, как в тот раз, когда вспоминал проделки своей юности в старом свинарнике.

— Да, когда я жил в Медвежьей пещере, я проделывал штуки похлеще! И к тому же эта пещера моя, не забывайте это! Я, может, буду навещать вас!

Когда Ронья рассказала об этом Бирку, он ответил важно:

— По мне, пусть приходит! — И добавил: — Только бы не видеть его черную кудрявую голову каждый день!

Раннее утро. Прекрасное, как первое утро мира! Новоселы из Медвежьей пещеры бредут по своему лесу, а вокруг ликует весна. Повсюду: на деревьях, в реках и озерах, в зеленых кустарниках — пробуждается жизнь. Она щебечет, шелестит, рычит, поет и журчит. Повсюду слышна звонкая, дикая песнь весны.

Они входят в свою пещеру, в свой дом в глухомани. Здесь все как прежде, надежное, знакомое: река, бурлящая внизу, лес, залитый утренним светом, все такое же, как год назад.

Это новая весна, но все осталось прежним.

— Не пугайся, Бирк, — говорит Ронья. — Сейчас ты услышишь мой весенний крик!

И она кричит звонко, как птица. И этот ликующий крик слышит весь лес.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Мио, мой Мио!» (Mio, min Mio!). Повесть-сказка. Впервые на языке оригинала — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1954. Впервые на русском: *Линдгрен А.* Мио, мой Мио! // Костер. 1965. № 7, 8, 9. Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной выполнен по первому шведскому изданию.

«Братья Львиное Сердце» (Bröderna Lejonhjärta). Повесть-сказка. Впервые на языке оригинала — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1973. Впервые на русском (в переводе Б. Ерхова) в книге: Музыка голубого колодца. М.: Радуга, 1981. Для настоящего Собрания сочинений П. Беяковой и Л. Брауде выполнен новый перевод по первому шведскому изданию, опубликованный впервые в книге: *Линдгрен А.* Братья Львиное Сердце. СПб.: Северо-Запад, 1993.

«Ронья, дочь разбойника» (Ronja rövardotter). Повесть-сказка. Впервые на языке оригинала — Stockholm, Rabén-Sjögren, 1981. Впервые на русском (в переводе Л. Лунгиной): *Линдгрен А.* Ронья, дочь разбойника. М.: Детская литература, 1985. В настоящем Собрании сочинений публикуется в новом переводе Л. Брауде и Н. Беяковой, сделанном по первому шведскому изданию и впервые напечатанном в издательстве «Ангстрем» (Москва, 1993).

Составила Л. Брауде

Содержание

ВОЛШЕБНИЦА ИЗ ШВЕЦИИ. Л. Брауде	5
---	---

Мно, мой Мно!

Перевод Л. Брауде и Е. Паклиной

И ДЕНЬ И НОЧЬ В ПУТИ	19
В САДУ СРЕДИ РОЗ	28
МИРАМИС	36
НРАВИТСЯ ЛИ МУЗЫКА ЗВЕЗДАМ, КОГДА ИГРАЕШЬ ДЛЯ НИХ?	43
КОЛОДЕЦ, ЧТО НАШЕПТЫВАЕТ СКАЗКИ ПО ВЕЧЕРАМ	50
ВОТ СКАЧЕТ ОН ДРЕМУЧИМ ЛЕСОМ...	59
ЗАКОЛДОВАННЫЕ ПТИЦЫ	73
В МЕРТВОМ ЛЕСУ	82
В САМОЙ ГЛУБОКОЙ ПЕЩЕРЕ САМОЙ ЧЕРНОЙ НА СВЕТЕ ГОРЫ	93
ЖЕЛЕЗНЫЙ КОГОТЬ	103
МЕЧА ГРОЗНЕЕ Я НЕ ВИДЫВАЛ В МОЕМ ЗАМКЕ	113
МИО, МОЙ МИО!	127

Братья Львиное Сердце

Перевод Н. Беляковой (главы 1—9) и Л. Брауде (главы 10—16) . . . . .

Ронья, дочь разбойника

Перевод Л. Брауде (главы 1—8) и Н. Беляковой (главы 9—18) . . . . .

ПРИМЕЧАНИЯ. Л. Брауде	520
---------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Собрание сочинений в 10 томах

**Мио, мой Мио!
Братья Львиное Сердце
Ронья, дочь разбойника**

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Татьяна Андрианова
Верстка Антона Вальского
Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 28.11.2001. Формат издания 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 33. Изд. № 131. Заказ № 2226.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Книги издательства «Азбука»
в Интернет-магазине

Уважаемые читатели!

Если Вы являетесь пользователями сети Интернет,
то у Вас есть возможность познакомиться
с новинками нашего издательства и сделать заказ,
не отходя от компьютера.

Предусмотрены выбор книг по аннотированному
каталогу с цветными обложками и возможность
удобной для вас формы оплаты.

Книги высылаются почтой.

Ждем Вас круглосуточно по адресам:

<http://www.top-kniga.ru/>
<http://www.esterum.com/>
<http://www.ozon.ru/>

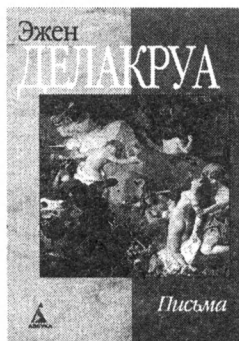

Издательство «Азбука»
представляет

Серия «Наследие»

Новая серия знакомит читателей
с литературным наследием
знаменитых мастеров живописи

Вышли в свет

А. ДЮРЕР. Трактаты.
Дневники. Письма

А. МАТИСС. Заметки живописца

К. ПЕТРОВ-ВОДКИН.
Пространство Эвклида

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.
Суждения о науке и искусстве

В. КАНДИНСКИЙ.
Точка и линия на плоскости

К. МАЛЕВИЧ. Черный квадрат

П. ФИЛОНОВ. Дневники

М. ШАГАЛ. Моя жизнь

Новые книги серии

С. ПАРАДЖАНОВ. Исповедь

ЭЖЕН ДЕЛАКРУА. Письма

ПОЛЬ ГОГЕН. Ноа Ноа

«Книжный Клуб СНАРК»
представляет

---

*Самый широкий ассортимент книг
издательства «Азбука»*

телефон 050
пейджер 053 абонент «СНАРК»

В.О. Большой пр., 68 м «Василеостровская»
Загородный пр., 21 м «Владимирская»
Вестибюль ст. м «Лизовский проспект»
Старо-Петергофский пр., 54 м «Нарвская»
Невский пр., 87/2 м «Площадь Восстания»
Ивановская ул., 6 м «Ломоносовская»
Новочеркасский пр., 28/19 м «Новочеркасская»
пр. Просвещения, 74 м «Проспект Просвещения»
пр. Энгельса, 113/А м «Озерки»
пр. Обуховской Обороны, 105 м «Елизаровская»
пр. Чернышевского, 17 м «Чернышевская»
Лермонтовский пр., 55 м «Балтийская»

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«АЗБУКА» МОЖНО ЛЮБЫМ
УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:**

- ПО ТЕЛЕФОНУ: (812) 3270455
- ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ: AREAL@SPBPOST.RU
- НА СЕРВЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»: WWW.AZBOOKA.RU
- ПО ПОЧТЕ: 192284 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ А/Я 300 ЗАО «АРЕАЛ»

**Вы можете выбрать
удобный для вас способ заказа:**

- Наложным платежом с оплатой заказа при получении бандажи в ближайшем почтовом отделении. Обратите внимание, что цены на издания приведены без учета стоимости пересылки вашего заказа по почте.
- По предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте. Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или вхождения книги из типографии.

При оформлении заказа укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
  - почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
  - название издательства, имя автора, название книги, номер тома, количество заказываемых экземпляров.
-

Серия «Планета людей»

Очень хочется верить в то, что книги
будут сопровождать наших детей всегда и помогут
им вовремя повзрослеть, представить свое место
в новом, «взрослом» мире. В серии «Планета людей»
выходят увлекательные книги, написанные
мудрыми взрослыми, не забывшими,
что они когда-то были детьми.

Дж. Крюс. ТИМ ТАЛЕР, или ПРОДАННЫЙ СМЕХ

416 с. 84x100/32,
переплет
Цена 90 руб.
Лот № 318

Джеймс Крюс, родившийся в Германии в 1926 году, — автор множества книг для детей всех возрастов. Он дважды лауреат немецкой Премии за вклад в детскую литературу (19560, 1964), дважды был удостоен Международной Золотой медали Х. К. Андерсена (1963, 1968). В этой умной и немного грустной повести, насыщенной действием, приключениями и чудесами, герой заключает сделку с господином Тречем (читай наоборот: Треч -- Черт), не менее рискованную, чем сделка доктора Фауста с Мефистофелем. Остается добавить, что в этом издании впервые опубликован "очень краткий словарь волшебства и всего-всего сверхъестественного и не совсем обычного".

цены указаны без учета почтовых расходов

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Оникс»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фазтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзоп», тел. (8442) 37-25-19

ISBN 5-352-00131-8

9 785352 001318